

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

**TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

N 4

**ST. PETERSBURG
2009**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 4

С.-ПЕТЕРБУРГ
2009

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. № 4.
000 с.
Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2009.
N 4. 000 p.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (ответственный редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий,
Л. Б. Вишняцкий, Л. Б. Кирчо (отв. секретарь)

Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, L. B. Vishnyatsky,
L. B. Kircho (executive secretary)

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, Е. В. Бобровская, В. Я. Стеганцева
Publishing group: L. B. Kircho, E. V. Bobrovskaya, V. Ya. Stegantseva

Оформление обложки: Г. А. Кузнецова
Layout: G. A. Kuznetsova

Настоящее издание продолжает серию «Записки ИИМК РАН».
This issue continue the series titled 'Transactions of the IIMC'.

ISBN

© Институт истории материальной культуры РАН, 2009
© Издательство «Дмитрий Буланин», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИИМК РАН

- Ю. А. Виноградов.* Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники в РГАК — РАИМК (ГАИМК) — ИИМК АН СССР — ЛОИА АН ССР
- С. В. Кашаев.* Сотрудники Отдела истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественников в РАИМК — ГАИМК — ЛОИИМК — ЛОИА (1919—2009 гг.)

СТАТЬИ

- В. И. Ташак.* Символизм в начале верхнего палеолита Западного Забайкалья
- Г. Н. Поплевко.* Первые данные трасологического исследования материалов Оленеостровской мезолитической стоянки (Южный Олений остров I)
- В. Я. Шумкин, Е. М. Колпаков, А. И. Мурашкин.* Исследования Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН в Мурманской области (район Териберской губы Баренцева моря)
- А. Д. Резепкин, Г. Н. Поплевко.* Классификация мисок поселений майкопской культуры.
- А. В. Поляков.* К проблеме взаимосвязи карасукской культуры и памятников андроновской общности на Среднем Енисее
- Н. Ю. Смирнов.* Некоторые замечания к вопросу о переднеазиатских импортах в комплексе кургана Аржан
- Т. Е. Хахонина.* Бусы из погребений некрополя Кобякова городища (сравнительный анализ по материалам раскопок 2007 г.)
- Л. В. Вакуленко.* Подвязные эмалевые фибулы со щитковой треугольной дужкой II в. н. э.
- Д. Д. Ёлишин, И. С. Никитенко.* О фундаментах Десятинной церкви в Киеве (по материалам исследований строительного камня)
- М. В. Малевская.* К вопросу об археологических исследованиях на территории Верхнего замка в Луцке.
- А. Буко.* Проблемы археологии и истории средневековых Холма и Столпы в свете новых исследований
- И. В. Антипов.* Проблемы датирования памятников западнорусской архитектуры второй половины XIII—первой трети XIV в.
- А. В. Курбатов.* «Монашеские пояса» и параманды в связи с техническими традициями древнерусского кожевенного ремесла

ХРОНИКА

- Ю. А. Виноградов.* Расширенное заседание Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти И. Б. Брашинского (1928—1982)
- Э. Д. Фролов.* Воспоминания об Иосифе Брашинском
- К. К. Марченко.* Иосиф Беняминович Брашинский. Слово о товарище
- А. М. Бутягин.* Города Европейского Боспора в V в. до н. э. (к проблеме соотношения письменных и археологических источников)
- Д. Е. Чистов.* И. Б. Брашинский и исследования планировки жилых кварталов восточной части Мирмекия
- Р. В. Стоянов.* Две заметки из амфорной эпиграфики и морфологии
- А. Е. Мусин, П. Бодуан.* «На Запад и на Восток»: новый этап российско-французского научного сотрудничества

IN MEMORIA

- Памяти Анатолия Кузьмича Филиппова (18.01.1929 — 06.05.2009)
- Памяти Николая Дмитриевича Праслова (15.10.1937 — 02.06.2009)
- Памяти Александра Николаевича Щеглова (17.10.1933 — 28.06.2009)
- Список сокращений.
- Правила оформления рукописей для публикации в «Записках ИИМК РАН»

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF IHMC

- Yu. A. Vinogradov.* Department of Classical Archaeology of IHMC: the main stages of its history
S. V. Kashaev. Staff of the Department of Classical Archaeology of IHMC (1919—2009)

RESEARCH PAPERS

- V. I. Tashak.* Symbolism in the Early Upper Paleolithic of Western Transbaikalia
G. N. Poplevko. Traceological study of the materials from the Mesolithic site of Yuzhnyi Olenij ostrov I: first results
V. Ya. Shumkin, E. M. Kolpakov, A. I. Murashkin. Recent works of the Kola Expedition of IHMC RAS in the Murmansk oblast (the region of the Teriberka Bay of the Barents Sea)
A. D. Rezepkin, G. N. Poplevko. Classification of earthenware basins from the Maikop culture sites
A. V. Polyakov. On the problem of interrelationship between the Karasuk culture and the Andronovo sites of the Middle Yenisey
N. Yu. Smirnov. Some notes on the question of West Asian imports in the Arzhan barrow
T. E. Khakhonina. Beads from the burials of the necropolis of Kobaykovo: a comparative analysis of the materials excavated in 2007
L. V. Vakulenko. The second century AD hinged-pin enamel fibulas with triangular bow
D. D. Yolshin, I. S. Nikitenko. On the foundations of the Desyatinnaya church in Kiev (with special reference to the results of the study of building stone)
M. V. Malevskaya. On the question of archaeological explorations on the territory of the Upper Castle at Lutsk
A. Buko. The medieval Chełm and Stolpie in the light of the recent research (selected problems)
I. V. Antipov. Problems associated with the dating of the West Russian architectural monuments of the second half of the 13th — the first third of the 14th cc.
A. V. Kurbatov. «Monastic belts» and paramans in connection with the technical traditions of the Old Russian leather industry

Chronicle

- Yu. A. Vinogradov.* Extended session of the Department of Classical Archaeology of IHMC dedicated to the memory of I. B. Brashinsky (1928—1982)
E. D. Frolov. Memories of Joseph Brashinsky
K. K. Marchenko. Joseph B. Brashinsky. About a comrade
A. M. Butyagin. Towns of the European Bosphorus in the 5th century BC (to the problem of interrelation between written and archaeological records)
D. E. Chistov. I. B. Brashinsky and the study of the lay-out of the residential quarters in the eastern part of Mirmekiy
R. V. Stoyanov. Two notes from the amphora epigraphy and morphology
A. E. Musin, P. Bauduin. «To the West and to the East»: a new stage in Russian-French scientific cooperation, would open broad perspectives for future research

IN MEMORIA

- In memory of Anatolij Kuzmich Filippov (18.01.1929 — 06.05.2009)
In memory of Nikolai Dmitrievich Praslov (15.10.1937 — 02.06.2009)
In memory of Aleksandr Nikolaevich Ščeglov (17.10.1933 — 28.06.2009)

- List of abbreviations
Instructions to contributors

ИЗ ИСТОРИИ ИИМК РАН

ОТДЕЛ ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ ИИМК РАН И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКИ В РГАК — РАИМК (ГАИМК) — ИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР

Ю. А. ВИНОГРАДОВ

Изучение классических древностей на юге России было одной из приоритетных задач деятельности Императорской Археологической Комиссии, но в плане организационном это никак не было оформлено, да и сама Комиссия по составу сотрудников была очень немногочисленной. Первое структурное подразделение, нацеленное на изучение античности, — Отдел древностей античных и древнехристианских — было создано в структуре Российской Государственной Археологической Комиссии (РГАК), преобразованной из ИАК после Февральской революции 1917 г. Во главе РГАК первоначально стоял бывший председатель ИАК граф А. А. Бобринский; уже после его эмиграции, 24 сентября 1918 г., в условиях начавшейся Гражданской войны, состоялись выборы Совета Археологической Комиссии, в которую были избраны такие видные антиковеды, как М. И. Ростовцев, А. А. Бергье-Делагард, С. А. Жебелев и Э. Р. фон Штерн (НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1918 г., д. 1, л. 13).¹

Отдел древностей античных и древнехристианских состоял из нескольких секций: Секция искусства в древнегреческих городах, Древностей Скифии, Секции эпиграфики и Секции Древностей эпохи переселения народов и Византии. Во главе его был поставлен один из лидеров отечественного антиковедения — Б. В. Фармаковский (рис. 1). На первом официальном собрании Отдела, состоявшемся 20 ноября 1918 г., Б. В. Фармаковский поблагодарил сотрудников за самоотверженный труд, поскольку те часто даже не получали жалования и работали «единственно из любви к делу и сознания его важности». Он также выразил надежду, что все сотрудники продолжат исполнять свои обязанности с прежней энергией (ф. 1, 1918 г., д. 36, л. 1).

Несмотря на серьезность политических перемен, происшедших в стране после Октябрьской социалистической революции, работа РГАК продолжалась, в общем, в обычном режиме. После эмиграции А. А. Бобринского на руководящее положение в Археологической Комиссии выдвинулся Н. Я. Марр, но антиковеды в ней по-прежнему занимали весьма высокие посты: товарищем председателя оставался В. В. Латышев, а ученым секретарем Комиссии

¹ Далее все архивные ссылки даны на материалы рукописного отдела (РА) НА ИИМК РАН.

Рис. 1. Б. В. Фармаковский в Ольвии

стал Б. В. Фармаковский (ф. 2, 1919 г., д. 105, л. 2). В отношении видения перспектив развития Археологической комиссии в новых условиях чрезвычайно показательны высказывание Н. Я. Марра, которое он сделал на заседании Совета РГАК 27 мая 1919 г. Н. Я. Марр считал, что «научная жизнь не стоит в связи с политическим устройством государства» (ф. 1, 1919 г., д. 3, л. 18—19). Время показало, что он очень ошибался, но задач борьбы с буржуазной наукой в рамках Археологической комиссии, а поначалу даже в рамках Академии истории материальной культуры, не ставилось (Борисковский 1980: 6; Пескарева 1980: 27; Тиханова 1980: 34; Платонова 1989: 10—11). У новой власти до этого, как представляется, временно просто не доходили руки.

В это трудно поверить, но на 1919 г. все Отделы РГАК должны были составить сметы планируемых финансовых расходов, снабдив их записками о научной деятельности подразделений, а также о задачах на будущее. Относи-

тельно работы Отдела древностей античных соответствующую записку составил Б. В. Фармаковский (ф. 1, 1918 г., д. 20, л. 62—64). Надо признать, что его записка не отличается особой грандиозностью замыслов. Значительно более масштабные сочинения были предложены в плане развития изучения древностей Востока. Новым властям эти перспективы как будто представлялись более важными. В сложившейся тогда политической обстановке Б. В. Фармаковский вполне осознавал невозможность проведения раскопок на юге России, но вместе с тем он просил средства на возобновление исследований в Ольвии и Херсонесе. В тексте записки упоминаются Керчь и Керченский музей, но в ней не обозначено даже скромных намерений в отношении продолжения археологических исследований в этом районе.

Начало 1919 г. в истории Археологической Комиссии прошло под знаком грядущей реорганизации, а также в попытках восстановления связи с учреждениями в Керчи и Севастополе. Последнее по вполне понятным причинам сделать не удалось. Что касается реорганизации, то она, в конце концов, привела к ликвидации РГАК и созданию Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК, с 1925 г. ГАИМК, Акматкульт, как ее порой тогда называли). Декрет о создании РАИМК, как известно, был принят Малым Советом Совнаркома 18 апреля 1919 г.

Порой структуру РАИМК называют достаточно стройной, но в отношении изучения античности, на мой взгляд, это не совсем так. Академия состояла из трех отделений (этнологическое, археологическое и художественно-историческое или древнего и западного искусства), те в свою очередь делились на разряды. Первоначально было создано 32 разряда, но число их постепенно сокращалось, и на пятом году существования Академии из них осталось лишь 17 (ф. 2, 1923 г., д. 4, л. 36). В Отделении археологии наряду с прочими были созданы секции (разряды) Эллады и Рима и античных миров в России (греческие колонии), Скифии и Сарматии, Раннехристианского периода, переселения народов и Византии; в Отделении древнего и западного искусства имела секция искусства Древнего Востока и классического (Там же, л. 105). Все эти подразделения так или иначе были нацелены на изучение античных древностей. Чуть позднее в Отделе археологии была создана еще одна секция (разряд) — Эпиграфическая, а секция с несуразным названием «Эллады и Рима и античных миров в России (греческие колонии)» была разбита на два разряда — Эллады и Рима и Древностей греческих колоний Юга России. Помимо разрядов в структуре Академии существовали постоянные и временные комиссии; в двух из них тоже осуществлялось изучение античности: Элладская и Нумизматическая. В сложившемся хитросплетении и особенно в характере взаимодействия обозначенных структурных подразделений разобраться очень непросто.

Исходя из названия Разряда древностей греческих колоний Юга России, можно было бы предполагать, что непосредственная археологическая работа развернется именно в нем, но это не так. Разряд древностей греческих колоний РАИМК возглавлял В. В. Латышев, который прежде всего интересовался трудами древних авторов и памятниками эпиграфики. Под его руководством трудился всего один научный сотрудник — Е. М. Придик.

Отчет о работе за 1919-й и последующие годы в Академии составлялся по разделам, для чего руководителям выдавалась анкета, содержащая 19 вопросов:

когда разряд учрежден, сколько проведено заседаний, были ли созданы комиссии и т. д., последний (19-й) вопрос касался пожеланий на будущее. По этому пункту В. В. Латышев написал: «Главнейшее и необходимейшее пожелание для более плодотворной работы не только разряда или Академии ИМК, но и всех вообще ученых учреждений и обществ в России — скорейшее ее умиротворение и возвращение на степень великой державы» (ф. 2, 1919 г., д. 14, л. 7).

Через год по тому же пункту он отметил: «Для более плодотворных работ Разряда не только желательно, но и научно необходимо возобновление научных сношений с остальным научным миром, как русским, так и, в особенности, европейским; без осуществления этого условия деятельность Разряда будет, как и было до сих пор, парализованной» (ф. 2, 1920 г., д. 15, л. 1).

Разряд археологии Эллады и Рима включал всего одного человека — С. А. Жебелева. О своем положении в отчете за 1919 г. он не без иронии заметил: «Разряд состоит из одного заведующего им. Совещания разряда не было, так как не с кем было бы совещаться» (ф. 2, 1919 г., д. 13, л. 1).

На 19-й пункт анкеты С. А. Жебелев ответил следующим образом: «Для дела плодотворных работ как разряда, так и Академии в целом, разряд представляет следующее пожелание: а) поскорее закончить всякого рода организационные работы, чтобы появилась возможность обратиться к деловой научной работе; б) поменьше придавать значение всякого рода формальностям; стремиться не к multa, а к multum».²

На проведение раскопок был нацелен Разряд греко-римского искусства и искусства Древнего Востока, хотя из названия этого непосредственным образом не следовало. Этим разрядом руководил Б. В. Фармаковский,³ и необходимо признать, что именно в нем были сосредоточены основные научные силы бывшего Отдела древностей античных и древнехристианских Археологической Комиссии: Е. О. Прушевская, Н. А. Энман и др.

На заседании Археологического отдела 8 декабря 1919 г. В. В. Латышев выступил с проектом создания «Реальной энциклопедии Южной России и Кавказа классической и византийской эпох». Она должна была создаваться по образцу знаменитой «Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft» и содержать статьи о политической истории, культуре, мифологии, литературе и т. п., основанные на строго фактическом изложении материала (ф. 2, 1919 г., д. 10, л. 56—57). Реализовать эту замечательную идею в тогдашних условиях, как представляется, было очень трудно, скорей даже невозможно, но само ее появление не может не вызывать восхищения. Разряд греко-римского искусства, избавившись от добавки искусства Древнего Востока, вскоре начал строить весьма далеко идущие планы. В первом полугодии 1920 г. предлагалось предпринять раскопки в Ольвии, а также в Херсонесе, Евпатории и Керчи (ф. 2, 1920 г., д. 24, л. 2—4).

Важным документом, как бы подводившим итог работе РАИМК за первые два года, стало обращение в Совет народных комиссаров, принятое на Совете Академии 6 декабря 1920 г. (ф. 2, 1920 г., д. 4, л. 110—111). В нем внимание руководства страны обращается «на крайне тяжелое положение науки и ее ра-

² В данном случае С. А. Жебелев перефразировал латинское изречение «Multum, non multa» — «Много, но не многое», т. е. много по значению, а не по количеству.

³ С октября 1923 г. Б. В. Фармаковский возглавил также Разряд археологии Скифии и Сарматии РАИМК.

ботников», на необходимость поиска путей «к благоприятному разрешению кризиса». В документе также говорится:

«Россия стоит перед огромной созидательной работой, которая потребует напряжения всех творческих сил страны. Вся эта работа будет базироваться на науке, не на прикладной только, которой иногда придают особое значение, а на науке вообще. Прикладная наука может развиваться лишь в атмосфере интенсивной научной мысли, создающейся вокруг так называемой “чистой” науки».

Среди предложений Совета РАИМК приведу некоторые, наиболее животрепещущие: обеспечить учреждения топливом и светом; разрешить оплату реальных расходов на командировки; улучшить материальное положение всех служащих научных учреждений путем введения пайка и повышения ставок; демобилизовать принятых на военную службу научных работников; разрешить вернуться на родину эмигрировавшим ученым; дать возможность опубликовать научные труды; организовать доставку книг из-за границы; пригласить иностранных ученых посетить Россию. Все эти требования в условиях, когда Гражданская война на территории европейской части России уже завершилась и страна должна была наконец вернуться к нормальной жизни, представляются абсолютно нормальными, естественными, закономерными. Жизнь, однако, распорядилась несколько иначе, и в Академии прошло первое сокращение штата.

Серьезным ударом для РАИМК стала смерть В. В. Латышева, скончавшегося в 1921 г. Этот великий труженик перед смертью не только подготовил ряд научных статей (Латышев 1921; 1922а; 1922б), но и закончил составление указателей к изданию двух первых томов «*Scythica et Caucasia*. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе», а также подготовил к печати фрагменты из трудов 20 византийских авторов, описывавших Северное Причерноморье и Кавказ. Иными словами, он сумел завершить работу над значительной частью третьего тома «*Scythica et Caucasia*» (см.: Жебелев 1926).⁴ После смерти В. В. Латышева Разряд греческих колоний юга России был присоединен к Разряду археологии Эллады и Рима.

В 1923 г. увидела свет книга С. А. Жебелева «Введение в археологию» (Жебелев 1923), которая потом чуть было не сыграла роковую роль в судьбе ученого. В том же году Б. В. Фармаковский, подводя итог четырехлетнего развития РАИМКа, говорил:

«Тяжелы были условия, в которых пришлось работать на первых порах Академии: мобилизации, отвлекавшие от дел даже председателей Отделений, тягостные условия финансирования, отказ в средствах на экспедиции (Ольвия, Крым, Онежская, Псков, Кавказ) и командировки, на организацию охраны таких ценностей, как развалины Ольвии, Херсонеса, Керчи и т. д., отсутствие средств на печатание изданий, отсутствие общения с Западом» (ф. 2, 1923 г., д. 4, л. 35—35 об.). В заключение он отметил: «Протекшие 4 года работы Академии были годами тяжелыми. Часто требовалось большое напряжение сил. Но, думается мне, это напряжение не было бесплодным. Пройдя через бури, мы теперь должны войти в более спокойные воды. Цель, повторяю, ясна. Наша работа необходима, чтобы спасти сокровища мирового значения, которым грозит гибель, если этой работы не будет» (Там же, л. 48 об.).

⁴ Первые два тома «Известий древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. *Scythica et Caucasia*», подготовленные В. В. Латышевым, вышли в 1893—1906 гг.

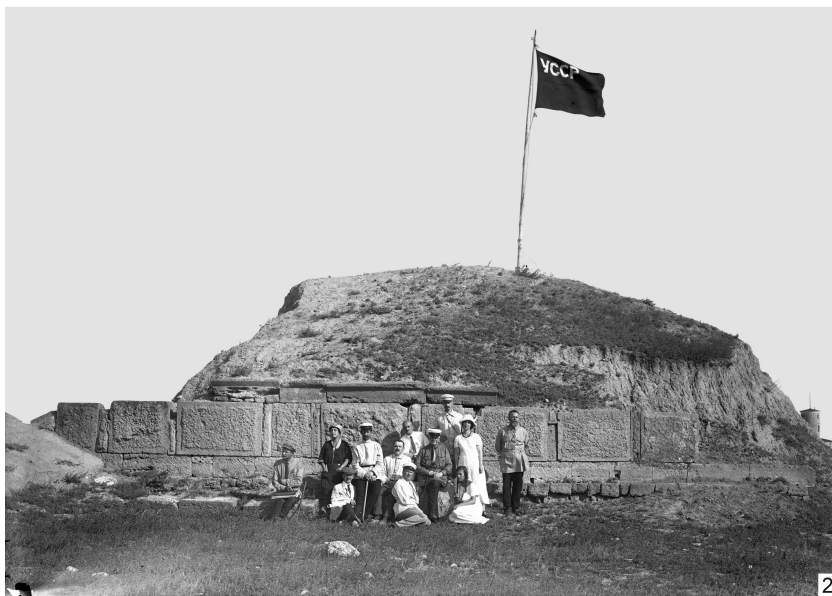
Идеологическое давление на РАИМК стало более ощутимым в 1924 г., что, возможно, было в какой-то мере связано со смертью В. И. Ленина. Отвечая на новые требования, Н. Я. Марр сообщал в руководящие инстанции, что в составе Академии не хватает «специалистов с научным подходом современного понимания социальных условий жизни, не только историков искусства, но и археологов с марксистским миропониманием» (ф. 2, 1924 г., д. 1, л. 15). Своего рода ответом на требование времени стала реорганизация Комиссии по искусствоведению РАИМК в Комиссию по социологии искусства и искусствознанию. Произошло это 24 марта 1924 г. Инициатором реорганизации был Б. Л. Богаевский, а председателем новой комиссии был единогласно избран А. В. Луначарский (Там же, л. 75, 77, 78). Задача этого подразделения декларировалась как разработка марксистских методов изучения памятников искусства различных эпох (ф. 2, 1925 г., д. 1, л. 61). В деятельность Комиссии сразу включился Б. В. Фармаковский, приступивший к работе по темам: «Социологический смысл геометрического стиля» и «Социологические основы искусства греков IV в. до н. э. на примере Мавзолея Галикарнасского» (Там же, л. 69—70). Вскоре на заседании Комиссии им был прочитан доклад «Искусство как функция производственных отношений на примере вновь найденного памятника античного искусства» (Там же, л. 103 об.; Тиханова 1980: 35). О каком памятнике античного искусства шла речь в этом докладе, непонятно, да и не это имеет значение в данном отношении. Главное заключается в том, что Б. В. Фармаковский активно вступил на путь марксистской перестройки археологической науки, когда РАИМК, в целом, еще оставалась «могущественной крепостью былых традиций» (Тиханова 1980: 34).

Важнейшим достижением в области изучения классического наследия Северного Причерноморья, конечно, стало возрождение Ольвийской экспедиции в 1924 г. (Фармаковский 1926а; Карасев 1976: 20). Поначалу перед ней ставились довольно ограниченные задачи: выяснение состояния городища; изучение культурных напластований; дополнительные работы по снятию генерального плана памятника; исследование части некрополя, где раскопки были остановлены в 1915 г. (ф. 2, 1924 г., д. 25, л. 94—95). Однако работы развернулись не только на некрополе (руководитель — Б. Л. Богаевский), но и на городище, на так называемой цитадели (рис. 2, 1; ф. 2, 1924 г., д. 99, л. 2).

В 1925 г. исследования на городище были продолжены (Фармаковский 1926б), но на их проведение Академия смогла выделить всего 600 руб. (рис. 2, 2, 3, 1). По этому поводу официально признавалось, что «осуществить экспедицию в Ольвию возможно было только благодаря тому, что большая часть работников Академии взяла на свои личные средства расходы по поездке и по личному содержанию» (ф. 2, 1925 г., д. 1, л. 276 об.). Тем не менее Ольвийская экспедиция имела для РАИМК очень большое значение. В документе, направленном в Главнауку в сентябре 1926 г., по этому поводу говорилось, что «раскопки в Ольвии явились местом объединения работ Академии и Украины (Украинской Академии Наук, Одесского Историко-Археологического музея, Николаевского музея и др.)», они стали «школой для начинающих работников по истории материальной культуры, дающей им возможность ознакомиться с производством раскопок в условиях, наиболее обеспеченных со стороны научного их произведения» (ф. 2, 1926 г., д. 1, л. 176 об.).

1

2

Рис. 2. Ольвийская экспедиция: 1 — раскопки ольвийской цитадели, 1924 г.; 2 — группа участников экспедиции у Зевского кургана, 1925 г.

Смерть Б. В. Фармаковского, случившаяся в ночь с 28 на 29 июля 1928 г. (Жебелев 1929: V; Карасев 1948: 7; Фармаковская 1988: 190), стала огромной потерей для ГАИМК. Н. Я. Марр в связи с этим даже заявил, что Б. В. Фармаковский для Академии был незаменим, «под силу взять его бремя лишь коллективно организованному руководству» (Марр 1929: III). Что касается Ольвийской экспедиции, то в системе ее руководства тогда произошли весьма

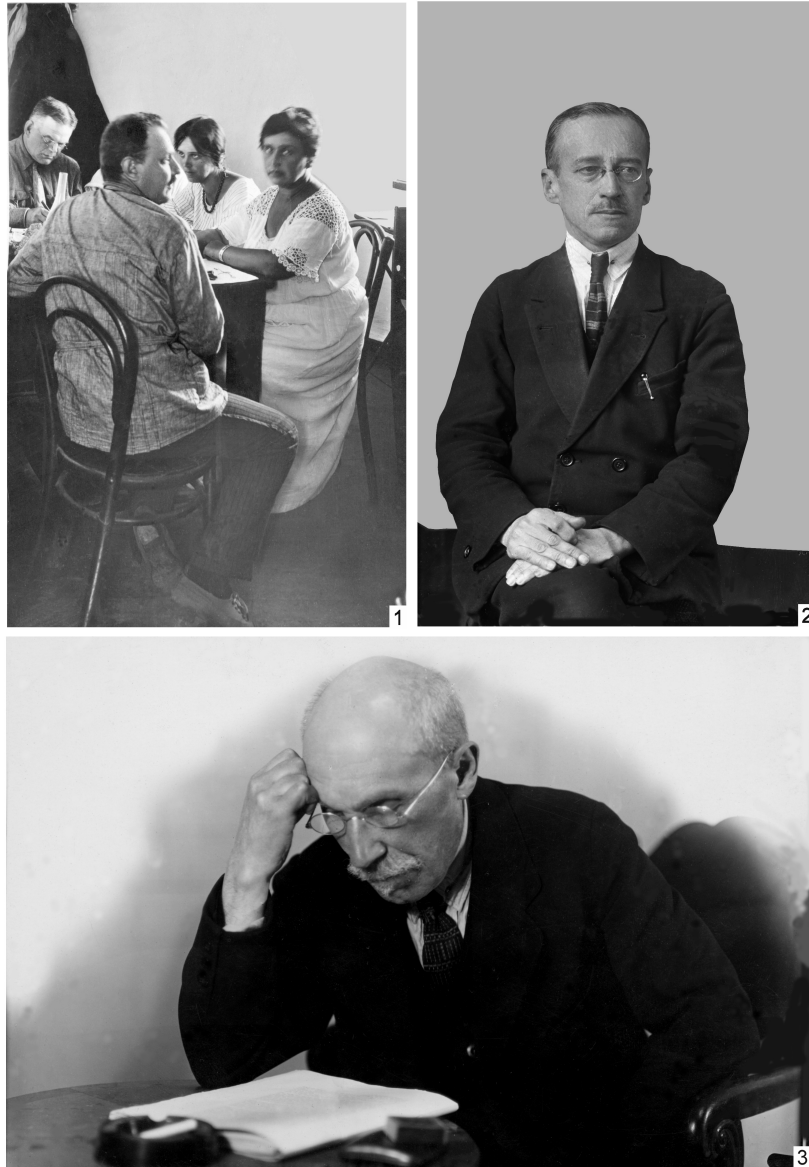

Рис. 3. 1 — группа руководителей Ольвийской экспедиции (С. С. Дложевский, Е. О. Прушевская, Б. В. Фармаковский); 2 — И. И. Мещанинов; 3 — С. А. Жебелев

серьезные изменения (Карасев, Леви 1976: 22). В 1927 г., когда Б. В. Фармаковский по состоянию здоровья не смог приехать на городище, во главе экспедиции был поставлен ученый совет, состоявший, в основном, из представителей Украины. От России в нем был представлен всего один человек — адъонкт И. И. Мещанинов (рис. 3, 2; ф. 2, 1929 г., д. 1, л. 220).

После смерти Б. В. Фармаковского Совет Академии назначил исполняющим обязанности заведующего Разрядом греко-римского искусства Б. Л. Бо-

гаевского, а Разрядом Скифии и Сарматии — К. В. Тревер. Б. Л. Богаевский тогда вынашивал грандиозные планы реформирования работы Раздела, расширения его научных задач, включения в них не только изучение античных древностей, но и скифских, кавказских и даже всех древних культур Причерноморья, начиная с неолита. В перспективе ему виделось создание специальных подразделений по исследованию Восточного и Западного Средиземноморья (ф. 2, 1929 г., д. 1, л. 264—267). Эти наполеоновские планы не удалось воплотить в жизнь, но на их почве возник конфликт с Разрядом Скифии и Сарматии, который явно не хотел терять автономии. В результате этого конфликта Б. Л. Богаевский лишился своего поста, и с июля 1929 г. временно исполняющим обязанности заведующего Разрядом греко-римского искусства стал Ф. В. Кипарисов.

В Академии в то время рассматривались и другие, более реалистичные планы научной деятельности. В 1928 г. Г. И. Боровка совершил поездку на Тамань. Состояние археологических памятников этого района произвело на ученого весьма тяжелое впечатление, они активно разрушались как от природных факторов, так и от деятельности человека. Чтобы противостоять этому, следовало разработать программу охраны памятников древности, а также начать здесь систематические исследования. В записке Г. И. Боровки, составленной по этому поводу, в частности, говорится: «Раскопки должны вестись осторожно. В процессе работ следует учиться методу раскопок, ибо у нас сейчас нет подготовленного вполне специалиста» (ф. 2, 1929 г., д. 201, л. 14). Нетрудно понять, что вопрос квалифицированных археологических кадров в ГАИМК стоял весьма остро.

Нормальную работу, однако, приходилось на некоторое время отложить, поскольку Академия вступила в период реформирования. Преобразования в ГАИМК проводились в тесном контакте с Ленинградским институтом марксизма. В итоговом документе по поводу преобразований конца 1929 г. говорится: «Задачей реорганизации являлось — дать Академии четкую целевую установку и создать предпосылки для постепенного перехода всей работы на изучение истории материального производства различных эпох, как материального базиса исторической жизни, и внедрения в работы Академии марксистской методологии» (ф. 2, 1930 г., д. 1, л. 247).

Сменой методологических установок дело, однако, не ограничилось. Одним из практических результатов этих преобразований стало увольнение сотрудников, скрывших свое социальное происхождение (Там же, л. 205), но во внимание, естественно, принимались и другие обстоятельства. В общей сложности из Академии было отчислено 47 работников, но на их место пришли новые (Там же, л. 247 об.), отвечавшие требованиям переживаемого момента.

С мая 1930 г. начались собрания по «чистке» сотрудников ГАИМК. Из крупных фигур на них разбирались М. В. Фармаковский, руководивший Институтом археологической технологии ГАИМК, и академик С. А. Жебелев⁵ (рис. 3, 3). Что касается Мстислава Владимировича, то ему в вину ставились

⁵ Это разбирательство по существу стало продолжением «дела» С. А. Жебелева, возникшего в связи с публикацией написанного им некролога Я. И. Смирнова. Некролог был опубликован в издании *Seminarium Kondakovianum* (Т. 2. Прага, 1928) и стал поводом для серьезных политических обвинений по адресу академика (Тункина 2000).

ошибки, связанные с пережитками старой «интеллигентщины» и пр. Некоторые из выступавших, однако, обращали внимание на большие заслуги ученого; такая «защитническая песенка» очень не понравилась П. Н. Шульцу (рис. 4, 1, 2). Он полагал, что былые заслуги М. В. Фармаковского не должны его оправдывать. Более того, М. В. Фармаковского не следует оставлять в рядах сотрудников Академии, поскольку он будет только мешать работе учреждения. М. В. Фармаковский, по его словам, «должен быть начисто вычищен» (ф. 2, 1930 г., д. 4, л. 177). Самые грозные слова были произнесены А. Н. Карасевым, который отметил, что «тут имеет место вредительство», и дело М. В. Фармаковского следует передать в трибунал (Там же, л. 145).

С. А. Жебелеву вменялось в вину два обстоятельства: 1) приобретение для Академии библиотеки покойного Б. В. Фармаковского по слишком большой цене; 2) недостатки книги «Введение в археологию». По вопросу о библиотеке Б. В. Фармаковского было замечено, что в ней представлены книги, не имеющие отношения к научной проблематике Академии, и дубликатные экземпляры. Нетрудно догадаться, что С. А. Жебелев не мог просмотреть всего собрания книг, отбраковать ненужные, к тому же вполне понятно его желание помочь материально вдове ученого. Тем не менее некоторые лица всячески пытались найти здесь политическую подоплеку. П. И. Борисковский заявил, что для ГАИМК были приобретены «черносотенские книги» (ф. 2, 1930 г., д. 4, л. 230). По словам Ф. В. Кипарисова, большие деньги были заплачены за «совершенно антисоветское, антиобщественное барахло» (Там же, л. 232).

Сходным образом развивалось и обсуждение книги С. А. Жебелева «Введение в археологию». О. О. Крюгер, входивший в бригаду по чистке, доложил собранию материалы ее деятельности. По поводу книги он подчеркнул, что в ней имеется немало скрытых цитат из работ немецких ученых и энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона (Там же, л. 203, 208—209). Во вскрытом факте, разумеется, ничего плохого не было, но его оценки стали переходить все в ту же политическую плоскость. По словам некоторых выступавших, советскому читателю была подsunута халтура. Б. Л. Богаевский прямо заявил, что к советской действительности у С. А. Жебелева всегда было пренебрежительное отношение (Там же, л. 213—214).

С. А. Жебелеву припомнили, что он был лучшим другом белоэмигранта М. И. Ростовцева, и многое другое. А. Н. Карасев отметил, что история с приобретением библиотеки является почти уголовной, но признал, что С. А. Жебелев хорошо относится к молодым ученым и «работает в настоящее время очень добросовестно» (Там же, л. 224). П. Н. Шульц, напротив, считал, что работу ученого тормозит груз старых убеждений, заключающихся в том, что научная деятельность состоит в собирании фактов. Факты, не взятые в определенной системе, как он заявил, «ничего не дают, кроме вреда». В связи с этим С. А. Жебелеву «нужно взять в свой научный кабинет, на свой стол работы Маркса и Энгельса», ему необходимо «взяться за переработку самого себя». Свою речь П. Н. Шульц закончил следующими словами: «С. А. должен остаться в Академии, должен продолжать передавать нам свой опыт и знания, но и он должен одновременно очень поработать над собой, чтобы из хранителя фактов превратиться в исследователя, который работает над собой, постоянно продвигает свое научное мировоззрение вперед» (Там же, л. 229).

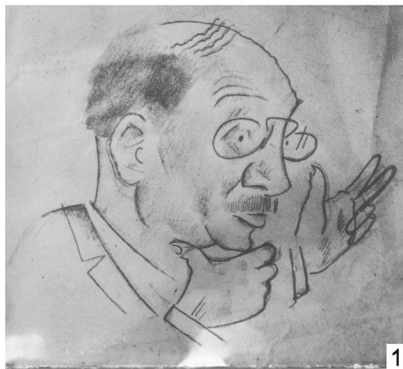

Рис. 4. 1 — шарж на Б. Л. Богаевского; 2 — шарж на П. Н. Шульца; 3 — Л. М. Славин; 4 — В. Ф. Гайдукевич

Отвечая П. Н. Шульцу, С. А. Жебелев заметил, что ему уже поздно приниматься за учебу, на это не хватит сил. Он произнес тогда весьма горькую фразу: «Если проживу до 70 лет, что является предельным возрастом для ученого, то буду считать себя счастливым» (ф. 2, 1930 г., д. 4, л. 241). Сразу отмечу, что он прожил до 73 лет.

По результатам чистки из ГАИМК были уволены 17 человек, в том числе, как социально чуждый человек, М. В. Фармаковский (Там же, л. 302, 305). С. А. Жебелев избежал наказания. Через три года после этих событий Л. М. Славин (рис. 4, 3), оценивая происшедшие тогда перемены, писал: «Пересмотрев кадры своих работников, освободившись от тех, кто мешал или не

желал вести научную работу, применяя марксистско-ленинскую идеологию, Сектор привел к работе высококвалифицированных научных работников по античному обществу (Ковалев, Тюменев, Кагаров и др.), до этого стоявших вне Академии, попытки привлечения которых ранее встречали возражения значительной части работников Разряда, тормозивших внедрению (так в документе. — Ю. В.) не только марксистских кадров, но и марксизма вообще» (ф. 2, 1933 г., д. 30, л. 22).

В соответствии с решениями высоких инстанций отделения ГАИМК были преобразованы в сектора: доклассовых обществ, античного общества (формации) и докапиталистических обществ. Последний квартал 1930 г. был объявлен ударным. На заседании Сектора античной формации 31 октября 1930 г. Ф. В. Кипарисов представил его заведующего — С. И. Ковалева (о нем см.: Фролов 2006: 466—490). В соответствии с новыми установками вскоре в Секторе были созданы четыре рабочие группы (ф. 2, 1930 г., д. 28, л. 10):

1. Группа по сельскому хозяйству в Северном Причерноморье (руководитель — О. О. Крюгер).
2. Группа по промышленности в Северном Причерноморье (руководитель — А. В. Мишулин).
3. Группа по национальному и профессионально-классовому составу населения античных колоний Северного Причерноморья (руководитель — С. И. Ковалев).
4. Группа по транспорту в Северном Причерноморье (руководитель — С. А. Семенов-Зусер).

На заседании Сектора 4 ноября 1930 г. был принят производственный план, в соответствии с которым работа этого подразделения была нацелена на изучение технической стороны античного способа производства преимущественно на материале греческих колоний Причерноморья. Работа по-новому как будто закипела. В апреле 1932 г. О. О. Крюгер выступил с предложением вызвать на социалистическое соревнование сразу два Сектора ГАИМК — доклассовый и феодальный. Ударниками Сектора считались Е. И. Леви, Н. Д. Салганик, Л. М. Славин, П. Н. Шульц и сам О. О. Крюгер (ф. 2, 1931 г., д. 20, л. 33—34). В 1932 г. весь Сектор был объявлен ударным (ф. 2, 1933 г., д. 30, л. 2).

Годом раньше С. А. Семенов-Зусер выступил с громким по названию докладом — «Буржуазная историография античного мира и ее апологет Бузескул (методология буржуазной античной археологии юга СССР: Фармаковский, Ростовцев, Штерн)». Как видим, Б. В. Фармаковский в ряду буржуазных ученых был поставлен на первое место. Тогда же в Секторе античной формации была создана («сконструировалась», как тогда писали) еще одна рабочая группа — методологическая, председателем которой стал А. И. Тюменев. В плоскости постановки проблемы для сотрудников были намечены следующие темы (ф. 2, 1931 г., д. 22, л. 1):

1. Проблема классов в античном обществе (К. М. Колобова).
2. Проблема античного феодализма (С. И. Ковалев, Р. В. Шмидт).
3. Проблема социальной революции в античном мире (Н. Д. Салганик).
4. Предпосылки античного способа производства (А. С. Марков).
5. Роль колоний (Н. Д. Салганик, С. А. Семенов-Зусер).
6. Торговый и денежный капитал в античном мире (А. И. Тюменев).

7. Регулятор античного хозяйства (О. О. Крюгер).
8. Техника при античном способе производства (Л. М. Славин, П. Н. Шульц).
9. Проблема гибели античного способа производства (Б. В. Казанский).
10. Место античного способа производства в ряду других (С. И. Ковалев).
11. Диалектика развития античной экономики (А. В. Мишулин).
12. Методологическая критика основных немарксистских работ по античности (А. И. Тюменев).

Участники группы решили также составить картотеку высказываний об античности К. Маркса и Ф. Энгельса (С. И. Ковалев), В. И. Ленина (Б. В. Казанский, К. М. Колобова, С. А. Семенов-Зусер), Г. В. Плеханова (П. Н. Шульц, А. В. Мишулин, А. С. Марков), К. Каутского (П. Н. Шульц), Р. Люксембург (Н. Д. Салганик), П. Лафарга (С. И. Ковалев). Новое время остро нуждалось в цитатниках!

Особую значимость, естественно, приобретали исследования, в которых проблемы истории Древней Греции и Рима трактовались с марксистских позиций. Уже в 1932 г. вышла сравнительно крупная работа С. И. Ковалева, посвященная изложению марксистской концепции античного мира, точнее, античного способа производства (Ковалев 1932). В ней много слов сказано о социальных революциях, роли земледелия и торговли в классической древности. Автор признавал, что «античный способ производства вообще не мог бы возникнуть без своего колониального окружения», поскольку оттуда в Грецию ввозилась масса рабов (Ковалев 1932: 58—59). Проблемам социальной революции в античном обществе С. И. Ковалев посвятил специальную публикацию (Ковалев 1934). Его трактовку проблемы становления античного общества как социальной революции активно поддержал А. И. Тюменев (Тюменев 1934а).

О. О. Крюгер видел в рабских восстаниях, разразившихся в античном мире во II—I вв. до н. э., начальный этап той революции, которая, по словам И. В. Сталина, «ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации» (Крюгер 1934а: 131). Эта сталинская цитата с тех пор стала кочевать из одной публикации в другую. Неудивительно, что тогда же А. Б. Мишулин начал изучение восстания рабов под руководством Спартака (Мишулин 1934). Важным итогом коллективной работы антиковедов ГАИМК этого времени стала подготовка сборника «Античный способ производства в источниках» (Античный способ 1933).

Работа Ольвийской экспедиции была спланирована на 1931—1933 гг., предлагалось даже выработать план исследований на десятилетие, т. е. до 1941 г. (ф. 2, 1931 г., д. 776, л. 13). Тем не менее ее деятельность в это время в немалой степени осложнялась взаимоотношениями с украинскими партнерами. Экспедиция тогда была подчинена так называемому Комбинату черноморских археологических экспедиций Сектора науки Наркомпроса Украины, во главе которого стоял М. Ф. Болтенко. Он считал необходимым внести существенные перемены во взаимоотношения украинской и российской сторон и в письме к Н. Я. Марру в июне 1931 г. писал, что невозможно сохранение «той организационной, методической и методологической бесхребетности и обезлички, которая установилась после выбытия из руководства экспедицией Б. В. Фармаковского» (ф. 2, 1931 г., д. 776, л. 23). Выработка новой системы,

естественно, была делом очень нелегким, и, возможно, по этой причине Ольвийская экспедиция в 1931 г. не состоялась. В конце концов вопрос решился тем, что в 1936 г. археологические работы в Ольвии возглавил Л. М. Славин, в 1938 г. он переехал из Ленинграда в Киев, где стал главой украинского антиковедения, а на некоторое время — даже главой всей украинской советской археологии (Крапивина 1996; Крапівіна 1997).

Успех обозначился на другом направлении исследований. В 1931 г. были проведены раскопки на городище Тамань (ф. 2, 1931 г., д. 778), а кроме того (сверх плана), были исследованы гончарные печи под Фанагорией. Изучение Тмутаракани-Гермонассы опять же были запланированы на три года с таким расчетом, чтобы в 1931 г. провести изучение культурных напластований времени средневековья, в 1932 г. сосредоточиться на изучении римских и эллинистических слоев, а в 1933 г. — классических и архаических (ф. 2, 1932 г., д. 87, л. 46). Любой специалист, посещавший городище, несомненно выразит удивление по поводу реалистичности трехлетнего плана его изучения. Многометровые напластования за такой срок, как представляется, просто невозможно вскрыть на сколь-либо широкой площади. Но во главе Таманской экспедиции был поставлен сам С. И. Ковалев, сюда были направлены основные научные силы: Книпович, Семенов-Зусер, Карасев, Манцевич, Крюгер, Леви и др.

В конце декабря 1932 г. на заседании Сектора рабовладельческой формации выступили представители Московского отделения ГАИМК — В. Д. Блаватский и Б. Н. Граков. Они говорили о необходимости создания Керченской археологической экспедиции (ф. 2, 1932 г., д. 24, л. 53). Потребность в такой экспедиции возникла уже давно, но с развертыванием промышленного строительства под Керчью она стала абсолютно актуальной. Археологи в связи с этим выступили с предложением объявить Пантикапей и некоторые другие памятники древности заповедниками (ф. 2, 1932 г., д. 78). Идея создания Керченской экспедиции нашла полную поддержку, и Ф. В. Кипарисов подчеркнул, что ленинградские специалисты должны принять участие в этом деле.

Керченская (будущая Боспорская) экспедиция была создана в 1933 г., она объединяла научные силы ГАИМК, МО ГАИМК и ГМИИ (ф. 2, 1933 г., д. 129). Руководителем экспедиции был назначен О. О. Крюгер. Планировалось, что ленинградцы проведут раскопки городища Тиритака (Славин, Гайдукевич, Колобова), которое тогда чаще называли Дия, а москвичи сосредоточатся на изучении его некрополя (Сергиевский, Блаватский, Харко). Экспедиция начала свои работы вполне успешно, в дальнейшем круг исследуемых памятников постепенно расширялся.

В 1934 г. экспедицией руководил Л. М. Славин, но он здесь не оставил заметного следа. Вероятнее всего, его уже более увлекал ольвийский (киевский) проект. Важно подчеркнуть другое — в Керченской экспедиции стала быстро всходить звезда В. Ф. Гайдукевича (рис. 4, 4). В 1934 г. он провел блестящие раскопки на городище Мирмекий (Гайдукевич, Леви, Прушевская 1941), и на следующий год фактически возглавил экспедицию (Виноградов 2005: 324—325; 2006а: 6—7). Личность этого человека заслуживает самого пристального внимания. Он не состоял в Коммунистической партии, не произносил патетических речей с высоких трибун, не писал статей об античном способе производства или о социальных революциях в Древней Греции, но именно он, казалось бы, с чисто вещеведческими работами (Гайдукевич 1934а; 1934б), стал

выдвигаться на передовые позиции в советском антиковедении. Археологические раскопки, проводившиеся под руководством В. Ф. Гайдукевича в Мирмекии, Тиритаке и других памятниках, дали богатейший научный материал для изучения культуры рядового боспорского населения. Открытие мирмекийских виноделен, а также тиритакских рыбозасолочных комплексов является одной из ярких страниц отечественной античной археологии.

В связи со сказанным необходимо сделать одну оговорку — на В. Ф. Гайдукевича очень большое влияние оказывал академик С. А. Жебелев, и его идеям он оставался верен до конца. В частности, В. Ф. Гайдукевич всегда поддерживал концепцию о рабском восстании на Боспоре под руководством Савмака в 107 г. до н. э., выдвинутую С. А. Жебелевым в 1932 г. (Жебелев 1933). Он поддерживал эту концепцию даже тогда, когда она стала подвергаться весьма серьезной и, надо признать, заслуженной критике (Гайдукевич 1968а; 1968б).

В 1934 г. структура ГАИМК претерпела очередную существенную реформу. Сектора были преобразованы в институты, делившиеся, по понятным причинам, на кафедры. Сектор античной формации стал теперь именоваться Институтом истории рабовладельческого общества, директором его оставался С. И. Ковалев. Институт состоял из четырех кафедр: Истории древнего и эллинистического Востока (во главе ее стоял В. В. Струве), Истории Древней Греции (А. И. Тюменев), Истории Древнего Рима (С. И. Ковалев) и Истории античных колоний Северного Причерноморья (С. А. Жебелев). Работа подразделений была нацелена на создание более «монументальных работ», подготовку докторских диссертаций, подчеркивалась необходимость издания «всякого рода источников» (ф. 2, 1934 г., д. 4, л. 43).

Важной задачей работы Института стала подготовка соответствующих учебников. Работа над учебником развернулась по четырем основным направлениям: т. I. «История классического Востока» (ред. В. В. Струве), т. II. «История античного общества до эпохи эллинизма» (ред. А. И. Тюменев), т. III. «Эллинизм и Рим» (ред. С. И. Ковалев), приложение — «История античных колоний Северного Причерноморья» (ред. С. А. Жебелев). Кроме учебника планировалось подготовить хрестоматию «Античный способ производства в источниках» (Там же, л. 76); целая бригада (Альтман, Кагаров, Жебелев, Ковалев, Книпович, Крюгер) работала над переводом «Гражданских войн» Аппиана (Там же, л. 89).

В отношении археологических исследований в 1934 г. планировалось провести четыре экспедиции. Две из них были весьма крупными, Керченская (Камыш-Бурун и Мирмекий) и Ольвийская, на них планировалось выделить по 10 тыс. руб. Еще две были скромней первых: Евпаторийская во главе с П. Н. Шульцем была нацелена на проведение разведок по южному берегу Крыма (3 тыс. руб.); Херсонесская экспедиция должна была работать совместно с Херсонесским музеем (2 тыс. руб.).

В 1934 г. из печати вышли сразу два выпуска «Известий ГАИМК», посвященные античной проблематике (101-й и 104-й). Первый из них был назван «Из истории античного общества», тон в нем задавали статьи о рабских восстаниях в Древней Греции. О. О. Крюгер, рассматривая вопрос о движении античных рабов в доэллинистическую эпоху, признал, что тогда «до больших мятежей общество еще не доросло» (Крюгер 1934б: 138). С. А. Жебелев и С. И. Ковалев выступили со статьей о восстаниях II—I вв. до н. э. Они призна-

ли, что, несмотря на изолированность и локальность этих восстаний, а также низкий уровень классового сознания рабов, эти движения подрывали устой рабовладельческого общества и тем самым обрекали его на гибель (Жебелев, Ковалев 1934: 180). А. И. Тюменев, выясняя классовую позицию Цицерона, пришел к заключению, что тот выступал как защитник интересов ростовщического капитала (Тюменев 1934б: 197). Большая статья Б. Л. Богаевского подводила итог и ставила новые задачи в изучении Крито-Микенской цивилизации (Богаевский 1934). Р. В. Шмидт дала весьма содержательный очерк истории Фессалии (Шмидт 1934).

104-й выпуск «Известий ГАИМК» имел подзаголовок «Из истории Боспора». Он был лишен методологической дидактичности первого и содержал ряд конкретно-исторических и археологических статей, до сих пор привлекающих внимание специалистов. В их ряду назову «Боспорские этюды» С. А. Жебелева, в которых этот выдающийся антиковед рассматривал проблему образования Боспорского государства, некоторые важные моменты из истории Нимфея, Танаиса и пр. (Жебелев 1934). Т. Н. Книпович выступила в сборнике сразу с двумя крупными статьями. Первая была посвящена изучению торговых связей греков с населением Подонья в VII—V вв. до н. э., в ней она впервые высказала идею о существовании доколониальных связей эллинов с местными племенами (Книпович 1934а: 107). Во второй статье подробно охарактеризованы археологические материалы, полученные в результате раскопок 1928 г. на Елизаветовском городище в Донской дельте (Книпович 1934б). Здесь же опубликована одна из первых крупных работ В. Ф. Гайдукевича — «Строительные керамические материалы Боспора» (Гайдукевич 1934б).

Сталинские репрессии для ГАИМК начались не в 1937-м, а в 1936 г. Ф. В. Кипарисов, стоявший во главе Академии после смерти Н. Я. Марра, был отстранен от должности, а затем арестован вместе с влиятельной группой коммунистов, которую сразу стали называть «троцкистской бандой». С сентября 1936 г., т. е. после отставки Ф. В. Кипарисова, исполняющим обязанности председателя ГАИМК стал О. О. Крюгер, один из крупнейших специалистов в области папирологии и истории эллинизма. Через год, в октябре 1937 г., он тоже был отстранен от должности и вскоре арестован. К научной деятельности О. О. Крюгер смог вернуться только в 1957 г. (Некролог... 1967).

В 1937 г. ГАИМК была преобразована в Институт истории материальной культуры (директор И. А. Орбели, затем М. И. Артамонов), который вошел в структуру АН СССР. К моменту реформирования Институт истории рабовладельческого общества ГАИМК состоял всего из двух подразделений: Кафедры истории Древней Греции и Рима и Кафедры истории античных колоний Причерноморья. Первая из них почти не занималась изучением памятников материальной культуры, и ее сохранение в структуре ИИМК АН СССР было признано нецелесообразным. «Основной рабочей единицей» нового института по античной проблематике было решено сделать Кафедру истории античных колоний Причерноморья (ф. 2, 1937 г., д. 348, л. 7 об.). Она была преобразована в Сектор древнего Причерноморья, во главе которого был поставлен С. А. Жебелев; всего же в ИИМКе было 10 секторов.

Важным результатом происшедшей реорганизации стали перемены в издательской политике, связанные с созданием альманаха «Советская археология», а также «Кратких сообщений Института истории материальной культу-

ры АН СССР» и «Материалов и исследований по археологии СССР». В 1941 г. увидели свет сразу два издания, оставившие заметный след в истории отечественной античной археологии. Прежде всего, это МИА № 4, в котором впервые были опубликованы подробные отчеты о раскопках боспорских городов (Книпович, Славин 1941; Гайдукевич, Леви, Прушевская 1941). Специальный выпуск «Советской археологии» (№ 7) был посвящен 50-летию научной деятельности С. А. Жебелева, в него представили статьи многие видные антиковеды того времени: В. Ф. Гайдукевич, Е. В. Ернштедт, А. Н. Зограф, С. И. Капошина, Т. Н. Книпович, М. И. Максимова, М. А. Наливкина, М. Е. Сергеевко и др. К тому времени уже был подготовлен к печати фундаментальный труд А. Н. Зографа «Античные монеты», но публикации его помешала война (Зограф 1951).

Великая Отечественная война провела жирную черту по судьбам всех ленинградцев. Из археологов некоторые были призваны в армию, другие ушли в Народное ополчение. В их числе следует назвать П. Н. Шульца (рис. 5, 1), который к началу войны уже не работал в ИИМКе, но в начале июля 1941 г. стал ополченцем, а в конце месяца перешел в партизанский отряд. В его рядах он совершил ряд походов в тыл врага на Ленинградском, Тихвинском и Волховском фронтах. В 1942 г. стал проводником партизанского отряда, во время одного из переходов получил тяжелое ранение и был сильно обморожен (ф. 35, оп. 5, д. 368, л. 4). За боевые заслуги П. Н. Шульц был награжден Орденом славы III степени.

Большая часть сотрудников была эвакуирована в тыл (в Ташкент и Елабугу), в том числе В. Ф. Гайдукевич (Виноградов 2005: 327; 2006а: 10), некоторые остались в блокированном Ленинграде и героически трудились здесь, преодолевая нечеловеческие трудности, среди них — Е. Г. Кастанаян (Виноградов 2008: 54—55), а другие сложили здесь свои головы: Е. В. Ернштедт (рис. 5, 2), Р. В. Шмидт (рис. 5, 3), А. Н. Зограф (рис. 5, 4) и др. В числе жертв блокады оказались судья и судимый «чистки» 1930 г. — Б. Л. Богаевский и С. А. Жебелев. Трудно поверить, но в осажденном городе проходили научные заседания. В библиотеке ИИМК 20 января 1942 г. был проведен Пленум Института, посвященный памяти Н. Я. Марра и недавно умершего С. А. Жебелева, в зале собралось 40 человек (ф. 312, оп. 1, д. 158, л. 2). В 1942 г. была защищена докторская диссертация М. Е. Сергеевко на тему «Земледелие в древней Италии». Е. В. Ернштедт тоже подготовила докторскую диссертацию, но не смогла дожить до ее защиты (Там же, л. 4). В условиях эвакуации в Институте были созданы три сектора, в том числе Сектор античного мира, главой которого стала М. И. Максимова (ф. 312, оп. 1, д. 153, л. 3). Эта замечательная женщина, находясь в Елабуге, работала над подготовкой перевода «Анабасиса» Ксенофонта, а также провела редактирование брошюры покойного Б. Л. Богаевского «Фашистские извращения в истории Эгейского мира» (ф. 312, оп. 1, д. 158, л. 8).

Перед археологами, эвакуированными в Ташкент, были поставлены три задачи:

1. Быть максимально полезными Родине в условиях войны.
2. Максимально использовать время пребывания для усиленного изучения древностей Средней Азии.

Рис. 5. 1 — П. Н. Шульц (послевоенное фото); 2 — Е. В. Ернштедт;
3 — Р. В. Шмидт; 4 — А. Н. Зограф

3. Продолжить плановые научные темы, начатые в условиях мирного времени (ф. 312, оп. 1, д. 152, л. 3).

Ташкентская группа антиковедов (рис. 6, 1, 2; Т. Н. Книпович, М. А. Наливкина, В. Ф. Гайдукевич) трудилась над выполнением всех этих задач. Т. Н. Книпович, в частности, начала исследования по теме «Взаимодействие местных и античных элементов в культуре древнего Узбекистана». В. Ф. Гайдукевич занялся изучением древней агрикультуры Средней Азии, а М. А. Наливкина — среднеазиатскими терракотами (Там же, л. 5).

Рис. 6. 1 — Т. Н. Книпович; 2 — М. А. Наливкина;
3 — Е. И. Леви; 4 — А. Н. Карасев

Победоносное завершение войны и постепенное возвращение страны к нормальной жизни привело к возобновлению деятельности археологических экспедиций. Боспорская экспедиция выехала в поле в 1946 г., Ольвийская — в 1949 г. На Боспоре под руководством В. Ф. Гайдукевича были продолжены масштабные раскопки Мирмекия и Тиритаки, вскоре было начато изучение Илурата и Порфмия. В Ольвии работы стали осуществляться замечательным научным и семейным тандемом — Е. И. Леви и А. Н. Карасевым (рис. 6, 3, 4).

В мае 1946 г. от обязанностей заведующего Сектором древнего Причерноморья был освобожден С. И. Ковалев,⁶ недолгое время исполняющим обязанности стал В. Ф. Гайдукевич, но в апреле 1947 г. заведующей Сектором была назначена М. И. Максимова (Виноградов 2005; 2006а: 11). В том же году В. Ф. Гайдукевич завершил свое фундаментальное исследование «Боспорское царство», в 1949 г. оно было опубликовано монографически (Гайдукевич 1949). Эта книга стала настольной для нескольких поколений боспороведов, до сих пор не потеряв своего научного значения; расширенный ее вариант был издан в Германии после смерти автора (Gajdukevič 1971). Докторскую диссертацию по этой теме В. Ф. Гайдукевич успешно защитил 1 марта 1950 г. (ф. 35, оп. 5, д. 60, л. 112). Лишь после этого события в феврале 1951 г. выдающийся ученый был назначен заведующим Сектором, ставшим в том же 1951 г. Группой античной археологии.

За большие успехи в труде Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1949 г. некоторые сотрудники ИИМКа получили правительственные награды. Среди антиковедов орденом Ленина была награждена Т. Н. Книпович, а медалью «За трудовую доблесть» — С. И. Капошина, Е. Г. Кастанаян и М. А. Наливкина. Т. Н. Книпович как раз в этом году опубликовала монографию, посвященную изучению античных древностей Нижнего Дона (Книпович 1949). В 1956 г. увидела свет уникальная в своем роде книга М. И. Максимовой об античных городах Юго-Восточного Причерноморья (Максимова 1956). Не менее важная веха — издание в 1955 г. сборника «Античные города Северного Причерноморья». В него вошли весьма содержательные исследования по политической истории, архитектуре и искусству всех греческих государств северного берега Черного моря. Первоначально, очевидно, предполагалось, что эта публикация откроет целую серию, на ней даже поставлен № 1, но первый том, увы, остался единственным. Результатом изучения Ольвии стало появление еще одной коллективной работы — «Ольвия. Теменос и агора» (Ольвия... 1964). Конечно, она является памятником тому творческому тандему, о котором кратко было сказано выше.

В сентябре 1959 г. на базе ИИМК был создан Институт археологии АН СССР. Для ленинградских античников эта перемена не принесла никаких позитивных изменений; в структуре ЛОИА АН СССР была сохранена Группа античной археологии, во главе которой по-прежнему стоял такой авторитетный руководитель, как В. Ф. Гайдукевич (рис. 7, 1). Раскопки «малых» городов Боспора и Ольвии шли весьма интенсивно, полученные тогда материалы вошли в «золотой фонд» отечественной науки о классических древностях (см.: Гайдукевич 1981: 76 сл.; 1987). В. Ф. Гайдукевич понимал, что для адекватного постижения античной культуры необходимо изучение не только городов, но и сельских поселений. Важным шагом в этом направлении стало исследование сельской усадьбы в окрестностях Мирмекия (Гайдукевич 1981: 55 сл.).

Жестоким ударом для Группы стала смерть В. Ф. Гайдукевича, скончавшегося на раскопках Мирмекия 9 октября 1966 г. (Виноградов 2006а: 14). После этого события некогда единый коллектив по существу развалился, его со-

⁶ С. И. Ковалев был назначен заведующим Сектором древнего Причерноморья 1 февраля 1944 г. (ф. 35, оп. 5, д. 145, л. 10), а с 16 июля 1944 г. даже исполнял обязанности заведующего Ленинградской группой ИИМК (Там же, л. 1, 9).

Рис. 7. 1 — В. Ф. Гайдукевич за рабочим столом; 2 — И. Г. Шургая; 3 — И. Б. Брашинский

трудники еще долго спорили, кто же является учеником Виктора Францевича, а кто нет; кто настоящий его ученик, а кто не очень; кто должен встать во главе научного коллектива, а кто не имеет на это никакого права и т. д. Раздоры весьма отрицательно сказались на состоянии нравственно-психологической обстановки в подразделении и, разумеется, на его научной деятельности. После смерти В. Ф. Гайдукевича во главе Группы был поставлен его друг А. Л. Якобсон (ф. 312, оп. 1, д. 588, л. 16), но вскоре он был отправлен на пенсию.

Непродолжительное время Группой на общественных началах руководил П. Н. Шульц. Здоровье этого немолодого, заслуженного человека становилось все хуже, и в 1971 г. заведующим был назначен один из самых близких для В. Ф. Гайдукевича людей — И. Г. Шургая (рис. 7, 2; Виноградов, Горончаровский 2004: 392).⁷ Игорь Георгиевич до конца своих дней мечтал о восстановлении Отдела в былой силе и красе. С высоких трибун, и в личных разговорах он неоднократно призывал к сохранению верности линии Жебелева—Гайдукевича. Неудивительно, что именно он продолжил археологические раскопки на городище Илурат, бывшем, так сказать, одним из любимых «детей» В. Ф. Гайдукевича. Время, однако, требовало поиска новых путей, новых подходов к изучению археологического материала.

В начале 1970-х гг. прошлого века лицо ленинградской античной археологии в значительной мере стали определять, фигурально выражаясь, «три мушкетера» новой науки: И. Б. Брашинский, А. Н. Щеглов и К. К. Марченко.

И. Б. Брашинский (рис. 7, 3), 80-летие со дня рождения которого мы недавно отметили, был настоящим лидером в этой группе. С его великолепной работоспособностью, умением почувствовать проблему, прекрасным знанием зарубежного опыта (к сожалению, чисто теоретическим) он прокладывал новые пути для изучения культуры и истории греческих колоний Северного Причерноморья, античной торговли, греко-варварских взаимоотношений в регионе и т. д. (Брашинский 1963; 1980; 1985). Основной объект его археологического изучения — Елизаветовского городище на Нижнем Дону, демонстрирующее классическую схему развития от зимнего кочевья к городу (Брашинский, Марченко 1980).

А. Н. Щеглов (рис. 8, 1) — блестящий археолог-полевик, с огромным вниманием относящийся к любому археологическому факту. В 1968 г. он переехал в Ленинград из Севастополя, где работал в Херсонесском музее. Этот исследователь блестяще раскопал целую серию греческих поселений в Западном Крыму (см.: Щеглов 1976; 1978; Hannestad, Stolba, Ščeglov 2002), возглавляемая им Тарханкутская экспедиция стала настоящей школой, в которой прошли обучение многие ленинградские археологи-антиковеды, в том числе М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Е. Я. Рогов и др. Благодаря исследованиям А. Н. Щеглова в Западном Крыму было установлено, что сельские поселения Херсонеса погибли здесь одновременно приблизительно в 270 г. до н. э. Это заключение позволило ученому обоснованно считать, что открытые им археологические комплексы могут быть поставлены в один ряд с такими опорными памятниками, как Олинф и Приена.

К. К. Марченко (рис. 8, 2) очень многое взял у своих старших коллег. Вместе с И. Б. Брашинским он трудился в Донской дельте на раскопках Елизаветовского городища (Брашинский, Марченко 1980). Уже после смерти Иосифа Беньяминовича здесь была открыта боспорская колония, выведенная на

⁷ В 1975 г. И. Г. Шургая был смещен с поста заведующего под предлогом «разгрузки» его от слишком большой административной работы, мешавшей научной деятельности. В ЛОИА подходящей кандидатуры для замещения должности поначалу не нашлось, во главе Группы на недолгое время встала И. Т. Кругликова, осуществлявшая «дистанционное» управление из Москвы (Виноградов, Горончаровский 2004: 392). Вскоре на эту должность была назначена Е. Г. Кастанаян, занимавшая ее до 1979 г. (Виноградов 2008: 59), когда заведующим Группой вновь стал И. Г. Шургая.

Рис. 8. 1 — А. Н. Щеглов; 2 — К. К. Марченко; 3 — Е. Г. Кастанаян; 4 — В. И. Денисова

оставленное варварами поселение (Марченко 1992; Марченко, Житников, Копылов 2000: 248—263). С середины 1970-х гг. в окрестностях Ольвии К. К. Марченко начал систематическое изучение сельских поселений, привлекая к этому по существу всех молодых ученых, которые тогда пришли в Группу (Н. К. Белая, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Н. В. Головачева, Е. Я. Рогов). Ни до этого времени, ни после ничего подобного в этой области больше не делалось. Постепенно здесь раскрывалась картина дискретности в истории сельской округи, когда поселения разрастались буквально как грибы после дождя или же

исчезали практически полностью (Марченко 1999; 2005). Все эти подъемы и падения стали рассматриваться как важный источник для понимания военно-политической ситуации (правильнее сказать, ситуаций) в степях региона, выявления периодов их дестабилизации или замирения. Это важное наблюдение стало одним из краеугольных положений в подготовленной К. К. Марченко докторской диссертации «Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья VII—I вв. до н. э.» (1991 г.). Неудивительно, что Константин Константинович пользовался и до сих пор пользуется заслуженным авторитетом среди коллег, в 1998—2006 гг. он был заведующим Отдела истории античной культуры.

В 1970—1980-х гг. крупные исследования по античной археологии публиковались совсем не часто. Выход книги рассматривался как важное событие в судьбе ученого. Кроме отмеченных выше монографий И. Б. Брашинского и А. Н. Щеглова назову еще три. Во-первых, это книга В. И. Денисовой, посвященная изучению изделий коропластики, полученных в результате работ Боспорской экспедиции 30—60-х гг. XX в. (Денисова 1981). Еще две книги базировались на материалах лепной керамики, изготовленной в традициях местного населения Северного Причерноморья (Кастанаян 1981; Марченко 1988). В изучении этой категории археологического материала, дающей бесценную информацию о характере и интенсивности греко-варварских взаимоотношений в регионе, специалисты Группы античной археологии, на мой взгляд, заняли самые передовые позиции в отечественной науке.

В 1982 г. из жизни ушли сразу два представителя той генерации, которая, так сказать, вышла из «гнезда Гайдукевича», — сначала И. Г. Шургая, а затем И. Б. Брашинский. Утрата, конечно, была очень велика, но во главе Группы встала всеми уважаемая Е. Г. Кастанаян (рис. 8, 3; Виноградов 2008: 60), а более молодое поколение сумело продолжить изучение очень важных для Группы памятников. В 1982 г. В. А. Горончаровский возглавил Илуратский отряд Боспорской экспедиции; в 1986 г. М. Ю. Вахтина из рук Е. Г. Кастанаян приняла руководство Порфмийским отрядом. Удалось даже расширить спектр изучаемых памятников — в 1982 г. были возобновлены раскопки на Миремкии (Ю. А. Виноградов).

Вскоре в Институт из Университета перешел один из крупнейших отечественных антиковедов — профессор Ю. В. Андреев (рис. 9, 1), с 1986 г. он встал во главе Группы (о нем см.: Шауб 1999; 2000а; 2000б). Его книга «Цена свободы и гармонии», без сомнения, является жемчужиной российской историографии античности (Андреев 1998), другой шедевр Юрия Викторовича — «От Евразии к Европе» (Андреев 2002). За эти труды ученый, если бы это было возможным, должен получать не Государственную, а Нобелевскую премию. Но государственные премии у нас даются не очень щедро, а нобелевских в области истории, как известно, не существует вообще. Ю. В. Андреев сумел организовать сотрудников Группы на написание большой коллективной работы «Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху», увидевшей свет в 2005 г., уже после его смерти. Показательно, что она была опубликована ровно через 50 лет после предыдущей коллективной работы — первого и последнего тома «Античных городов Северного Причерноморья». В ряду знаковых событий, разумеется, надо назвать фундаментальную монографию «Елизаветовское городище на Дону», в которой обобщены все материалы, добытые на этом памятнике (Марченко, Житников, Копылов 2000). В 1991 г., когда наш

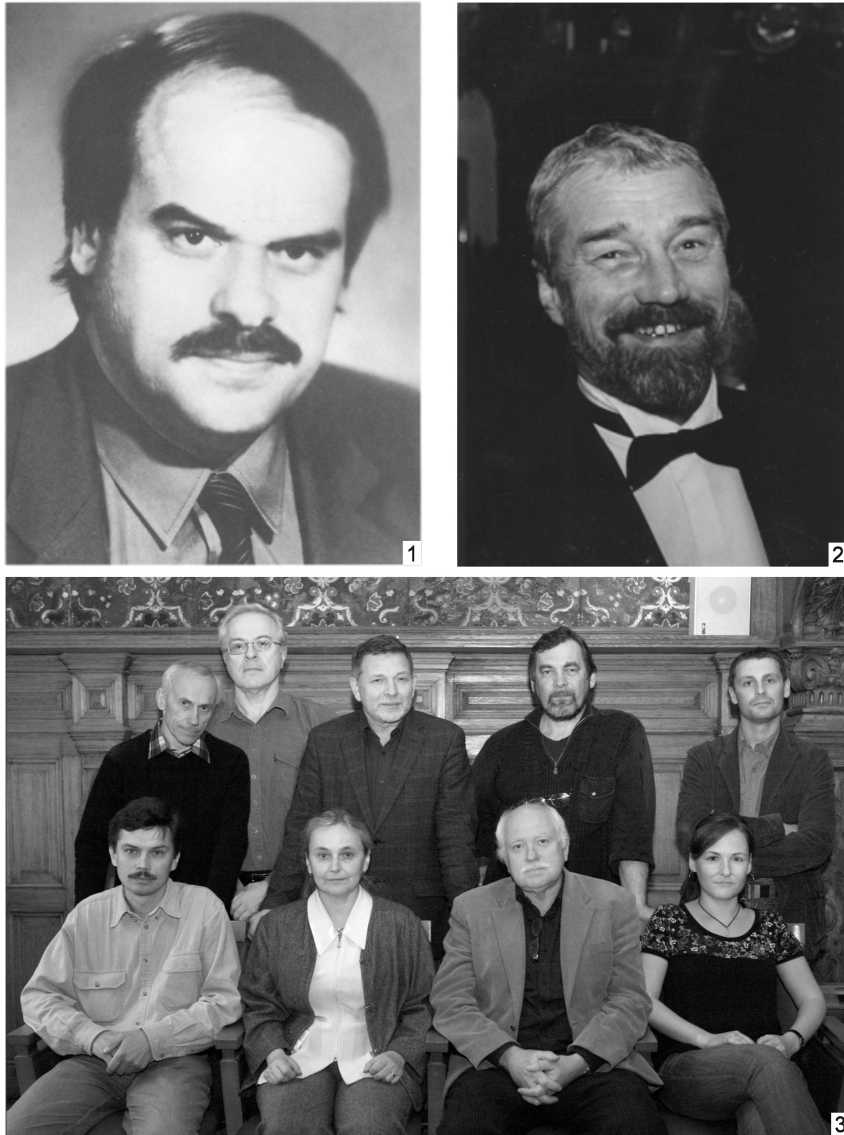

Рис. 9. 1 — Ю. В. Андреев; 2 — Е. Я. Рогов; 3 — слева направо: сидят — С. В. Кашаев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Е. Грищук, стоят — В. А. Хршановский, И. Ю. Шауб, В. А. Горончаровский, О. В. Шаров, Р. В. Стоянов

Институт стал самостоятельным, независимым научным учреждением, иными словами, был воссоздан Институт истории материальной культуры (Кирчо 1992: 233), Группа античной археологии изменила название и именуется теперь Отделом истории античной культуры.

Наряду с некоторыми достижениями тогда же обозначились весьма невестельные тенденции. Мы постепенно теряли Ольвию, последний сезон, проведенный экспедицией ЛОИА АН СССР во главе с В. И. Денисовой, имел место

в 1989 г. (рис. 8, 4). Крушение Советского Союза вообще означало конец всех наших экспедиций, работавших на территории Украины. При фактическом отсутствии финансирования проводить раскопки можно было только в России, прежде всего на Таманском полуострове. Наши отряды перебирались туда с большими сложностями, мирясь с недостатком снаряжения (по существу с нищетой!), преодолевая непонимание местных властей и некоторых петербургских коллег. Активным участником этого перехода был Е. Я. Рогов — человек очень одаренный, жизнелюбивый и добрый (рис. 9, 2). Его исследование, посвященное греко-варварским взаимоотношениям в Западном Крыму, является в своем роде эталонным (Рогов 2005). Очень жаль, что Е. Я. Рогова нет сейчас с нами, в 2001 г. нелепая случайность для него оказалась смертельной (о нем см.: Вахтина, Виноградов, Зуев 2002).

Оценивая современное состояние Отдела истории античной культуры ИИМК РАН (рис. 9, 3), следует говорить о его сложности, хотя к этой сложности все как будто уже привыкли (Виноградов, Кашаев 2006). С удовлетворением следует признать, что нам удалось сохранить Боспорскую экспедицию, три отряда которой работают на Таманском полуострове и один — в Восточном Крыму. Столь же отрадно, что продолжают публиковаться материалы археологических исследований на различных памятниках. В частности, были опубликованы материалы крымского некрополя Чатыр-Даг (Мыц, Лысенко, Шукин, Шаров 2006; Шаров 2007), имеющего большое значение для изучения культуры Восточного Крыма в первые века нашей эры. Вышли две монографии И. Ю. Шауба: одна из них посвящена исследованию религиозной жизни греческих государств Северного Причерноморья (Шауб 2007), во второй рассматриваются вопросы сходства некоторых особенностей культур местного населения и греков-колонистов северного берега Понта, с одной стороны, и этрусков, италиков и пр. — с другой (Шауб 2008). Сотрудники Отдела достигли немалых успехов в изучении военного дела в Древней Греции и Риме, на Боспоре и в Ольвии (Горончаровский 2003; 2008; Виноградов 2004; 2006б; Андерсен, Шауб 2008; Шауб, Андерсен 2008). В 2009 г. сдан в печать сборник «Степи Евразии и история Боспора Киммерийского», сейчас почти все сотрудники Отдела трудятся в рамках проекта «Курганные древности Боспора». Имеющиеся достижения, разумеется, не закрывают огромной проблемы, которая с каждым годом ощущается все более и более остро. Проблема эта связана с отсутствием молодых кадров, что по понятным причинам грозит разрывом преемственности в изучении классического наследия Северного Причерноморья, а в более отдаленной перспективе — уничтожением одного из важных центров петербургского антиковедения. В 2018 г. Отдел истории античной культуры должен отметить столетие со дня создания. Очень хочется верить, что этот юбилей не станет для него последним.

Андерсен, Шауб 2008 — *Андерсен В., Шауб И.* Македонцы в бою. М., 2008.

Андреев 1998 — *Андреев Ю. В.* Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998.

- Андреев 2002 — *Андреев Ю. В.* От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III — начало I тыс. до н. э.). СПб., 2002.
- Античный способ 1933 — Античный способ производства в источниках. ИГАИМК. 1933. Вып. 78.
- Богаевский 1934 — *Богаевский Б. Л.* Современное состояние изучения «эгейской культуры» на Западе и в Америке и наши исследовательские задачи // Из истории античного общества. ИГАИМК. 1934. Вып. 101. С. 7—74.
- Борисковский 1980 — *Борисковский П. И.* Первые 30 лет Института археологии АН СССР // КСИА. 1980. Вып. 163. С. 5—10.
- Брашинский 1963 — *Брашинский И. Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М., 1963.
- Брашинский 1980 — *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л., 1980.
- Брашинский 1985 — *Брашинский И. Б.* Методика исследования античной торговли. Л., 1985.
- Брашинский, Марченко 1980 — *Брашинский И. Б., Марченко К. К.* Елизаветовское городище на Дону // СА. 1980. № 1. С. 211—218.
- Вахтина, Виноградов, Зуев 2002 — *Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Зуев В. Ю.* Евгений Яковлевич Рогов. Основные вехи биографии // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища: Материалы Международной конференции. СПб., 2002. Ч. 1. С. 7—17.
- Виноградов 2004 — *Виноградов Ю. А.* «Там закололся Митридат...». Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху. М.; СПб., 2004.
- Виноградов 2005 — *Виноградов Ю. А.* К 100-летию со дня рождения В. Ф. Гайдукевича // АВ. 2005. № 12. С. 323—330.
- Виноградов 2006а — *Виноградов Ю. А.* Памяти В. Ф. Гайдукевича // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. 13. С. 3—15.
- Виноградов 2006б — *Виноградов Ю. А.* Счастливый город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). СПб., 2006.
- Виноградов 2008 — *Виноградов Ю. А.* Вспоминая Елизавету Григорьевну Кастанаян // Записки ИИМК РАН. 2008. № 3. С. 51—64.
- Виноградов, Горончаровский 2004 — *Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А.* Памяти Учителя // АВ. 2004. № 11. С. 391—393.
- Виноградов, Кашаев 2006 — *Виноградов Ю. А., Кашаев С. В.* Отдел истории античной культуры // Записки ИИМК РАН. 2006. № 1. С. 140—147.
- Гайдукевич 1934а — *Гайдукевич В. Ф.* Античные керамические обжигательные печи (по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929—1931 гг.). ИГАИМК. 1934. Вып. 80.
- Гайдукевич 1934б — *Гайдукевич В. Ф.* Строительные керамические материалы Боспора. Боспорские черепицы // Из истории Боспора. ИГАИМК. 1934. Вып. 104. С. 211—315.
- Гайдукевич 1941 — *Гайдукевич В. Ф.* Академик Сергей Александрович Жебелев как исследователь Северного Причерноморья // СА. 1941. № 7. С. 7—12.
- Гайдукевич 1949 — *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Гайдукевич 1968а — *Гайдукевич В. Ф.* О скифском восстании на Боспоре в конце II в. до н. э. // Античное общество. М., 1968. С. 17—22.
- Гайдукевич 1968б — *Гайдукевич В. Ф.* К дискуссии о восстании Савмака // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 81—95.
- Гайдукевич 1981 — *Гайдукевич В. Ф.* Боспорские города. Уступчатые склепы, эллинистическая усадьба, Илурат. Л., 1981.
- Гайдукевич 1987 — *Гайдукевич В. Ф.* Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987.
- Гайдукевич, Леви, Прушевская 1941 — *Гайдукевич В. Ф., Леви Е. И., Прушевская Е. О.* Раскопки северной и западной частей Мирмекия в 1934 г. // МИА. 1941. № 4. С. 110—148.
- Горончаровский 2003 — *Горончаровский В. А.* Между империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. М.; СПб., 2003.
- Горончаровский 2008 — *Горончаровский В. А.* Гладиаторы в бою. На арене и полях сражений. М., 2008.
- Денисова 1981 — *Денисова В. И.* Корабли Боспора (по материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы). Л., 1981.
- Жебелев 1923 — *Жебелев С. А.* Введение в археологию. Пг., 1923. Ч. 1—2.
- Жебелев 1926 — *Жебелев С. А.* Василий Васильевич Латышев // Византийский временник. 1926. Т. 24. С. 105—110.

- Жебелев 1929 — *Жебелев С. А.* Памяти Бориса Владимировича Фармаковского // СГАИМК. 1929. 2. С. V—XXIV.
- Жебелев 1933 — *Жебелев С. А.* Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ИГАИМК. 1933. Вып. 70.
- Жебелев 1934 — *Жебелев С. А.* Боспорские этюды // Из истории Боспора. ИГАИМК. 1934. Вып. 104. С. 7—56.
- Жебелев, Ковалев 1934 — *Жебелев С. А., Ковалев С. И.* Великие восстания рабов II—I вв. до н. э. // Из истории античного общества. ИГАИМК. 1934. Вып. 101. С. 139—180.
- Зограф 1951 — *Зограф А. Н.* Античные монеты. МИА. 1951. № 16.
- Карасев 1948 — *Карасев А. Н.* Борис Владимирович Фармаковский // КСИИМК. 1948. Вып. 22. С. 5—7.
- Карасев 1976 — *Карасев А. Н. Б. В.* Фармаковский и Ольвия // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 13—21.
- Карасев, Леви 1976 — *Карасев А. Н., Леви Е. И.* Исследования Ольвии после Б. В. Фармаковского (1927—1970 гг.) // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 22—45.
- Кастанаян 1981 — *Кастанаян Е. Г.* Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981.
- Кирчо 1992 — *Кирчо Л. Б.* Воссоздание Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге // АВ. 1992. № 1. С. 233—235.
- Книпович 1934а — *Книпович Т. Н.* К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаис в VII—V вв. до н. э. // Из истории Боспора. ИГАИМК. 1934. Вып. 104. С. 90—110.
- Книпович 1934б — *Книпович Т. Н.* Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры // Из истории Боспора. ИГАИМК. 1934. Вып. 104. С. 111—201.
- Книпович 1949 — *Книпович Т. Н.* Танаис. Историко-археологическое исследование. М.; Л., 1949.
- Книпович, Славин 1941 — *Книпович Т. Н., Славин Л. М.* Раскопки юго-западной части Тири-таки // МИА. 1941. № 4. С. 37—60.
- Ковалев 1932 — *Ковалев С. И.* Учение Маркса и Энгельса об античном способе производства. ИГАИМК. 1932. Т. 12, вып. 9—10.
- Ковалев 1934 — *Ковалев С. И.* Проблема социальной революции в античном обществе // ИГАИМК. 1934. Вып. 76. С. 27—61.
- Крапивина 1996 — *Крапивина В. В.* Славин как исследователь античного города Ольвия // Мир Ольвии. К 90-летию профессора Л. М. Славина. Киев., 1996. С. 31—34.
- Крапивина 1997 — *Крапивина В. В. Л. М. Славин і дослідження античного міста Ольвія* // Археологія. 1997. № 4. С. 8—15.
- Крюгер 1934а — *Крюгер О. О.* Рабские восстания II—I вв. до н. э. как начальный этап революции рабов // ИГАИМК. 1934. Вып. 76. С. 111—131.
- Крюгер 1934б — *Крюгер О. О.* Движение античных рабов в доэллинистическую эпоху // Из истории античного общества. ИГАИМК. 1934. Вып. 101. С. 116—138.
- Латышев 1921 — *Латышев В. В.* Заметки по греческой эпиграфике // ИРАИМК. 1921. Т. 1. С. 17—28.
- Латышев 1922а — *Латышев В. В.* Заметки по греческой эпиграфике // ИРАИМК. 1922. Т. 2. С. 65—83.
- Латышев 1922б — *Латышев В. В.* Неизданные боспорские надписи // ИРАИМК. 1922. Т. 2. С. 84—104.
- Максимова 1956 — *Максимова М. И.* Античные города юго-восточного Причерноморья. М.; Л., 1956.
- Марр 1929 — *Марр Н. Я.* Фармаковский // СГАИМК. 1929. Вып. 2. С. I—IV.
- Марченко 1988 — *Марченко К. К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I вв. до н. э. По материалам лепной керамики. Л., 1988.
- Марченко 1991 — *Марченко К. К.* Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья VII—I вв. до н. э.: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Л., 1991.
- Марченко 1992 — *Марченко К. К.* Боспорское поселение на Елисаветовском городище // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 174—186.
- Марченко 1999 — *Марченко К. К.* К проблеме греко-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье в V—IV вв. до н. э. // *Stratum plus*. 1999. № 3. С. 145—172.
- Марченко 2005 — *Марченко К. К.* Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 42—136.

- Марченко, Житников, Копылов 2000 — *Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П.* Елизаветовское городище на Дону. М., 2000.
- Мишулин 1934 — *Мишулин А. В.* Восстание Спартака в Древнем Риме // ИГАИМК. 1934. Вып. 76. С. 132—162.
- Мыц, Лысенко, Шукин, Шаров 2006 — *Мыц В. Л., Лысенко А. В., Шукин М. Б., Шаров О. В.* Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. СПб., 2006.
- Некролог... 1967 — [Некролог] Отто Оскарович Крюгер (1893—1967) // ВДИ. 1967. № 3. С. 170—171.
- Ольвия ... 1964 — Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964.
- Пескарева 1980 — *Пескарева К. М.* К истории создания Российской академии истории материальной культуры // КСИА. 1980. Вып. 163. С. 26—32.
- Платонова 1989 — *Платонова Н. И.* Российская Академия истории материальной культуры. Этапы становления (1918—1919 гг.) // СА. 1989. № 4. С. 5—16.
- Рогов 2005 — *Рогов Е. Я.* Греки и варвары в Западном Крыму // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 137—210.
- Тиханова 1980 — *Тиханова М. А.* Из прошлого Института археологии АН СССР (РАИМК — ГАИМК) // КСИА. 1980. Вып. 163. С. 34—36.
- Тункина 2000 — *Тункина И. В.* «Дело» академика Жебелева // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. II. СПб., 2000. С. 116—161.
- Тюменев 1934а — *Тюменев А. И.* Разложение родового строя и революция VII—VI вв. в Греции // ИГАИМК. 1934. Вып. 76. С. 62—110.
- Тюменев 1934б — *Тюменев А. И.* К выяснению классовых позиций Цицерона // Из истории античного общества. ИГАИМК. 1934. Вып. 101. С. 181—198.
- Фармаковская 1988 — *Фармаковская Т. И.* Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988.
- Фармаковский 1926а — *Фармаковский Б. В.* Отчет о раскопках в Ольвии в 1924 г. // СГАИМК. 1926. № 1. С. 143—163.
- Фармаковский 1926б — *Фармаковский Б. В.* Отчет о раскопках в Ольвии в 1925 г. // СГАИМК. 1926. № 1. С. 171—192.
- Фролов 2006 — *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб., 2006.
- Шаров 2007 — *Шаров О. В.* Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римским импортом. СПб., 2007.
- Шауб 1999 — *Шауб И. Ю.* Памяти Юрия Викторовича Андреева // АВ. 1999. № 6. С. 517—519.
- Шауб 2000а — *Шауб И. Ю.* Юрий Викторович Андреев (1937—1998) // ΣΥΣΣΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 10—16.
- Шауб 2000б — *Шауб И. Ю.* Ю. В. Андреев: штрихи к портрету // Древний мир и мы. 2000. № 2. С. 223—234.
- Шауб 2007 — *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII—IV вв. до н. э.). СПб., 2007.
- Шауб 2008 — *Шауб И. Ю.* Италия — Скифия. Культурно-исторические параллели. СПб., 2008.
- Шауб, Андерсен 2008 — *Шауб И., Андерсен И.* Спартанцы в бою. М., 2008.
- Шмидт 1934 — *Шмидт Р. В.* Из истории Фессалии // Из истории античного общества. ИГАИМК. 1934. Вып. 101. С. 75—115.
- Щеглов 1976 — *Щеглов А. Н.* Полис и хора. Симферополь, 1976.
- Щеглов 1978 — *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.
- Gajdukevič 1971 — *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971.
- Hannestad, Stolba, Ščeglov 2002 — *Hannestad L., Stolba V. F., Ščeglov A. N.* Panskoe I. The Monumental Building U6. Aarhus, 2002. Vol. 1.
- НА ИИМК РАН, РА. ф. 1, 1918 г., д. 1, 20, 36; 1919 г., д. 3, 10; ф. 2, 1919 г., д. 13, 14, 105; 1920 г. д. 4, 15, 24; 1923 г., д. 4; 1924 г., д. 1, 25, 99; 1925 г., д. 1; 1926 г., д. 1; 1929 г., д. 1, 201; 1930 г., д. 1, 4, 28; 1931 г., д. 20, 22, 776, 778; 1932 г., д. 24, 78, 87; 1933 г., д. 30, 129; 1934 г., д. 4; 1937 г., д. 348; ф. 312, оп. 1, д. 152, 153, 158, 588; ф. 35, оп. 5, д. 60, 368.

DEPARTMENT OF CLASSICAL ARCHAEOLOGY OF IHMC: THE MAIN STAGES OF ITS HISTORY

Yu. A. Vinogradov

The first subdivision aimed solely at the study of the Classical Period — the Department of Classical and Old Christian Antiquities — was organized within the structure of the Russian State Archaeological Commission, which replaced the Imperial Archaeological Commission after the February Revolution of 1917. The Department was headed by B. V. Farmakovskiy and consisted of several sections.

The Russian Academy for the History of Material Culture (RAHMC), created in 1919, included several subdivisions (Detachments and Commissions) partly or entirely devoted to the study of the Classical Period. Field works were carried out by the Detachment of the Greek-Roman and Ancient Oriental Art, headed by B. V. Farmakovskiy. The Olvian Expedition was founded in 1924.

In the late 1920-es, after RAHMC was reformed into the State Academy for the History of Material Culture (SAHMC), there appeared a new subdivision devoted to the Classical Period — the Section of Ancient Society (Formation). The chief of the Section was S. I. Kovalev. It was then that the problems of the ancient Greek and Roman history began to be treated from the Marxist positions. The Kerch Expedition (subsequently renamed into Bosphorus Expedition) was founded in 1933. Since 1935 it was headed by V. F. Gaidukevich.

In 1937 SAHMC was reformed into the Institute for the History of Material Culture (IHMC) and became a part of the Academy of Sciences of the USSR. The newly created Section of the Ancient Black Sea Region of IHMC was headed by S. A. Zhebelev.

With the beginning of the Great Patriotic War many archaeologists were called up to military service, a considerable part of the Institute staff was evacuated to Tashkent and Elabuga, while the other stayed in Leningrad. Some of the latter died during the Blockade (B. L. Bogaevskiy, E. V. Ernshted, S. A. Zhebelev, A. N. Zograf, R. V. Schmidt, etc.).

After the war ended, the work of archaeological expeditions gradually resumed. In 1951 the Section of the Ancient Black Sea Region was reformed into the Group of Classical Archaeology, headed by V. F. Gaidukevich.

In 1971 I. G. Shurgaya was appointed the chief of the Group. He was a follower of Zhebelev and Gaidukevich and dreamt of the re-creation of the Department in its former strength. In the early 1970-es the Leningrad school of classical archaeology was personified, first of all, by three bright, talented scholars: I. B. Brashinsky, A. N. Shcheglov, and K. K. Marchenko. In 1982 Yu. V. Andreev, one of the leading Russian authorities in the study of the ancient Greek and Roman history, who formerly worked at the University of Leningrad, joined the Group. In 1986 he became its head. In 1991 the Group was re-organized into the Department of Classical Archaeology of IHMC RAN. From 1998 to 2006 the chief of the Department was K. K. Marchenko. Since 2006 it has been headed by Yu. A. Vinogradov.

It can be noted with satisfaction, that the Department succeeded in keeping the Bosphorus expedition. Three detachments of the expedition work now on the Taman' peninsula and one in the Eastern Crimea.

СОТРУДНИКИ ОТДЕЛА ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ ИИМК РАН И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ В РАИМК — ГАИМК — ЛОИИМК — ЛОИА (1919—2009 гг.)

С. В. КАШАЕВ

По материалам архива и библиотеки ИИМК РАН и данным Интернета удалось найти имена 82 сотрудников, работавших в Отделе в разные годы. Научные звания, должности и прочее приведены на момент их деятельности в РАИМК — ГАИМК — ИИМК — ЛОИИМК — ЛОИА — ИИМК. К сожалению, некоторые даты либо не удалось выяснить, либо они установлены приблизительно и поэтому в тексте обозначены «?». Как видно из приведенного списка, в разные годы многие сотрудники Отдела (Разряда, Сектора, Группы) являлись сотрудниками Государственного Эрмитажа, совмещая работу в двух учреждениях. Некоторые впоследствии полностью перешли на работу в Эрмитаж. Такое исторически тесное сотрудничество двух ведущих научных центров Санкт-Петербурга в области антиковедения должно еще больше укреплять наши научные связи и взаимодействие не только при анализе исторических проблем, но и при решении вопросов развития античной археологии в непростых современных условиях.

АЛЬТМАН Моисей Семенович (1896—1986) — старший научный сотрудник. В ГАИМК—ИИМК с 1931 по 1937 г.

Основная тематика исследований: переводы с древнегреческого, происхождение греческой трагедии, исследование текстов греческих авторов — Гомера и других, техника и технология виноделия и мукомольного дела.

АНДРЕЕВ Юрий Викторович (1937—1998) — доктор исторических наук, профессор СПбГУ по кафедре истории древней Греции и Рима. В ЛОИА—ИИМК с 1984 по 1998 г. Заведующий Отделом в 1986—1998 гг., один из ведущих отечественных антиковедов.

Основная тематика исследований: ранняя история Греции от эпохи ранней бронзы (начало III тыс. до н. э.) до классического периода (IV в. до н. э.), становление греческой цивилизации, античный город и полис, культура Древней Греции.

БЕККЕР Екатерина Николаевна (1901—19??) — регистратор. В РАИМК с 1919 по 1921? г.

Закончила историко-филологический факультет Петроградского университета. Основная тематика исследований: чернолаковая керамика из Ольвии, греческий поэтический язык послегомеровской эпохи.

БЕЛЯЕВ Сергей Алексеевич (1936 г. рожд.) — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник. В ЛОИА с 1972 по 1977 г., затем перешел в Институт археологии в Москве.

Основная тематика исследований: архитектура и эпиграфика Херсонеса Таврического; краснолаковая керамика IV—VI вв.

БОГАЕВСКИЙ Борис Леонидович (1882—1942) — доктор исторических наук, старший научный сотрудник, профессор Томского, с 1922 г. — Ленинградского университета, член президиума Археологического отделения, заведующий Разрядом древних культур Средиземноморья. В РАИМК—ГАИМК—ИИМК с 1922 по 1942 г.

Основная тематика исследований: Крит и Микены, культура, традиции, искусство, быт и хозяйство Древней Греции.

БОРОВКА Григорий Иосифович (1895—1941) — научный сотрудник, профессор Государственного института истории искусств, член-корреспондент Германского археологического института (1927). В РАИМК—ГАИМК с 1919 по 1929? г.

Основная тематика исследований: скифская культура и скифское искусство, находки из скифских курганов.

БРАШИНСКИЙ Иосиф Бенъяминович (1928—1982) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. В ЛОИИМК—ЛОИА с 1956 по 1982 г.

Основная тематика исследований: античная и скифская археология и древняя история, контакты Северного Причерноморья с центрами Восточного Средиземноморья, античная эпиграфика, керамическая эпиграфика, история исследования скифских курганных комплексов, греческий керамический импорт, Елизаветовское городище, Ольвия.

БУЛГАКОВА Елизавета Каллистратовна (1869—19??) — регистратор. В РАИМК—ГАИМК с 1919 по 1926 г.

Основная тематика исследований: обработка ольвийской керамики.

ВАЛЬДГАУЕР Оскар Фердинандович (1883—1935) — научный сотрудник I-й категории, профессор ЛГУ и Академии художеств, заведующий Отделом древностей ГЭ, директор Эрмитажа (1926—1928). В РАИМК—ГАИМК с 1920 по 1930? г.

Основная тематика исследований: история античного искусства (расписных античных ваз, скульптуры, керамики).

ВАХТИНА Марина Юрьевна (1954 г. рожд.) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. В ЛОИА—ИИМК с 1978 г.

Основная тематика исследований: греческие колонии Северного Причерноморья (архаический и классический периоды), греко-варварские контакты на территории Северного Причерноморья, находки греческих импортных вещей в скифских комплексах, городище Порфмий.

ВИНОГРАДОВ Юрий Алексеевич (1950 г. рожд.) — доктор исторических наук, заведующий Отделом с 2006 г. В ЛОИА—ИИМК с 1976 г.

Основная тематика исследований: античное Северное Причерноморье, античный город и полис, греки и варвары на Боспоре Киммерийском, боспорские курганы, городище Мирмекий, античные сельские поселения Северного Причерноморья, поселение Артюшенко-1, древности Юга Аравии.

ГАЙДУКЕВИЧ Виктор Францевич (1904—1966) — доктор исторических наук, заведующий Отделом в 1951—1966 гг., профессор ЛГУ (1953). В ГАИМК—ИИМК—ЛОИА с 1932 по 1966 г., с 1935 г. — руководитель Боспорской экспедиции. Один из ведущих отечественных археологов-антиковедов.

Основная тематика исследований: античная археология Северного Причерноморья, греческие колонии Северного Причерноморья, политическая и экономическая история Боспорского царства, некрополи боспорских городов, малые города Боспора, городища Мирмекий, Тиритака, Илурат.

ГОЛЕНЦОВ Анатолий Сергеевич (1946—2008) — кандидат исторических наук, научный сотрудник. В ИИМК с 1993 по 2002 г.

Основная тематика исследований: античная история и археология Северного Причерноморья, поздние скифы в Крыму, греко-варварские контакты в Северо-Западном Крыму, городища Беляус, Кульчук.

ГОЛОВАЧЕВА Нина Владимировна (1948 г. рожд.) — младший научный сотрудник. В ЛОИА—ИИМК с 1968 по 2003 г.

Основная тематика исследований: античная археология и культура Северного Причерноморья, памятники Нижнего Побужья VI—III вв. до н. э., поселения Старая Богдановка, Козырка, Куцуруб.

ГОРОНЧАРОВСКИЙ Владимир Анатольевич (1954 г. рожд.) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. В ЛОИА—ИИМК с 1981 г., с 1982 по 2006 г. — начальник Боспорской экспедиции.

Основная тематика исследований: античное Причерноморье, греко-варварские взаимоотношения, эллинистическая керамика, военное дело Боспора римского времени, городища Илурат и Семибратнее, сельские поселения Боспора.

ГРИНЕВИЧ Константин Эдуардович (1891—1970) — доктор исторических наук, член РАО, приват-доцент Таврического университета, доцент Петроградского университета (1924), директор Керченского (1920—1921) и Херсонесского (1925—1930) музеев, заведующий кафедрой древней истории и археологии Харьковского государственного университета (1953—1966). В РАИМК с 1921 по 1924? г.

Основная тематика исследований: греческие колонии на юге России, история Греции, классическая археология, история Боспорского царства, археологическая топография греческих колоний юга России.

ДЕНИСОВА (Пругло) Виктория Ивановна (1929 г. рожд.) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. В ИИМК—ЛОИА—ИИМК с 1955 по 2005 г.

Основная тематика исследований: история, культура и археология Причерноморья и Средиземноморья в VI до н. э.—III в. н. э., античная керамика и коропластика, керамическая эпиграфика, городища Мирмекий и Ольвия.

ЕРНШТЕДТ Елена Викторовна (1894—1942) — старший научный сотрудник, преподаватель ЛГУ, сотрудник ГЭ. В ИИМК с 1939 по 1942 г.

Основная тематика исследований: античное искусство, архитектура и археология, расписные склепы Боспора Киммерийского.

ЖЕБЕЛЕВ Сергей Александрович (1867—1941) — академик АН СССР, профессор Санкт-Петербургского, затем Ленинградского университета, доктор исторических наук, действительный член АН (1927). Проректор (1911—1912) и ректор (1919) Санкт-Петербургского университета, член Академии художеств, заведующий Разрядом (Сектором) Эллады и Рима в 1919—1941 гг. В РАИМК—ГАИМК—ИИМК с 1919 по 1941 г.

Основная тематика исследований: история Древней Греции и Рима, античная эпиграфика, переводы древних авторов (Платона, Аристотеля, Аппиана), история и археология античного Причерноморья, эллинистического Востока, исследование евангелических текстов.

ЗАЛЕССКИЙ Николай Николаевич (1900—1984) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, доцент ЛГУ. В ГАИМК—ИИМК с 1931 по 1937 г. Перешел на кафедру истории древней Греции и Рима ЛГУ, впоследствии профессор, доктор исторических наук.

Основная тематика исследований: переводы греческих и латинских авторов, история античного общества, этрусское общество, античная философия.

ЗОГРАФ Александр Николаевич (1889—1942) — старший научный сотрудник, хранитель ГЭ, преподаватель ЛГУ. В РАИМК—ГАИМК с 1921 г. Выдающийся отечественный специалист в области античной нумизматики.

Основная тематика исследований: античная нумизматика Древней Греции и Рима, монетное дело античных государств Северного Причерноморья.

ЗУЕВ Вадим Юрьевич (1964 г. рожд.) — кандидат исторических наук, лаборант, член редколлегии серии «Археологические изыскания». В ЛОИА—ИИМК с 1989 по 1994 г. Перешел в ГЭ.

Основная тематика исследований: скифо-сарматская археология, история русской археологии XVIII—XX вв. За исследование «Скифский роман» (1997) в числе других авторов удостоен Государственной премии.

ИЖЕВСКИЙ Николай Павлович (1889—19??) — магистр, научный сотрудник. В РАИМК в 1920 по 1921? г.

Основная тематика исследований: переводы римских авторов, история Рима, библиографические и прогматографические указатели по югу России.

ИЗМАЙЛОВА Наталья Васильевна (1890—19??) — научный сотрудник, хранитель ГЭ, член Французского археологического общества. В РАИМК—ГАИМК с 1919 по 1930 г.

Основная тематика исследований: археологические памятники Херсонеса Таврического и его округа, мозаики Херсонеса, византийские печати, история искусства.

КАГАРОВ Евгений Георгиевич (1882—1942) — научный сотрудник, доктор греческой словесности, приват-доцент Новороссийского университета (1912), профессор Харьковского (1920) и Ленинградского (1925) университетов. В ГАИМК—ИИМК с 1932 по 1937 г.

Основная тематика исследований: история греческой литературы, история религии, история античной науки, классическая филология, греческое право, переводы греческих авторов, история античной культуры.

КАЛЛИСТОВ Дмитрий Павлович (1904—1973) — доктор исторических наук, старший научный сотрудник, доцент ЛГУ. В ГАИМК—ИИМК с 1938 по 1955 г. Впоследствии сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР, а также кафедры Древней Греции и Рима ЛГУ.

Основная тематика исследований: история Древней Греции, Рима, Северное Причерноморье в античную эпоху, история и археология Боспора.

КАПОШИНА Серафима Ивановна (1907—197?) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. В ГАИМК—ИИМК—ЛОИА с 1930 по 1968 г.

Основная тематика исследований: история античного общества, история Рима, история и археология греческих колоний Северного Причерноморья, некрополи Ольвии и Боспора, городище Порфмий, Кобяково городище.

КАРАСЕВ Александр Николаевич (1902—1972) — младший научный сотрудник. Ученик Б. В. Фармаковского. В ГАИМК—ЛОИА в 1928—1937, 1940—1971 гг.

Основная тематика исследований: античная архитектура, оборонительные сооружения и древняя топография Ольвии, античное домостроительство, городище Чайка, Неаполь Скифский.

КАСТАНАЯН (Кастанаева до марта 1938 г.) Елизавета Григорьевна (1910—1991) — кандидат исторических наук, заведующая Группой античной археологии в 1976—1979, 1982—1986 гг. В ГАИМК—ИИМК—ЛОИА с 1932 по 1986 г.

Основная тематика исследований: история античной культуры, античная археология Северного Причерноморья, история Боспорского царства, лепная керамика Боспора, погребальный обряд боспорских курганов, боспорские некрополи, городище Порфмий.

КАШАЕВ Сергей Владимирович (1969 г. рожд.) — младший научный сотрудник. В ИИМК с 1998 г., ученый секретарь Отдела с 2000 г. До 1998 г. сотрудник ГЭ.

Основная тематика исследований: античная археология Северного Причерноморья, эллинистическая керамика в Северо-Западном Крыму, греческие сельские поселения на Таманском полуострове, грунтовые некрополи Азиатского Боспора, некрополь Артюшенко-2, поселения Панское I, Артюшенко-2, городище Вышестеблиевская-11.

КИПАРИСОВ Федор Васильевич (1886—1936) — заместитель председателя ГАИМК, член Президиума ГАИМК, директор Московского отделения ГАИМК (1933—1934), член Правления издательства «Работник просвещения», профессор Историко-лингвистического института, заместитель главного редактора «Словаря русского языка» АН СССР. В ГАИМК с 1929 по 1936 г. Арестован в 1936 г. по ложному обвинению, расстрелян по приговору суда 19 декабря 1936 г. (по данным НКВД). По официальной версии погиб в заключении в 1939 г.

Основная тематика исследований: классическая филология, переводы древних авторов, Маркс и античность, Лениниана, советская педагогика.

КНИПОВИЧ Татьяна Николаевна (1895—1975) — старший научный сотрудник, доктор исторических наук, старший научный сотрудник ГЭ, профес-

сор ЛГУ, профессор Академии художеств. В РАИМК—ИИМК—ЛОИА с 1920 по 1972? г.

Основная тематика исследований: эпиграфика, история и археология древнегреческих колоний Северного Причерноморья, греческая торговля, античная расписная керамика, искусство и керамика Ольвии, городище Танаис, некрополь Ольвии, Елизаветовское городище.

КОВАЛЕВ Сергей Иванович (1886—1960) — доктор исторических наук, старший научный сотрудник, профессор, действительный член и член Президиума ГАИМК, директор Института рабовладельческого общества, заведующий Секторов античной культуры и древнего Причерноморья. В ГАИМК—ИИМК с 1930 по 1946 г. Затем заведующий кафедрой истории древней Греции и Рима ЛГУ.

Основная тематика исследований: всеобщая история, история Древнего мира, история античного общества, Александр Македонский, восстания рабов, применение марксистского метода в изучении истории.

КОЛОБОВА Ксения Михайловна (1905—1977) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. В ГАИМК—ИИМК с 1932 по 1937 г.

Основная тематика исследований: античные письменные источники, экономика и торговля Древней Греции, древнегреческое судостроительство, становление рабовладельческого общества, структура древнегреческого общества, город Афины.

КРЮГЕР Отто Оскарович (1893—1967) — научный сотрудник, действительный член ГАИМК, заведующий отделением античных городов ГЭ, профессор и заведующий кафедрой Института им. Герцена, первый начальник Керченской (Боспорской) экспедиции, в 1936—1937 гг. и. о. председателя Академии. В ГАИМК с 1920 по 1937 г. Арестован в 1938 г., до 1956 г. в ссылке.

Основная тематика исследований: классическая филология, древние письменные источники, папирология, история эллинизма, сельское хозяйство эллинистического Египта, рабские восстания в античном мире.

ЛАТЫШЕВ Василий Васильевич (1855—1921) — приват-доцент Санкт-Петербургского университета (1884), член-корреспондент и действительный член РАО (1886), ординарный академик АН (1893), директор Департамента народного просвещения (1896), председатель Общества классической филологии и педагогики (1896), товарищ председателя ИАК (1900—1919), член совета Православного Палестинского общества (1903), директор Историко-филологического института (1903—1919), заведующий Разрядом древностей греческих юга России (1919—1921). В РАИМК с 1919 по 1921 г.

Основная тематика исследований: классическая филология, древние письменные источники, эпиграфика, сведения древних авторов о Скифии и Кавказе, своды и собрания греческих и латинских надписей юга России.

ЛЕВИ Елена Ивановна (1903—1996) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. В ГАИМК—ИИМК—ЛОИА с 1926 по 1986? г. Ученица Б. В. Фармаковского.

Основная тематика исследований: античная колонизация Южного Причерноморья, античная археология Северного Причерноморья, греческая керамика, техника строительного дела Древней Греции, Гераклея Понтий-

ская, жилые дома и винодельни Ольвии, греческие надписи Ольвии и Херсонеса.

ЛОБАЗИНА Вера Германовна (1904—19??) — регистратор. В РАИМК в 1919—1920 гг.

Основная тематика исследований: разбор, сортировка, фотофиксация каталогизация и пр. керамики из раскопок Ольвии.

ЛУКЪЯНОВ Сергей Сергеевич (1889—1938?) — научный сотрудник Российской Археологической комиссии, профессор Петроградского университета, член Академии и ее ученый секретарь, заведующий разрядом археологии Скифии и Сарматии. В РАИМК с 1919 по 1921 г. Арестован в 1935 г., погиб в заключении.

Основная тематика исследований: античная история и археология, классическая филология (греческая литература, римская комедия и пр.), античная расписная керамика, скифские курганы, скифо-сарматские древности.

ЛУРЬЕ Любовь Альбертовна (1904—19??) — сотрудник. В РАИМК в 1924—1926? гг.

Основная тематика исследований: разбор, сортировка, каталогизация и пр. керамики из раскопок Ольвии, светильники римского времени.

МАКСИМОВА Марья Ивановна (1885—1973) — доктор исторических наук, старший научный сотрудник, профессор ЛГУ, сотрудник ГЭ (с 1914 г.), заведующая Сектором (1942, 1947—1951). В РАИМК—ИИМК—ЛОИА с 1925 по 1966? г.

Основная тематика исследований: античные письменные источники, история греческих колоний Южного Причерноморья, курганы Боспора Киммерийского, античная художественная керамика, греческие фигурные вазы, эллинистическая техника, античные резные камни (геммы и скарабеи) из Ольвии, Херсонеса и др.

МАЛЕР Эльза Эдуардовна (1883—19??) — сотрудник. В РАИМК в 1919—1920 гг. Ученица Ф. Ф. Зелинского.

Основная тематика исследований: классическая филология, хранение, разбор, сортировка, каталогизация и пр. керамики из раскопок Ольвии.

МАЛКИНА Екатерина Романовна (1898—1945) — научный сотрудник. В РАИМК с 1919 по 1921 г. Ученица Ф. Ф. Зелинского, Б. В. Фармаковского. Перешла в Пушкинский Дом и ГЭ. Убита в своей квартире 01.01.1945.

Основная тематика исследований: классическая филология, переводы древних авторов, обработка коллекций из раскопок курганов юга России.

МАНЦЕВИЧ Анастасия Петровна (1899—1982) — научный сотрудник. В РАИМК—ГАИМК с 1920 по 1933 г. Ученица О. Ф. Вальдгауера, Б. В. Фармаковского. Перешла в ГЭ.

Основная тематика исследований: классическая филология, история искусства, ювелирное производство греческих колоний Северного Причерноморья, скифские царские курганы, находки золотых и серебряных вещей из Ольвии.

МАРЧЕНКО Константин Константинович (1939 г. рожд.) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Отделом в 1998—2005 гг. В ЛОИА—ИИМК с 1967 г.

Основная тематика исследований: античная археология Северного Причерноморья, греки и варвары в Северном Причерноморье в VII—I вв. до н. э. (проблемы, контакты, взаимодействия), Елизаветовское городище на Нижнем Дону, сельские поселения Ольвии.

МАТЬЕ Милица Эдвиновна (1899—1966) — регистратор, кандидат исторических наук, научный сотрудник ГЭ. В РАИМК с 1919 по 1923 г. Ученица Б. В. Фармаковского, О. Ф. Вальдгауера и Е. М. Придика. Перешла в ГЭ.

Основная тематика исследований: египетские древности — амулеты и печати из раскопок Ольвии, классификация ольвийской коллекции.

МЕЛЕНТЬЕВА (Падва) Гуля М. (19??—1972?) — научный сотрудник. В ЛОИА с 1970 по 1972 г.

Основная тематика исследований: археологические памятники на нижнем Дону, курганы позднесарматского времени.

МИЛЛЕР Александр Александрович (1875—1935) — штабс-капитан русской армии (до 1918 г.), академик, профессор ЛГУ, председатель Этнологического отделения РАИМК—ГАИМК, заведующий разрядом палеоэтнологии, Директор Русского музея (1918—1921), начальник Таманской экспедиции. В РАИМК—ГАИМК с 1919 по 1935 г. Арестован в 1933 г., погиб в ссылке.

Основная тематика исследований: греко-варварские памятники Подонья—Предкавказья, разведки на Таманском полуострове и Северном Кавказе, раскопки курганов у станицы Елизаветовской, исследования в окрестностях Таганрога, древний Танаис.

МИЛОВА Татьяна Ильинична (19??—19??) — научно-технический сотрудник. В РАИМК—ГАИМК с 1926 по 1930? г.

Основная тематика исследований: обработка ольвийской коллекции, участие в раскопках Ольвии.

МОИСЕЕВ Лаврентий Алексеевич (1882—1946) — научный сотрудник, член ИАК, заведующий складом древностей и раскопками Херсонеса, директор Херсонесского музея (1920—1924). В ГАИМК с 1927 по 1929 г.

Основная тематика исследований: история и археология Крыма, каталог ваз Эрмитажа, раскопки Херсонеса и Керкинитиды, исследование системы мелиорации, ирригации и водоснабжения древнего Херсонеса.

НАЛИВКИНА Мария Арсеньевна (1904—19?? после 1983) — младший научный сотрудник. В ГАИМК—ИИМК—ЛОИА с 1935 по 1966? г.

Основная тематика исследований: античная история и археология, торговые связи городов Северного Причерноморья, костяные изделия Ольвии, терракоты из раскопок Керчи, керамика римского времени из Херсонеса, античные города Западного Крыма, исследования Керкинитиды и Калос Лимена.

НИКИТСКИЙ Александр Васильевич (1859—1921) — академик, действительный член Академии наук, профессор Санкт-Петербургского университета, член Одесского общества истории и древностей, МАО, Германского археологического общества и др. В РАИМК с 1920 по 1921 г.

Основная тематика исследований: античная эпиграфика, свод греческих, латинских и средневековых надписей Северного Причерноморья.

ПИНИ (Бензель по мужу) Ольга Александровна (1901—19??) — научный сотрудник. В РАИМК—ГАИМК с 1919 по 1929? г. Ученица Б. В. Фармаковского и О. Ф. Вальдгауера и др.

Основная тематика исследований: античная история и археология Северного Причерноморья, каталогизация и классификация ольвийской коллекции, алебастровые сосуды из раскопок Ольвии, история античного искусства.

ПИОТРОВСКИЙ Адриан Иванович (1898—1938) — научный сотрудник, секретарь Разряда археологии Скифии и Сарматии. В РАИМК в 1919—1920? гг. Ученик Ф. Ф. Зелинского, Б. В. Фармаковского, М. И. Ростовцева.

Основная тематика исследований: античная филология, древнегреческая литература, переводы, древнегреческая вазовая живопись, панафинейские амфоры.

ПРИДИК Евгений Мартынович (1865—1935) — научный сотрудник, профессор Петроградского университета, хранитель ГЭ, член РАО, член Германского археологического института и др. В РАИМК с 1919 по 1921 гг.

Основная тематика исследований: античная филология, керамическая эпиграфика, сборник греческих и латинских надписей Северного Причерноморья.

ПРУШЕВСКАЯ Евгения Оттовна (1890—1942) — научный сотрудник, адъюнкт, секретарь Отдела древностей античных и раннехристианских, хранитель ГЭ. В РАИМК—ГАИМК с 1919 по 1930 г. Перешла в ГЭ.

Основная тематика исследований: античная история и археология, раскопки Ольвии и Березани, изучение ольвийской коллекции, художественные и ювелирные изделия Северного Причерноморья, вазовая живопись, краснофигурная керамика Ольвии.

РАКОВ Лев Львович (1904—1970) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, доцент ЛИЛИ, сотрудник ГЭ, ученый секретарь Сектора античного общества. В ГАИМК—ИИМК с 1933 по 1937 г. Арестован в 1938 г. Впоследствии организатор Музея обороны Ленинграда (1944—1947), присвоено звание полковника, директор Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (1947—1949).

Основная тематика исследований: античная история и археология, быт, социальный строй и политическое устройство античного общества, раннее христианство.

РОГОВ Евгений Яковлевич (1951—2001) — кандидат исторических наук, научный сотрудник. В ЛОИА—ИИМК с 1977 по 2001 г. Ученик А. Н. Щеглова.

Основная тематика исследований: Северное Причерноморье в античное время, история и археология Херсонесского государства, сельская округа Ольвии, греки и варвары на Боспоре Киммерийском, сельские поселения Боспора, некрополь Панское I.

РУДНЕВА Степанида Дмитриевна (1890—1989) — ассистент. В РАИМК с 1919 по 1921 г. Ученица Ф. Ф. Зелинского и Б. В. Фармаковского. Впоследствии основатель и художественный руководитель студии танца «Гептахор», музыкальный педагог и методист по детскому музыкально-двигательному образованию, преподаватель МГУ.

Основная тематика исследований: античная керамика, техника и технология производства сероглиняной и черноглиняной керамики Ольвии и ее датировка.

СЕМЕНОВ-ЗУСЕР Семен Анатольевич (1887—1951) — кандидат исторических наук, научный сотрудник, доцент ЛГУ. В ГАИМК с 1930 по 1934 г. Перешел в Харьковский университет.

Основная тематика исследований: торговые пути и транспортные средства в Северном Причерноморье в эллинистический период, скифские древности.

СЕРГЕЕНКО Мария Ефимовна (1891—1987) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, доцент ЛГУ. В ГАИМК—ИИМК с 1934 по 1942 г. Впоследствии доктор исторических наук, старший научный сотрудник ЛО Института истории АН СССР.

Основная тематика исследований: античная история и культура, классическая филология, история Рима, сельскохозяйственное производство в Римской империи, древние авторы о сельскохозяйственном производстве.

СЛАВИН Лазарь Моисеевич (1906—1971) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Института истории рабочего общества, в 1934 г. начальник Керченской (Боспорской) экспедиции. В ГАИМК—ИИМК с 1929 по 1939 г. Перешел в ИА АН УССР, член-корреспондент АН УССР (1939).

Основная тематика исследований: античная археология Северного Причерноморья, планировка античных городов, история Ольвии, методика исследования античных памятников, история изучения античных древностей Северного Причерноморья.

СТОЛБА Владимир Федорович (1964 г. рожд.) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, сотрудник Датского центра по изучению Черного моря. В ЛОИА—ИИМК с 1986 г. Ученик А. Н. Щеглова.

Основная тематика исследований: античная нумизматика и эпиграфика Причерноморья, история и археология Крыма в античную эпоху, поселение Панское I.

СТОЯНОВ Роман Владимирович (1976 г. рожд.) — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник. В ИИМК с 2004 г. Ученик Е. Я. Рогова.

Основная тематика исследований: античная археология Причерноморья (период классики и эллинизма), некрополи античных городов (доримское время), культура Херсонеса Таврического.

ТОЛСТОЙ Иван Иванович (1880—1954) — магистр греческой филологии, профессор, хранитель Музея древностей при СПб университете (1903—1909). В РАИМК с 1920 по 1921 г. Арестовывался в 1928 и 1931 гг. В дальнейшем член-корреспондент АН СССР (1939), академик (1946).

Основная тематика исследований: классическая филология, переводы древних авторов, история и археология Северного Причерноморья, культы греческих богов (Ахилл, Аполлон и др.) в Ольвии и на Боспоре.

ТРЕВЕР Камилла Васильевна (1892—1974) — научный сотрудник, секретарь издательства ГАИМК, сотрудник ГЭ, доцент ЛГУ. В Разряде древностей

античных и раннехристианских, а также Скифии и Сарматии РАИМК—ГАИМК с 1919 по 1929 г., далее перешла в разряд Кавказа и Ирана. Участница студии «Гептахор». Впоследствии старший научный сотрудник, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Уз. ССР, член-корреспондент АН СССР.

Основная тематика исследований (1919—1929): классическая филология, краснофигурная и полихромная керамика из Ольвии, греческое искусство.

ТРЕВЕР Нина Васильевна (1893—19??) — регистратор, научный сотрудник Русского музея. В РАИМК с 1919 по 1925 г.

Основная тематика исследований: составление указателя античных древностей, найденных в южнорусских курганах, описание художественной коллекции.

ТРЕВЕР Ильза Васильевна (1893—1955) — регистратор, член постоянной комиссии по изучению юга России, заведующая картографическим складом Комиссии по изучению естественных производительных сил России. В РАИМК с 1919 по 1924 г. Участница студии «Гептахор», впоследствии известная поэтесса.

Основная тематика исследований: обработка, описание и составление научного каталога ольвийских бус, обработка и систематизация библиографического материала.

ТЮМЕНЕВ Александр Ильич (1880—1959) — действительный член Академии наук (академик, 1932), заведующий кафедрой истории Древней Греции, профессор ЛГУ, ответственный редактор «Большой Советской Энциклопедии». В ГАИМК—ИИМК с 1931 по 1938 г. Перешел в Институт истории.

Основная тематика исследований: экономическая, социальная и политическая история Древней Греции, история Херсонеса Таврического.

УСТИНОВА Юлия Борисовна (1962 г. рожд.) — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник. В ЛОИА с 1988 по 1990 г. С 1990 г. живет и работает в Израиле.

Основная тематика исследований: древнегреческая религия, религия античных государств Северного Причерноморья, частные культовые сообщества в Греции и Причерноморье в VI—I вв. до н. э.

ФАН-ДЕР-ФЛИТ Наталия Константиновна (1901—19??) — регистратор. В РАИМК с 1919 по 1921 г.

Основная тематика исследований: античное искусство и культура, научное описание и подготовка к изданию бронзовых предметов из Ольвии.

ФАРМАКОВСКИЙ Борис Владимирович (1870—1928) — профессор Санкт-Петербургского университета, ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе (1898—1900), член ИАК (1901—1918), член-корреспондент АН (1914), заведующий Разрядами археологии Скифии и Сарматии и Греко-римского искусства, хранитель ГЭ, ученый секретарь РАИМК (с 1921 г.). В РАИМК—ГАИМК с 1919 по 1928 г. Один из выдающихся отечественных антиковедов.

Основная тематика исследований: античная археология, история и археология Северного Причерноморья, античная художественная керамика, исто-

рия древнего искусства, городище Ольвия, произведения античного искусства из скифских царских курганов.

ХУДЯК Марк Матвеевич (1899—1959) — младший научный сотрудник, научный сотрудник ГЭ. В ГАИМК—ИИМК с 1930 по 1938 г. Перешел в ГЭ.

Основная тематика исследований: античная археология Северного Причерноморья, Горгиппия по археологическим материалам, ольвийское общество в эллинистическую эпоху, боспорский город Нимфей.

ШАРОВ Олег Васильевич (1960 г. рожд.) — кандидат исторических наук, научный сотрудник. В ИИМК с 2003 г.

Основная тематика исследований: хронология римского времени и черняховской культуры, этнополитические процессы на Боспоре в первые века новой эры, боспорские некрополи римского времени; создание полного каталога полихромных изделий римского времени; тамги как знаковая система иранских и тюркских народов.

ШАУБ Игорь Юрьевич (1951 г. рожд.) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. В ЛОИА—ИИМК с 1974 г. Ученик Ю. В. Андреева.

Основная тематика исследований: античная археология Северного Причерноморья, духовная культура населения Северного Причерноморья в античную эпоху, греко-варварские взаимоотношения в религиозной сфере.

ШМИДТ Раиса Викторовна (1897 или 1899—1941) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, доцент ЛГУ. В ГАИМК—ИИМК с 1931 по 1941 г.

Основная тематика исследований: религия и культы в Древней Греции, металлическое производство в мифах Древней Греции, древняя Фессалия, ремесло, сельское хозяйство и горное дело в античности, вопросы греческой колонизации, архаическая расписная керамика.

ШУВАЛОВ Петр Валерьевич (1963 г. рожд.) — кандидат исторических наук, научный сотрудник, преподаватель СПбГУ и других вузов. В ЛОИА—ИИМК с 1989 по 1998 г.

Основная тематика исследований: история и археология поздней античности и раннего средневековья, этнокультурные процессы на территории Днестро-Дунайского междуречья в середине I тыс. н. э., методика изучения археологических данных.

ШУЛЬЦ Павел Николаевич (1900—1983) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, начальник Евпаторийской, Тавро-Скифской, Крымской экспедиций, доцент Академии художеств, заведующий античным сектором государственного Музея изобразительных искусств им. Пушкина (1944—1948), заведующий отделом античной и средневековой археологии Крымского филиала ИА АН УССР (1948—1966), заведующий Группой античной археологии ЛОИА в 1965—1971 гг. В ГАИМК—ИИМК—ЛОИА в 1926—1974 гг.

Основная тематика исследований: вопросы греческой колонизации, история античной техники, монументальная скульптура скифо-сарматского мира, тавро-скифы в предгорном Крыму, Неаполь Скифский.

ШУРГАЯ Игорь Георгиевич (1934—1982) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, с 1972 г. начальник Боспорской экспедиции. В ИИМК—ЛОИА с 1958 по 1982 г. Заведующий Группой античной археологии в 1971—1975, 1979—1982 гг. Ученик В. Ф. Гайдукевича.

Основная тематика исследований: античная археология Северного Причерноморья, история и археология Боспорского царства, Александрия Египетская в эпоху эллинизма и ее керамическое производство, эллинистическая керамика Боспора, городище Илурат.

ЩЕГЛОВ Александр Николаевич (1933—2009) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, доцент СПбГУ по кафедре археологии. В ЛОИА—ИИМК с 1968 по 2005 г. Ученик П. Н. Шульца.

Основная тематика исследований: теория греческой колонизации, греческая колонизация на Черном море, греко-варварские взаимоотношения в Северном Причерноморье, пространственная структура периферийного греческого государства (система «полис-хора»), Херсонесское государство, историческая география и палеогеография Черного моря, методика археологических исследований; поселение Панское I.

ЭНМАН Наталия Александровна (1889—1961) — ассистент. В РАИМК с 1919 по 1922 г. Одна из основательниц и активных участниц студии «Гепта-хор». Впоследствии сотрудник музея С. М. Кирова.

Основная тематика исследований: ионийская расписная керамика в Северном Причерноморье (из Ольвии и Тамани), история о. Березань, история изучения Березани.

СТАТЬИ

СИМВОЛИЗМ В НАЧАЛЕ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ¹

В. И. ТАШАК

Введение

В конце 80-х гг. XIX в. по Западному Забайкалью совершал поездку В. В. Птицын, который, наряду с наблюдениями за жизнью и бытом местного населения, проводил археологические изыскания. Оценивая полученные на берегах Селенги археологические материалы, он пришел к выводу, что забайкальские находки каменного века выглядят примитивнее европейских не в силу их большей древности, а по причине отсталости в развитии древнего человека Забайкалья. Кроме того, им было высказано сомнение в существовании искусства у забайкальского населения каменного века (Птицын 1896: 107).

К концу XX в. в Забайкалье было выявлено несколько десятков памятников, датируемых ранним этапом верхнего палеолита. В культурных горизонтах некоторых из них обнаружены свидетельства символической деятельности палеолитического населения в регионе. Особое место среди таких памятников занимает поселение Подзвонкая, датируемое эпохой начала верхнего палеолита.

Поселение расположено на востоке Кяхтинского административного района Республики Бурятия, в 7 км на юго-запад от с. Тамир. Оно приурочено к левому борту долины небольшой горно-равнинной речки Тамир в юго-западных отрогах Тамирского хребта (юг Западного Забайкалья). Из гористого массива по левому берегу речки в долину выдается гора со скалистыми склонами, эти склоны ограничивают с севера западину в форме амфитеатра. На обширной внутренней площади амфитеатра (около 200—230 м с севера на юг и около 300 м с востока на запад) обнаружено 4 места концентрации археологических материалов эпохи палеолита, обозначаемых как Восточный, Юго-Восточный, Западный и Нижний комплексы. Каждый из них может рассматриваться как самостоятельный археологический объект.

¹ Работа выполнена при поддержке Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект 25.1.

В силу того, что памятник расположен на подгорных шлейфах, его культурные горизонты подвергались активному воздействию денудационных процессов. Степень воздействия на разных участках была неодинакова. В ходе раскопок Восточного комплекса выявлены структурные элементы древнего поселения — очаги, каменные конструкции, рабочие площадки. Западный комплекс расположен под склоновым желобом, где денудационные процессы проявляются наиболее ярко, что привело к сильной деформации культурных горизонтов.

Свидетельства символизма зафиксированы в трех комплексах — Восточном, Юго-Восточном и Нижнем.

Восточный комплекс является наиболее представительным как по количеству предметов неутилитарного назначения, так и по их разнообразию. Он расположен в глубине амфитеатра, в 300 м восточнее скалистых бортов, окаймляющих долину Тамира. Комплекс приурочен к субгоризонтальной площадке на поверхности подгорного шлейфа южной экспозиции. Здесь сохранился участок со слабо наклоненной поверхностью, ограниченный с юга руслом древнего оврага с каменистыми бортами, с запада — небольшим прогибом поверхности, представляющим собой погребенный овражек. С востока и северо-востока комплекс ограничивается увеличивающейся крутизной поверхности шлейфа с мощными каменными завалами. В ходе раскопок Восточного комплекса установлено, что археологические и палеонтологические материалы залегают на трех уровнях, связанных с разными литологическими подразделениями осадочной толщи. Эти уровни залегания находок были определены как культурные горизонты. На раскопанном участке культурные горизонты 1 и 2 содержат переотложенные материалы, и только в 3-м горизонте сохранились конструктивные элементы древней стоянки. Все рассматриваемые ниже артефакты происходят из 3-го культурного горизонта.

В *Юго-Восточном комплексе* археологические и палеонтологические материалы получены из двух уровней залегания — верхнего и нижнего, выделенных на древнем погребенном склоне, где слои частично деформировались и накладывались друг на друга. В южной стенке раскопа зафиксировано разделение культурных горизонтов, но раскопки затронули только край этой площади. Почти все свидетельства символизма Юго-Восточного комплекса получены из нижнего уровня у подножия древнего погребенного склона (борт подгорного шлейфа) или из подошвы культурного слоя на погребенном склоне.

Палеолитические материалы *Нижнего комплекса* зафиксированы в двух культурных горизонтах. Первый горизонт залегает на небольшой глубине (10—15 см) и его палеолитические материалы частично перемешаны с артефактами бронзового и раннего железного веков. Подвеска и кость с прочерченными линиями найдены во втором культурном горизонте, кровля которого залегает на глубине от 20 до 30 см, а подошва — до 100 см.

Украшения

Наиболее многочисленную группу рассматриваемых здесь находок составляют украшения-подвески. Начиная с 1996 г. в раскопах отдельных комплексов поселения Подзвонкая найдено 22 подвески, из них 18 изделий изготовлено из

скорлупы яиц страусов. В *Восточном комплексе* зафиксировано 15 подвесок, в том числе 12 — из скорлупы яиц страусов. В группе подвесок можно выделить несколько типов, различающихся по размерам и форме. После первых находок подвесок, представленных тремя крупными фрагментами полукруглой формы, было высказано предположение, что, будучи целыми, они имели округлую форму (рис. 1, 1—3). Однако пока целых изделий такой формы не найдено. В то же время обнаружено две подвески, по которым видно, что форма изделий была каплевидной или листовидной. Полностью сохранившаяся подвеска (рис. 1, 4) имеет форму широкого и короткого листочка с крупным отверстием в центре. Внешний край (ребро) подвески зашлифован. Насечек по краю нет. Край отверстия несет следы сверления с тыльной стороны и следы обломов и выкрошенности с лицевой стороны. Под лицевой стороной здесь и далее понимается внешняя сторона скорлупы, и именно так ее воспринимали и древние люди. Об этом можно судить хотя бы по тому, что все насечки, наносимые на края подвесок, располагались именно на внешней стороне.

Сломанная подвеска, большая часть которой сохранилась (рис. 1, 5) и позволяет говорить о форме в целом, дает несколько иную разновидность того же листовидного типа. Она имеет более удлиненную форму и меньшее по размеру отверстие, просверленное с тыльной стороны ближе к тупому концу «листочка». По лицевому краю ребра нанесены мелкие (длиной до 1 мм) насечки, идущие по всему периметру примерно на одинаковом расстоянии друг от друга. Край отверстия с лицевой стороны выкрошены. В коллекции имеется еще один крупный обломок подвески, оставшийся, вероятно, от изделия такой же формы, но с крупным отверстием и крупными насечками.

Кроме крупных фрагментов в *Восточном комплексе* выявлено 5 мелких обломков подвесок (рис. 1, 6). Один из них после переоформления превратился в «целое» изделие — ближе к краю этого обломка было просверлено небольшое отверстие (рис. 1, 7). Важной особенностью этого предмета является то, что край отверстия сломанного крупного изделия был зашлифован значительно сильнее, чем на других экземплярах, т. е. обнаруживается целенаправленная шлифовка края отверстия.

Еще один довольно крупный обломок (рис. 1, 8) имеет вогнутый зашлифованный край, на котором сохранилась одна насечка. Если это край отверстия, то оно, судя по дуге, должно было быть очень большим, но вполне возможно, что подвеска просто имела форму полумесяца. О том, что это была именно подвеска, свидетельствует сохранившийся край небольшого круглого просверленного отверстия. Этот край сильно затерт. Сверлилось отверстие с внешней стороны скорлупы. Следует отметить, что еще один фрагмент также несет остатки небольшого отверстия, просверленного с внешней стороны скорлупы (см. рис. 1, 6).

Кроме украшений из скорлупы в раскопе *Восточного комплекса* отмечаются еще три находки, определяемых как подвески. Одна из них сделана из камня черного цвета, видимо очень мягкой породы. Камень слоистый, типа сланцев. Для изготовления подвески использована отслойка камня толщиной 1 мм. Изделие, имевшее эллипсоидную форму, сломано пополам (рис. 1, 9). Посередине было просверлено мелкое отверстие, сверление велось только с одной стороны. Внешнее ребро подвески тщательно зашлифовано. После шлифовки на ребро были нанесены насечки.

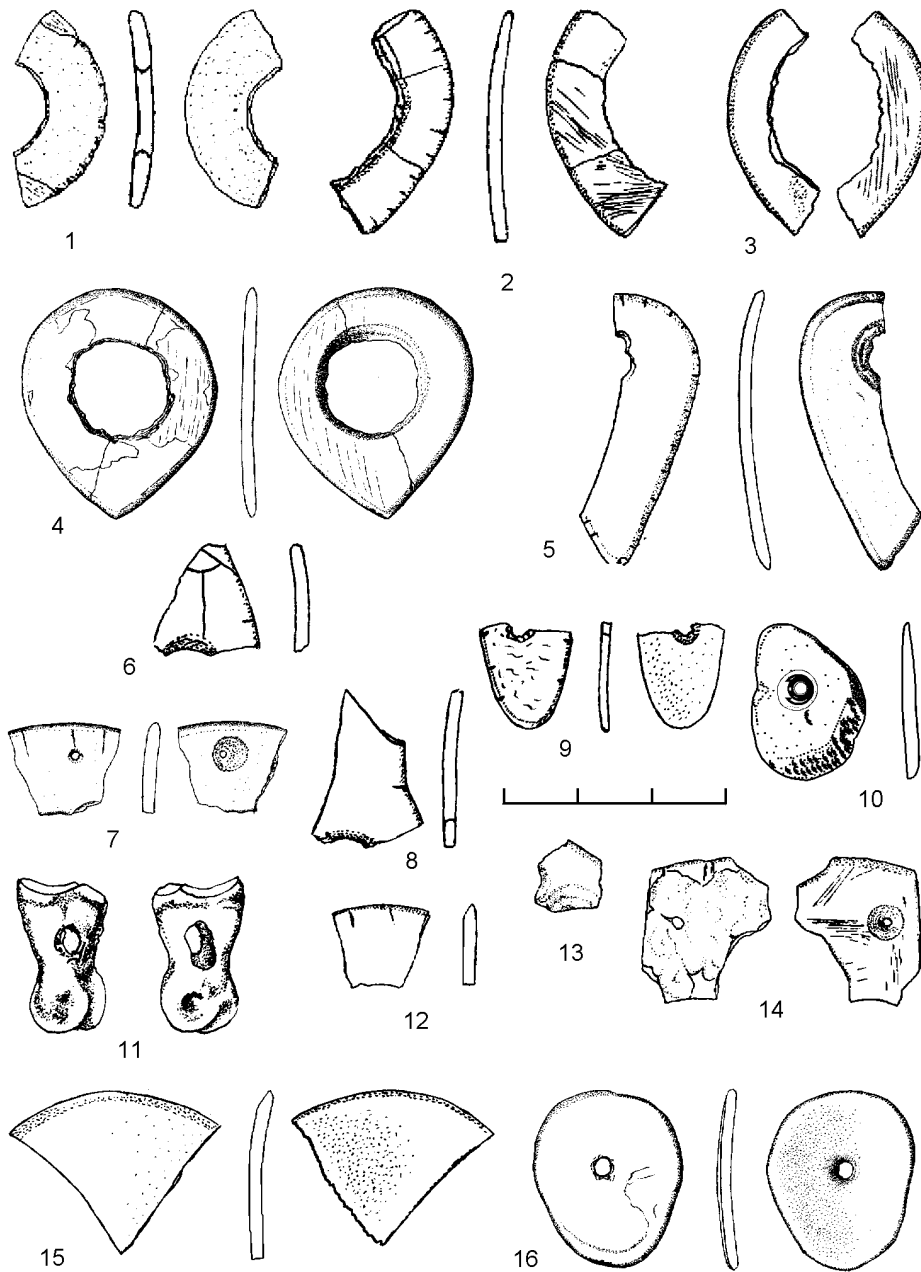

Рис. 1. Подзвонка, подвески и изделие из скорлупы яйца страуса: 1—8, 12—16 — скорлупа; 9, 10 — камень; 11 — кость

Вторая подвеска из камня светло-бежевого цвета размером 20 x 15 мм имеет неправильную четырехугольную (со сглаженными углами) или каплевидную форму. Мелкое отверстие биконического сверления расположено ближе к узкому концу. Камень обработан тщательным шлифованием с двух сторон (рис. 1, 10). Край тоньше, чем центральная часть изделия. Это было достигнуто интенсивным стиранием камня об абразив с одной стороны. Край ребра зашлифован так же, как края изделий из скорлупы.

Третье изделие представлено просверленной костью конечности мелкого копытного животного (рис. 1, 11). Сверление так же, как и в случаях со скорлупой, было односторонним — просверлена одна стенка кости, а вторая выломана давлением сверла.

Кроме подвесок в Восточном комплексе найдено округлое изделие из скорлупы раковины беззубки. Сохранность находки очень плохая. На внешней и внутренней поверхностях отмечены следы охры.

В раскопе *Юго-Восточного комплекса* обнаружено 6 обломков изделий из скорлупы яиц страусов, из них 5 подвесок. Три изделия, судя по внешнему виду, относятся к обломкам подвесок первого типа — с широким отверстием (рис. 1, 12). По краям обломков с лицевой стороны сохранились насечки длиной до 3 мм. Два других фрагмента отличаются от описанных выше. Один фрагмент очень мелкий (рис. 1, 13) — сохранились внешний край с выпуклым зашлифованным ребром и закраины двух мелких отверстий, расположенных близко друг к другу и просверленных с тыльной стороны. Второй фрагмент представляет собой обломок изделия неясной формы с ровным ребром и очень крупным отверстием с выкрошенными краями и без видимых следов сверления (рис. 1, 14). Уже после поломки фрагмент был снова просверлен с тыльной стороны.

Последнее изделие из скорлупы представляет собой большой обломок крупного округлого предмета, предположительно блюдцевидной формы (рис. 1, 15). Его внутренняя поверхность несла следы охры. Этот артефакт, вероятно, не относится к подвескам, хотя, возможно, отверстие было мелким и располагалось асимметрично — ближе к краю.

В *Нижнем комплексе* обнаружено одно изделие из скорлупы. Это целая подвеска, имеющая форму слегка вытянутого овала (рис. 1, 16). Примерно в середине подвески с тыльной стороны просверлено мелкое отверстие. Обе поверхности покрыты карбонатной коркой.

Изображения на камне

Отдельную категорию находок Подзвонкой составляют камни с нанесенными на них изображениями. Всего сейчас в коллекции 6 таких предметов. Они происходят из Юго-Восточного и Восточного комплексов. Изображения делятся на два типа. К первому отнесен рисунок, выбитый на ровной поверхности одного из камней (Ташак 2004), а ко второму — прочерченные гравировки.

Изображение первого типа выполнено на нуклеусе, обнаруженном в 1999 г. в 3-м культурном горизонте Восточного комплекса. Нуклеус оформлен на угловатом куске кремневой породы (туф) черного цвета. Естественная по-

верхность сырьевого желвака покрыта светло-серой патиной. Нуклеус двухфронтальный двухплощадочный подпризматического типа с негативами пластинчатых субпараллельных снятий на обеих поверхностях скалывания. Ударная площадка, служившая для снятия пластинчатых заготовок с основного фронта, сильно скошена к контрфронт. Она представлена шероховатой патинизированной естественной поверхностью, на которой и было выбито изображение (рис. 2). Детальное изучение изображения показало, что составляющие его линии образованы серией мелких фасеток, выполненных методом точечной выбивки, близким ретушированию. Наличие нескольких трещин, проникающих в камень на различную глубину, послужило причиной прекращения расщепления нуклеуса. Эти трещины, выходящие к поверхности ударной площадки, стали основой выбитого изображения — часть поверхности ударной площадки, прилегающая к трещине, скалывалась, и образовывалась ровная углубленная линия (рис. 3). Вероятнее всего, мелкие фасетки скалывались при помощи посредника или отжимом с применением мягкого отжимника.

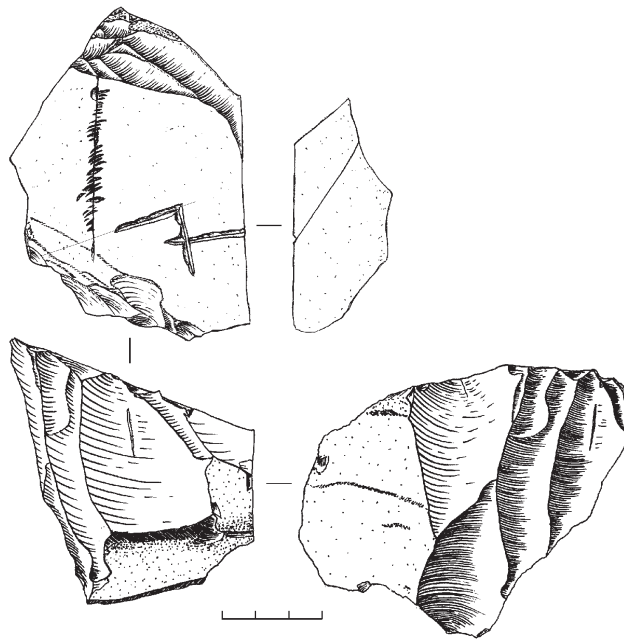

Рис. 2. Подзвонкая, нуклеус с изображением, выбитым на ударной площадке

Рис. 3. Подзвонкая, схема нанесения изображения на нуклеус: А — расположение трещин относительно поверхности; Б — скалывание края трещины

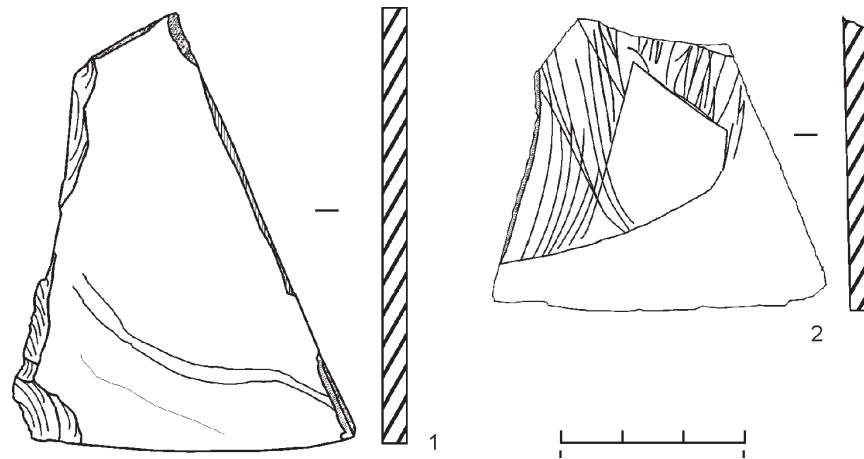

Рис. 4. Подзвонкая, гравированные изображения на каменных плитках

Определение смыслового содержания рассматриваемого рисунка затруднительно, хотя можно отметить, что изображения угловатых («крышевидных») фигур давно известны в искусстве палеолита. Они вошли в литературу под названием «тектиформы». Семантика этих фигур трактуется по-разному (Елинек 1982). Рисунок из Подзвонкой несколько проще других известных «крышевидных» изображений — здесь нет «стенок», основания и пр. Можно предположить, что это не просто некий абстрактный символ, а изображение горы, у подножия которой находилось древнее поселение (Ташак 2004).

Изображения второго типа прочерчены на сланцевых плитках толщиной 4—5 мм. Линии, формирующие рисунок, наносились на ровные поверхности плиток, они углублены на доли миллиметра (не более 0,2 мм). Преобладающая ширина линий около 0,1—0,15 мм, в редких случаях отмечаются линии шириной 0,3 мм. В тех случаях, где представлена полная длина линий (короткие штрихи), видно, что они неравномерны как по ширине, так и по глубине, т. е. на разных этапах прочерчивания сила, действующая на камень через инструмент, была различна. Ни одно изображение не дошло до нас целиком, и потому понимание их семантики затруднено (рис. 4, 1).

Остаток «картинки» на самом крупном фрагменте состоит из нескольких групп штрихов и линий различной длины, он напоминает верхнепалеолитическую технику рисования длинной шерсти животных (рис. 4, 2). Штрихи, подчеркивающие контуры фигур — характерная деталь верхнепалеолитического искусства. Исходя из этого, можно предполагать, что по крайней мере некоторые обломки плиток с Подзвонкой несут на своей поверхности фрагменты рисунков каких-либо животных или абстрактных фигур.

Кости с насечками

Кости с различными насечками и прочерченными линиями составляют следующую группу артефактов неутилитарного назначения. Большинство изделий этого типа оформлено на ребрах животных. Фрагменты трубчатых кос-

тей для этой цели использовались реже, и в нанесенных на них линиях не наблюдается системы. Все кости с систематическими и упорядоченными насечками и линиями происходят из третьего культурного горизонта Восточного комплекса. В их числе шесть ребер, позвонки и фрагмент челюсти. Почти все ребра с насечками в той или иной степени фрагментированы. Единственное целое ребро несет на внешней стороне четыре отдельные насечки. Интересен контекст находки этого ребра — оно было расположено внутри одного из очагов (очаг № 5) таким образом, что перекрывало его нижний уровень, уже погребенный ко времени функционирования верхнего уровня (Ташак 2003а).

Рядом с этим очагом найден фрагмент ребра с насечками (рис. 5, 1). Насечки — короткие линии длиной 2—3 мм, сгруппированные по 3 и 4, нанесены на продольные края (в сечении ребро имеет форму прямоугольника со сглаженными углами). На лицевой стороне ребра только одна группа из трех линий длиной 4—5 мм.

Еще одно фрагментированное ребро имеет овальное сечение. В нижней (широкой) его части вырезан пояс, охватывающий ребро по окружности. Выше пояска на лицевой стороне нанесено 10 групп насечек, сгруппированных по 2, 3, 4. Все линии очень тонкие — нанесены гравером, и выглядят как легкие штрихи (рис. 5, 2). Ниже пояска только одна насечка, которая могла появиться случайно. По обоим краям ребра нанесены короткие (до 2 мм), но глубокие насечки, расположенные на примерно одинаковом расстоянии друг от друга. С тыльной стороны посередине ребра идут глубокие насечки длиной 4—5 мм, тоже расположенные на примерно одинаковом расстоянии друг от друга. Ниже них одна насечка и группа из двух насечек смещены к краям ребра.

Третий фрагмент представляет собой крупную пластинку внешней стороны ребра с длинными ровными линиями во всю ее ширину (рис. 5, 3). На сохранившемся участке фиксируется 5 групп насечек. Центральная группа представлена четырьмя линиями, в остальных по три линии. На одном конце ребро слегка стесано, как если бы оформлялось что-то вроде насада.

Длина четвертого фрагмента — 45 мм. Это концевая часть плоского тонкого в сечении ребра. Насечки сделаны с выпуклой стороны. Они представлены мелкими и неглубокими порезами. Три линии проходят через всю ширину ребра, но при этом в центре давление резца уменьшалось, и линии становились очень тонкими, а по краям они несколько шире и глубже внедрены в кость.

Пятый экземпляр также представлен мелким фрагментом концевой части плоского ребра с одной глубокой насечкой, вырезанной на краю.

Кроме того, насечки отмечены на позвонке животного, предположительно определяемого как олень (рис. 6), и на фрагменте челюсти жвачного млекопитающего (две параллельные линии, «прочерченные» тонким режущим инструментом).

В других комплексах кости с насечками и штрихами единичны, причем последние, скорее всего, представляют собой технические порезы и вмятины (срезание мяса, ретушеры и т. д.). В Нижнем комплексе обнаружен фрагмент трубчатой кости с многочисленными, но хаотичными короткими линиями. В Юго-Восточном комплексе найдено две пластинки из бивня мамонта, на поверхности одной из них различимы тонкие неглубокие линии.

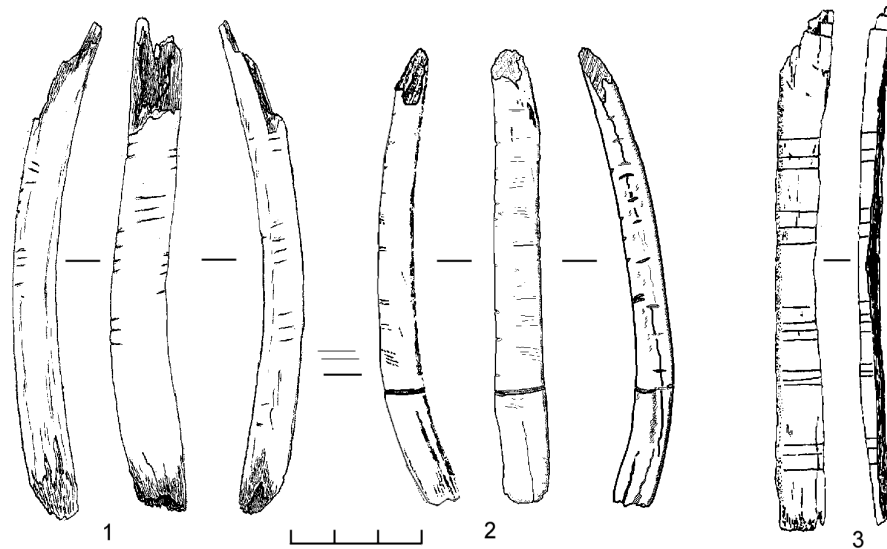

Рис. 5. Подзвонка, фрагменты ребер животных с насечками

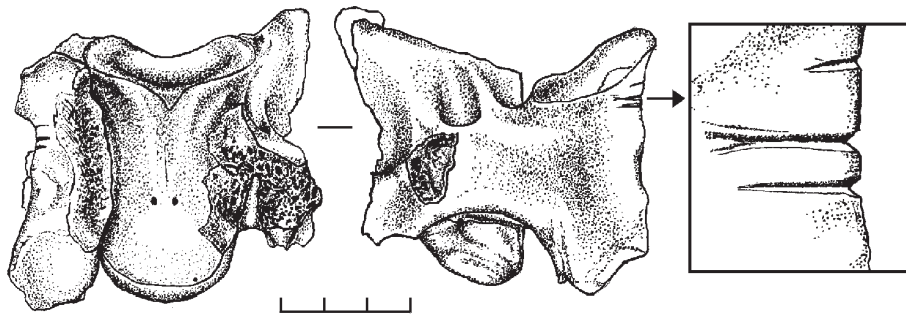

Рис. 6. Подзвонка, позвонок животного с насечками на отростке

Способ нанесения линий на кости был разным, о чем можно судить по конфигурации сечений самих линий. Например, насечки на первом из описанных выше фрагментов ребер наносились при умеренном нажатии режущего инструмента, в этом случае образовывалась бороздка, напоминающая в сечении равносторонний треугольник без основания. Линии максимально широкие в центральной части, а по краям они сужаются. Очень тонкие линии на втором и четвертом фрагментах, а также на фрагменте челюсти в сечении имеют такую же конфигурацию. А вот поясок второго фрагмента и линии на третьем фрагменте получены при помощи орудия с ровным лезвием шириной 0,5 мм. Форма сечения здесь похожа на перевернутую букву П — стенки и дно желобков ровные. Насечки на позвонке и фрагменте № 5 глубоко врезаны в кость и по конфигурации сечения напоминают прямоугольный треугольник, где одна стенка перпендикулярна краевой линии кости, а вторая наклонена по отношению к ней под углом в 45° .

Орудия с «художественными» элементами

В отдельную группу выделено три артефакта, предназначенных для выполнения утилитарных функций, но при этом несущих также и «декоративную» нагрузку. Все они происходят из Юго-Восточного комплекса.

Одно из них изготовлено из продолговатого фрагмента трубчатой кости, имеющего длину 8,3 см при максимальной ширине 1,2 см (рис. 7, 1). Это острие с обломанным кончиком. Оно расширяется в середине, базальная часть выделена как головка или утолщенная шляпка гвоздя. Второе изделие изготовлено из бивня мамонта — сырья, которое очень редко встречается на памятниках начального этапа верхнего палеолита Западного Забайкалья. Эта вещь представлена тремя фрагментами, но общая форма реконструируется. Это было округлое в сечении, слегка изогнутое изделие длиной 10—12 см (общая длина сохранившихся фрагментов — 8 см). Один конец его заострен, другой оформлен в виде шляпки гвоздя овальной формы (рис. 7, 2). Диаметр орудия в верхней части 15 мм. Шляпка (10 × 7 мм) отделена от тела орудия короткой шейкой, сразу после которой следует утолщение длиной 10—12 мм. Утолщение отделено пояском, образовавшимся в результате обстругивания кости по окружности. Орудие напоминает острия со шляпками из верхнепалеолитических памятников Восточной Европы (Абрамова 1962: табл. XXX, 5—7). Третье изделие рассматриваемой группы представлено лишь базальной частью, но, судя по ее форме, и оно тоже закачивалось острием. Базальная часть широкая (2 см), плоская (лопаткообразная), с овально закругленным концом и неглубоким желобком, прорезанным на одной поверхности (рис. 7, 3).

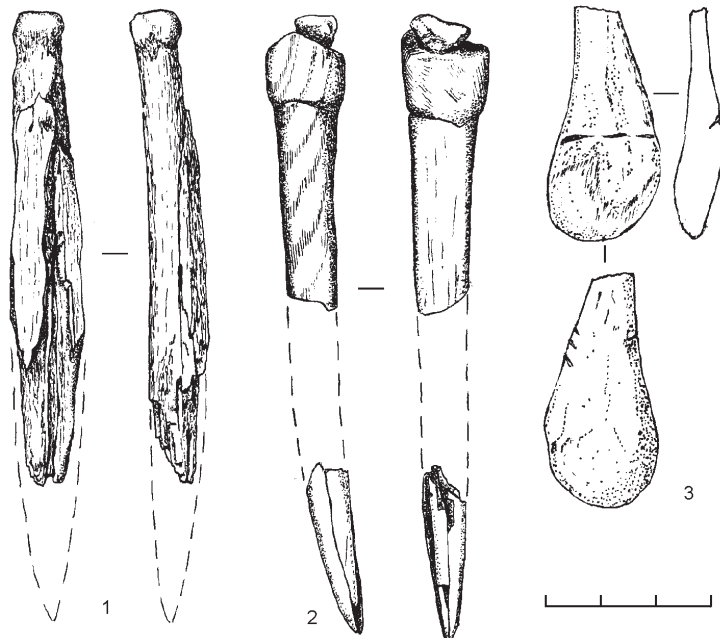

Рис. 7. Подзвонкая, изделия из кости (1, 2) и бивня мамонта (2)

Косвенные свидетельства символизма

В культурных горизонтах всех комплексов Подзвонкой обнаружены многочисленные кусочки минерального красящего вещества — охры. Некоторые из них представлены «карандашами» — это кусочки со следами затертостей на гранях. Реже встречаются кусочки графита. Судя по многочисленным кусочкам красителя и еще более многочисленным следам в виде пятен грунта, окрашенного в красный цвет и содержащего порошкообразный краситель, применение охры было весьма широким. Охра применялась и в ритуальных действиях, например, в очагах № 3—5 обнаружены крупные камни с поверхностью, присыпанной охрой. При этом камни помещались в очаги после того, как те прекращали функционировать (Ташак 2003б). Кроме этого охра могла применяться для рисования как непосредственно кусочками красителя, так и красками, созданными на основе растертых в порошок красителей.

Следует обратить внимание на то, что половина подвесок из скорлупы несли на себе следы охры, причем в основном с тыльной стороны. В некоторых случаях краситель настолько глубоко въелся в тыльную сторону подвесок, что остался на артефактах после их очистки. Частое сочетание подвесок и охры может объясняться намеренным окрашиванием украшений. Также следы охры могли оставаться на некоторых подвесках в результате их контакта с окрашенными поверхностями одежды или тела.

Хронология и место неутилитарных предметов Подзвонкой в палеолите Забайкалья

В настоящее время в Забайкалье известно несколько памятников раннего этапа верхнего палеолита, в которых найдены предметы неутилитарного назначения. Все локальные комплексы Подзвонкой входят в число древнейших памятников региона, относящихся к началу верхнего палеолита (Ташак 2000). Подвеска из Нижнего комплекса (см. рис. 1, 1б) найдена в слое, по образцам кости из которого получены радиоуглеродные даты: > 41200 лет (СОАН-6427) и 43900 ± 960 л. н. (СОАН-4445). На основании этого можно полагать, что это одно из древнейших изделий такого типа (подвеска из скорлупы) не только в Забайкалье, но и во всей Центральной Азии.

Подвески и бусины — наиболее распространенный тип украшений в забайкальских памятниках раннего этапа верхнего палеолита. Они обнаружены в Каменке (комплекс А), Хотыке (уровни 1, 2, 3), Варвариной горе (Лбова 2000а; 2000б; Лбова, Резанов и др. 2003). Среди них преобладают изделия из различных мягких пород камня и кости. Только одно изделие из 2-го уровня Хотыка, возможно, изготовлено из скорлупы (Лбова, Резанов и др. 2003: 97), при этом его форма — небольшое колечко с крупным, относительно размеров кольца, отверстием — неизвестна в Подзвонкой. По опубликованным данным морфологически наиболее близки подвеске Нижнего комплекса находки из 3-го уровня Хотыка, изготовленные из мягких пород камня. Морфологическую близость к фрагментам крупных подвесок Подзвонкой имеют фрагменты колец из черного камня, обнаруженные в 3-м уровне Хотыка. Таким образом, подзвонковская коллекция подвесок из скорлупы яиц страусов для За-

байкаля уникальна как по количеству изделий, так и по разнообразию их форм.

Согласно опубликованным данным, камни со сложными композиционными рисунками, выполненными в технике гравировки и выбивки, на стоянках раннего этапа верхнего палеолита Забайкалья за пределами Подзвонкой не зафиксированы.

Кости с насечками и прочерченными линиями в верхнем палеолите получили широкое распространение на просторах Евразии. Известны они и в забайкальских памятниках начала верхнего палеолита, например в комплексах А и Б Каменки (Лбова 2000а: рис. 22, 6, 10; 2000б), где насечки фиксируются на различных изделиях из трубчатых костей и специфических костяных изделиях. В отличие от этого, в Подзвонкой систематически сгруппированные насечки и линии отмечены только на ребрах животных. Орудия со специально выделенными элементами отмечены в комплексе А Каменки. Например, острие с навершием в виде утолщенной шляпки гвоздя (Лбова 2000а: рис. 24, 3) типологически сходно с острием из Юго-Восточного комплекса (см. рис. 4, 2). В то же время острие из бивня мамонта того же комплекса оригинально и не имеет аналогий в забайкальских памятниках.

Обломок изделия из бивня мамонта в Восточном комплексе Подзвонкой, возможно, относится к скульптурным изделиям. Существование скульптурных изделий в Забайкалье подтверждается находкой фигурки медведя в культурном горизонте Толбаги (Константинов 1994).

В заключение следует подчеркнуть ряд основных моментов. Подзвонкая — один из древнейших памятников раннего этапа верхнего палеолита Забайкалья, в культурных горизонтах которого зафиксированы разнообразные элементы символического поведения. Древнейшие из них могут относиться еще к этапу перехода от среднего к верхнему палеолиту, о чем можно судить по находкам подвески и гравированных плиток в Нижнем комплексе. В пору завершения переходного этапа в Восточном и Юго-Восточном комплексах фиксируются многочисленные предметы неутилитарного назначения или орудия с декоративным оформлением некоторых элементов.

В процессе создания неутилитарных предметов на раннем этапе верхнего палеолита использовались разнообразные способы работы с сырьем, в том числе и с камнем. Многие из них не прослеживаются в процессе производства каменных орудий. Только неутилитарные предметы создавались с применением таких трудовых операций, как сверление и шлифование камня, хотя шлифовка переходит в производственную сферу в области производства костяных орудий. В этом плане производство неутилитарных предметов следует рассматривать как сферу экспериментирования, где создавались и проходили проверку новые способы работы с сырьем. Как видно по археологическим данным, широкое внедрение этих методов обработки сырья приходится на неолит, т. е. инновации, разработанные при производстве неутилитарных предметов, долгое время оставались невостребованными.

Каменная индустрия Подзвонкой характеризуется развитием расщепления, направленного на получение пластин. Учитывая это, можно предположить, что носители данной культурной традиции повлияли на формирование «пластинчатых» индустрий среднего и финального этапов верхнего палеоли-

та. Возможно, эта традиция оказала влияние и на художественную культуру верхнего палеолита Забайкалья и юга Восточной Сибири.

Абрамова 1962 — *Абрамова З. А.* Палеолитическое искусство на территории СССР. САИ. Вып. А4-3. М., 1962.

Елинек 1982 — *Елинек Я.* Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага, 1982.

Константинов 1994 — *Константинов М. В.* Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита, 1994.

Лбова 2000а — *Лбова Л. В.* Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ, 2000.

Лбова 2000б — *Лбова Л. В.* Проблемы технического формообразования изделий из кости археологических коллекций начальной стадии верхнего палеолита в Забайкалье // Каменный век Южной Сибири и Монголии: теоретические проблемы и новые открытия. Улан-Удэ, 2000. С. 35—46.

Лбова, Резанов и др. 2003 — *Лбова Л. В., Резанов И. Н., Калмыков Н. П., Коломиец В. Л., Дергачева М. И., Феденева Н. В., Вашукевич Н. В., Волков П. В., Савинова В. В., Базаров Б. А., Намсараев Д. В.* Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье). Улан-Удэ, 2003.

Птицын 1896 — *Птицын В. В.* Селенгинская Даурия. Очерки Забайкальского края. СПб., 1896.

Ташак 2000 — *Ташак В. И.* Датирование верхнепалеолитического поселения Подзвонкая и начало верхнего палеолита на юге Бурятии // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии; Археология. Этнология. Улан-Удэ, 2000. С. 25—29.

Ташак 2003а — *Ташак В. И.* Изображения на камне из палеолитического поселения Подзвонкая (Западное Забайкалье) // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. Иркутск, 2003. С. 120—123.

Ташак 2003б — *Ташак В. И.* Очаги палеолитического поселения Подзвонкая как источник по изучению духовной культуры древнего населения Забайкалья // АЭАЕ. 2003. № 3. С. 70—78.

Ташак 2004 — *Ташак В. И.* Древнейшее выбитое изображение на камне и его семантика // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Парадоксы археологии. Новосибирск, 2004. Вып. 3. С. 68—73.

SYMBOLISM IN THE EARLY UPPER PALEOLITHIC OF WESTERN TRANSBAIKALIA

V. I. Tashak

The paper deals with what probably is the earliest evidence of symbolic behavior known today in Eastern Siberia and adjacent parts of Central Asia. The author describes a collection of non-utilitarian objects from the Early Upper Paleolithic site of Podzvonkaya, situated in the western half of the Trans-Baikal region. Of particular interest is a series of pendants made of ostrich eggshell and believed to date from a period ca. 40 kya (on the basis of radiocarbon dates obtained on bone samples from the same layer). In addition, there are numerous bones and stones with rhythmically set incisions and other markings, some of which seem to be parts of complex representations. The collection includes also three bone tools with apparently decorative heads.

ПЕРВЫЕ ДАННЫЕ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ ОЛЕНЕОСТРОВСКОЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ (ЮЖНЫЙ ОЛЕНИЙ ОСТРОВ 1)¹

Г. Н. ПОПЛЕВКО

В 2007 г. Северо-Европейским палеоантропологическим отрядом МАЭ РАН под руководством В. И. Хартановича и В. Я. Шумкина были проведены раскопки на Оленеостровской мезолитической стоянке (Южный Олений остров 1). В результате получена большая коллекция изделий из сланца, кремня, кварца, лидита, песчаника, насчитывающая более девяти тысяч единиц. А. Ю. Тарасовым определено 9958 предметов. Из них: 5728 экз. — сланцевые изделия, 218 экз. — окремненный сланец, 2105 экз. — кварцевые изделия, 1345 экз. — из кремня, 462 экз. — из лидита, 70 экз. — из халцедона и 24 экз. — из кварцита, 6 экз. — из песчаника (Тарасов 2009).

Трасологическому исследованию подверглась выборка из 300 предметов. Эта выборка включает все типологически выделенные орудия в количестве 55 экз., а также 224 экз. отщепов и пластин (включая их обломки), 3 нуклеидные формы и 18 краевых сколов с ударных площадок нуклеусов. Большая часть изделий изготовлена из кремня. Представлены также кварц (около 20 экз.), лидит (около 20 экз.) и единичные вещи из сланца и песчаника.

Группа типологически выделенных орудий состоит из 11 наконечников стрел и их фрагментов, 7 резцов, 4 клиньев, 8 проколов, 2 кремневых ножей, 7 скребков, 1 скобеля, 2 пластин с ретушью и 13 отщепов с ретушью.

В задачу данного исследования входило:

- 1) выявление орудий, использовавшихся в различных хозяйственных операциях;
- 2) определение степени сохранности микроследов на орудиях;
- 3) определение структуры хозяйственной деятельности на стоянке.

Предварительно вся коллекция из кремня, кварца и лидита (кроме сланца и песчаника) была исследована визуально, обработана и тщательно промыта разбавленным раствором соляной кислоты с целью удаления коричневого налета от слоя почвы, в которой залежали все изделия. Такая обработка необходима для дальнейшего исследования поверхности изделий под микроскопом. Все изделия без исключения были изучены под микроскопом МС-2CR-ZOOM с увеличением в 160 раз. Микрофотографии с микроследами на рабочих лезвиях орудий выполнены с последовательным увеличением изображения с дополнительными линзами от 80 до 560 раз. Этот подход позволяет представить всю гамму микроследов, сохраняющихся на поверхности изделий, и помогает рассмотреть рабочие участки кромки. В результате трасологического исследования было выявлено 217 изделий с микроследами использования их в ка-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-00410а.

честве орудий. Оставшиеся 83 экз. — без микроследов использования. Число изделий с микроследами (217) более чем в 2,5 раза превышает количество изделий без следов использования (83) в изучаемой выборке. Особо следует отметить, что некоторые орудия имеют по два, а в редких случаях и по три рабочих лезвия. Несколько изделий несут следы полифункционального использования. После трасологического исследования было определено значительно большее разнообразие орудий, использованных в различных хозяйственных операциях. Всего на 217 орудиях было отмечено 286 рабочих лезвий. Если типологически было выделено 55 орудий, которые можно соотнести с той или иной функцией использования, то трасологический анализ позволил выявить значительно большее количество орудий и определить не только характер их использования, но и обрабатывавшееся ими сырье. Всего трасологически было зафиксировано 286 рабочих лезвий, в том числе 25 сверл, 5 проколов, 5 наконечников стрел, 2 ножа для резания кости (рога), 47 ножей для мяса и шкур, 9 строгальных ножей, 57 скобелей, 67 скребков, 45 резчиков, 19 резчиков-скобелей, 1 вкладыш долота и 4 вкладыша стамесок. Трасологический анализ рабочих лезвий выделенных орудий позволил определить все виды обрабатываемого сырья: дерево, кость (рог), мясо, камень (ракушка).

Долото для обработки дерева (рис. 1; 9, 8). Выявлено в 1 экз. Орудие изготовлено на кварцевом сколе, который типологически определен как нуклеус. У него есть специально нанесенная с двух сторон ретушь, которую можно рассматривать как подготовленное для снятия ребристого скола ребро нуклеуса. После изучения кромки ретушированного ребра было установлено, что на ней есть многочисленные микрозаломы, микротрещины и яркая гелеобразная заполировка на наиболее выступающих участках. Пятна яркой заполировки расположены только с одной стороны, что подтверждает длительное употребление его в работах по дереву в одном положении. Данное изделие вставлялось в рукоять, что позволяло использовать долото длительное время. Поскольку кварц довольно прочный минерал, то дополнительных подправок не требовалось. На рис. 1 показаны микроучастки с заполировкой на межфасеточных ребрах лезвия. Динамика увеличений на микрофотографиях помогает проследить, как изменяется участок с заполировкой в зависимости от масштаба.

Строгальные ножи. Всего было выявлено 9 экз., из них 3 экз. для работ по кости (рогу) (рис. 2; 9, 10В). Заготовками были пластины. Намеренной ретуши нет. Кромка сильно заполирована, есть линейная направленность заполировки — поперечно продольной оси орудия. На микровыступах рельефа кромки заполировка образует яркие плоские пятна. Очень сильная изношенность кромки может свидетельствовать о том, что орудие длительное использовали в оправе. Остальные 6 экз. были использованы для работ по дереву.

Ножи для мяса составляют наиболее многочисленную группу орудий — 46 экз. (рис. 3; 9, 4, 10А) и 1 экз. для работ по шкуре. Заготовками для них служили пластины (фрагменты пластин) — 23 экз., микропластинки — 9, пластинчатый отщеп — 1, отщепы — 6. У 8 изделий были использованы оба боковых лезвия. Ретушь специально не наносили, единичные микрофасетки формировались на кромке рабочего лезвия в процессе работы орудием. Микроследы: кромка лезвия слабо заполирована, сглажена, слабо скруглена в профиле в виде арки. Заполировка не яркая, тусклая с жирным блеском, кромка гладкая, ровная.

Сверла. Всего было выявлено 25 экз. Сверла по кости (рогу) — 16 экз. (рис. 4; 9, 1, 3А). Заготовками были фрагменты пластин и отщепов с острым концом. Ретушь на рабочем конце формировалась в процессе работы орудием. Длительное использование изделия приводило к формированию на ребрах пятен яркой гелеобразной плоской заполировки в точках длительного контакта с обрабатываемым сырьем. Изделия очень мелкие, использовались в рукоятях. Для работ по дереву использовали еще 8 экз., по камню (ракушке) — 1 экз.

Резчики. Всего было определено 44 экз. для кости (рога) (рис. 5; 9, 3В, 9В) и 1 экз. для работ по дереву. Заготовками были пластины и их фрагменты, только 10 экз. изготовлены на отщепках. Ретуширование рабочего лезвия не проводили. В процессе работы по кости (рогу) лезвие сильно сглаживалось, формировалась яркая пятнообразная плоская заполировка по всей кромке. Наиболее выступающий участок кромки, как правило, имел яркую плоскую заполировку от длительного трения по кости-рогу. Орудия использовали в рукоятях.

Проколки для шкур (рис. 6; 9, 2, 5). Всего определено 5 экз. Заготовками были пластинки или фрагменты пластин с острым концом. Микроретушь на рабочем конце сформировалась в процессе работы орудиями. Заполировка не яркая, тусклая. Кромка сглажена, скруглена.

Скобели. Всего выявлено 57 экз., из них — 51 экз. по кости (рогу) (рис. 7; 8, 2; 9: 7, 9А) и 6 экз. — по дереву. Более половины орудий изготовлено на пластинах и их фрагментах, а примерно в 40 % случаев заготовками послужили отщепы и фрагменты отщепов. У данной категории орудий часто можно даже визуально проследить мелкие фасетки ретуши на кромке рабочего лезвия. В основном это ретушь утилизации, хотя нельзя исключить и подправку рабочего лезвия в процессе работы по мере его сглаживания и притупления. Ретушь нерегулярная, иногда с глубокой выемкой от ударного бугорка, что говорит о применении ударной техники при ретушировании. Микроследы на орудиях для кости (рога) в виде пятен яркой плоской заполировки в месте длительного контакта с обрабатываемым материалом. На таблице 7 можно проследить яркую заполировку на большой площади плоской поверхности края ребра. Она несколько отличается по микрорельефу. Это можно объяснить тем, что данное изделие изготовлено из окремненной породы. По своей структуре она более мягкая и изнашивается истиранием цементных составляющих данного минерала. Здесь пятно заполировки хорошо просматривается на меньшем увеличении, оно более четкое, а по мере увеличения проявляется более рыхлая микроструктура минерала. На таблице 8: 2 можно увидеть четкое яркое пятно плоской заполировки на ребре более твердой кремневой пластины — вид в плане на кромку рабочего лезвия.

Скребки. Всего было выявлено 67 скребков и их фрагментов, разных по морфологии. Из них: 47 экз. были использованы для работ по кости (рогу) (рис. 8, 1; 9, 6), 12 экз. — в работах по дереву, 6 экз. для обработки шкур и 2 экз. для мягкого камня (ракушки). Заготовками в основном были отщепы и их фрагменты, реже пластины. Многие скребки имеют оформленное мелкой ретушью слабо скругленное рабочее лезвие. Однако у большей части ретушь сформировалась в процессе работы орудием. Кромка сглажена, заполирована. Часто заполировка выглядит как яркая узкая плоская зеркальная полоска вдоль кромки рабочего лезвия с брюшка. На рис. 8, 1 показана микрофотография такой заполировки и ее вид при разном масштабе увеличения.

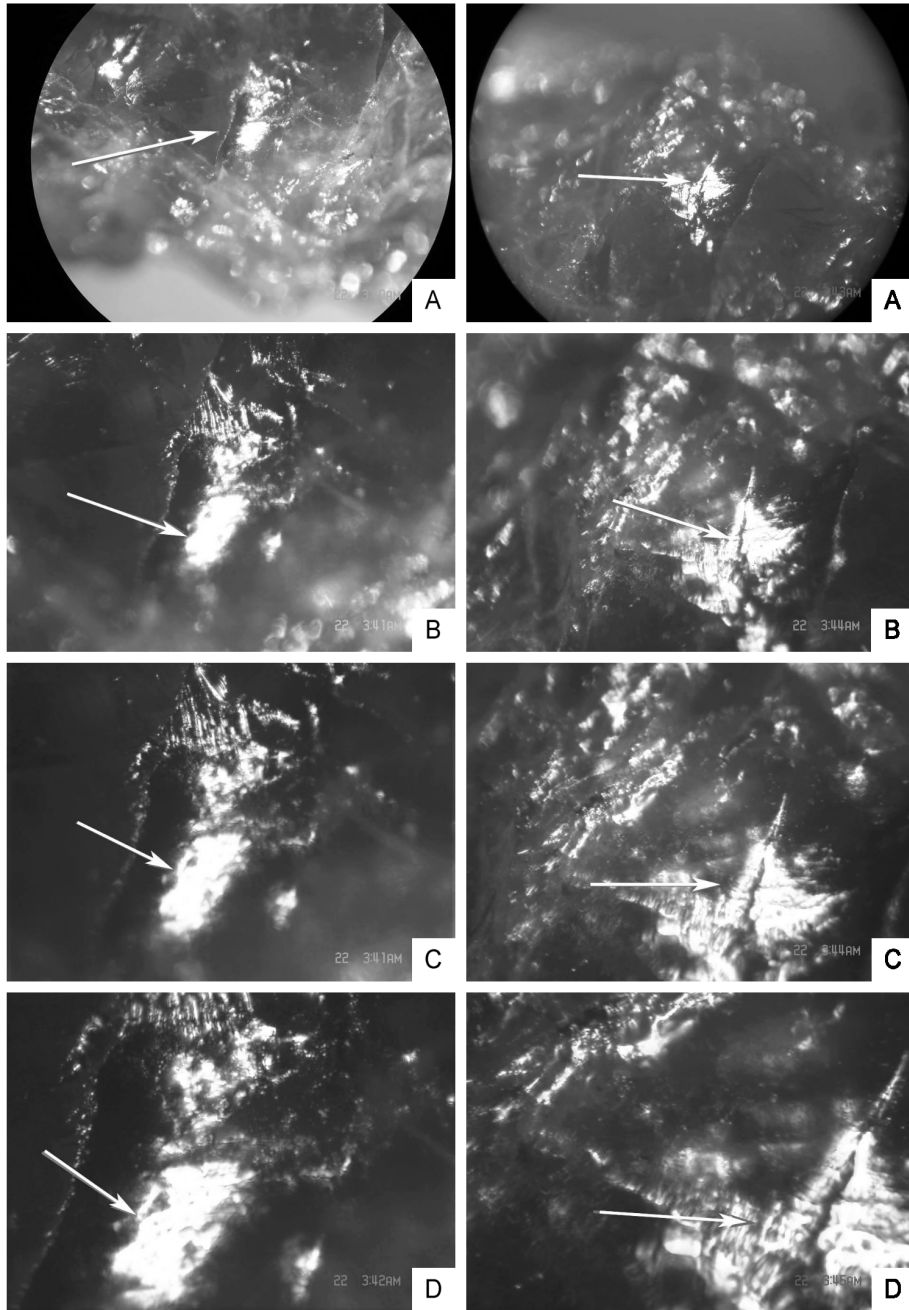

Рис. 1. Южный Олений остров 1, участки заполировки на кромке рабочего лезвия вкладыша долота для обработки дерева (кварц, инв. № 4306). Увеличение А \times 80, В \times 160, С \times 240, D \times 400

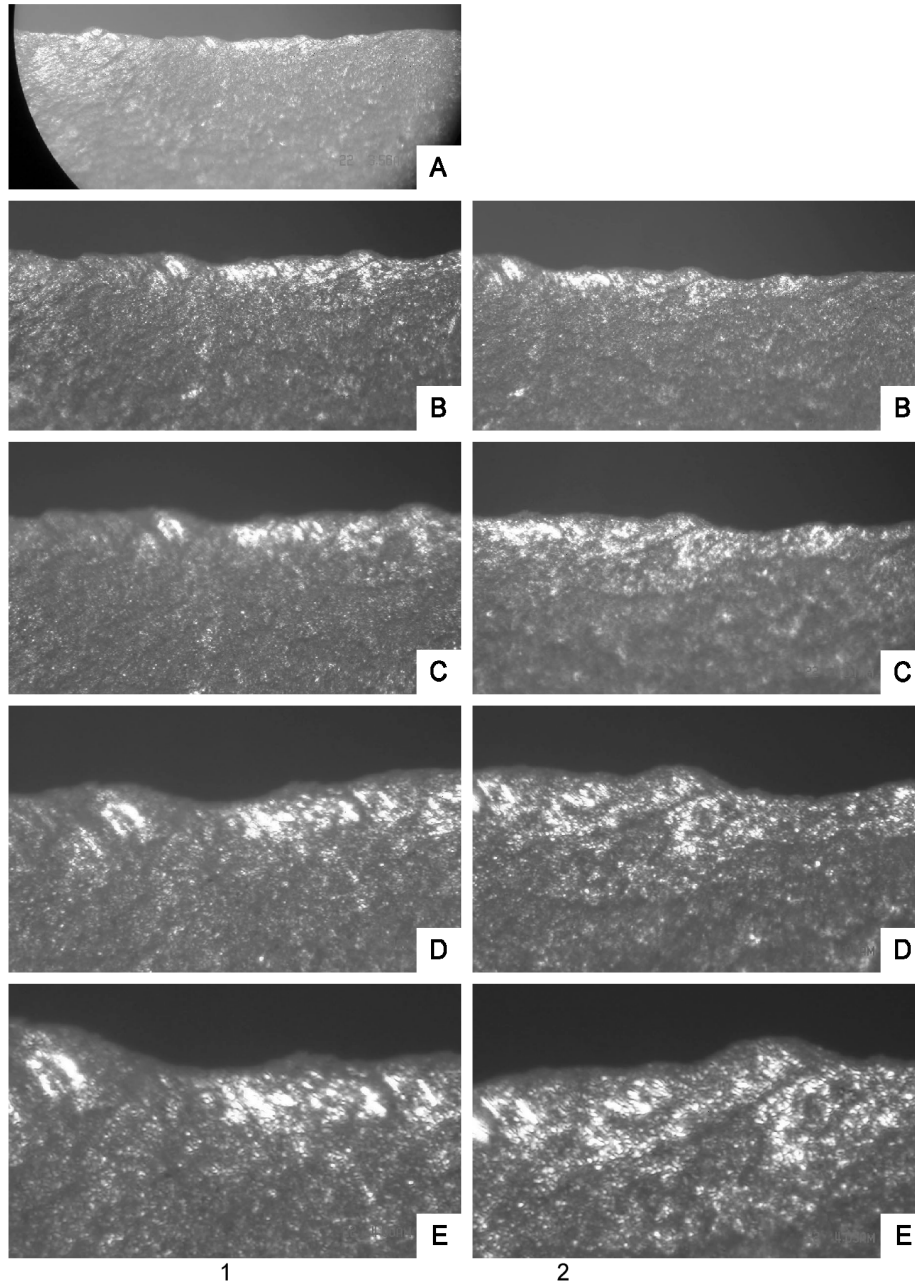

Рис. 2. Южный Олений остров 1, кромка рабочего лезвия строгального ножа для кости (рога) (кремнь, инв. № 5814). Увеличение А \times 80, В \times 160, С \times 240, D \times 400, E \times 560

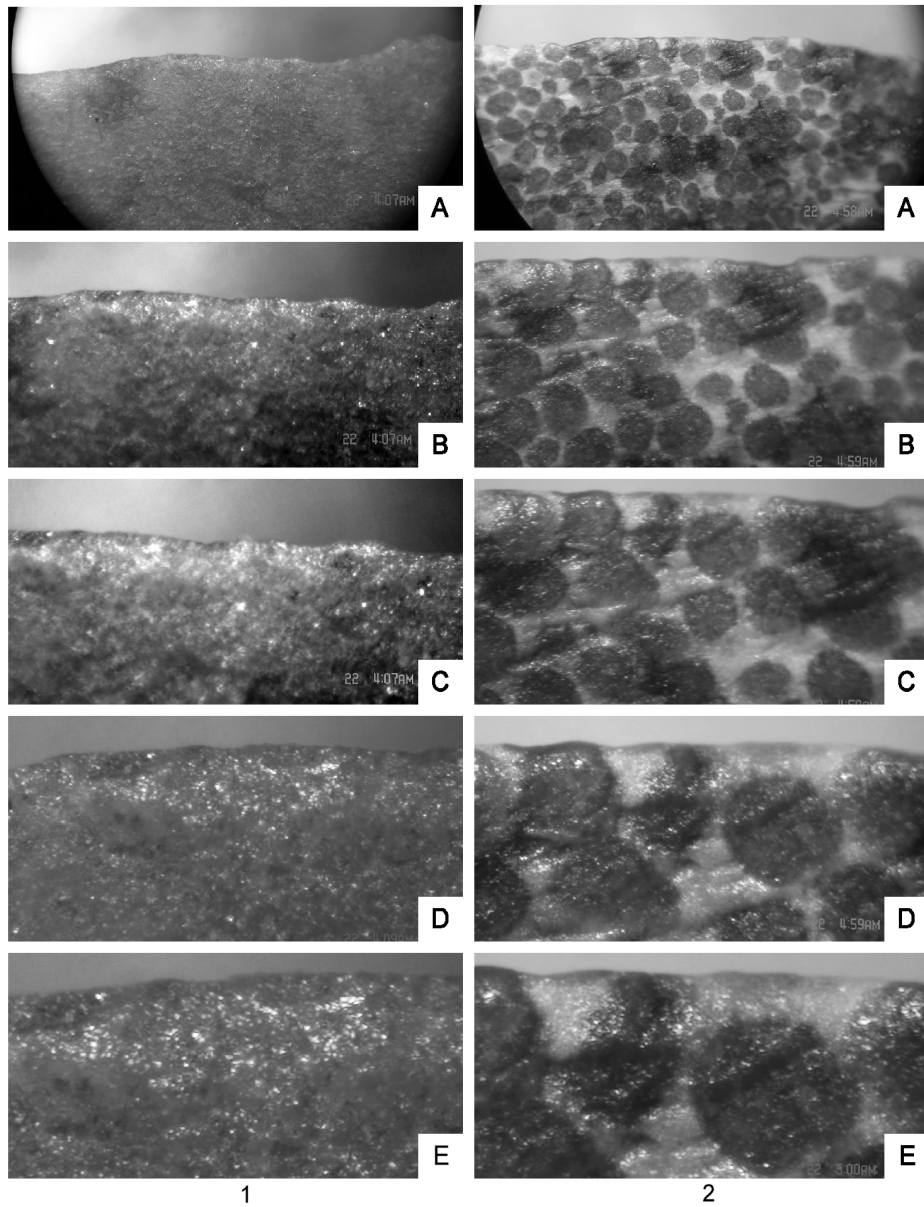

Рис. 3. Южный Олений остров 1: 1 и 2 — кромка рабочего лезвия ножей для мяса (кремь, инв. № 5814 и 3045). Увеличение А \times 80, В \times 160, С \times 240, D \times 400, E \times 560

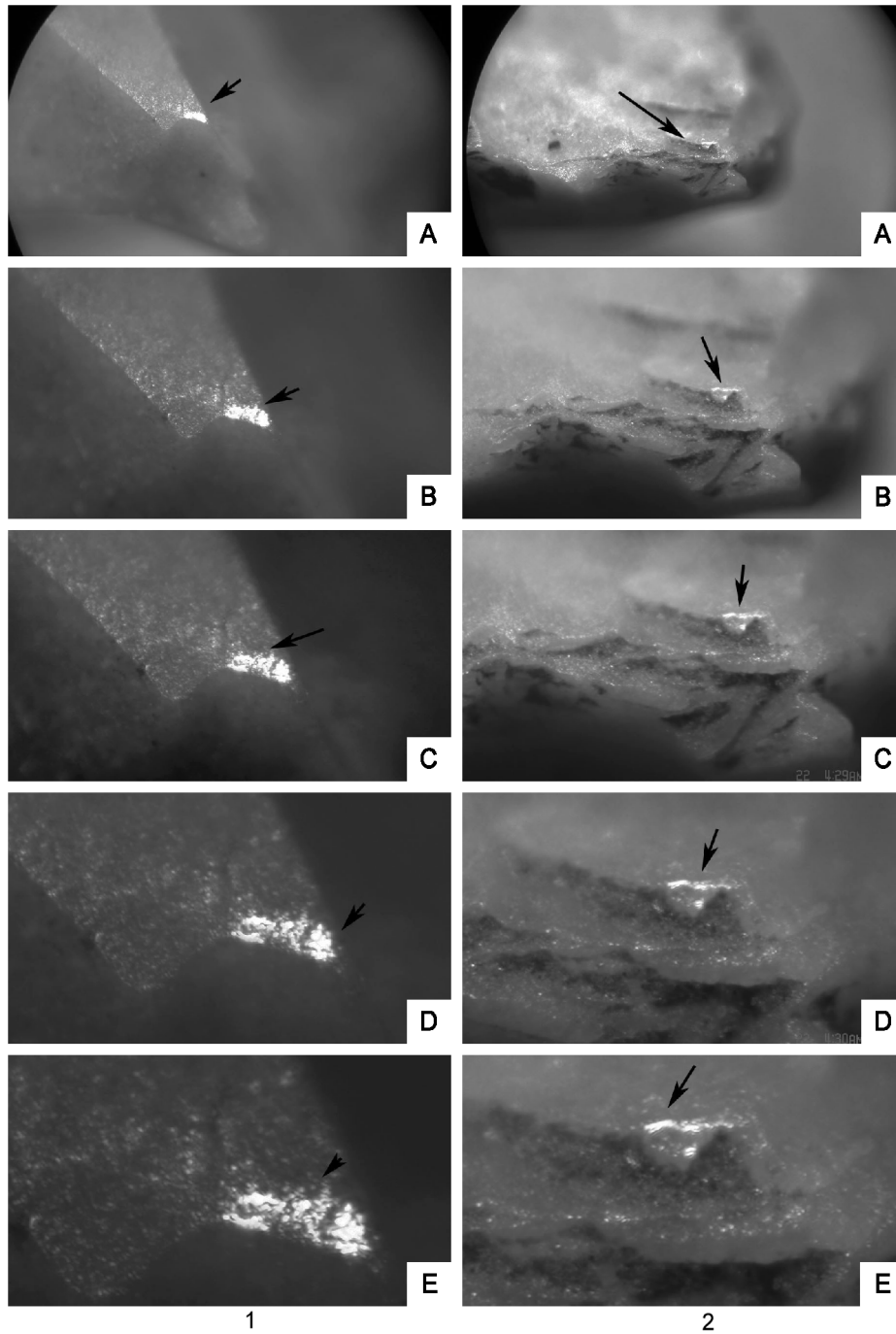

Рис. 4. Южный Олений остров 1: 1 и 2 — кромка рабочего конца сверл для кости (рога) (кремень, инв. № 8398 и без номера). Увеличение А \times 80, В \times 160, С \times 240, D \times 400, E \times 560. Стрелкой указан участок с гелеобразной заполировкой

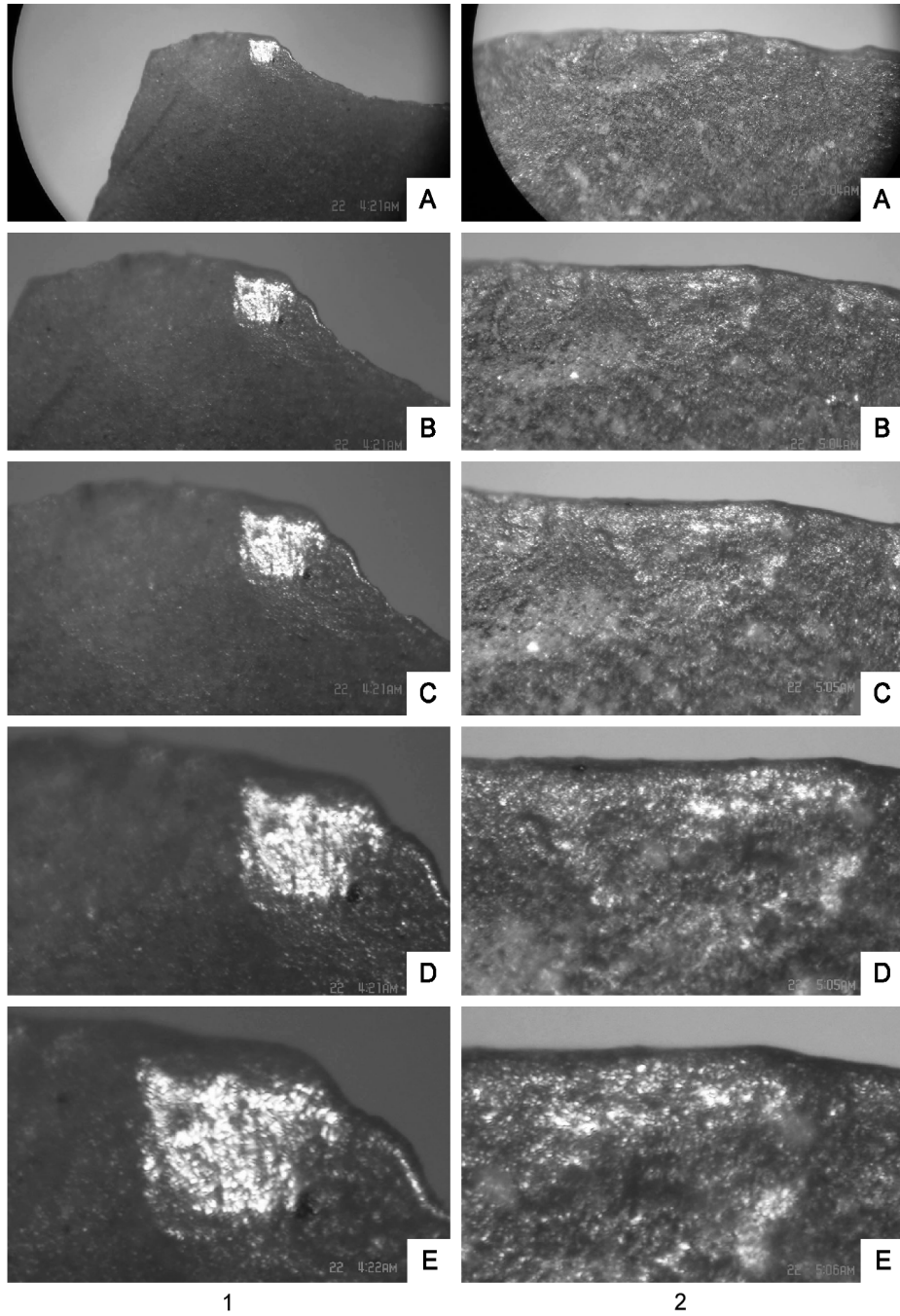

Рис. 5. Южный Олений остров 1: 1 и 2 — кромка рабочего лезвия резчиков для кости (рога) (кре-
мень, инв. № 8398 и 5788). Увеличение А × 80, В × 160, С × 240, D × 400, E × 560

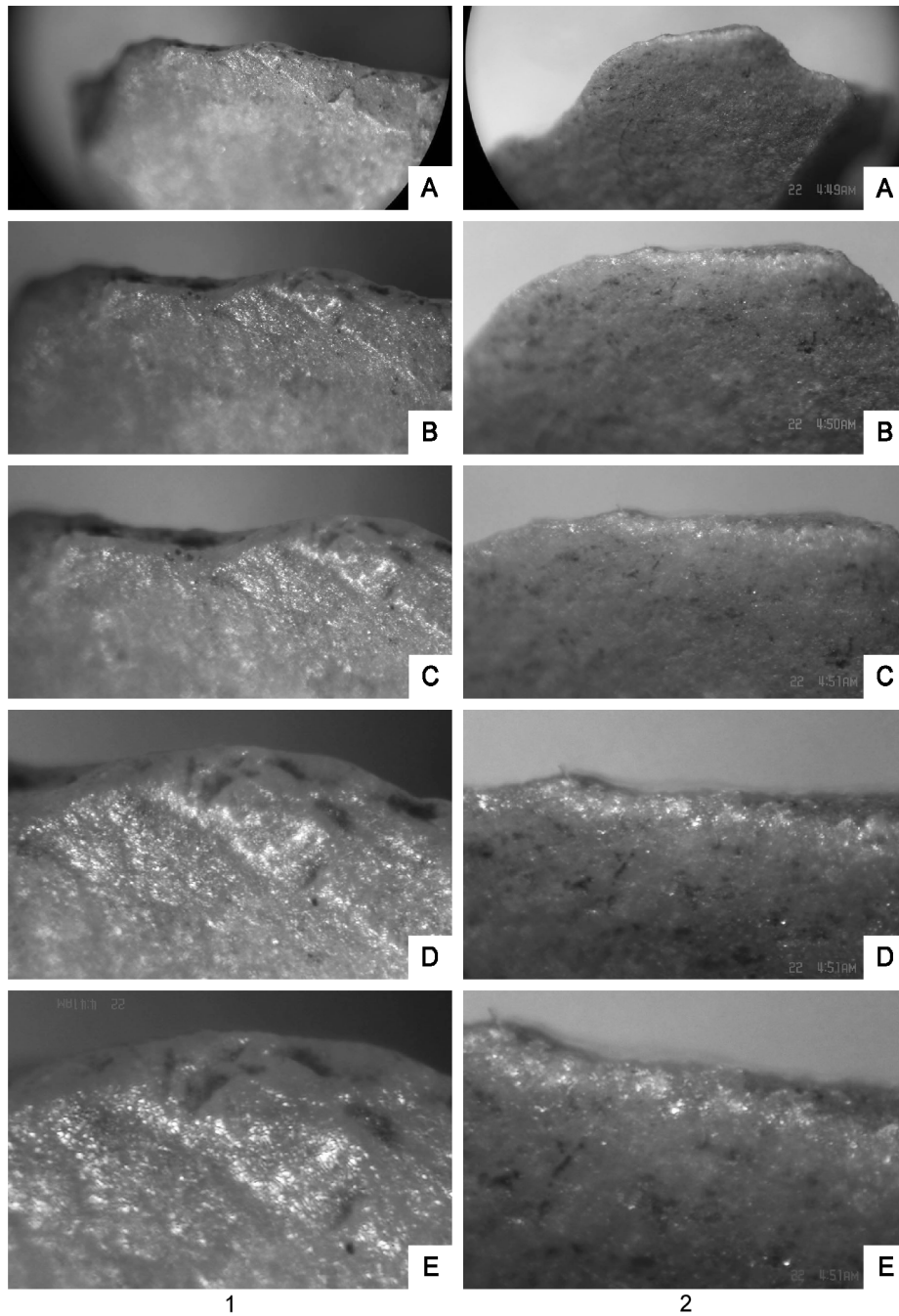

Рис. 6. Южный Олений остров 1: 1 и 2 — кромка рабочего конца проколки для шкур (кремень, инв. № 5295 и 5912). Увеличение А × 80, В × 160, С × 240, D × 400, E × 560

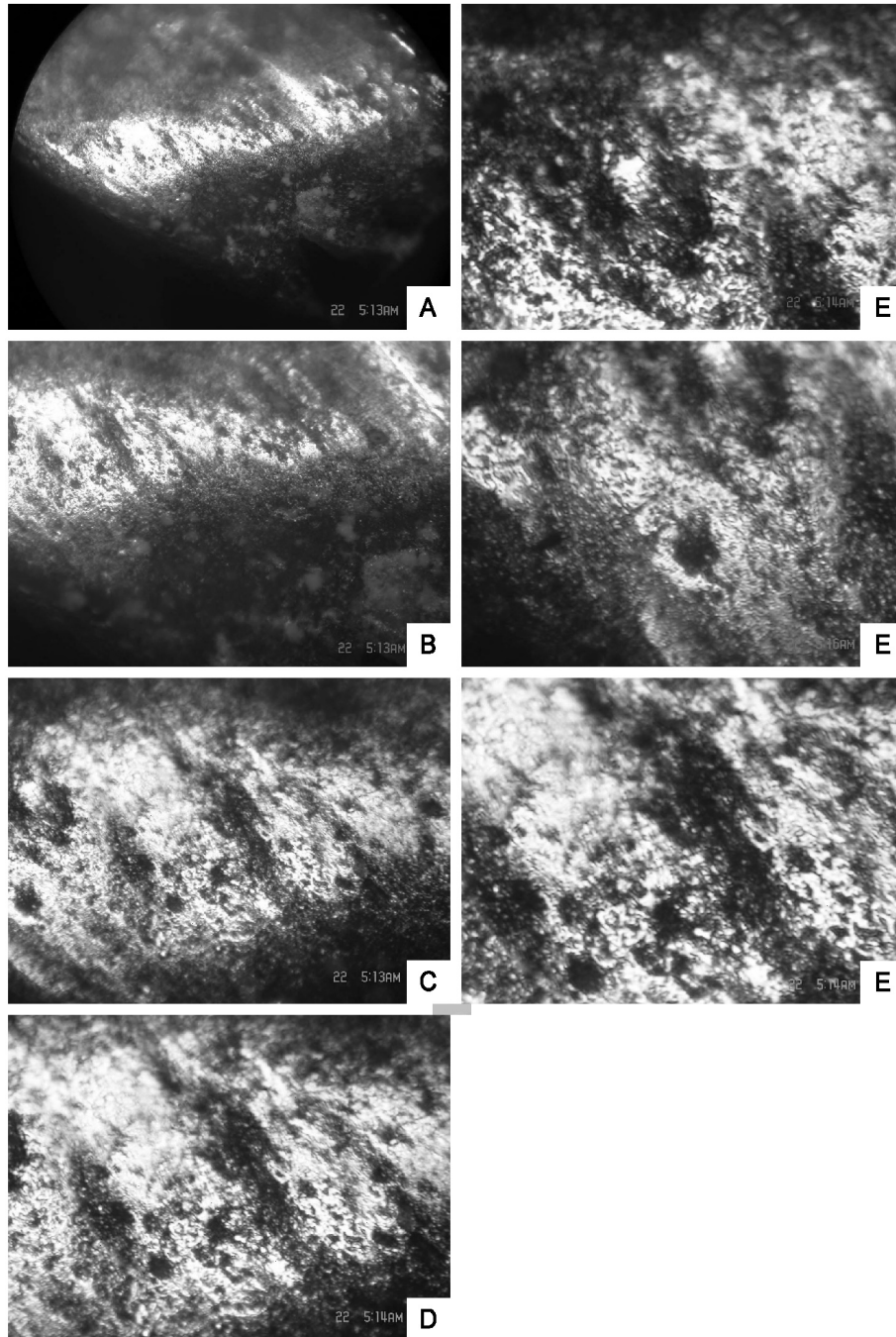

Рис. 7. Южный Олений остров 1, кромка рабочего лезвия скобеля для кости (рога) (кремнь, инв. № 5788). Увеличение А \times 80, В \times 160, С \times 240, D \times 400, E \times 560

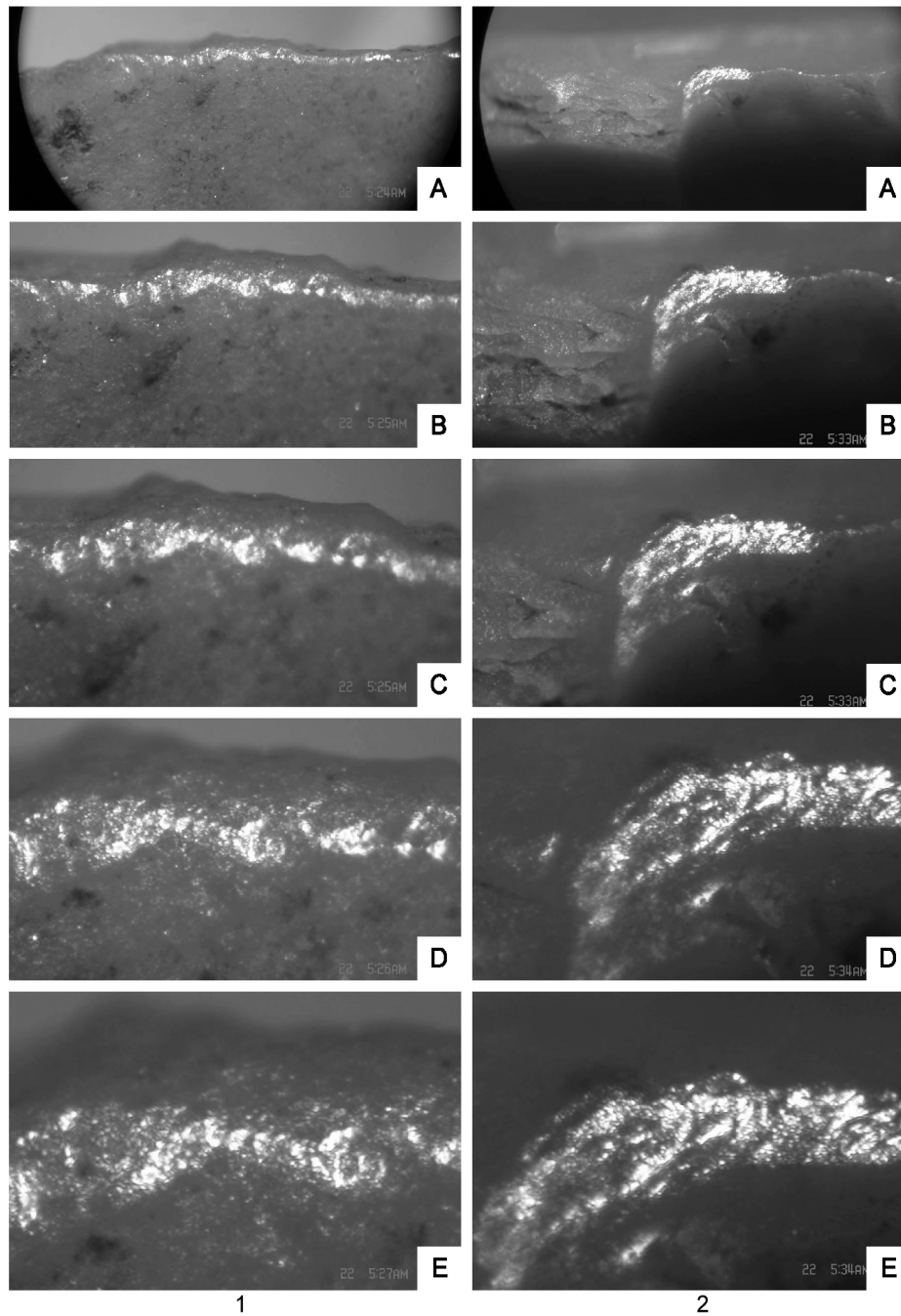

Рис. 8. Южный Олений остров 1, кромка рабочего лезвия скребка (1) и скобеля (2) для кости (рога) (кремень, инв. № 5108 и 6536). Увеличение А × 80, В × 160, С × 240, D × 400, E × 560

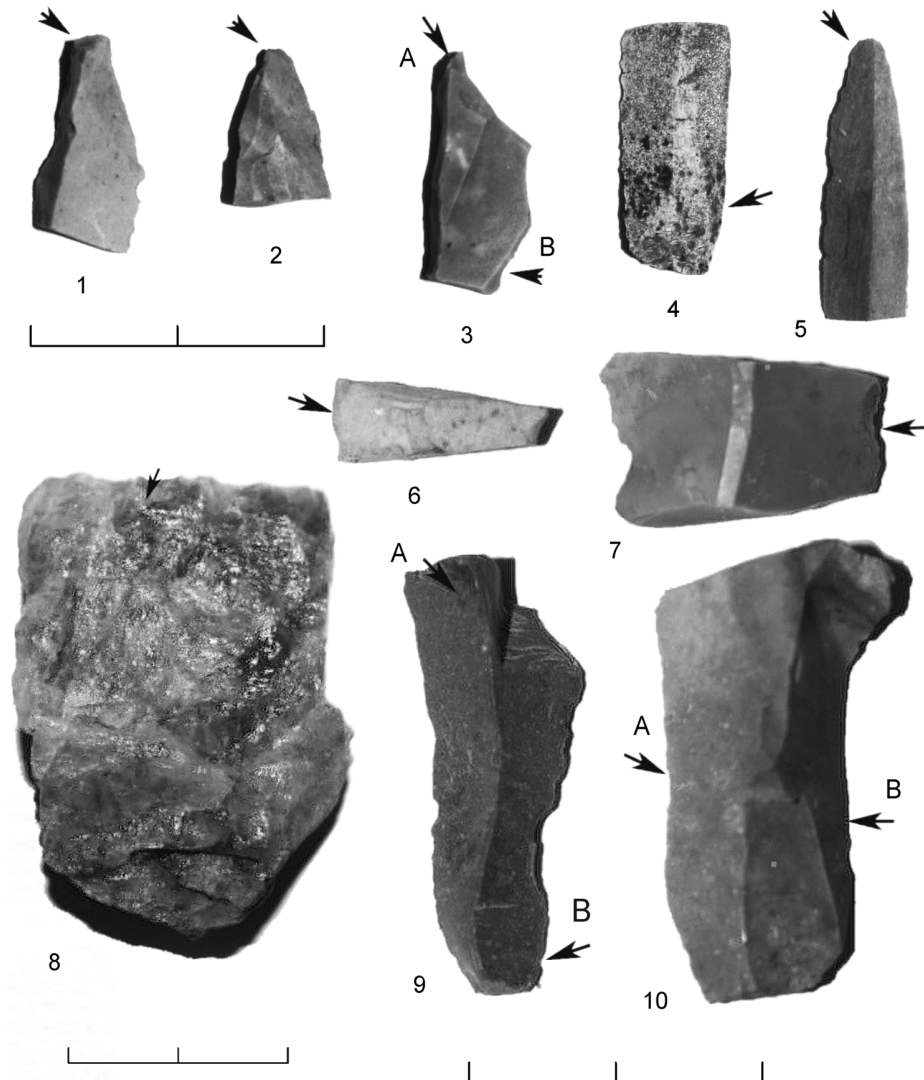

Рис. 9. Южный Олений остров 1, орудия из кремня и кварца (8): 1, 3А — сверла для кости (рога) (без номера, инв. № 8398); 2, 5 — проколки для шкур (инв. № 5295, 5912); 3В, 9В — резчики для кости (рога) (инв. № 8398, 5788); 4, 10А — ножи для мяса (инв. № 3045, 5814); 6 — фрагмент концевого скребка для кости (рога) (инв. № 5108); 7, 9А — скобели для кости (рога) (инв. № 6536, 5788); 8 — вкладыш долота для дерева (№ 4306); 10В — строгальный нож для кости (рога) (№ 5814). Стрелкой отмечены участки с микроследами, которые представлены на микрофотографиях (рис. 1—8)

Соотношение данных типологии и трасологии показывает, что морфологических исследований недостаточно, чтобы определить структуру хозяйственной деятельности на стоянке (табл. 1).

После трасологического исследования данной выборки изделий можно предположить, что основным обрабатываемым сырьем на стоянке были кость (рог) и мясо (табл. 2). Обработка дерева и шкур была незначительна.

Таблица 1

**Соотношение данных типологического и трасологического анализов
материалов Оленеостровской мезолитической стоянки (Южный Олений остров 1)**

Категории орудий	Данные типологического анализа	Данные трасологического анализа (учтены все рабочие лезвия)
наконечники стрел	11	5
резцы	7	
проколки	8	5
клинья	4	
кремневые ножи	2	
скребки	7	67
скобели	1	57
пластины с ретушью	2	
отщепы с ретушью	13	
сверла		25
ножи для нарезок по кости, рогу		2
ножи для мяса		46
ножи для шкур		1
строгальные ножи		9
резчики		45
резчики-скобели		19
вкладыш долота		1
вкладыш стамески		4
Итого:	55	286

Таблица 2

**Хозяйственный комплекс орудий Оленеостровской мезолитической стоянки
(Южный Олений остров 1)**

Обработка кости (рога)	Обработка продуктов охоты: мяса, шкур		Обработка дерева		Обработка мягкого камня (ракушки)	
		наконечники стрел	5			
ножи для нарезок	2	ножи для мяса	46			
строгальные ножи	3	ножи для шкур	1	строгальные ножи	6	
сверла	16	проколки	5	сверла	8	сверла
скребки	47	скребки	6	скребки	12	скребки
скобели	51			скобели	6	
вкладыши стамесок	3			вкладыши стамесок	1	
резчики	44			резчики	1	
резчики-скобели	16			резчики-скобели	3	
				вкладыш долота	1	
Итого:	182		63		38	3

Данное исследование проведено с использованием данных трех основных методов исследования камня: типологического, технологического и трасологического. Ключевую роль при этом играл трасологический метод, а данные разных методов рассматривались в соотношении по каждой категории орудий. Практическое использование такого подхода к исследованию каменных индустрий универсально и применимо к материалам любого хронологического периода (Поплевко 2007). Использование комплексного подхода помогает более полно охарактеризовать хозяйственный комплекс памятника.

Настоящая работа представляет собой первый опыт трасологического исследования кремневых изделий из мезолитических памятников Карелии. Дальнейшее изучение материалов стоянки позволит расширить наши представления о наборе орудий, видах работ на памятнике и скорректирует данные по обрабатываемым видам сырья.

Поплевко 2007 — *Поплевко Г. Н.* Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб., 2007.

Тарасов 2009 — *Тарасов А. Ю.* Новые материалы с Оленеостровской мезолитической стоянки: технико-типологический обзор (в печати).

TRACEOLOGICAL STUDY OF THE MATERIALS FROM THE MESOLITHIC SITE OF YUZHNYI OLENIJ OSTROV 1: FIRST RESULTS

G. N. Poplevko

The author reports the first results of the traceological study of stone artifacts from the Mesolithic site of Yuzhnyi Olenij ostrov 1 in Karelia. The analyzed sample consisted of 300 flint, quartz, and lydite objects, including retouched tools, flakes, blades, and core-like forms. Examination was carried out using a MC-2CR-ZOOM microscope with magnification of 160x. Microphotographs of use-wear traces on working edges were made with magnification ranging between 80x and 560x. As a result, 217 artifacts with microtraces of utilization have been identified, some of them having two or, in single instances, three working edges. More than a half of these tools served to work bone and antler, the other were applied to leather, meat, wood, and soft stone or shells.

ИССЛЕДОВАНИЯ КОЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИИМК РАН В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ (РАЙОН ТЕРИБЕРСКОЙ ГУБЫ БАРЕНЦЕВА МОРЯ)

В. Я. ШУМКИН, Е. М. КОЛПАКОВ, А. И. МУРАШКИН

В 2008 г. исполнилось 80 лет археологического изучения Мурманской области Кольской археологической экспедицией (КАЭ) ГАИМК — ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН. За эти годы усилиями трех поколений отечественных археологов (А. В. Шмидт, Б. Ф. Земляков, Н. Н. Гурина, В. Я. Шумкин, В. И. Тимофеев, И. В. Верещагина, Е. М. Колпаков, Л. Г. Шаяхметова, А. И. Мурашкин, А. Ю. Городилов и др.) было обнаружено и частично исследовано около 500 древних памятников. Наиболее интенсивно, планомерно и результативно работы КАЭ ежегодно проводятся с 1969 г. Хотя степень изученности региона (количество обнаруженных и исследованных памятников) отстает от результатов, достигнутых за последние 200 лет в соседних Скандинавских странах и Карелии, но в качественном отношении ситуация постепенно выравнивается. Получены важные свидетельства непрерывного заселения региона в последние 10 тыс. лет.

Особенно нужно выделить археологические памятники, имеющие всемирно-историческое научное значение, волею судеб сохранившиеся на Кольской земле.

1. Уникальный для Европейского Заполярья могильник на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря (3,5 тыс. л. н.) с превосходным по сохранности антропологическим материалом и богатейшим погребальным инвентарем.

2. Единственные в Российском Заполярье писаницы (рисованные изображения) на п-ве Рыбачий (8 тыс. л. н.).

3. Петроглифы (выбитые изображения) на р. Поной и Канозере (5—1 тыс. л. н.), по разнообразию сюжетов и свидетельствам взаимных контактов древних культур заметно выделяющиеся даже на фоне всемирно известных аналогичных памятников Скандинавии и Карелии.

4. Поселения и жилища (8—3 тыс. л. н.) с хорошо сохранившейся органикой и конструктивными элементами — чрезвычайно редкими для археологических памятников Севера Европы.

5. Лабиринты (каменные спиралеобразные сооружения) на морских побережьях.

6. Саамские и поморские культовые и хозяйственные объекты (I тыс. до н. э.—XVII в. н. э.), свидетельствующие о системе хозяйственной адаптации и мировоззрении аборигенного населения.

Некоторые из этих памятников уже получили международную известность, другие же нуждаются в дальнейших квалифицированных исследованиях. В последнее время, при поддержке местных администраций и охранных органов,

предпринимаются шаги (пока не очень результативные, но все более уверенные) по популяризации древней истории и вовлечению этих объектов историко-культурного наследия в дело патриотического воспитания населения.

Полевые работы в юбилейном 2008 г. КАЭ ИИМК РАН проводила, в основном, на северном побережье Баренцева моря в Кольском районе Мурманской области (район пос. Териберка).¹ Первые археологические памятники здесь были открыты КАЭ ЛОИА АН СССР под руководством Н. Н. Гуриной в 1946—1948 гг. (Гурина 1953). Повторное обследование было предпринято той же экспедицией в 1974 г. (Шумкин 1983). В результате этих работ здесь было открыто 12 стоянок эпохи неолита—раннего металла. Три стоянки (Падун 1—3) обнаружены на левом берегу р. Териберка около водопада Териберский Падун. Стоянки Завалишенская 1—4 расположены на восточном берегу губы Корабельная, в 1,5—2 км к северо-востоку от пос. Териберка. Еще пять стоянок (Малая сторона 1—5) зафиксированы на левом берегу р. Териберка при впадении ее в море.

В 2008 г. археологические исследования в районе залива Териберка велись на территории проектируемого портово-транспортного и технологического комплекса по сжижению природного газа и соответствующей инфраструктуры в рамках обустройства Штокмановского газо-конденсатного месторождения и прокладки трассы магистрального газопровода Мурманск—Волхов. В результате работ экспедиции были открыты 33 новых и обследовано 4 обнаруженных в 1974 г. археологических объекта (рис. 1).

Памятники представляют собой стоянки и поселения с читающимися на современной поверхности остатками углубленных жилищ — зафиксировано 144 таких жилища. Судя по высотным отметкам, подъемному материалу и аналогиям с исследованными однотипными памятниками Северной Фенноскандии, они относятся к периодам от мезолита до средневековья (в основном, к неолиту и эпохе раннего металла). На одном поселении нередко соседствуют жилища разных эпох. Этот вид древностей известен в Баренцево-морском регионе на территории Северной Норвегии, Северной Финляндии, а теперь обнаружен и в северной части Мурманской области.

Раскопки жилищных западин в Северной Норвегии (Gjessing 1937; Simonsen 1963; Odner 1966) начались в 1930-е гг. и интенсивно продолжаются до сих пор. Особенно важными были масштабные, высокопрофессиональные и очень результативные полевые и камеральные исследования, проведенные на рубеже XX—XXI вв. на островах Сорейа и Мелкой около г. Хаммерфест (Норвегия) при строительстве концерном «СТАТОЙЛ» магистрального газопровода и завода сжиженного природного газа. Работы велись под руководством К. Хельскога, Б. Ульсена и А. Хешьедала (Hesjedal et al 1996), при участии российских археологов (В. Я. Шумкин, А. И. Мурашкин, А. Ю. Тарасов). Именно здесь была совместно выработана и апробирована методика, которая предполагает скрупулезное исследование всего заполнения жилищного котлована и культурного слоя, прилегающего межжилищного пространства, индивидуальную трехмерную фиксацию всех артефактов (даже мельчайших чешуек и

¹ Небольшие полевые изыскания в 2008 г. проведены КАЭ также в Терском (петроглифы Канозеро) и Ловозерском (изучение средневекового саамского жилища на Северной Салме, совместно с археологами Норвегии, Швеции и Финляндии) районах Мурманской области.

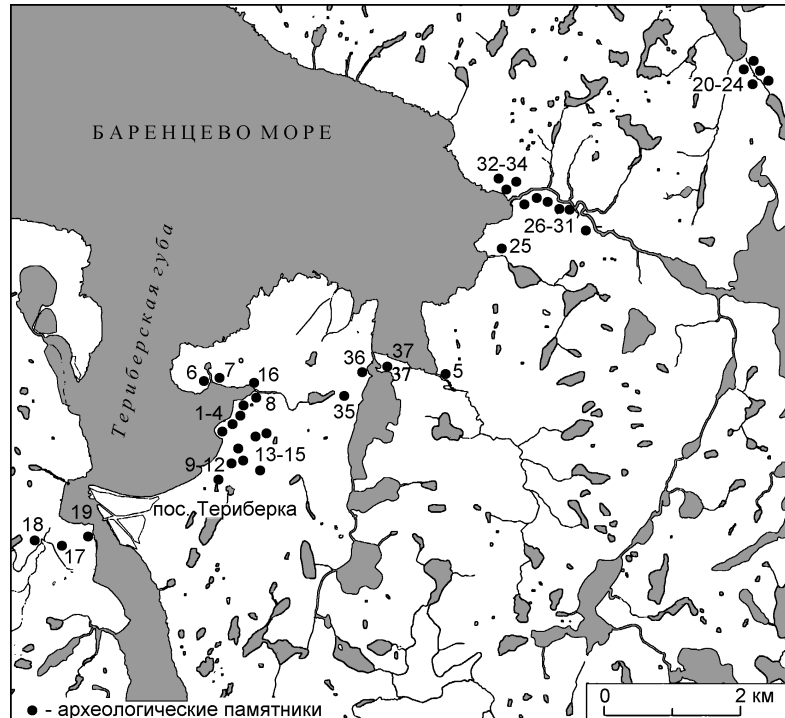

Рис. 1. Карта памятников в районе Териберской губы: 1—5 — Завалищенская 1—5; 6—16 — Корабельная 1—11; 17—19 — Мурманец 1—3; 20—24 — Опасова 1—5; 25—34 — Орловка 1—10; 35—37 — Первотитовское 1—3

осколков кварца), проведение разнообразных анализов (лито-стратиграфического, геохимического, палинологического, диатомового, радиоуглеродного и т. д.) методами естественных наук. Подобные работы требуют ответственности, значительного опыта, привлечения высококвалифицированного персонала, в том числе специалистов естественных наук (антропологов, палеогеографов, палинологов, палеозоологов, физиков) и реставраторов, использования современного высокотехнологичного оборудования.

Благодаря разработанной методике, исследования памятников с остатками жилищных конструкций, с мощным культурным слоем, в котором сохраняются не только изделия из камня и керамики, но и из органических материалов, позволяют с большой полнотой и достоверностью реконструировать специфику древней материальной и духовной культуры, уровень развития технологии, особенности социальной организации и характерные черты адаптации древнего населения к сложным условиям Заполярья.

На территории Мурманской области изучение жилищ эпохи камня и раннего металла долгое время практически не проводилось. В последнее десятилетие такие памятники были зафиксированы в нескольких районах северного побережья (п-ов Рыбачий, о. Кильдин, Ура губа, Нокуевский залив, а теперь и Териберская губа) Баренцева моря.

Запланированные раскопки стоянок и поселений научным коллективом КАЭ ИИМК РАН в рамках охранных мероприятий при строительстве завода

сжиженного природного газа Штокмановского газо-конденсатного месторождения и прокладки трассы магистрального газопровода в районе Терiberки открывают широкие исследовательские перспективы. С одной стороны, произойдет существеннейшее увеличение источниковой базы для изучения древностей, с другой — новые материалы будут получены на современном методическом уровне с применением всего арсенала естественнонаучных методов, доступных ныне археологии.

Особо следует отметить необходимость заблаговременных и, непременно, квалифицированных археологических изысканий (разведки, раскопки) уже на стадии технико-экономического обоснования и планирования строительства хозяйственных объектов по всей Мурманской области России. Только так и в тесном контакте с органами охраны культурного наследия мы еще можем сберечь памятники далекого прошлого, а то, что Кольская земля хранит немало уникальных и неожиданных археологических объектов, ждущих своего открытия, не вызывает сомнения.

Гурина 1953 — *Гурина Н. Н.* Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // МИА СССР. М.; Л., 1953. № 39. С. 347—407.

Шумкин 1983 — *Шумкин В. Я.* Памятники эпохи раннего металла р. Терiberки: (Кольский полуостров) // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983. С. 119—126.

Gjessing 1937 — *Gjessing G.* Mellom Komsa og Fosna. Fran stenalder til rokkoko. Lund, 1937.

Hesjedal et al 1996 — *Hesjedal A., Damm C., Olsen B., Storli I.* Arkeologi pe Slettness. Tromsø, 1996.

Odner 1966 — *Odner K.* Komsakulturen i Nesseby og Sør-Varanger. Tromsø, 1966.

Simonsen 1963 — *Simonsen P.* Varanger-funnene. Tromsø; Oslo, 1963.

RECENT WORKS OF THE KOLA EXPEDITION OF IHMC RAS IN THE MURMANSK OBLAST (THE REGION OF THE TERIBERKA BAY OF THE BARENTS SEA)

V. Ya. Shumkin, E. M. Kolpakov, A. I. Murashkin

In 2008 the Kola Expedition of IHMC RAS worked in the region of the Teriberka Bay of the Barents Sea (Murmansk oblast). The work resulted in discovery of 34 new archaeological sites, and in addition four sites found in 1974 were excavated too (fig. 1). The sites represent short-term camps and settlements with remains of deepened dwellings. Altogether 144 dwellings were recorded. Most of them date to the Neolithic and Early Metal periods, but there are also some Mesolithic and Medieval dwellings. Not infrequently, dwellings belonging to different epochs occur in close proximity on the same settlement. Similar sites are known also on the Barents Sea shore of Northern Norway and Northern Finland.

The excavation of these sites, which is supposed to take place as part of the salvation works associated with the construction of the liquefied natural gas factory at the Shtokman gas-condensate field and the laying of the gas transmission pipe-line from Murmansk to Volkhov, would open broad perspectives for future research.

КЛАССИФИКАЦИЯ МИСОК ПОСЕЛЕНИЙ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

А. Д. РЕЗЕПКИН, Г. Н. ПОПЛЕВКО

История изучения майкопской культуры насчитывает уже более 110 лет, но первая классификация ее керамики, предложенная в основном на материалах курганного могильника Клады, появилась только 20 лет назад. В этой классификации были выделены четыре формы мисок (Резепкин 1989: 5—6). В 1991 г. К. А. Днепровский, публикуя материалы раскопанного им поселения Серегинское, предоставил классификацию форм сосудов, в которой миски по форме венчика были разделены на три типа (Днепровский 1991: 7). В работе С. Н. Кореневского были частично опубликованы материалы раскопанного им на среднем Тереке поселения Галюгай I, где он выделяет пять групп мисок (Кореневский 1993: 21, 118, рис. 10). В полной публикации материалов этого памятника представлены лишь четыре группы мисок, а упоминание о пятой группе мисок (с плоским дном) отсутствует (Кореневский 1995: 42—43, 48—49, 122—127, 140, рис. 36—41, 54). Еще одна классификация мисок была дана на материалах поселения Большетегинское. Авторы выделили три вида мисок, причем каждый из них имел два варианта (Каминская, Динков 1993: 11—12).

Авторы настоящей статьи также предложили классификацию мисок из раскопанного в 2002 г. майкопского поселения Пхагугапе. В ней миски, по форме венчиков, были разделены на три группы (Резепкин, Поплевко 2006: 115, 120, рис. 4). В монографии, посвященной эпохе ранней бронзы на Северном Кавказе, С. Н. Кореневский представил каталог практически всех форм сосудов «майкопско-новосвободненской общности» согласно его терминологии. Поскольку, с нашей точки зрения, такой общности нет, а на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы существуют как минимум две самостоятельные культуры — майкопская и новосвободненская, то в работе С. Н. Кореневского мы отметим лишь те миски, которые определенно относятся к майкопской культуре. По его классификации, эти миски делятся на две группы: миски с простым венчиком — три варианта и миски с фигурным венчиком — пять вариантов (Кореневский 2004: 33—34).

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что классификация форм керамики майкопской культуры, в частности мисок, проводилась либо на ограниченной информативной базе (материалы отдельных поселений и могильников), либо на смешанных материалах разных по происхождению культур, имеющих различные технологические характеристики глиняной посуды.

Ранее были опубликованы керамические комплексы четырех майкопских поселений: Псекупс и Серегинское (Адыгея) (Днепровский 1991; Ловпаче, Дитлер 1988), Большетегинское (восток Краснодарского края) (Каминская,

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 06-06-80168а.

Динков 1993), Галюгаевское I (граница Ставропольского края и Чечни) (Кореневский 1995). К настоящему времени нами исследованы три новых майкопских поселения: Пхагугапе и Беляевское в Адыгее, Усть-Джегутинское в Карачаево-Черкесии, что позволило существенно увеличить информативную базу данных.

Источниковедческая основа этой работы включает миски из поселений Пхагугапе, Беляевское, Усть-Джегутинское и Большетегинское, причем материалы последнего были обработаны в фондах Краснодарского краевого музея. Данные по поселениям Галюгай I, Псекупс и Серегинское взяты из публикаций.

Почти все миски майкопской культуры изготовлены из хорошо отмученного теста, без примесей, прекрасно обожжены и залощены, нередко покрыты ангобом. Цвет в подавляющем большинстве варьирует от коричневого до малинового и светло-охристого. Небольшое количество мисок имеет серый цвет и лишь единицы — черный. Поскольку почти все миски имеют округлое или слегка уплощенное дно, то наиболее переменным их признаком являются венчики. Поэтому в основу предлагаемой классификации положена форма венчика миски. Мы выделяем 11 форм, и две из них — 2 и 5 имеют по одному варианту — 2а и 5а.

Формы венчиков мисок

1. Простой венчик, край слегка приострен либо скруглен, нередко с легким наклоном внутрь.

2. Венчик сложного профиля, расположен под углом к тулову миски, внутренний край острый, направлен внутрь.

2а. Край венчика отогнут, овальный в сечении, внутренний край овальный, направлен внутрь.

3. Край венчика, оттянут наружу горизонтально, иногда с наклоном вниз.

4. Вертикальный венчик, отделен от тулова внешним уступом.

5. Венчик отделен от тулова внешним желобком.

5а. Венчик аналогичен предыдущему, край загнут внутрь.

6. Венчик с плоским краем, резко загнут внутрь.

7. Венчик, продолжает линию стенки миски, резко утончен с внешней стороны плавным уступом.

8. Венчик, имеет округлое утолщение на краю: «припухлость».

9. Венчик, имеет в сечении подпрямоугольную форму, слабо выделен по обе стороны миски.

10. Венчик, загнут внутрь под острым углом от плечика.

11. Венчик, отходит от ребра на тулове, плавно выгнут наружу к краю.

Выделенные формы венчиков, на наш взгляд, охватывают практически весь массив найденных мисок, за исключением, может быть, одной-двух форм, имеющих в единичных экземплярах.

На рис. 1 приведены количественные данные всех выделенных форм мисок. На рис. 2 представлено процентное соотношение форм мисок внутри поселения и средняя величина каждой формы (в процентах) по всем поселениям.

Из рис. 2 видно, что на поселениях, расположенных в Закубанье, от 50 % до 60 % мисок имеют венчик формы 2. Венчик формы 3 на таких закубанских поселениях, как Псекупс и Беляевское, занимает второе место: соответственно 17,5 % и 34 % от общего количества мисок, обнаруженных на этих памятниках.

	Формы венчиков мисок	Псекупс	Пхагулае	Серегинское	Беляевское	Галюгаевское	Усть-Джегутинское	Большетегинское	Всего:
1		1	14	5	1	16	30	119	186
2		10	67	4	5	5	7	3	241
2a		14	34	6	22	8	10	46	
3		7	17		16	21	4	18	83
4		1	23	2	2				28
5		1	4				1		11
5a		2		3					
6		1	3					1	5
7			6		1		2	11	20
8		2	2					1	5
9		1	2			5			8
10								8	8
11							3	13	16
	Итого:	40	172	20	47	55	57	220	611

Рис. 1. Количественное распределение мисок по выделенным формам на поселениях

	Формы венчиков мисок	Псекупс	Пхагулап	Серегинское	Беляевское	Галюгаевское	Большетегинское	Усть-Джегутинское	Всего:
1		2,5	18,1	25	2,1	29,1	56,1	46,2	30,4
2		60	58,7	50	57,5	23,6	23,1	26,2	39,5
2a									
3		17,5	10		34	38,2	8,5	6,2	13,6
4		2,5	13,3	10	4,3				4,6
5		7,5	2,3	15				1,5	1,8
5a									
6		2,5	1,7				0,5		0,8
7			3,5		2,1		5,2	3,0	3,3
8		5	1,2				0,5		0,8
9		2,5	1,2			9,1			1,3
10								12,3	1,3
11							6,1	4,6	2,6

Рис. 2. Процентное соотношение форм мисок внутри поселений и средняя величина каждой формы (в %) на всех поселениях (всего)

Поселения Большетегинское и Усть-Джегутинское расположены в восточной части Северо-Западного Кавказа. Для этих памятников характерен венчик формы 1: 56,1 % и 46,2 % от общего количества мисок. Венчик формы 2, который в закубанских поселениях доминировал, на этих памятниках занимает второе место: соответственно 23,1 % и 26,2 %.

Несколько особняком стоит седьмое, самое восточное, поселение — Галюгаевское I. Специфика его заключается в том, что венчики формы 1 и 2, которые преобладали на всех указанных памятниках, здесь занимают только второе и третье места: 29,1 % и 23,6 % от общего количества мисок. Доминирующим на Галюгаевском поселении является венчик формы 3 — 38,2 %. Особенность процентного распределения венчиков мисок на этом памятнике состоит в том, что здесь не доминирует ни одна из их форм. Преобладающий на данном памятнике венчик формы 3 составляет всего 38,2 %, а венчик формы 2, занимающий третье место, составляет 23,6 %. Разница в процентном соотношении этих форм венчиков — всего 14,6 %.

На всех поселениях доминируют только три выделенные формы венчиков: 2 — 39,5 %, 1 — 30,4 %, 3 — 13,6 %. На них приходится 83,5 % всех находок мисок на поселениях. Остальные восемь форм венчиков составляют всего 16,5 % (рис. 2).

Следовательно, можно констатировать, что по формам венчиков мисок поселения майкопской культуры делятся на две группы: Закубанскую, к настоящему времени насчитывающую четыре поселения: Псекупс, Пхагугапе, Беляевское, Серегинское, и Среднекубанскую, состоящую из двух поселений: Большетегинское и Усть-Джегутинское. Седьмое поселение, Галюгаевское I, можно отнести к третьей, центральной группе памятников. Для всех поселений характерны миски с формами венчиков 1, 2, 3, вместе с тем в небольшом количестве встречаются миски с формами венчиков 6, 8, 11 (рис. 1).

Венчик формы 2а, который доминирует в Закубанской группе поселений и венчик формы 1, преобладающий в Среднекубанской группе, являются типичными для поселений халколита Восточной Анатолии (второй этап развития). Это видно на примере поселений, расположенных в верховьях р. Евфрат на юге Турции: Арслан Тепе, горизонт VII (рис. 3, 9) и Хачинеби Тепе, ранняя фаза А (рис. 3, 1, 2, 7, 8).

Венчики формы 6, 8, 11 также характерны для восточноанатолийского халколита. Согласно синхронистической колонке, построенной М. Франжипан для группы памятников, расположенных в бассейне верхних течений рек Тигра и Евфрата (Frangipane 2000: 451, table I), формы венчиков мисок на поселении Хачинеби (формы 1 и 2а, по нашей классификации) относятся к началу этапа А (время позднего Убейда и раннего Урука — 3900—3600 л. до н. э.) (Pearce 2000: 117, 129, fig. 5, f, g; 6, d, e). К этому же периоду относится и венчик формы 11 (Pearce 2000: 117, 130, fig. 6, f, g), который на Северном Кавказе обнаружен только в среднекубанских поселениях: Большетегинском и Усть-Джегутинском (рис. 1; 4, 1, 2).

Миска с венчиком формы 6 из поселения Хачинеби (рис. 3, 10—12) относится к позднему периоду этапа А (Pearce 2000: 117, 131, fig. 7, c, d). На майкопских памятниках миски с таким венчиком встречаются очень редко: один экземпляр найден на поселении Псекупс, три — в Пхагугапе и один — на Большетегинском поселении (рис. 1).

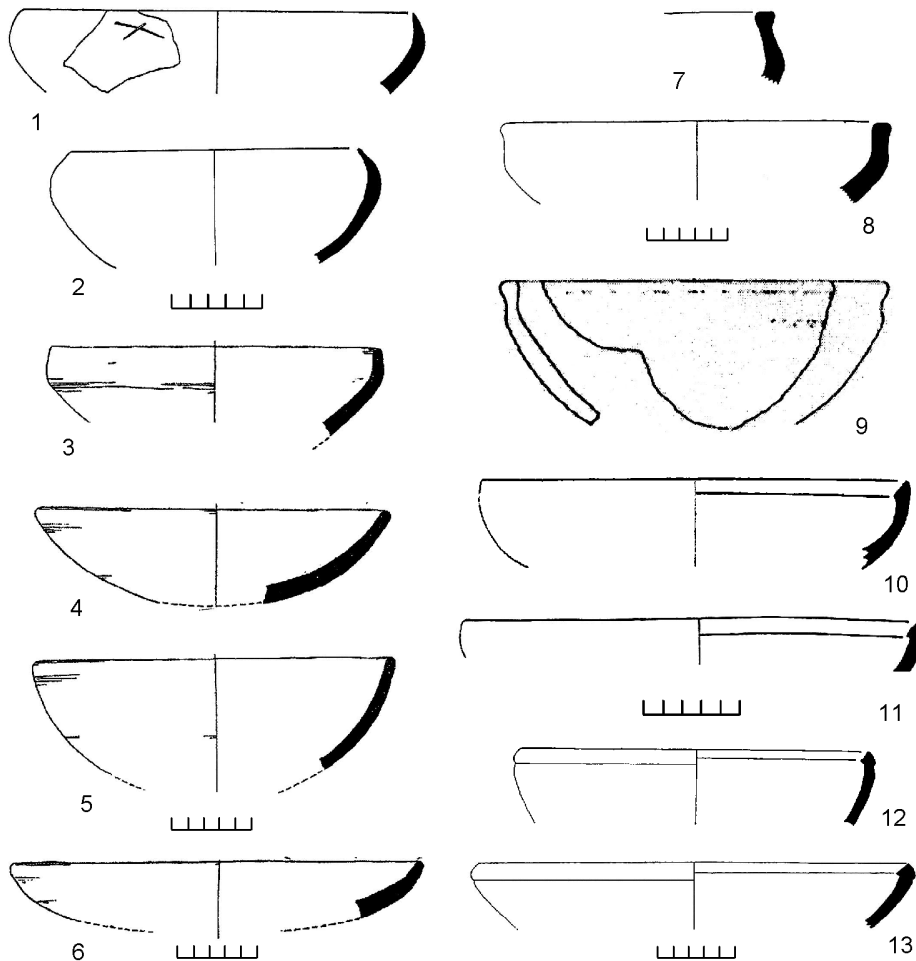

Рис. 3. Миски разных форм из поселений: 1, 2, 7, 8, 10–12 — Хачинеби Тепе (по Pearce 2000); 3–6, 13 — Беюк Кесик (по Мусеибли 2007); 9 — Арслан Тепе, период VII (по Frangipane 2000)

Наибольший процент ранних мисок (венчики формы 1 и 2—2а) найдены на памятниках Среднекубанской группы: поселения Большетегинское — 79,2% и Усть-Джегутинское — 72,4%. В среднем ранние формы венчиков выявлены на 75,8% всех мисок. На поселениях Закубанской группы процентное исчисление мисок с венчиками ранних форм распределяется следующим образом: Псекупс — 62,5%, Пхагугале — 76,8%, Беляевское — 59,6%, Серегинское — 75% (рис. 2), в среднем по группе — 68,5%. Только в Среднекубанской группе поселений представлена еще одна ранняя форма венчика — 11.

Лейлатепинская культура, распространенная на территории Азербайджана, своим происхождением, как и майкопская, во многом обязана той же культурной инвазии с Ближнего Востока. Соответственно, керамика лейлатепинской и майкопской культур имеет много общих черт. В частности, на самом исследованном поселении лейлатепинской культуры Беюк Кесик были найде-

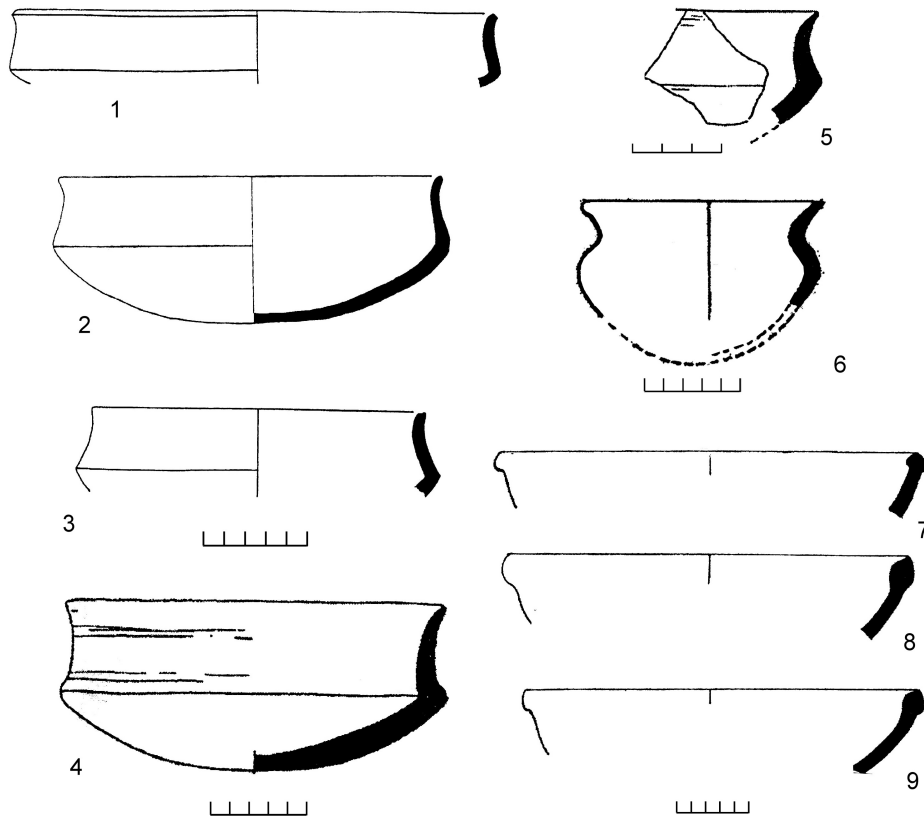

Рис. 4. Миски разных форм из поселений: 1—3 — Хачинеби Тепе (по Pearce 2000); 4—9 — Беюк Кесик (по Мусейбли 2007)

ны миски, имеющие, согласно нашей классификации, следующие формы венчиков: 1, 6 (рис. 3, 3—6, 13) и 8, 11 (рис. 4, 4—6, 7—9). К сожалению, миски из этого памятника были разделены всего на две группы и статистический подсчет не проводился (Мусейбли 2007: 112). Венчики мисок, аналогичные найденным на поселении Беюк Кесик, представлены также на майкопских памятниках Закубанской группы (рис. 1). Венчики формы 6 и 8 известны в единичных экземплярах, форма 1 — в значительных количествах, а венчик формы 11 не представлен совсем. На поселениях Среднекубанской группы были встречены все четыре формы венчика, подобные венчикам мисок из Беюк Кесик. Миски с венчиком формы 1 составляют подавляющее большинство на среднекубанских поселениях, а миски с венчиком формы 11 встречены только на поселениях этой группы. На поселениях майкопской культуры не найдены миски только с тремя формами венчиков, характерных для поселения Беюк Кесик:

1 — миска с широким наружным желобком под утолщенным венчиком, расположенным вертикально (Мусейбли 2007: 177, табл. I, 8);

2 — миска с выступающим ободком под венчиком (Мусейбли 2007: 178, табл. II, 8);

3 — миска с выступающим, косо срезанным изнутри венчиком (Мусебли 2007: 179, табл. III, 10).

Таким образом, на поселениях майкопской культуры известны миски с четырьмя формами венчиков, которые аналогичны формам из Беюк Кесик, памятнике лейлатепинской культуры. Анализ венчиков мисок майкопской культуры подтверждает неоднократно высказанные ранее предположения об ареале лейлатепинской культуре как об одном из основных, а возможно, и основном регионе, откуда носители лейлатепинских керамических традиций проникли на Северный Кавказ и положили начало формированию майкопской культуры.

Подводя итоги нашему исследованию, можно сделать вывод, о том, что на основании изучения форм венчиков мисок как самой многочисленной категории майкопской керамики поселения этой культуры удалось разделить на три группы. Статистическая выборка материала достаточно велика (авторами обработано 611 экземпляра мисок, см. рис. 1), чтобы не считать это случайностью. Результат данного исследования может служить свидетельством в пользу той модели формирования майкопской культуры, в соответствии с которой вторжение с Ближнего Востока на Северный Кавказ было многократным и происходило не из одного центра (Резепкин 2004).

Работа над остальными категориями керамики поможет яснее представить процесс становления раннего бронзового века на Северном Кавказе.

Днепровский 1991 — *Днепровский К. А.* Серегинское поселение эпохи ранней бронзы // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 3—17.

Каминская, Динков 1993 — *Каминская И. В., Динков А. Б.* Большетегинское поселение в долине реки Урул // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993. С. 7—15, 159—170.

Корневский 1993 — *Корневский С. Н.* Древнейшее оседлое население на Среднем Тереке. М., 1993.

Корневский 1995 — *Корневский С. Н.* Галюгай I — поселение майкопской культуры. М., 1995.

Корневский 2004 — *Корневский С. Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность: Проблемы внутренней типологии. М., 2004.

Ловпаче, Дитлер 1988 — *Ловпаче Н. Г., Дитлер П. А.* Псекупское поселение № 1 // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988. С. 105—139.

Мусебли 2007 — *Мусебли Н.* Энеолитическое поселение Беюк Кесик. Баку, 2007.

Резепкин 1989 — *Резепкин А. Д.* Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989.

Резепкин 2004 — *Резепкин А. Д.* Некоторые аспекты формирования эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе // Материалы и исследования по археологии. Краснодар, 2004. Вып. 4. С. 97—125.

Резепкин, Поплевко 2006 — *Резепкин А. Д., Поплевко Г. Н.* Поселение Пхагугапе // *Liber Archaeologicae*: Сборник статей, посвященный 50-летию Бориса Ароновича Раева. Краснодар, 2006. С. 114—120.

Frangipane 2000 — *Frangipane M.* The late Chalkolithic: EB I sequence at Arslantepe: Chronological and cultural remarks from a frontier site // *Chronologies des pays du Caucase et de L'Euphrate aux IV—III millénaires. Actes du colloque d'Istanbul*, 16—19 décembre 1998. Paris, 2000. P. 439—471.

Pearce 2000 — *Pearce J.* The late chalcolithic sequence at Hacinebi Tepe, Turkey // *Chronologies des pays du Caucase et de L'Euphrate aux IV—III millénaires: Actes du colloque d'Istanbul*, 16—19 décembre 1998. Paris, 2000. P. 115—143.

CLASSIFICATION OF EARTHENWARE BASINS FROM THE MAIKOP CULTURE SITES

A. D. Rezepkin, G. N. Poplevko

The paper provides a classification of earthenware basins, representing the most numerous category of the Maikop pottery. The analyzed sample consists of 554 vessels from seven settlements, situated in the central and northwestern parts of the Northern Caucasus. The authors distinguish 11 different forms of basins and analyze the character of their distribution and co-occurrence from assemblage to assemblage. As a result, the settlements under study are divided into three groups: 1 — Trans-Kuban, 2 — Middle Kuban, 3 — Central Caucasian.

According to M. Frangipane's synchronistic table, based on the materials from the upper reaches of the Tigris and Euphrates, the rims of earthenware basins from the settlement of Khachebi (forms 1 and 2a in our classification) should be dated to the beginning of stage A (late Ubeid and early Uruk, 3900—3600 years BC). The same applies to the rims classified to form 11 found in the Middle Kuban settlements of Bolshetenginskoe and Ust-Djegutinskoe (fig. 1; 4, 1, 2). The basins of early types (rim forms 1 and 2a) are particularly numerous at the Middle Kuban settlements. Four forms of rims known at the Maikop culture sites find direct analogies among the basins from Beyuk Kesik, a site of the Leila Tepe culture (Azerbaijan). The present analysis supports the hypothesis, that the Leila Tepe culture area was one of the main places from which the bearers of the Leila Tepe pottery traditions came to the Northern Caucasus and initiated the formation of the Maikop culture. In addition, the results of this study testify that the Near Eastern invasions to the Northern Caucasus took place more than once and came from different centers.

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОСВЯЗИ КАРАСУКСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПАМЯТНИКОВ АНДРОНОВСКОЙ ОБЩНОСТИ НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ

А. В. ПОЛЯКОВ

Формирование карасукской культуры — один из самых сложных и важных вопросов, возникающих при изучении эпохи поздней бронзы Южной Сибири. Новые исследования относительной хронологии этой культуры позволили выделить в рамках ее «классического» этапа три хронологических горизонта — Ia, Ib и II (Поляков 2002; 2006б). Опираясь на эту схему, можно более обоснованно изучать процесс сложения культуры и рассчитывать на получение принципиально новых результатов.

Исследователи рассматривают формирование карасукской культуры как результат взаимодействия местного населения и группы мигрантов. Далее мнения расходятся максимально широко: от строго автохтонной теории происхождения на основе местного андроновского населения (Зиеп Динь Хоа 1966; Комарова 1975: 92—94; Максименков 1978: 110—121) до сугубо миграционных гипотез (Новгородова 1970: 171—176; Членова 1964: 270—274; 1992). В последнем случае представлен большой спектр вариантов «прародины» от Центрального Казахстана до Ирана, Тибета и Центральной Азии (Монголия, Северный Китай). Компромиссная позиция предполагает различную степень участия местного и пришлого компонентов в процессе формирования культуры (Грязнов 1956: 38; Рахимов 1968: 15; Кызласов 1971: 187, 188). Особое мнение высказано Э. Б. Вадецкой, реконструирующей сложение карасукской культуры на основе взаимодействия андроновского и окуневского населения (Вадецкая 1986: 61—62).

Ключевым является вопрос об участии в формировании карасукской культуры местного андроновского (федоровского) населения. Задача представленной работы состоит в том, чтобы по возможности полно рассмотреть качество и степень этого участия. Автор исходит из взглядов М. П. Грязнова, предполагавшего последовательную смену двух этапов карасукской культуры: «классического» и каменоложского (Грязнов 1965: 66—68; Грязнов, Пяткин, Максименков 1968: 180—186). Эта точка зрения выглядит наиболее доказанной как на основе полевых наблюдений (Лазаретов 1996: 33; Савинов, Поляков 2007: 72—73), так и при изучении внутренней хронологии каждого из этапов (Поляков 2006б; Лазаретов 2006). Особое значение приобретает вновь выделенный самый ранний хронологический горизонт «классических» карасукских памятников — этап Ia (Поляков 2002; 2006б). Сопоставление его материалов с данными андроновских памятников Среднего Енисея позволит понять, насколько первые отличаются от последних и можно ли проследить процесс трансформации федоровской культуры в карасукскую. Если развитие происходило поступательно, без внешних импульсов, то наиболее ранняя

группа памятников «классического» этапа (этап Ia) в полной мере это продемонстрирует. В ином случае будут наблюдаться качественные отличия.

Необходимо обратить особое внимание на один принципиальный момент. Практически все исследователи, за редким исключением (Членова 1964: 271), солидарны в том, что памятники «классического» этапа карасукской культуры относятся к постандроновскому пласту. Таким образом, проблема происхождения культуры сводится к вопросу, сформировалась она на основе местной андроновской традиции или в результате внешнего импульса, тоже имеющего андроновские корни. Например, само по себе наличие на андроновской и карасукской посуде геометрических орнаментов ничего не доказывает. Требуется проведение детального исследования их набора. Только в случае выявления уникальных признаков, характерных исключительно для местной (андоновской) традиции, можно констатировать наличие преемственности.

Погребальные памятники андроновской культуры на Среднем Енисее в достаточной степени изучены и практически полностью опубликованы (Комарова 1961; Максименков 1978; Вадецкая 1986: 41—50). Все они относятся к федоровскому этапу андроновской общности. При проведении настоящего исследования использованы данные из монографии Г. А. Максименкова (Максименков 1978). После издания этой работы раскопки андроновских памятников на Среднем Енисее носили эпизодический характер и не внесли серьезных изменений в статистику. Сведения, приведенные в вышеупомянутой книге, будут рассмотрены суммарно (немногим более 300 могил). Далее в тексте именно эта группа захоронений будет называться андроновской. Использование материалов других территорий будет оговорено особо.

Анализ погребального обряда карасукской культуры базируется на материалах 2420 погребений «классического» этапа (~97 % от числа раскопанных на сегодняшний день). В дальнейшем, чтобы избежать терминологической путаницы и для упрощения изложения, эти погребения будут называться карасукскими. Термин «карасукский» к материалам обеих групп («классической» и каменноложской) применяться не будет. Привлечение материалов каменноложского этапа будет оговорено особо. На основании изучения относительной хронологии примерно 400 могил можно считать наиболее древними (хронологический горизонт Ia).

Ареал распространения памятников

Андроновское население проникло на территорию Среднего Енисея из Западной Сибири с северо-запада по лесостепному коридору (Максименков 1978: 75—86; Вадецкая 1986: 46). При этом «местные» жители, носители окуневской культуры, были, по всей видимости, либо частично истреблены, либо оттеснены на юг. Ареал андроновских памятников охватывает Назаровскую, Чулымо-Енисейскую, Сыда-Ербинскую и северную часть Минусинской котловины (Вадецкая 1986: 41—42). Южнее следов пребывания андроновского населения практически не обнаружено. Единственное исключение составляет могила, раскопанная М. Л. Подольским на территории пос. Сартыков, в 25 км к югу от г. Абакан. Южная граница распространения памятников проходит по Подкунинским Горам (рис. 1). Г. А. Максименков отмечал этот факт,

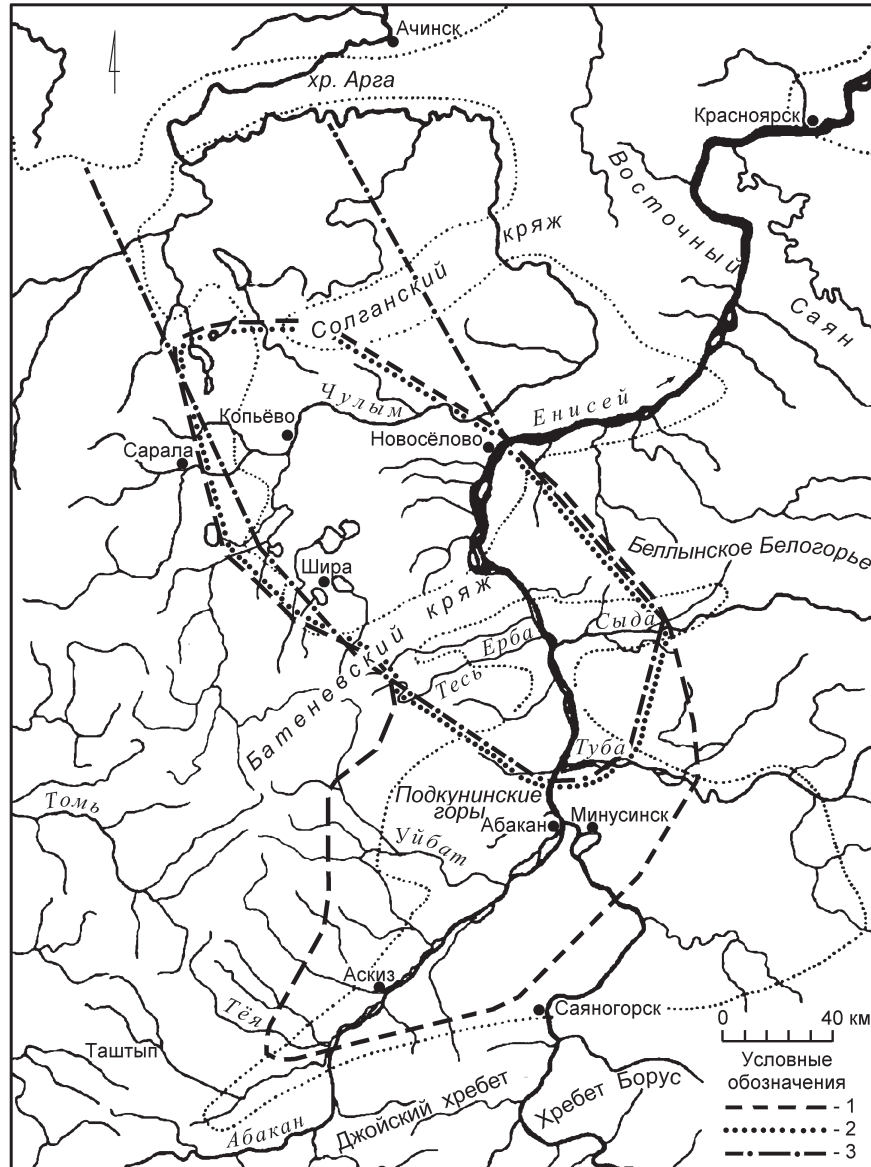

Рис. 1. Сопоставление ареалов памятников андроновской и карасукской культур: 1 — ареал памятников II этапа карасукской культуры; 2 — ареал памятников Iа этапа карасукской культуры; 3 — ареал памятников андроновской культуры

связывая его с низкой степенью изученности отдельных территорий (Максименков 1978: 6). Однако активные исследования южных районов, проводящиеся последние десятилетия, не привели к обнаружению здесь следов постоянного проживания андроновского населения. В результате все больше ученых склоняется к точке зрения о том, что андроновская экспансия была на определенном этапе остановлена и эта группа населения так и не проникла

южнее Подкунинских Гор (Лазаретов 2001: 104; Бобров 2003: 14; Савинов 2005: 29).

Кто же проживал в этот момент на юге Минусинской котловины? Возможно, туда наступающими с севера андроновскими группами было вытеснено окуневское население (Вадецкая 1986: 36, 46; Семенов 1997: 157—160; Лазаретов 2001: 104; Савинов 2002: 24, 32). Однако полевые наблюдения, подтверждающие эту точку зрения, пока отсутствуют. Соглашаясь с перечисленными авторами, следует признать, что имеются отдельные признаки, предполагающие контакты окуневской и карасукской культур. Таким образом, на момент формирования карасукской культуры на Среднем Енисее, вероятнее всего, существовали две разные группы населения, занимающие различные географические районы. Представители андроновской культуры проживали в северной части региона, окуневской — в южной.

Карасукские памятники «классического» этапа встречаются только в трех южных котловинах: Минусинской, Сыда-Ербинской, Чулымо-Енисейской, и неизвестны в самой северной Назаровской (Вадецкая 1986: 65—76; Лазаретов 2001: 104). Таким образом, ареалы двух культур перекрываются только отчасти. Но наибольший интерес представляют данные по распространению карасукских могильников, включающих погребения этапа Ia. Их ареал ограничен еще более узкими рамками (рис. 1). Они, как и андроновские памятники, не обнаружены в южной части Минусинской котловины. Граница их распространения проходит по Подкунинским Горам. Такое совпадение вряд ли может быть случайным.

Можно резюмировать, что наиболее ранние карасукские памятники занимают ареал, отчасти совпадающий с областью распространения на Среднем Енисее андроновской культуры. Западная и восточная границы не рассматриваются, так как котловины с этих сторон «зажаты» между Кузнецким Алатау и Восточным Саяном. На север и северо-запад андроновские памятники распространены гораздо шире, чем карасукские. Зато существование единой южной границы может рассматриваться как определенный элемент преемственности.

Могильные поля и размещение курганов

Практически все известные андроновские могильники являются «ядром» крупных могильных полей, в состав которых входят карасукские погребения: Ужур, Орак, Соленоозерная, Сухое Озеро I—II, Ярки I, Каменка, Усть-Ерба, Тепсей, Лебяжье, Мохов, Подкунинский и др. (Вадецкая 1986: 41—76). Причем в карасукской части могильного поля всегда представлены погребения хронологического горизонта Ia (в случае если раскопки носили массовый характер). Таким образом, андроновские и ранние карасукские погребения устойчиво взаимосвязаны. Однако эта связь имеет односторонний характер. Не каждый ранний карасукский могильник расположен вблизи андроновского кладбища. Часть погребальных памятников появилась только в карасукское время, и андроновские захоронения вблизи них не зафиксированы, например, Малые Копены III (Зяблин, 1977).

Один из памятников, Сухое Озеро I—II, позволяет рассмотреть вопрос взаимного размещения курганов двух культур. Сухое Озеро I—Ia является самым крупным из исследованных андроновских памятников на Среднем Ени-

сее (Максименков 1978: 15—34). В рамках этого же могильного поля располагался крупный карасукский могильник Сухое Озеро II (раскопано 280 курганов, 550 могил). Андроновские курганы образуют в центре могильного поля «ядро». Карасукский могильник охватывает его полукольцом с трех сторон, прижимая к обрыву в сторону р. Черновой. При таком размещении нет сомнений в последовательности смены культур. Первоначально существовало андроновское кладбище. Затем вокруг него захоронения совершали представители карасукской культуры. При этом курганы двух культур не смешиваются. Между ними существует «полоса отчуждения», не заполненная сооружениями. Учитывая недостаток свободного пространства и высокую плотность размещения карасукских курганов, это свидетельствует об определенном дистанцировании одной группы населения от другой.

Конструкции курганов

Курганы андроновской и карасукской культур имеют некоторые схожие внешние признаки. Из 135 раскопанных андроновских курганов 119 представлено одиночными оградами (~88 %), а 16 — системами пристроек (~12 %) (Максименков 1978: 54). В каждом отдельном случае число оград, входящих в систему, достаточно велико (5—6 оград). Ситуация с карасукскими памятниками схожая, но имеет свои особенности. В 1087 случаях из 1483 курган представлен одной оградой (73,3 %), а 396 раз — системой пристроек (26,7 %). Большая часть приходится на системы из 2—4 оград. Наиболее ранние карасукские курганы копируют андроновские принципы построения. Это либо крупная одиночная ограда, либо, значительно реже, система многочисленных пристроек. В процессе развития карасукской строительной традиции число курганов с пристройками плавно увеличивается, зато количество пристроек в каждом случае снижается. Наиболее распространены курганы с одной или двумя пристройками, в которых обычно погребены дети. Таким образом, именно ранний пласт карасукских памятников ближе всего к местной андроновской традиции.

Для андроновской культуры характерно возведение оград круглой формы (до 80 %) (Максименков 1978: 54). В 65 % случаев ограда возводилась из вертикально вкопанных плит, а в 35 % — из плит, положенных плашмя (Максименков 1978: 55). Таким образом, нет устойчивой взаимосвязи между формой ограды и техникой ее сооружения. Карасукские ограды тоже могли иметь либо круглую (197 случаев — 11,5 %), либо прямоугольную форму (1516 случаев — 88,5 %), причем прослеживается корреляция между формой ограды и техникой ее возведения. Круглые ограды, за редким исключением, сооружали на уровне древнего горизонта из плит, положенных плашмя (10,9 %), а прямоугольные — из вертикально вкопанных плит (85,2 %). Исключения существуют, но их общая доля составляет менее 4 % (Поляков 2006б: 10).

Анализ относительной хронологии карасукских памятников выявил, что круглые ограды связаны с ранним периодом развития (I этап). Это подтверждают их локализация в северной части ареала культуры и центральное расположение на планах крупных могильников (Зяблин 1977: рис. 1). Для относительно поздних карасукских погребений (II этап), как и для каменоложского этапа, ограды круглой формы не характерны (менее 1 %). Основу карасукских

сооружений I этапа составляют прямоугольные ограды из вертикально вкопанных плит, а доля круглых оград не превышает 25 %. Это немного по сравнению с андроновской группой памятников, где аналогичный показатель составляет 80 %. Остальные 20 % андроновских оград, имеющих прямоугольную форму, сооружены в основном из горизонтально положенных плит. Прямоугольные ограды из вертикально вкопанных плит известны в единичных случаях. Т. е. массовое появление прямоугольных оград из вертикально вкопанных плит является нововведением, связь которого с местными федоровскими памятниками не установлена.

Таким образом, конструкции карасукских курганов связаны с андроновской культурой Среднего Енисея лишь отчасти (ограды круглой формы, сооруженные из плашмя положенных плит). Они фиксируются исключительно в ранних памятниках, а затем довольно скоро выходят из употребления. Однако основу традиции сооружения карасукских курганов составляют прямоугольные ограды из вертикально вкопанных плит. А именно им среди местных андроновских сооружений аналогий практически нет. Возможно, принцип сооружения системы пристроек является развитием местных строительных приемов. Однако эта традиция имеет не менее широкое распространение и среди андроновских памятников Казахстана (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев 1966: рис. 50; Ткачев 2002: рис. 125, 131, 143; Усманова 2005: рис. 11, 6; 19, 6).

Конструкции могил

Погребальные сооружения андроновской культуры разнообразны: ящики — 43 %, цисты — 24 %, срубы — 15 % и комбинации на их основе (Максименков 1978: 58). Карасукская культура, напротив, отличается стабильностью обряда. Из 2420 могил 2147 (почти 89 %) оформлены в виде каменного ящика из вертикально поставленных плит и только 144 (около 6 %) — цисты (сооружены из плит, положенных плашмя). В остальных случаях конструкция либо не прослежена, либо представлена грунтовой ямой, часто со следами разрушения каменного ящика. На основе приведенных цифр может показаться, что элементы преемственности присутствуют. Из обихода исчезают только срубы, а каменные ящики и цисты остаются ведущими типами. Однако, чтобы сравнение было корректным, необходимо взглянуть на эти конструкции более детально.

Если на конкретных примерах сравнить каменные ящики андроновской и карасукской культур, то выяснится, что они не имеют ни одной схожей черты. Во-первых, в андроновское время использовались более толстые и грубые плиты. Возводились комбинированные конструкции, когда часть стен сделана из вертикальных, а часть — из положенных плашмя плит. Для карасукской культуры подобный подход неприемлем, а плиты использовались тонкие и очень качественные. Во-вторых, ящики обеих культур отличаются пропорциями. Карасукские ящики имеют соотношение длины к ширине 2 : 1 (например, 180 × 90 см), что соответствует вытянутому положению тела. Андроновские сооружения заметно шире. Их пропорции обычно 3 : 2 (например, 180 × 120 см) или даже 4 : 3 (180 × 140 см). Вероятно, это связано со скорченным положением тела погребенного. В-третьих, они сооружены на различных

уровнях. По карасукской традиции края ящика должны немного выступать над уровнем древней дневной поверхности. Этот принцип никогда не нарушался. Андроновские ящики обычно опущены в яму на значительную глубину и требовали ямы с заплечиками для устройства перекрытия (Максименков 1978: табл. XIV, 6, 8; XIX, 4; XXIII). В-четвертых, примерно половина карасукских каменных ящиков имеет трапециевидную форму. Одинаковая доля подобных сооружений с небольшими колебаниями представлена как в самой ранней (I этап), так и в относительно поздней сериях могил (II этап). В андроновской традиции ящики имеют исключительно прямоугольную или квадратную форму. Таким образом, нет оснований утверждать, что карасукские ящики связаны своим происхождением с местной андроновской строительной традицией, тем более что погребальные сооружения этого типа распространены очень широко, особенно на территории Казахстана (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев 1966: рис. 16, 20, 21, 22; Ткачев 2002: рис. 51, 52, 55, 56, 57).

Карасукские цисты возведены выше дневной поверхности или с небольшим заглублением в нее, фактически в теле насыпи. Эта особенность позволила Г. А. Максименкову выдвинуть гипотезу, что они являются «зимними могилами» (Максименков 1978: 73). Аналогичные конструкции, наряду с более традиционными сооружениями, опущенными в глубокую яму, были зафиксированы и в андроновских памятниках (Максименков 1978: 57; рис. 11, 1). Это важная особенность, которая не могла появиться независимо в двух разных культурах. К тому же подавляющее большинство карасукских цист связано с ранним хронологическим горизонтом (I этап).

Таким образом, участие местной андроновской традиции в формировании могильных конструкций карасукской культуры ограничивается только наземными цистами. Они выявлены в ограниченном количестве только в ранних памятниках и быстро выходят из употребления. Широко распространенные конструкции в виде прямоугольных и трапециевидных каменных ящиков, составляющие «костяк» карасукской традиции, не могут быть непосредственно связаны своим происхождением со схожими андроновскими сооружениями.

Размещение в могиле тела погребенного и сопроводительного инвентаря

В андроновское время на Среднем Енисее существовало два различных способа погребения: ингумация или кремация (Максименков 1978: 60—61). Последняя встречается редко (~8 %) и не рассматривается, так как для карасукской культуры она неизвестна. Для памятников андроновской культуры характерно помещение тела погребенного в могилу в скорченном положении, на правом (15 %) или левом (85 %) боку (Максименков 1978: 60; Вадецкая 1986: 43—44). Ноги при этом сильно подогнуты, руки согнуты в локтях, кисти лежат перед лицом (рис. 2, 1—5). Чаще всего погребение ориентировано головой в западный сектор (88 %) и реже — в восточный (12 %). Посуда представлена одним или двумя сосудами, которые располагались в могиле произвольно. Их часто находят в углу могилы перед лицом, но иногда обнаруживают над головой, за затылком или даже в ногах (Максименков 1978: табл. V, 2; VI, 4; VII, 1, 2, 3, 5 и др.). Вероятно, сам факт наличия сосуда более важен, чем

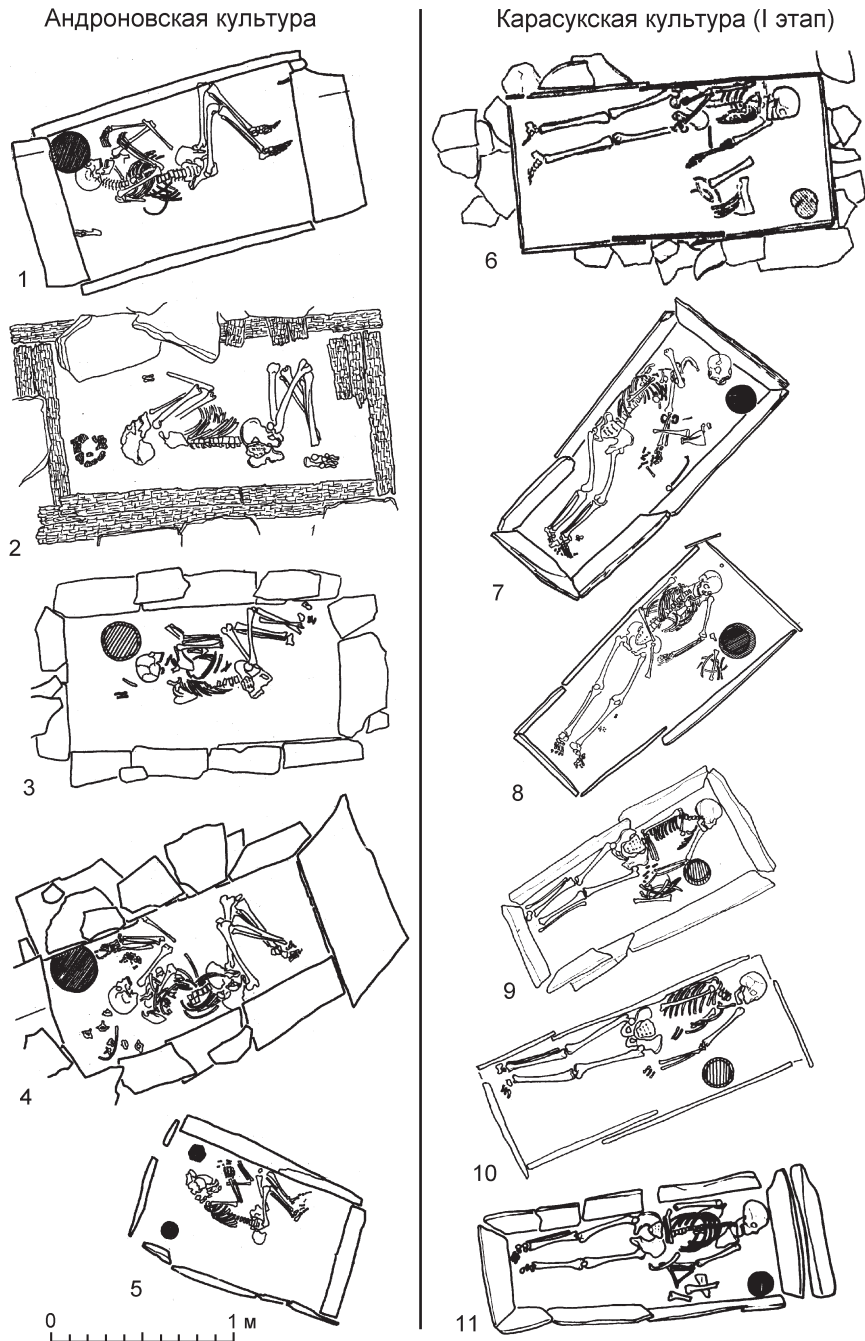

Рис. 2. Сопоставление типичных погребений андроновской (1—5) и карасукской (6—11) культур: 1 — Пристань I, ограда 7, могила 10; 2 — Сухое Озеро I, курган 442, могила 1; 3 — Сухое Озеро I, курган 430, могила 7; 4 — Пристань I, ограда 7, могила 5; 5 — Пристань I, ограда 7, могила 8; 6 — Мара, курган 1, могила 2; 7 — Карасук I, курган 14; 8 — Карасук I, ограда 25, могила 4; 9 — Сухое Озеро II, курган 64; 10 — Сухое Озеро II, курган 109; 11 — Сухое Озеро II, курган 375, могила 1

его местоположение. Остальной инвентарь крайне скуден и представлен только сохранившимися деталями погребального костюма. Андроновские могилы заметно шире, чем карасукские, но при этом костяк зачастую расположен ближе к стене, которая находится перед лицом покойного (Максименков 1978: табл. VI, 4—6; табл. XXIV, 3, 6, 7 и др.). Следовательно, за спиной остается большое свободное пространство. Таким образом, погребальный обряд андроновской культуры на Среднем Енисее, хоть и отличается некоторыми особенностями, в целом не выходит за рамки традиций федоровского этапа андроновской общности (Косарев 1981: 111—132; Молодин 1985: 88—116; Бобров 1992: 12—17; Зах 1997: 39—56; Матющенко 2004: 19—173).

Принципиально иная картина наблюдается в наиболее ранних карасукских погребениях (этап Ia). Костяк всегда расположен спиной вплотную к стене ящика (рис. 2, 6—11). Для большинства погребений «классического» и части ранних погребений каменоложского этапов характерно уникальное положение тела: вытянуто на боку вполоборота, которое придавалось с помощью подушек (Лазаретов 1995: 42—45; Поляков 2006б: 12). Статистический анализ выявил, что ранние карасукские погребения (этап Ia) всегда совершались на левом боку, причем умершие ориентированы головой в восточный сектор. Ноги покойного вытянуты или слабо согнуты, положение рук строго регламентировано: левая вытянута вдоль тела, правая чуть согнута и ее кисть располагается на правом крыле таза. Пространство перед лицом умершего оставалось свободным для размещения сосудов и сопроводительной мясной пищи, причем в строго определенном порядке. Один или два сосуда всегда находятся в восточном углу могилы, а набор из нескольких кусков мяса животного и столовый прибор (нож и шило) — возле ее юго-восточной стены. Ни при каких условиях подобное взаимное размещение не нарушалось. Сопроводительный инвентарь кроме посуды и столового прибора представлен набором невыразительных деталей костюма: пронизки, височные кольца, обоймочки, пуговицы и нашивные бляшки.

Сравнивая расположение тел в могиле и сопроводительного инвентаря, нет оснований согласиться с утверждением Г. А. Максименкова о наличии черт преемственности между федоровской и карасукской культурами (Максименков 1978: 118). Обе культуры демонстрируют статичные традиции размещения тел погребенных. В обоих случаях все детали и, особенно, расположение ног и рук усопших чрезвычайно устойчиво. В качестве элемента преемственности Г. А. Максименков отмечает, что в карасукских захоронениях известны случаи ориентировки умерших головой в западный сектор. Однако наши исследования показали, что карасукские погребения, совершенные в положении на правом боку или сориентированные в западном направлении, относятся ко II (позднему) этапу. К тому же они концентрируются в южной части Минусинской котловины, где андроновские памятники неизвестны. Таким образом, эти карасукские захоронения не могут восходить своими корнями к местной андроновской погребальной традиции. Они заметно «удалены» от них как во времени, так и в пространстве.

В результате проделанного исследования следует признать, что между андроновской и карасукской традициями размещения тела погребенного в могиле не прослеживается преемственности. Отличия наблюдаются по всем ключевым критериям: положение тела (скорчено или вытянуто), размещение

рук и ног, ориентировка, локализация инвентаря в могиле. Отсутствие промежуточных вариантов и переходных типов исключает возможность постепенной трансформации. Даже самые ранние карасукские погребения демонстрируют уже сложившуюся традицию с четко выраженными признаками, которые не имеют ничего общего с местной андроновской культурой.

Керамика

Исследователи выделяют посуду как важный элемент, доказывающий происхождение карасукской культуры на основе андроновских традиций. Наиболее последовательно эта позиция изложена Г. А. Максименковым (Максименков 1978: 113—118). Вслед за С. А. Теплоуховым и С. В. Киселевым он справедливо указал на основные черты ранней карасукской керамики: уплощенная форма дна, богатые геометрические орнаменты сосудов, их горшковидная форма (Теплоухов 1927: 101; Киселев 1951: 132—140). Исследование относительной хронологии подтвердило справедливость этих наблюдений (Поляков 2006б: 7—10). Однако есть основания сомневаться в связи данных признаков именно с андроновской традицией среднеенисейского региона.

Техника изготовления сосудов двух культур заметно отличается. Андроновскую посуду лепили, начиная от донца. Стенки сосуда вплоть до венчика изготавливали ленточным способом. В результате сосуды получались плоскодонные. Иную технику применяли при производстве карасукских сосудов, начиная с самых ранних их образцов. Сосуд формовали тем же ленточным способом, но начинали его изготовление от шейки к дну, которое в результате приобретало округлую форму. Нужную степень уплощенности, если это было необходимо, придавали донцу после изготовления сосуда, но до его обжига. Раннюю карасукскую посуду (за исключением «бадеек») нельзя считать плоскодонной. Правильнее относить ее к разряду керамики с уплощенной формой дна.

Андроновские сосуды представлены двумя основными формами: горшками и банками (Комарова 1961: 52; Максименков 1978: 63). В погребениях их количество примерно равное, а на поселениях преобладают последние (рис. 3, 1—10). В ранних карасукских погребениях известны только горшки и их производные (рис. 3, 11—15). Если считать, что карасукская традиция сформировалась на основе местной андроновской, то необходимо объяснить причину внезапного и полного исчезновения сосудов баночных форм. Если же сравнивать только горшки, то можно обратить внимание на ряд заметных отличий. Во-первых, это особенности, связанные с различными способами формирования донца. Андроновские горшки плоскодонные, а карасукские с уплощенным дном. Во-вторых, различаются пропорции: карасукские сосуды более приземисты. В-третьих, у андроновских горшков венчик сильнее отогнут наружу. В-четвертых, среди самой ранней карасукской посуды около 80 % составляют сосуды с уступом (рис. 3, 11, 13—15), а на местной андроновской керамике этот элемент не зафиксирован. Все это детали, но именно они определяют своеобразие керамики различных культур.

Наиболее весомым доказательством преемственности карасукской культуры от андроновской считается сходство орнаментов на посуде. В работе

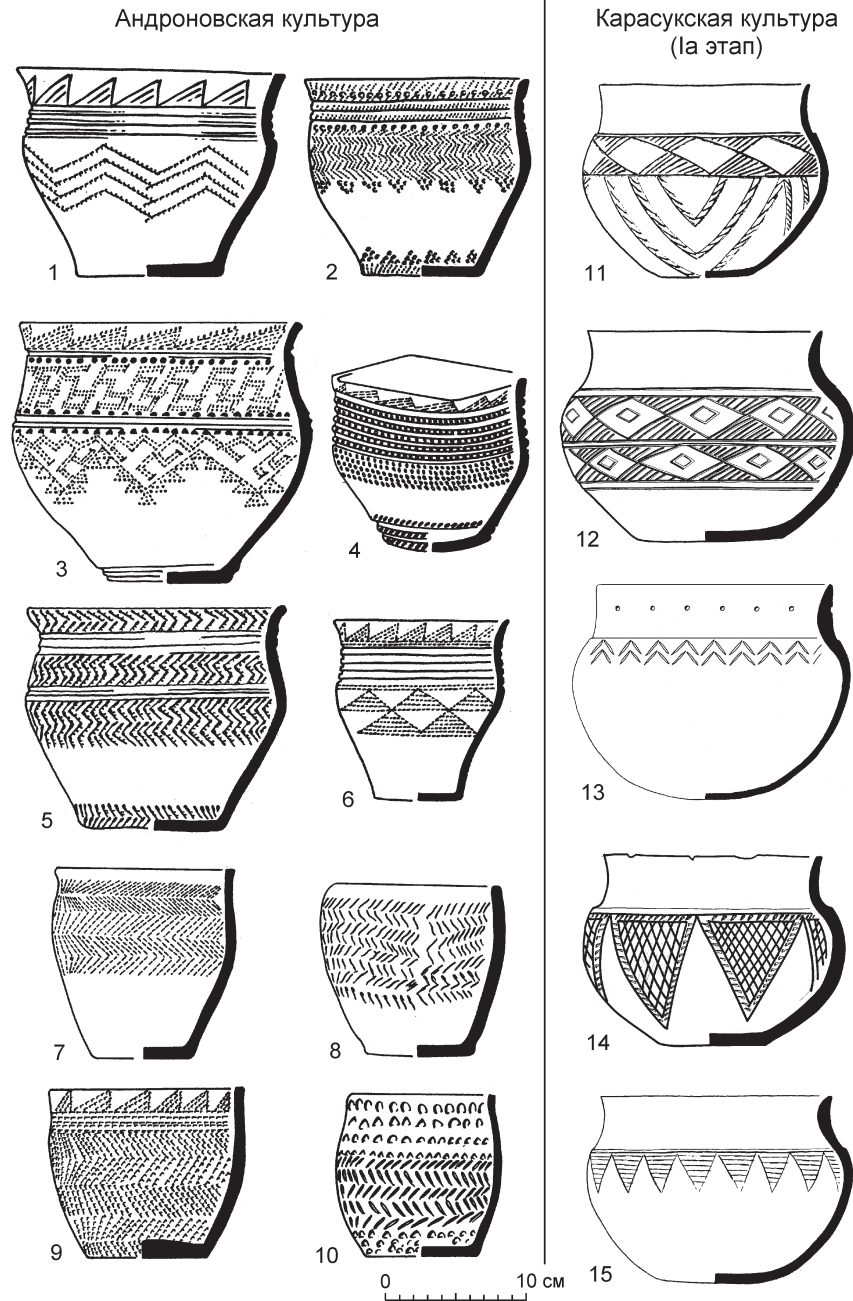

Рис. 3. Сопоставление андроновской (1—10) и карасукской (11—15) керамики: 1 — Соленоозерная I, могила 15; 2 — Соленоозерная I, могила 4; 3 — Пристань I, могила 1; 4 — Сухое Озеро I, курган 243; 5 — Пристань I, могила 7; 6 — Соленоозерная I, могила 8; 7 — Пристань I, ограда 9; 8 — Пристань I, ограда 7, могила 8; 9 — Пристань I, ограда 7, могила 4; 10 — Пристань I, ограда 8; 11 — Мара, курган 1, могила 2; 12 — Сухое Озеро II, курган 248-а; 13 — Окунев Улус I, могила 13; 14 — Сухое Озеро II, курган 81, могила 3; 15 — Малые Копены III, курган 80

Г. А. Максименкова им уделено основное внимание. Самыми близкими автор считает простые орнаменты и их элементы (желобки, ямки, насечки). В отношении сложных геометрических орнаментов отмечено: «В том виде, в каком они представлены на карасукской посуде, на андроновских горшках они встречаются редко или вообще неизвестны» (Максименков 1978: 116). С этим необходимо согласиться. Описанные далее автором возможные варианты развития карасукских элементов на основе андроновских не могут быть обоснованы, так как с таким же успехом это можно сделать, рассматривая любую серию андроновской керамики Казахстана или Западной Сибири. Нет ни одного характерного только для местной традиции признака или элемента, который был бы представлен на андроновской и карасукской керамике и таким образом связывал бы их. Нет также ни одного случая обнаружения в погребениях сосудов переходных или смешанных форм.

Относительная хронология карасукских погребений подтверждает гипотезу, выдвинутую С. А. Теплоуховым и поддержанную С. В. Киселевым, о том, что керамика с геометрическим орнаментом имеет более ранний возраст. Действительно, эти сосуды встречаются в центральных курганах крупных могильников. Посуда с простыми орнаментами, основу которых составляют желобки или линии по шейке сосуда, фиксируется по периферии могильного поля. Это позволяет обособить наиболее раннюю серию керамики. Казалось бы, основной признак — геометрическая орнаментация на подавляющем большинстве сосудов — должен свидетельствовать в пользу взаимосвязи местных андроновской и карасукской традиций. Однако необходимо напомнить, что это черта характерна для керамики всего андроновского мира от Арала до Енисея. Для утверждения о том, что ранняя карасукская керамика сформировалась на Среднем Енисее на основе андроновских традиций, необходимо наличие уникальных особенностей, свойственных андроновским орнаментам исключительно этого региона. А именно такие черты и не удается проследить.

Например, практически все орнаменты на андроновских сосудах нанесены штампом. Горшки в большинстве случаев орнаментированы зубчатым штампом, а банки — гладким (Комарова 1961: табл. IX—XIV; Максименков 1978: табл. XLII—LI). На карасукскую посуду геометрический орнамент наносили преимущественно резными линиями, а технику штампа использовали редко (~16 %). Важной особенностью является зональность нанесения орнамента. Для карасукской керамики характерно его размещение исключительно на плечиках и тулове сосуда. На ранней посуде (I этап) орнамент возле дна встречается в редчайших случаях, а на венчике просто неизвестен. С местной андроновской керамикой ситуация диаметрально противоположная. Если орнамент присутствует на сосуде, то он обязательно будет на венчике. Кроме того, на горшках почти в 50 % случаев орнамент наносился и в придонной части (рис. 3, 2, 4, 5).

Еще более показательна ситуация с набором геометрических орнаментов. Элементы, характерные для федоровских сосудов (косые треугольники, вертикальный зигзаг, меандр), практически не встречаются на ранней карасукской посуде. И наоборот, ее отличительные черты (полосы ромбов, равнобедренные шевроны, заштрихованные ленты) не находят аналогий среди местных андроновских орнаментов. Единственный элемент, который можно

обнаружить на посуде обеих групп, — это композиции из треугольников вершинами вверх (рис. 3, 6; Зяблин 1977: рис. 7, 16—18; 8, 7; Максименков 1978: табл. XLII, 1—3, 8—11, 14, 15). Однако этот элемент не является визитной карточкой именно андроновской культуры Среднего Енисея. Этот мотив широко представлен в материалах федоровских памятников всей Западной Сибири и Казахстана (Косарев 1981: рис. 46, 2, 3; Матюшенко 2004: рис. 15, 5; 38, 7; 66, 2; 184, 3; Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев 1966: табл. I, 1—3; Усманова 2005: рис. 51, 3). И одного его недостаточно, чтобы считать, что карасукская орнаментальная традиция формируется на местной основе. Т. е., нет ни одного уникального элемента орнамента, который бы связывал андроновскую керамику Среднего Енисея с карасукской.

Таким образом, карасукская керамика, безусловно, восходит своими корнями к общей андроновской традиции изготовления и орнаментации посуды. Однако нет оснований связывать происхождение карасукского керамического комплекса с андроновским населением Среднего Енисея. При смене андроновской культуры карасукской исчезают сосуды баночной формы, происходит изменение технологии изготовления посуды, техники и зональности нанесения орнамента, а также сам основной набор его элементов. Т. е. сменяются практически все основные признаки. Учитывая отсутствие керамики переходного облика, есть основания считать, что происходит смена гончарной традиции.

Инвентарь

Инвентарь андроновских и карасукских погребений на Среднем Енисее крайне скуден. Это связано с отсутствием традиции помещения в могилу оружия и орудий труда. Для андроновской культуры характерно наличие в могилах мелких деталей костюма и женских украшений, невыразительных изделий (бусы, пронизки, бронзовые кольца, серьги, нашивные бляшки), аналогии которым можно проследить в памятниках эпохи бронзы практически по всей территории Евразии. Ключевыми типами можно считать серьги с раструбом и кольцевидные подвески из уплощенной проволоки (Комарова 1961: табл. XV, 1, 10, 21, 24, 25; Максименков 1978: табл. LII, 1, 2, 4; LIV, 6, 7).

Набор артефактов из ранних карасукских погребений незначителен. Кроме деталей костюма и женских украшений в погребениях встречается еще одна категория вещей — столовый прибор (нож и шило), который в могилах устойчиво связан с сопроводительной мясной пищей. Анализ относительной хронологии показал, что все ключевые типы женских украшений, с которыми обычно ассоциируют карасукскую культуру (лапчатые привески, биконические перстни, зеркала и другие), связаны с поздним II этапом (Поляков 2006а: 93—94; 2008а). Ранние карасукские погребения отличаются крайне скудным и невыразительным набором украшений и деталей костюма. Среди них практически невозможно выделить уникальные типы (бусы, пронизки, бронзовые кольца, нашивные бляшки и другие).

В результате инвентарь погребальных памятников не дает оснований для однозначных выводов. Перечисленные выше широко распространенные детали костюма не позволяют утверждать или отрицать наличие взаимосвязи

между андроновской и карасукской культурами. Характерные типы, которые дали бы четкую картину, практически отсутствуют. Можно только отметить, что два вида андроновских серег не были обнаружены в карасукских погребениях. В то же время традиция класть столовый прибор в могилу является исключительно карасукской. Это позволяет склоняться к выводу о том, что наборы инвентаря указывают на отсутствие взаимосвязи между этими двумя культурами.

Сопроводительная мясная пища

В могилах андроновской культуры кости животных встречаются редко. Около 30 случаев было насчитано Г. А. Максименковым (1978: 63). Причем он отмечает, что в некоторых из них речь идет о не мясных частях туши (черепа, астрагалы и другие). Всего удается выявить 18 андроновских погребений, в которых обнаружена сопроводительная мясная пища (~6 %). Устоявшаяся традиция явно отсутствует. Кости соответствуют различным частям туши (ребра, лопатка, таз). Обычно в могиле находится только один «кусочек мяса», и его местоположение может быть различным. Учитывая малочисленность находок и разнообразие характерных элементов, проследить сложение традиции не удается.

Иная ситуация проявляется по материалам карасукской культуры. Практически во всех хорошо сохранившихся погребениях обнаружен набор костей животного (Грязнов, Пяткин, Максименков 1968: 180), обычно включающий грудину, иногда с ребрами, лопатку и бедренную кость. В непо потревоженных могилах они лежат компактно, и иногда прямо на них или рядом с ними находятся нож и шило (столовый прибор). Этот комплект занимает строго определенное положение перед погребенным (рис. 2, 6—11). Следовательно, речь идет о сложном и уже ставшем традиционным элементе обряда, который фиксируется в таком виде, начиная с самых ранних погребений.

Таким образом, этот элемент обряда не удается выявить в течение всего времени существования андроновской культуры на Среднем Енисее. Он появляется в сложившемся виде уже в самых ранних памятниках «классического» этапа карасукской культуры и в дальнейшем никак не трансформируется. Нет никаких оснований связывать формирование этого элемента обряда с местным вариантом андроновской культуры.

Суммирование результатов

Итак, полученный результат оказался неоднозначным. В некоторых случаях следы влияния местной андроновской традиции на карасукскую культуру прослеживаются, в других — нет. Взаимосвязь двух культур отражена в таблице 1. Большинство сближающих признаков носит общий характер (ареал культур, расположение могильников, ограды круглой формы из плашмя положенных плит, цисты). В нижней части таблицы, где собраны признаки погребения, общих черт не зафиксировано. Т. е. наиболее скрытая от глаз посторонних сакральная часть погребального обряда двух культур не имеет общих элементов.

Таблица 1

Сравнительная таблица наличия сходства погребальных памятников андроновской и наиболее раннего этапа карасукской культур

Признаки	Андроновская культура	Наличие сходства	Ia этап карасукской культуры
Основной ареал распространения памятников	Назаровская, Чулымо-Енисейская, Сыда-Ербинская, север Минусинской котловины	+/-	Чулымо-Енисейская, Сыда-Ербинская, север Минусинской котловины
Могильные поля и размещение курганов	Немногочисленные курганы, размещены равномерно	+/-	Часто взаимосвязаны с андроновскими, иногда планиграфически их продолжают
Конструкции курганов	Круглые ограды из вертикальных плит (52 %), круглые ограды из плит, положенных плашмя (28 %)	+/-	Прямоугольные ограды из вертикальных плит (74 %), круглые ограды из плит, положенных плашмя (25 %)
Конструкции могил	Каменные ящики (43 %), цисты (24 %), срубы (15 %)	+/-	Каменные ящики (89 %) и наземные цисты (6 %)
Размещение в могиле тела погребенного и сопроводительного инвентаря	Скорчено на боку, ноги сильно согнуты, руки кистями перед лицом. Ориентировка головой чаще на ЮЗ (88 %)	–	Вытянуто на боку с опорой на стенку могилы, ноги вытянуто или слабо согнуты, левая рука вытянута, правая – кистью на крыле таза. Ориентировка головой только на СВ
Керамика	Плоскодонные горшки и банки, орнаментированные зубчатым или гладким штампом	–	Горшки с уплощенным дном и уступом, обычно орнаментированные резными линиями или редко без орнамента
Ключевые типы инвентаря	Серьги с раструбом, кольцевидные подвески из уплощенной проволоки	–	Ножи с кольцевидным навершием
Сопроводительная мясная пища	Изредка отдельные «куски» от разных частей туши без единого местоположения	–	Сложившийся набор «кусков мяса» в каждой могиле, на уровне пояса

Исходя из этого, можно обосновать собственную точку зрения. По всей видимости, участие местного андроновского компонента в формировании карасукской культуры было незначительным. Наиболее вероятно, что ее происхождение связано с появлением на Среднем Енисее новой группы населения, имеющего андроновские корни. Можно согласиться с исследователями, которые предполагают их миграцию из более западных областей андроновской общности (Грязнов 1956; Кызласов 1971; Членова 1992). Отдельные малосу-

щественные элементы указывают на некоторую связь наиболее ранних карасукских погребений с еловской культурой Верхней Оби (Поляков 2006б: 21).

Рассмотрим, на каком основании сделан этот вывод. Наиболее важные элементы взаимосвязи двух культур — это отчасти общий ареал и единые могильные поля. Однако эти наблюдения не противоречат миграционной теории. Необходимо помнить, что новая группа населения тоже имеет андроновские корни. Следовательно, хозяйственный уклад, а возможно, язык и религиозные представления были близкими. Т. е. требования к размещению поселений и кладбищ они предъявляли схожие и, возможно, воспринимали друг друга как отдаленных родственников. В этом случае не вызывает удивления, что пришлое население продолжило совершать погребения на уже существующих андроновских кладбищах. Аналогичная ситуация с общей южной границей. Ее наличие, вероятно, связано с активным сопротивлением окуневского населения, которое не удалось сломить продвигающимся вверх по Енисею андроновским племенам. Вполне естественным выглядит, что родственные им группы мигрантов предпочли занять уже освоенные территории, не ввязываясь в тяжелую борьбу за более южные районы. Только закрепившись в Чулымо-Енисейской и Сыда-Ербинской котловинах, на завершающей стадии развития I хронологического горизонта (Iб) карасукское население начинает осваивать новые земли к югу от этой границы.

Таким образом, эти признаки не могут считаться четкими маркерами, свидетельствующими об участии местного андроновского населения в формировании карасукской культуры. С тем же основанием они могут демонстрировать культурологическую близость двух групп населения, что не вызывает больших сомнений. В результате как доказательства преемственности в нашем распоряжении остаются только круглые ограды из горизонтально сложенных плит и наземные цисты, выполненные в этой же технике. Причем эти элементы одинаково малочисленны и не являются ведущими для обеих культур. Оба типа сооружений быстро выходят из употребления в карасукское время. Считать на этом основании, что местные строительные традиции оказали серьезное влияние на карасукскую культуру, нельзя.

Можно подвести итог. Прослеженные аналогии либо не доказывают участия местного андроновского населения в сложении карасукской культуры, либо малозначительны. Основные признаки, ярко характеризующие ранние памятники карасукской культуры, никакого отношения к местной андроновской традиции не имеют: а) прямоугольные ограды из вертикально вкопанных плит; б) каменные ящики из тонких плит прямоугольной или трапециевидной формы, опущенные в яму с уровня древней поверхности; в) уникальное размещение в могиле тела погребенного — вытянуто вполборота с опорой на северную стену ящика, исключительно на левом боку и с ориентировкой головой в северо-восточном направлении, руки занимают определенное положение — левая вытянута вдоль тела, правая слабо согнута и лежит кистью на крыле таза; г) устойчивое размещение в могиле всех объектов, сосуды установлены только перед лицом погребенного — от восточного угла вдоль юго-восточной стены, набор сопроводительной мясной пищи находится на уровне груди или пояса, около той же юго-восточной стены могилы; д) собственная керамическая традиция, отличающаяся, в первую очередь, способом формовки посуды, ведущий тип — горшки с уступом (до 80 %) и упло-

шенным дном, орнамент нанесен преимущественно резным способом исключительно на плечики и тулово сосуда, венчик не орнаментирован, в качестве основных композиций используются горизонтальный зигзаг, полоса ромбов, так называемый «ирменский поясок» и равнобедренные треугольные шевроны; е) наличие практически в каждой могиле сопроводительной мясной пищи, включающей несколько кусков от определенных частей туши, мясо часто клали в могилу вместе со столовым прибором (бронзовые шило и нож) определенных типов.

Эти признаки имеют сложную, но устойчивую структуру с малым числом вариаций. Однако их истоки или сведения об их постепенном развитии на Среднем Енисее не обнаружены. Они появляются в наиболее ранних карасукских памятниках все вместе и в сформировавшемся виде. Из этого можно сделать только один вывод. Эти характерные черты погребального обряда сложились в другом месте, а на Средний Енисей они были принесены группой мигрантов, что и привело к формированию карасукской культуры.

Г. А. Максименков признавал отсутствие захоронений, погребальный обряд которых фиксировал бы переход от андроновского к карасукскому похоронному ритуалу, и объяснял это явление коротким периодом, в течение которого этот переход произошел. Он предполагал, что число подобных погребений крайне мало, и со временем они будут обнаружены. Прошедшие десятилетия мало изменили ситуацию. По-прежнему не обнаружено погребений, демонстрирующих постепенный переход между двумя культурами. Однако можно обратить внимание на два самых северных могильника, которые расположены на границе ареала карасукской культуры, — Орак у Болота (III) и Ужур. В их материалах отмечаются случаи механического смешения обрядов двух культур (Поляков 2008б). Практически любое карасукское погребение, имеющее хорошую степень сохранности, демонстрирует целый спектр характерных андроновских признаков.

Если бы подобные погребения равномерно встречались по всему ареалу андроновской и карасукской культур на Среднем Енисее, то сомнения в их преемственности не возникало бы. Однако все они сконцентрированы только в двух самых северных могильниках, где раскопаны очень скромные по карасукским меркам серии погребений (9 и 35 могил). Южнее, несмотря на значительные объемы работ, не отмечено ничего похожего. Объяснение причин появления погребений со смешанными признаками именно на этих памятниках может быть только одно, и оно связано с их особым географическим положением. Здесь в течение определенного времени проходила граница между двумя группами населения: андроновской и карасукской. Это наблюдение подтверждает мысль, высказанную С. А. Теплоуховым 80 лет назад. Он предполагал продолжение проживания в Западной Сибири андроновского населения на протяжении по крайней мере части карасукского времени (Теплоухов 1929: 44—45). Существование подобной четкой границы является еще одним доказательством миграционного характера происхождения карасукской культуры.

Доказательством могут быть и новые исследования антропологов. Продолжительное изучение черепов и посткраниальных скелетов носителей карасукской культуры велось без учета деления их на «классический» и каменноложский этапы (Дебец 1948: 83; Алексеев 1961: 162—163; Рыкушина 1979; 1980), при этом исследователи приходили к выводу о крайнем разнообразии

признаков имеющихся палеоантропологических серий. Последние работы, в которых учитывается археологическая периодизация карасукской культуры, позволили прийти к более определенным результатам (Громов 1995; 2002). А. В. Громов выделил два локальных варианта (северный и южный) в составе карасукского населения «классического» этапа. Эти варианты можно сопоставить с палеоантропологическими данными для андроновской общности, полученными в других регионах Азии. Южный вариант сближается с населением Казахстана, а северный — с населением Верхней Оби. Эти обе группы носителей карасукской культуры в антропологическом отношении отличаются как от андроновского, так и от окуневского населения Среднего Енисея. Участие представителей этих культур в формировании карасукского расового типа если существовало, то было минимальным (Громов 2002: 23—26).

Суммируя все вышеизложенное, можно утверждать, что, по всей видимости, участие местного андроновского населения в формировании карасукской культуры было незначительным. Основную роль в процессе ее культурогенеза сыграла группа мигрантов с характерным погребальным обрядом. Вопрос выделения и описания материальной культуры этой группы станет следующим шагом проводимого исследования. Только после этого можно будет искать те территории, где собственно и происходило формирование этой группы населения, сыгравшей столь значительную роль в развитии эпохи поздней бронзы Среднего Енисея.

Алексеев 1961 — Алексеев В. П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья в эпохи неолита и бронзы // ТИЭ. 1961. Т. 21.

Бобров 1992 — Бобров В. В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992.

Бобров 2003 — Бобров В. В. Два древних историко-культурных мира Западной Сибири: проблема взаимодействия // Археология Южной Сибири. Новосибирск, 2003. С. 11—17.

Вадецкая 1986 — Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. Л., 1986.

Громов 1995 — Громов А. В. Население юга Хакасии в эпоху поздней бронзы и проблема происхождения карасукской культуры // Антропология сегодня. 1995. Вып. 1. С. 130—150.

Громов 2002 — Громов А. В. Антропология населения окуневской культуры Южной Сибири (эпоха бронзы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.

Грязнов 1956 — Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби // МИА. 1956. № 48. С. 26—43.

Грязнов 1965 — Грязнов М. П. Работы Красноярской экспедиции // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 62—71.

Грязнов, Пяткин, Максименков 1968 — Грязнов М. П., Пяткин Б. Н., Максименков Г. А. Карасукская культура // История Сибири. Л., 1968. Т. 1. С. 180—187.

Дебец 1948 — Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. ТИЭ (Новая серия). 1948. Т. 4.

Зах 1997 — Зах В. А. Эпоха бронзы Присалаирья. Новосибирск, 1997.

Зиен Динь Хоа 1966 — Зиен Динь Хоа. Местная основа карасукской культуры (в связи с новыми работами Красноярской экспедиции АН СССР): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1966.

Зяблин 1977 — Зяблин Л. П. Карасукский могильник Малые Копены III. М., 1977.

Киселев 1951 — Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Комарова 1961 — Комарова М. Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // АСГЭ. 1961. Вып. 3. С. 32—73.

- Комарова 1975 — *Комарова М. Н.* Карасукский могильник близ улуса Орак // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 85—94.
- Косарев 1981 — *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
- Кызласов 1971 — *Кызласов Л. Р.* Карасукский могильник Хара-Хая // СА. 1971. № 3. С. 170—188.
- Лазаретов 1995 — *Лазаретов И. П.* Каменнолоожские погребения могильника Арбан I // Археологические изыскания. 1995. № 24. С. 39—46.
- Лазаретов 1996 — *Лазаретов И. П.* Керамика поселения Торгажак // *Савинов Д. Г.* Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб., 1996. С. 33—37.
- Лазаретов 2001 — *Лазаретов И. П.* Локализация и проблемы взаимодействия культур Южной Сибири // *Евразия сквозь века.* СПб., 2001. С. 103—107.
- Лазаретов 2006 — *Лазаретов И. П.* Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.
- Максименков 1978 — *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.
- Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев 1966 — *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
- Матющенко 2004 — *Матющенко В. И.* Еловский археологический комплекс. Ч. 2. Еловский II могильник. Омск, 2004.
- Молодин 1985 — *Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
- Новгородова 1970 — *Новгородова Э. А.* Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.
- Поляков 2002 — *Поляков А. В.* Схема периодизации классического этапа карасукской культуры // *Степи Евразии в древности и средневековье.* СПб., 2002. С. 209—213.
- Поляков 2006а — *Поляков А. В.* Лапчатые привески карасукской культуры (по материалам погребений) // АВ. 2006. № 13. С. 82—101.
- Поляков 2006б — *Поляков А. В.* Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.
- Поляков 2008а — *Поляков А. В.* Хронология и локализация некоторых типов украшений (по материалам погребений карасукской культуры) // *Древние и средневековые кочевники Центральной Азии.* Барнаул, 2008. С. 79—82.
- Поляков 2008б — *Поляков А. В.* Об особенностях северной границы распространения карасукских памятников «классического» этапа // *Труды II (XVIII) Всероссийского АС в Суздале.* М., 2008. Т. 1. С. 440—442.
- Рахимов 1968 — *Рахимов С. А.* Андроновская стоянка и могильник на р. Сыде (Красноярский край) // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 70—75.
- Рыкушина 1979 — *Рыкушина Г. В.* Палеоантропология карасукской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.
- Рыкушина 1980 — *Рыкушина Г. В.* Население Среднего Енисея в карасукскую эпоху // *Палеоантропология Сибири.* Новосибирск, 1980. С. 47—63.
- Савинов 2002 — *Савинов Д. Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея. СПб., 2002.
- Савинов 2005 — *Савинов Д. Г.* К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // *Теория и практика археологических исследований.* Барнаул, 2005. Вып. 1. С. 28—34.
- Савинов, Поляков 2007 — *Савинов Д. Г., Поляков А. В.* Могильник Арбан I (к проблеме изучения памятников эпохи поздней бронзы на юге Минусинской котловины) // АВ. 2007. № 14. С. 62—92.
- Семенов 1997 — *Семенов Вл. А.* Окуневские памятники Тувы и Минусинской котловины (сравнительная характеристика и хронология) // *Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология.* СПб., 1997. С. 152—160.
- Теплоухов 1927 — *Теплоухов С. А.* Древние погребения в Минусинском крае // *Материалы по этнографии.* Л., 1927. Т. 3, вып. 2. С. 91—108.
- Теплоухов 1929 — *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // *Материалы по этнографии.* Л., 1929. Т. 4, вып. 2. С. 41—62.
- Ткачев 2002 — *Ткачев А. А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень, 2002.
- Усманова 2005 — *Усманова Э. Р.* Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда; Лисаковск, 2005.
- Членова 1964 — *Членова Н. Л.* Карасукская культура в Южной Сибири // *Материалы по древней истории Сибири. Древняя Сибирь.* Улан-Удэ, 1964. Т. 1. С. 263—279.
- Членова 1992 — *Членова Н. Л.* К реконструкции культурно-этнического состава населения Минусинской котловины в карасукскую эпоху (анашевский тип керамики) // *Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова.* Омск, 1992. Ч. 1. С. 73—75.

**On the problem of interrelationship between the Karasuk culture
and the Andronovo sites of the Middle Yenisey**

A. V. Polyakov

The paper is devoted to the question of interrelationship between the sites of the Andronovo and Karasuk cultures in the Middle Yenisey basin. A special emphasis is laid on the comparative analysis of burial rites practiced by the two ancient populations. The author uses the results of recent studies of the relative chronology of the Karasuk culture, which allows him to single out the earliest group of interments. He concludes, that the local Andronovo culture played an insignificant role in the formation of the Karasuk culture. The mortuary practices associated with the earliest Karasuk interments show a considerable number of unique traits, which find no direct analogies in the Andronovo sites of the Middle Yenisey. This gives grounds to conclude that the origin of the Karasuk culture was a result of a migration. The formation of the package of key features characterizing this culture took place beyond the region under consideration. Probably, the formation of the Karasuk culture was caused by a migrational wave from the western regions of the Andronovo cultural-historical community.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ВОПРОСУ О ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИХ ИМПОРТАХ В КОМПЛЕКСЕ КУРГАНА АРЖАН

Н. Ю. СМИРНОВ

Курган Аржан исследовался М. П. Грязновым и М. Х. Маннай-оолом с 1971 по 1974 г. Первые сведения об этом уникальном погребальном комплексе были опубликованы еще в процессе раскопок (Грязнов, Маннай-оол 1971; 1973). После их завершения в свет вышло еще несколько статей, посвященных как уточнению хронологии комплекса и определению его культурной принадлежности (Грязнов, Маннай-оол 1975; Грязнов 1979; 1983), так и разработке отдельных направлений в исследовании его материалов (Немировская 1975; Пламеневская 1975). В 1980 г. была издана небольшая монография М. П. Грязнова, суммирующая взгляды автора на памятник (Грязнов 1980). К сожалению, целый ряд интересных находок из кургана был опубликован либо недостоаточно полно, либо вообще остался за пределами работы. Несколько изменило ситуацию вышедшее в 1984 г. немецкоязычное издание материалов кургана Аржан, где они были отражены в более полном виде (Grjaznov 1984).

Памятник сразу же вызвал большой интерес у исследователей раннего железного века, так как неожиданно близкие аналогии его вещевому комплексу обнаружались на противоположном конце евразийских степей — в Северном Причерноморье. М. П. Грязнов сопоставил псалии из Аржана с находками близких по облику изделий в Кобане, Черногоровке и Камышевахе, а также в других местах и предложил считать весь рассмотренный массив схожих псалиев вариантами аржанского типа (Грязнов, Маннай-оол 1973: 204—205). Таким образом, он синхронизировал курган Аржан с предскифскими памятниками Северного Причерноморья VIII—начала VII в. до н. э. (Грязнов, Маннай-оол 1973: 205).

А. И. Тереножкин, уточняя и развивая это положение, отнес аржанские псалии к черногоровскому типу (памятники типа погребения у хут. Черногоровский он считал киммерийскими) и датировал их (и, соответственно, комплекс Аржана) второй половиной IX—первой половиной VIII в. до н. э. (Тереножкин 1976: 210). Впоследствии М. П. Грязнов, проведя более широкое сравнение материалов кургана Аржан и предскифских памятников Северного Причерноморья, выделил на этом основании ранний пласт уже *скифской традиции*¹ — аржано-черногоровскую фазу (Грязнов 1979; 1983). При этом хронологическая позиция Аржана была определена как начальная (IX—VIII вв. до н. э.) для эпохи ранних кочевников восточной зоны степей и, соответственно, предшествующая пласту «раннескифских» культур Саяно-Алтая — алды-

¹ Следуя в подобном удревнении даты начала собственно скифской эпохи идеям, высказанным еще А. А. Иессеном (Грязнов 1980: 51; Иессен 1953: 109).

бельской культуре в Туве, майэмирской на Алтае и тасмолинской культуре в Казахстане.

«Аналогии Аржану противоречивы», — признавал сам исследователь еще в процессе определения даты кургана (Грязнов 1980: 52), и это мнение до сих пор не опровергнуто, несмотря на массу работ по хронологии и культурной принадлежности памятника. Во многом делу мешает отсутствие полной и тщательной русскоязычной публикации комплекса. Отчасти ситуацию усложняет специфически *монолитное* восприятие этого поликомпонентного памятника большинством исследователей, начиная с самого автора раскопок.²

С тех пор как М. П. Грязновым была высказана идея о необходимости рассматривать это сооружение в качестве 29 синхронных, но происходящих с различных территорий памятников появилось, как прямое продолжение его идеи, представление об определенном аржанском культурном и потестарном центре с «вождем» или «династией» во главе и достаточно обширными территориями, населенными племенами-сателлитами. Много труда было вложено в поиск и выяснение географической локализации и культурного облика этих племен-сателлитов последующим поколением исследователей. Следует отметить работы Н. А. Боковенко и Л. С. Марсадолова, посвященные уточнению даты «аржанского этапа», а также определению культурной территории «аржанских племен», основанные на синтезе типологического анализа археологического материала (в первую очередь — конского снаряжения) и методов радиоуглеродного датирования и дендрохронологии (Алексеев, Боковенко и др. 2005; Боковенко 1986а; 1986б; 1987; 1995; Марсадолов 1989; 2001; 2002; 2004). Важны в этом плане и труды Д. Г. Савинова и Вл. А. Семенова, затрагивающие круг проблем, связанных с формированием аржанского комплекса и идеологическими представлениями его создателей (Савинов 1992; 1994; 2002; Семенов 1992).

Особо следует упомянуть еще два имени — Л. Р. Кызласова, который первым высказал идею о сакской принадлежности аржанского комплекса, подчеркивая его экзогенный характер (Кызласов 1979: 35—40), и Н. Л. Членову (Членова 1997), перу которой, впервые после работ М. П. Грязнова, принадлежит попытка комплексного типологического анализа основного инвентаря кургана Аржан на общем фоне развития материальной культуры евразийских степей в начале I тыс. до н. э.³

Несмотря на завидное постоянство, с которым исследователи обращаются к материалам кургана Аржан в качестве подтверждения различных гипотез происхождения скифского искусства, становления кочевого общества, идеологических и социологических построений, приходится признать, что чисто вещеведческие, типолого-классификационные разработки отдельных компонентов (в том числе предметов сопроводительного инвентаря) из кургана Аржан до сих пор не проведены полностью и на должной высоте.⁴

² Несмотря на выделение «29 комплексов» в составе памятника (Грязнов 1980: 52).

³ Хотя, на мой взгляд, эта попытка успехом не увенчалась. Уже существует обширная библиография критики этой работы. Обобщенно ее недостатки отражены в соответствующей части монографии Д. Г. Савинова (2002).

⁴ По уровню разработанности завидное исключение составляют две темы исследований: звериный стиль кургана Аржан и конское снаряжение (удила и псалии) комплекса (Боковенко 1986а; 1986б; Грязнов 1980; Килуновская 2008; Савинов 1998; 2002; Смирнов 2005); а также радиоуглеродное датирование и дендрохронология кургана.

О наличии возможных переднеазиатских импортов в комплексе кургана Аржан впервые написал М. П. Грязнов. Речь шла об остатках ткани, из которой была изготовлена одежда погребенных, и в первую очередь о ткани из могилы «царя» (могила 1 в камере 1), орнаментированной противопоставленными разноцветными «прямыми» и «обратными» «ступенчатыми» фигурами, «пирамидками» — по определению М. П. Грязнова (рис. 1, 1; Грязнов, Маннай-оол 1973: 198). В итоговой работе 1980 г. это предположение было повторено, однако без какой-либо дополнительной аргументации (Грязнов 1980: 25). Это достаточно странно, учитывая то, что еще в 1975 г. вышла статья О. Л. Пламеневской, специально посвященная исследованию аржанских тканей (Пламеневская 1975).

В статье О. Л. Пламеневской, вышедшей сразу после окончания исследований кургана, рассматривалась технология изготовления древнего текстиля из Аржана. Она определила, что ткань из «царской могилы» орнаментированная «пирамидками» по технике изготовления относится к типам паласных или килимных тканей (Пламеневская 1975: 201). Более того, О. Л. Пламеневская отметила преемственность в традициях изготовления тканей из Аржана и тканей из Пазырыкских курганов, атрибутируя и те и другие как продукцию переднеазиатских мастерских (Пламеневская 1975: 206).

В течение последующих 30 лет тезис о переднеазиатском происхождении по крайней мере части тканей из Аржана не подвергался сомнению. Этот тезис без дополнительной аргументации еще несколько раз приводился в работах других исследователей как общепризнанный факт. Например, А. Д. Грач указывал на то, что находки иранских, переднеазиатских тканей в материалах кургана Аржан являются важным свидетельством ранних культурных связей Тувы с Передней и Средней Азией (Грач 1980: 84). Аналогичным образом оценивала аржанский текстиль и Н. Л. Членова, однако относила время возможных контактов к VII—VI вв. до н. э. (Членова 1997: 31). Ссылка на переднеазиатское происхождение тканей из Аржана есть и в монографии Л. Л. Барковой и Н. В. Полосьмак, посвященной исследованию пазырыкского текстиля (Полосьмак, Баркова 2005: 39).⁵

Ситуация несколько изменилась после выхода в 2000 г. небольшой статьи Н. В. Царева и Л. С. Марсадолова (Марсадолов, Царев 2000). Н. В. Царев, используя новые методы изучения древнего текстиля, исследовал фрагменты тканей из Аржана и пришел к ряду важных выводов. Так он говорит о «высочайшем уровне освоения ткачами искусства текстиля», замечая при этом, что «методы структуро- и декорообразования представляют архаичный слой *евразийской* (курсив мой. — Н. С.) текстильной традиции» (Марсадолов, Царев 2000: 74). Однако заключая свое исследование, Н. В. Царев относит аржанские ткани по технологии производства уже к североевразийской традиции и делает вывод, что «структурно они являются продукцией какого-то <...> одного центра ткачества» (Марсадолов, Царев 2000: 74). Революционным явля-

⁵ Вместе с тем авторы, приводя достаточно убедительные доказательства возможного синьцзянского происхождения пазырыкских тканей, предпочитают говорить о «восточных окраинах Ахеменидской империи времени Александра Македонского», как об исходном месте этой текстильной традиции (Полосьмак, Баркова 2005: 168—169).

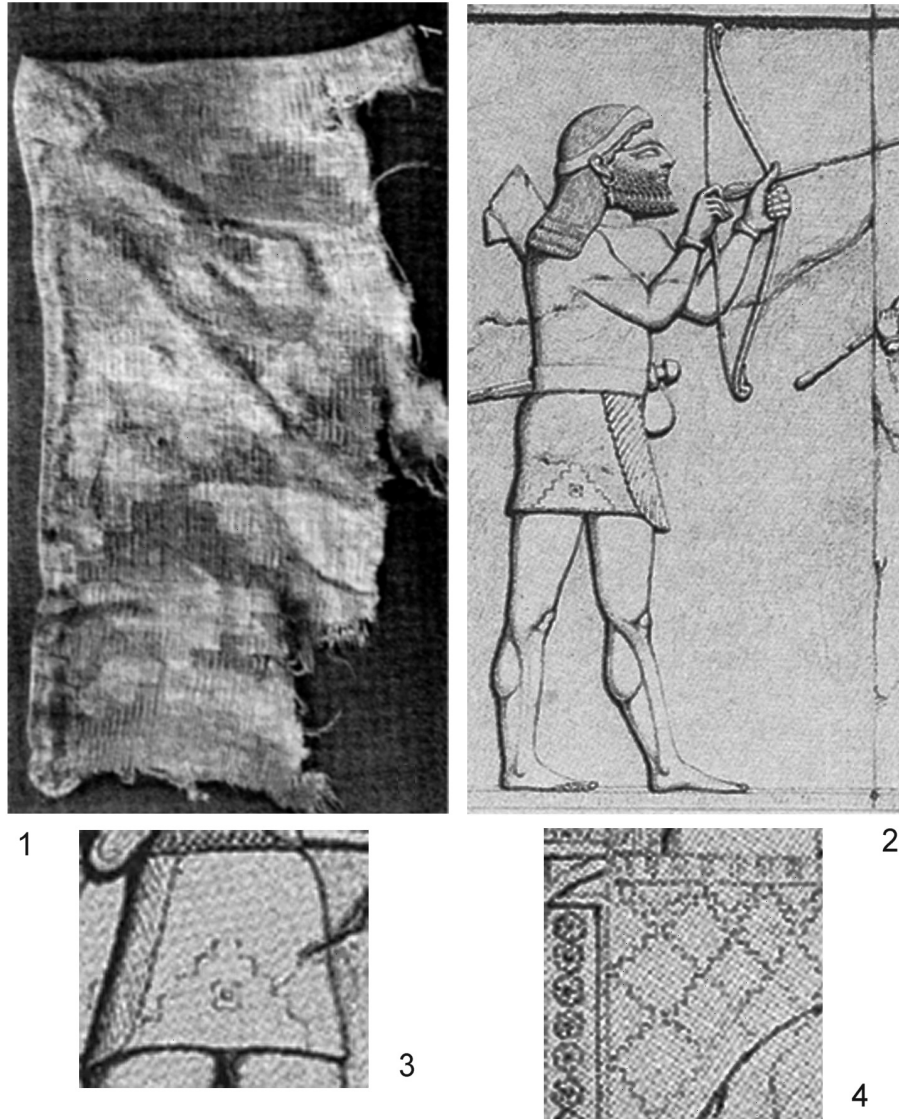

Рис. 1. Синхронические параллели орнаментальному мотиву «ступенчатый ромб»: 1 — ткань из могилы 1 Аржана 1 (по Грязнов 1980); 2—4 — рельефы новоассирийского царства в Дур-Шаррукин (по Albenda 1986)

месте (Марсаолов, Царев 2000: 74) (видимо, в пределах Центральной Азии и даже Саяно-Алтая? — к сожалению, авторы статьи не указывают границы пространства, понимаемого ими как «местное»). И все же самым важным моментом этой работы, на мой взгляд, является следующая оговорка Н. В. Царева: «вопрос о наличии в Аржане импортных тканей нуждается в специальном изучении и *затруднен* (курсив мой. — Н. С.) в связи с отсутствием синхронного сравнительного материала» (Марсаолов, Царев 2000: 74).

Таким образом, вопрос о возможном импортном (переднеазиатском) происхождении аржанских тканей, по сути дела, остается открытым.⁶ По всей видимости, до появления новых методов исследования древнего текстиля или обнаружения синхронных образцов из других, в том числе территориально далеких памятников, вопрос о происхождении аржанских тканей на технологическом уровне решен быть не может.⁷

Однако остаются еще методы археологические и искусствоведческие (поиск диахронических и синхронических параллелей в вещевом и изобразительном материале, анализ орнаментальной традиции и т. д.) которые, на мой взгляд, были использованы в недостаточной мере.

Вспомним историю данного вопроса. В 1973 г. М. П. Грязнов отметил, что орнамент из «пирамидок» (украшающий один тип ткани из «царской могилы») был чрезвычайно распространен на Древнем Востоке задолго до Ахеменидов и после них (Грязнов, Маннай-оол 1973: 198).

Однако далее замечания дело не пошло. Никаких *конкретных* попыток отыскать какой-либо аналог орнаментированным «пирамидками» тканям из Аржана в памятниках археологии и искусства Древнего Востока синхронного или более раннего периодов предпринято не было. Вместо этого в работах последних десяти лет Л. С. Марсадолов, с разных сторон исследующий аржанский комплекс (например, Марсадолов 2002: 100), а также некоторые коллеги в частных беседах стали обобщенно указывать на то, что «орнамент в виде «ступенчатых пирамидок» был широко распространен во II—I тыс. до н. э. в разных культурах Евразии»⁸ (Марсадолов, Царев 2000: 74).

Отмечу, что иногда приводят и конкретные аналогии: орнаментальные мотивы степной керамики андроновской КИО, начиная с комплекса Синташты (например, Марсадолов 2002: 100). Здесь стоит остановиться и уточнить два принципиально важных момента. Во-первых, истоки возникновения «пирамидально-ступенчатого» орнаментального мотива в комплексах петровской и синташтинской, а также более поздней алакульской культур остаются до сих пор невыясненными.⁹ Во-вторых, аржанские ткани украшены несколько иным мотивом, а именно, мотивом «двухцветного ступенчатого ромба или квадрата».¹⁰ Орнамента, в котором бы присутствовал подобный мотив («ступенчатый ромб или квадрат» или хотя бы «зеркально сопоставленные ступенчатые пирамидки») на керамике андроновской КИО нет. Поэтому подобный подход мне также представляется не только бесперспективным, но и уводя-

⁶ Н. В. Царев подтвердил мне это в личной беседе.

⁷ Возможно, пролить свет на происхождение аржанских тканей мог бы анализ технологии их крашения, однако таковой, насколько мне известно, никогда не проводился. На важность подобного анализа указывают авторы основных работ по изучению древнего текстиля (см.: Полосьмак, Баркова 2005: 8).

⁸ Таким образом повторяя только еще в более размытом виде первоначальный тезис М. П. Грязнова.

⁹ Отмечу, что вопреки распространенному заблуждению, этот мотив вообще не является господствующим в орнаментации керамики упомянутых культур.

¹⁰ Что подтвердилось при визуальном осмотре остатков ткани, хранящейся в Государственном Эрмитаже. Приношу благодарность Л. С. Марсадолову за возможность осмотреть аржанские ткани из его хранения *de visu*. К сожалению, условное первичное определение М. П. Грязнова, видимо, основанное на полихромности ромбов, породило некорректную интерпретацию орнамента.

щим от решения вопроса о происхождении аржанских орнаментированных тканей.

В то же время диахронический анализ орнаментального мотива с аржанской ткани сделать необходимо для уяснения его истоков. Следуя представлениям М. П. Грязнова, А. Д. Грача и других сторонников импортного, переднеазиатского происхождения аржанских тканей я обратился к изобразительной традиции Древнего Востока и, в частности, Средней Азии. Наиболее полезным оказалось знакомство с энеолитическими комплексами Южной Туркмении и некоторыми синхронными материалами Ирана и Афганистана.

Так из позднеэнеолитических слоев¹¹ Алтын-Депе и Кара-Депе происходят фрагменты каменных сосудов-ступок с рельефной орнаментацией (рис. 2, 1, 2), идентичной (учитывая разницу в материале и технике исполнения) той, что присутствует на аржанской ткани.¹² Важно, что это не уникальный случай подобной орнаментации. Этот мотив, как указывает Л. Б. Кирчо, — один из «наиболее характерных признаков расписной энеолитической керамики типа Кара 1 времени Намазга III», относящейся еще к началу III тыс. до н. э. (Кирчо, Шаровская 2001: 121). Действительно, если обратиться к расписной керамике, а также терракотовым «реликвариям» с крашеным рельефным орнаментом из Алтын-Депе, окажется, что одним из распространеннейших мотивов декора будут «ступенчатые» фигуры типа квадрата, ромба или полуромба («ступенчатой» пирамиды) (рис. 2, 3—6).

И. Н. Хлопин, исследуя изображения креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении, показал развитие этого изобразительного мотива на протяжении значительного времени от периода Намазга I до периода Намазга IV. Из предложенной схемы видно, как мотив развивался от усложненной крестообразной фигуры к многоступенчатому ромбу, заключающему упрощенный крест (Хлопин 1962: рис. 3). На взаимосвязь в культурах древних земледельцев Передней и Средней Азии крестообразных, квадратных и ромбических мотивов и соотношенность их с образом пространства специально указывала Е. В. Антонова (например, Антонова 1984: 71).

В свете поиска истоков орнаментального мотива «ступенчатый полуромб» или «пирамидка» важным представляется наблюдение И. Н. Хлопина о появлении еще в конце периода Намазга II в геоксюрских росписях, а с периода Намазга III и в карадепинских, такого мотива как «полукрест» или «четвертькрест» (Хлопин 1962: 16).¹³ На мой взгляд, именно эти мотивы (усложненного «полукреста» и «четвертькреста») лежат в основе всей дальнейшей линии развития орнаментального мотива «ступенчатый полуромб» или «ступенчатая пирамидка». К этой же традиции по И. Н. Хлопину относятся и более широко распространенные (Иран, Южный Туркменистан, Южный Узбекистан, Афганистан, Северный Белуджистан) каменные и медные печати в виде «ступенчатых» ромбов или усложненных крестов (Хлопин 1962: рис. 4). Эта традиция относится уже к периодам Намазга V—раннего Намазга VI (Хло-

¹¹ По уточнению Л. Б. Кирчо орнаментированные сосуды-ступки относятся к постгеоксюрскому комплексу позднего энеолита Юго-Восточного Туркменистана (Кирчо, Шаровская 2001: 122).

¹² Благодарю Л. Б. Кирчо за то, что она любезно познакомила меня с этой находкой. Примечательно, что на сосудах из Кара-Депе и Алтын-Депе с помощью рельефа и контррельефа передана та же модель двуцветности «ступенчатых» ромбов, как и на аржанской ткани.

¹³ То же отмечает и В. М. Массон (Массон 1989: 149, 151).

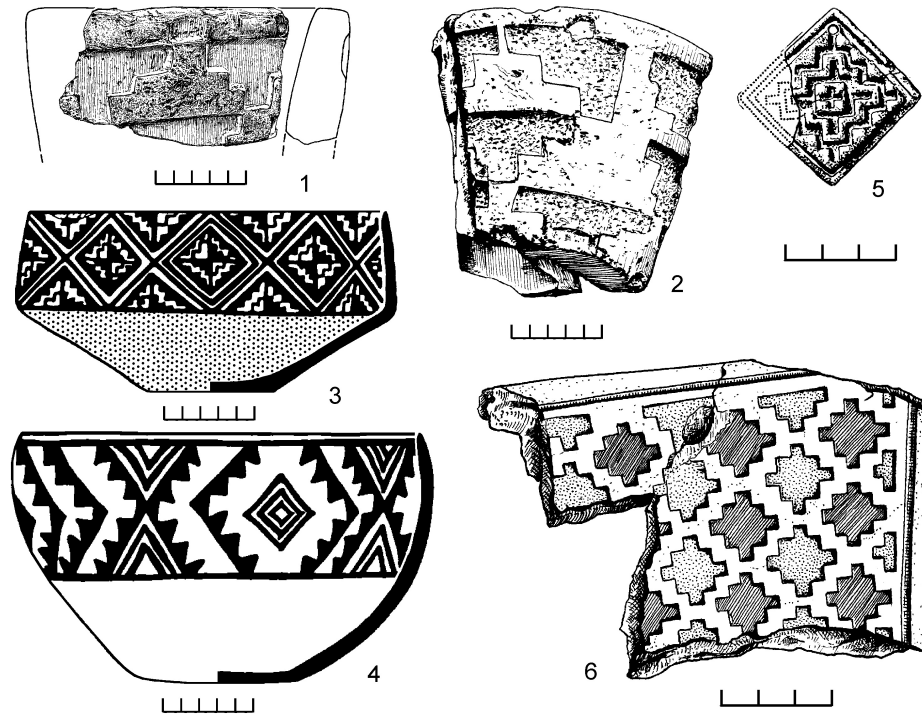

Рис. 2. Диахронические параллели орнаментальному мотиву «ступенчатый ромб» в материалах периода позднего энеолита Южного Туркменистана: 1 и 2 — фрагменты каменных сосудов-ступок (по Кирчо, Шаровская 2001); 3 и 4 — расписные сосуды (по Массон 1982); 5 — печать-амулет из известняка в виде «ступенчатого ромба» с крестом (по Хлопин 1962); 6 — обломок терракотового «реликвария» (по Кирчо, Коробкова, Массон 2008). 1, 3, 6 — Алтын-Депе; 2, 4, 5 — Кара-Депе

пин 1962: 18—21). На тесные взаимосвязи в развитии древнеземледельческих культур Средней и Передней Азии в эпоху энеолита неоднократно указывали В. М. Массон и И. Н. Хлопин (например, Массон 1962; 1963: 20—21; 1989: 152—153; Хлопин 1962: 17—18).

Является ли методическим корректным сопоставление орнаментальных мотивов и схем в декоре керамической посуды с орнаментами на тканях? Безусловно, да. Но с одной важной оговоркой: для эпохи энеолита и бронзы первичными являются орнаментальные мотивы и композиции, выработанные в ткаческом ремесле (и в плетении).¹⁴ Это убедительно доказывается в специальных работах С. В. Зотовой и Л. Б. Кирчо (Зотова 1965: 180—181; Кирчо 1975: 11—12).

Особенности рассматриваемого в статье орнаментального мотива (и производных из него композиций) заключаются в следующем: сетчатый геометрический орнамент прямоугольных очертаний, мотивы из «ступенчатых» ли-

¹⁴ Именно поэтому некорректно трактовать орнаментальные мотивы на андроновской керамике как возможные прототипы декора на аржанских тканях, как делает, например, Л. С. Марсадов (Марсадов 2002).

ний, двусторонность орнаментов — все три признака (по Л. Б. Кирчо) соответствуют *плоскому изделию с двусторонней поверхностью, с переплетением нитей основы и утка* (или стеблей травы). То есть циновке, ковру (или их визуальному аналогу — полихромной настенной росписи). Подобные росписи (с орнаментом в виде композиций из «ступенчатых» крестов, аналогичных орнаментам на геоксюрской керамике) были открыты на поселении Тали-Малиан в Иране¹⁵ (Массон 1989: 131). Отпечатки плетеных тростниковых циновок известны в погребениях на Алтын-Депе (Кирчо 1975: 12).

Относительно близких орнаментальных мотивов уже андроновской эпохи приведем важные наблюдения С. В. Зотовой. Она подчеркивает, что основные принципы формирования орнаментации на алакульской керамике «находят полное соответствие <...> в технике диагонального циновочного плетения, где они обусловлены техникой производства» (Зотова 1965: 181).¹⁶ Остается добавить, что в орнаментальной традиции народов Передней и Средней Азии описанный выше мотив бытовал без каких-либо заметных перерывов не только в древности, но и пользуется большой популярностью до сих пор, например, в туркменском ковро ткачестве (Кирчо 1975: 11).

Проследив вероятные диахронические параллели одному из орнаментов аржанских тканей, я озадачился поиском возможных синхронных аналогий. В свете изучения внешних связей кочевого сообщества Саяно-Алтайского нагорья в I тыс. до н. э., такая постановка вопроса была весьма актуальной. Надо сказать, что поиск не вызвал особых трудностей — просто нужно было буквально воспринять интуитивное определение М. П. Грязнова и учесть диахронические параллели.

В поисках прямых аналогий орнаментальному мотиву «ступенчатый ромб» или «полуромб» я обратился к известнейшим памятникам переднеазиатской изобразительной традиции, а именно попытался отыскать изображенные аналогичного мотива на одежде тех или иных персонажей, представленных на дворцовых рельефах новоассирийского царства. И мне это удалось. На рельефах, украшающих дворец Саргона II (722—705 гг. до н. э.) в Дур-Шаррукине есть ограниченное количество сцен, где присутствует искомый орнаментальный мотив (рис. 1, 2—4). Так, дважды он образует декор кузова царской колесницы (Albenda 1986: Pls. 120, 123) и в один раз им декорированы тканевые (?) борта осадной башни-повозки (Albenda 1986: Pl. 124). Во всех этих случаях изображены «ступенчатые ромбы».

Кроме того, мне удалось выделить изображения воинов-лучников, одетых в короткие, не доходящие до колен запашные юбки-опоясания, полы которых украшены «ступенчатым полуромбом» (рис. 1, 2, 3). Подобное опоясание, поддерживаемое поясом, хорошо известно у многих, в том числе кочевых

¹⁵ На структурные параллели в восприятии древними земледельцами стен дома и поверхности сосуда, вплоть до обозначения их одним и тем же знаком (на примере народов Двуречья) указывает Е. В. Антонова (Антонова 1986: 55).

¹⁶ Напомню, что в орнаментации именно алакульской керамики (как наследницы предшествующей петровско-синташтинской традиции) присутствуют «ступенчатые» фигуры в виде полуромбов или пирамидок. Для керамики федоровского типа подобный орнаментальный мотив нехарактерен, что подтверждается и выводами С. В. Зотовой об иной традиции плетения, отраженной в орнаментации федоровской посуды (Зотова 1965: 181). В свете этого более пристального изучения заслуживают вероятные генетические связи свиты культур синташтапетровка-алакуль с культурами энеолита и бронзы Средней и Передней Азии.

народов Ближнего Востока,¹⁷ цветные ткани с геометрическим рисунком начинают использоваться на этой территории, начиная с эпохи Аменхотепа III (Богословская 1995: 61, 98, 107). Отмечу некоторые важные черты в облике этих воинов: они изображены в большей части случаев *босыми* (иногда в сандалиях ассирийского типа), единственная их одежда — это *короткая запашная юбка-опоясание*, имеется *пояс* и *повязка* или «диадема» на голове, которой перехвачены волосы. Подобные персонажи встречаются только в сценах битв (их нет, например, в сценах дворцовых пиров или среди изображений процессии данников); это всегда лучники (хотя у них показаны и мечи, висящие на поясе), которые идут впереди войска, без всякого защитного вооружения (характерно, что рядом с ними показаны другие воины в полном обмундировании, в том числе в обуви, шлемах, со щитами и с прикрытым одеждой торсом). Если обобщить все эти особенности, то можно предположить, что перед нами изображения каких-то варваров-наемников, которые известны в ассирийских войсках.¹⁸

Подчеркну, что сохранившиеся фрагменты тканевых изделий из камеры 1 кургана Аржан вполне позволяют реконструировать их в виде полотнищ уже упомянутых запашных юбок-опоясаний. Из дневникового описания О. Л. Пламеневской, расчищавшей погребение юноши в колоде № 4 (камера 1), следует, что наибольшее количество остатков орнаментированной и неорнаментированной ткани (Грязнов 1980: рис. 9, 2) находилось в области таза погребенного (Пламеневская 1971: 9—14). Возможно, что фрагмент широкого кожаного ремня с тисненым (резным) линейным орнаментом,¹⁹ найденный в могиле 1, в камере 1 кургана Аржан также имеет отношение к этой детали костюма (Грязнов 1980: 17).

Определенным препятствием для установления прямой культурно-хронологической связи аржанских тканей и обнаруженных мной ассирийских аналогий является расхождение в датах комплекса кургана Аржан (809 г. до н. э. по ¹⁴C) и рельефов Дур-Шаррукина (эпоха Саргона II — 722—705 гг. до н. э.). Последние оказываются примерно на 100 лет моложе. Однако в пользу такого сопоставления можно привести следующие доводы. Во-первых, естественно, что ткани и отделки с использованием орнаментального мотива «ступенчатый ромб» или «полуромб» появились в Ассирии и шире на Древнем Востоке еще до эпохи Саргона II (смотри часть, посвященную диахроническим параллелям). Во-вторых, дата ¹⁴C сделана для деревянных конструкций аржанского погребального сооружения, определенное время (неизвестно какое?) стоявшего *открытым* и возможно (?) доступным для подхоронений. Так ли уж одно-

¹⁷ В среде оседлого населения Ханаана (уже начиная с XVI в. до н. э.) короткие опоясания из белой ткани изредка встречаются у представителей знати, но более характерны как форма одежды воинов или социальных низов (Богословская 1995: 117—118).

¹⁸ Отмечу, правда, что вооружены они мечами и луками ассирийского типа, т. е. их вооружение почти ничем не отличается от вооружения других воинов на рельефах.

¹⁹ Ремень осмотрен мной в фондах ТРКМ в 2007 г. Он слишком широк для классических воинских поясов, хорошо известных нам по несколько более поздним находкам наборных поясов в погребениях алды-бельской культуры в Туве и действительно очень напоминает широкие ремни, изображенные на поясах воинов с рельефов Дур-Шаррукина. Кроме того, явные параллели аржанскому ремню, на мой взгляд, представляют широкие продольно орнаментированные пояса, изображенные на стенах предкифского (киммерийского) времени из Армавира, Целинного и Ольвии (Ковалев 2000: рис. 2, 1, б, 9).

временны все 29 выделенных М. П. Грязновым комплексов кургана, этого *по-ликультурного памятника переходного периода?* Так ли одновременны все погребения, совершенные в его камерах? Все это предмет отдельного большого исследования.

Каким образом могли попасть передне- или среднеазиатские (а возможно и непосредственно ассирийские?²⁰) ткани в комплекс кургана Аржан? Заманчиво было бы считать, что кто-то из аржанских династов состоял, пусть и на временной, союзной службе в армии Ассирийской державы (по письменным источникам нам известны союзнические отношения Ассирии и скифов, киммерийцев и Фригийского царства). Но слишком невероятно это сейчас звучит. Рискну предположить, что орнаментированные «ступенчатыми ромбами» ткани попали к людям, которые погребены в Аржане, в качестве подарка, возможно имевшего дипломатический характер (учитывая особое положение персонажей дур-шаррукинских рельефов). Принципиальная возможность обоюдных контактов центральноазиатского (саяно-алтайского) населения и народов (и государств) Передней и Средней Азии и Кавказа доказывается пока еще немногочисленными, но важными находками импортных предметов (а есть еще и импорт идей!), соединяющих пунктирной линией Восток и Запад евразийской степной полосы.²¹

Алексеев, Боковенко и др. 2005 — Алексеев А. Ю., Боковенко Н. А., Васильев С. С., Дергачев В. А., Зайцева Г. И., Ковалюх Н. Н., Кук Г., Ван дер Плихт Й., Поснерт Г., Семенов А. А., Скотт Е. М., Чугунов К. В. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.

Антонова 1984 — Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984.

Антонова 1986 — Антонова Е. В. К исследованию места сосудов в картине мира первобытных земледельцев // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур Древнего и Средневекового Востока. М., 1986. С. 35—65.

Богословская 1995 — Богословская Н. В. Одежда народов библейских стран (по древнеегипетским источникам XVI—XI вв. до н. э.). СПб., 1995.

Боковенко 1986а — Боковенко Н. А. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.

Боковенко 1986б — Боковенко Н. А. Некоторые особенности формирования погребального обряда ранних кочевников Саяно-Алтая и Казахстана // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 46—48.

Боковенко 1987 — Боковенко Н. А. Новые памятники раннескифского времени в Западных Саянах // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тезисы докладов Всесоюзной конференции (Суздаль, 1987 г.). М., 1987. С. 46—47.

Боковенко 1995 — Боковенко Н. А. Новый памятник аржанского этапа в центре Азии // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995. С. 85—90.

Грач 1980 — Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

²⁰ Активная торговая деятельность ассирийских купцов известна еще с III тыс. до н. э., уже тогда одним из основных экспортных товаров ремесленников месопотамских городов были именно ткани (Массон 1963: 22).

²¹ Например, распространение желобчатых застежек в киммерийских комплексах Северного Причерноморья и Кавказа, в Передней Азии и находки аналогичных изделий в Саяно-Алтае (в Аржане).

- Грязнов 1979 — *Грязнов М. П.* Об едином процессе развития скифо-сибирских культур // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово, 1979. С. 4—7.
- Грязнов 1980 — *Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
- Грязнов 1983 — *Грязнов М. П.* Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1983. Вып. 12. С. 3—18.
- Грязнов, Маннай-оол 1971 — *Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х.* Аржан — царский курган раннескифского времени в Туве // АО 1971 г. М., 1972. С. 243—246.
- Грязнов, Маннай-оол 1973 — *Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х.* Курган Аржан — могила «царя» раннескифского времени // УЗ ТНИИЯЛИ. 1973. Вып. 16. С. 191—206.
- Грязнов, Маннай-оол 1975 — *Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х.* Курган Аржан по раскопкам 1973—1974 гг. // УЗ ТНИИЯЛИ. 1975. Вып. 17. С. 185—198.
- Зотова 1965 — *Зотова С. В.* Ковровые орнаменты андроновской керамики // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 177—181.
- Иессен 1953 — *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 года) // СА. 1953. № 18. С. 49—110.
- Килуновская 2008 — *Килуновская М. Е.* Скифское искусство Тувы // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 188—192.
- Кирчо 1975 — *Кирчо Л. Б.* «Ковры» на черепках // Памятники Туркменистана. Ашхабад, 1975. № 2 (20). С. 11—12.
- Кирчо, Шаровская 2001 — *Кирчо Л. Б., Шаровская Т. А.* Орнаментированный каменный сосуд из Алтын-Депе (к вопросу о постгеоксюрском комплексе Южного Туркменистана) // АВ. СПб., 2001. № 8. С. 120—124.
- Кирчо, Коробкова, Массон 2008 — *Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Технично-технологический потенциал энеолитического поселения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб., 2008.
- Ковалев 2000 — *Ковалев А. А.* О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000. С. 138—180.
- Кызласов 1979 — *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува. М., 1979.
- Марсадалов 1989 — *Марсадалов Л. С.* Курган Аржан. Хронология, алтайские и европейские аналогии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов областной конференции к 90-летию со дня рождения профессора Б. Н. Гракова. Запорожье, 1989. С. 81—82.
- Марсадалов 2001 — *Марсадалов Л. С.* Новые исследования на Улуг-Хоруме в Туве (предварительное сообщение) // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 155—159.
- Марсадалов 2002 — *Марсадалов Л. С.* Курган Аржан и памятники эпохи бронзы // Северная Евразия в эпоху бронзы. Пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 98—101.
- Марсадалов 2004 — *Марсадалов Л. С.* О необходимости и возможности создания единой хронологической шкалы памятников кочевых племен степей Евразии I тыс. до н. э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004. С. 69—85.
- Марсадалов, Царев 2000 — *Марсадалов Л. С., Царев Н. В.* Ткани из кургана Аржан в центре Азии // Пятые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (Омск, 19—20 октября 2000 г.). Омск, 2000. С. 72—75.
- Массон 1962 — *Массон В. М.* Восточные параллели убейдской культуры // КСИА. 1962. Вып. 91. С. 3—13.
- Массон 1963 — *Массон В. М.* Средняя Азия и Иран в III тыс. до н. э. // КСИА. 1963. Вып. 93. С. 15—23.
- Массон 1982 — *Массон В. М.* Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. Археология СССР. М., 1982. Ч. 1. С. 9—92.
- Массон 1989 — *Массон В. М.* Первые цивилизации. Л., 1989.
- Немировская 1975 — *Немировская Е. Л.* Обработка дерева строителями кургана Аржан // УЗ ТНИИЯЛИ. 1975. Вып. 17. С. 207—211.
- Пламеневская 1975 — *Пламеневская О. Л.* Некоторые данные о тканях из кургана Аржан // УЗ ТНИИЯЛИ. 1975. Вып. 17. С. 199—206.
- Пламеневская 1971 — *Пламеневская О. Л.* Полевой дневник раскопок кургана Аржан в Туве // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, 1971, оп. 5.

- Полосьмак, Баркова 2005 — *Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л.* Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV—III вв. до н. э.). Новосибирск, 2005.
- Савинов 1992 — *Савинов Д. Г.* Реконструкция погребального комплекса кургана Аржан, его компоненты и аналогии // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 108—112.
- Савинов 1994 — *Савинов Д. Г.* Синташта и Аржан // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 170—175.
- Савинов 1998 — *Савинов Д. Г.* Карасукская традиция и «аржано-майэмирский» стиль // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998. С. 132—136.
- Савинов 2002 — *Савинов Д. Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб., 2002.
- Семенов 1992 — *Семенов Вл. А.* Курган Аржан — пространственная картина мира и церемониальный центр ранних кочевников Тувы // Северная Евразия от древности до средневековья (тезисы конференции к 90-летию М. П. Грязнова). СПб., 1992. С. 112—114.
- Смирнов 2005 — *Смирнов Н. Ю.* Псалии аржанского типа (опыт классификации и типологии) // Альманах молодых археологов. СПб., 2005. С. 67—85.
- Тереножкин 1976 — *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976.
- Хлопин 1962 — *Хлопин И. Н.* Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении // КСИА. 1962. Вып. 91. С. 14—21.
- Членова 1997 — *Членова Н. Л.* Центральная Азия и скифы. М., 1997.
- Albenda 1986 — *Albenda P.* The palace of Sargon, king of Assyria. Monumental wall reliefs at Dur-Sharrikin, from original drawings made at the time of their discovery in 1843—1844 by Botta and Flandin. Paris, 1986.
- Grjaznov 1984 — *Grjaznov M. P.* Der Großkurgan von Ar an in Tuva, Südsibirien. Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. München, 1984. Bd 23.

SOME NOTES ON THE QUESTION OF WEST ASIAN IMPORTS IN THE ARZHAN BARROW

N. Yu. Smirnov

The Arzhan barrow is the biggest archaeological complex of the early 1st millennium BC in the eastern part of Asian steppes. This site has a key role in the study of early nomads of Central Asia, and the whole of the steppe belt of Eurasia as well. The materials obtained at Arzhan in the 1970-es made archaeologists to change many of their views on the pre-Scythian and early-Scythian culture genesis both in the East and in the West. Nonetheless, despite the long history of research and great number of publications devoted to Arzhan, there are still many important questions, which remain open. One of them is the problem of identification of imports, which could be reliably dated and attributed to a specific culture. The paper is devoted to the identification and description of one category of such imports.

**БУСЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ НЕКРОПОЛЯ
КОБЯКОВА ГОРОДИЩА
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПО МАТЕРИАЛАМ
РАСКОПОК 2007 г.)**

Т. Е. ХАХОНИНА

Кобяково городище находится на северо-восточной окраине г. Ростова-на-Дону. Этот памятник является самым северным сельским поселением первых веков нашей эры на Нижнем Дону. Его некрополь расположен западнее, ниже по течению р. Дон, и отделен от городища глубокой балкой.

Самым древним свидетельством об археологических раскопках в Подонье, относящимся еще к XV в., можно считать описание поисков клада венецианским купцом из Таны (Азова) Иосафато Барбаро. Проводились эти «раскопки» на холме Контеббе, расположенном на правом берегу р. Дон, где и находилось, что выяснилось гораздо позже, древнее городище, получившее затем название Кобякова. Здесь, по преданиям местных жителей, аланами были спрятаны несметные сокровища. Однако в процессе «раскопок» ожидаемых богатств найдено не было — кладоискателю попались лишь фрагменты лепных и гончарных сосудов (Косяненко 2008: 10).

Более частые упоминания Кобякова городища относятся к началу XIX в. Так, И. А. Стемпковский в 1823—1824 гг. собрал на этом памятнике большое количество подъемного материала, подтверждающего наличие культурного слоя, синхронного танаисскому, что позволило причислить это городище к округе Танаиса. Еще больше интерес к Кобякову городищу возрос после обнаружения знаменитого Новочеркасского клада в 1864 г. В результате во второй половине XIX в. была предпринята попытка первых научных раскопок городища. В. Г. Тизенгаузен заложил 20 пробных раскопов, однако ничего интересного, кроме нескольких кувшинов и амфор, не обнаружил.

В 1901 г. обследование Кобякова городища провел геолог В. В. Богачев. К его заслугам помимо фиксации культурных слоев городища относится и открытие могильника.

Планомерные археологические работы на памятнике стали проводиться в 1923—1928 гг. Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК под руководством А. А. Миллера. Именно он начал систематическое обследование и раскопки городищ дельты Дона, тесно взаимосвязанных друг с другом. Это позволило А. А. Миллеру интерпретировать их как группу периферийных сельских поселений, экономически и культурно связанных с Танаисом и от него зависящих (Миллер 1925: 3).

В 1930—1940-е гг. исследование Кобякова и других поселений Нижнего Дона прервалось и продолжилось уже только после Второй мировой войны. Новый этап исследований в основном был связан с проведением строительных работ в дельте Дона.

Так, с 1956 по 1962 г. Кобяковской археологической экспедицией (ЛОИА АН СССР и РОМК), под руководством С. И. Капошиной, параллельно с исследованием городища, велись раскопки некрополя. Анализируя материалы некрополя, С. И. Капошина подчеркивала преобладание сарматских элементов в погребальной обрядности, одновременно отмечая черты, сходные с традицией могильников Прикубанья (например, наличие во многих комплексах миски под головой погребенного). Таким образом, по мнению С. И. Капошиной, пестрота деталей погребальной обрядности свидетельствовала о различных этнических группах населения (Капошина 1968: 168—169).

В. М. Косяненко, обратившаяся к материалам раскопок 1956—1962 гг., также акцентировала внимание на сарматских элементах в погребальной обрядности некрополя (Косяненко 2008). Например, она указывает на такой тип погребального сооружения, как катакомба, которая является признаком сарматского этноса (Косяненко 2008: 189). Появление впоследствии преобладающего катакомбного типа погребений на некрополе Кобякова городища датируется II в. н. э. Это именно то время, когда усиливается приток сарматского населения в низовья Дона. Подтверждение подобному этнокультурному смешению было найдено среди материалов Танаиса (Шелов 1972). Естественно, что этот процесс не обошел стороной и оседлое население округа боспорской колонии, в частности, найдя свое отражение в погребальной обрядности некрополя Кобякова городища.

Однако, несмотря на особую форму могильной ямы, погребальный обряд как в катакомбах, так и в могилах других конструкций имеет общие черты. Следует отметить, что в катакомбах преимущественно погребены люди с искусственно деформированными черепами. В катакомбах чаще всего встречаются и предметы вооружения.

Подтверждение этому — раскопки некрополя 1999—2002 гг., в результате которых было выявлено два разных в хронологическом отношении участка: юго-восточный, освоенный еще в I в. и, возможно, продолжавший функционировать еще какое-то время, где преобладали простые ямы и ямы с заплечиковой конструкцией; и северо-западный, использовавшийся под захоронения во II в. и на котором преобладают захоронения катакомбного типа (Ларенок 2004: 68—72).

В июле—ноябре 2007 г. на территории некрополя Кобякова городища снова проводились спасательные археологические исследования под руководством В. А. Ларенок.¹ В нашем распоряжении оказалось около 200 погребений,² в 83 из которых были бусы. Причем среди данной выборки оказались погребения с наиболее интересными и представительными наборами бус.

Характеризуя в целом погребальный обряд Кобяковского некрополя (по результатам раскопок 2007 г.), следует отметить, что наиболее часто встречаемый тип могильной конструкции — катакомба разных вариантов с камерой перпендикулярной длинной оси колодца или смещенной от нее к востоку, где колодец ориентирован по линии СЗ—ЮВ или С—Ю. Часто прослеживались каменные, деревянные или камышовые заклады входов камер. Во входных

¹ Выражаю благодарность В. А. Ларенок за возможность работы с материалом и его публикации.

² Всего было раскопано 413 погребений, многие из которых были датированы I—III вв. н. э.

колодцах катакомбных захоронений в 36 случаях прослежены жертвоприношения животных. Значительно реже встречаются подбойные захоронения и ямы с перекрытием на выступах-заплечиках.

В некоторых случаях конструкции могильных ям, а также местонахождение в них инвентаря не прослежены из-за природных и антропогенных повреждений территории некрополя. Ограблено около 60 % погребений.

Можно выделить некоторые устойчивые черты погребального обряда, общие для всех типов захоронений. Большинство погребенных располагались в могилах вытянуто на спине и были ориентированы головой на ЮЗ, З, СЗ. Случаи другой ориентировки единичны. В 50 % погребений под головой покойника или рядом с ней находилась серолощенная миска. Примерно в 35—40 % случаев у погребенных были скрещены ноги (голени) — одна лежала на другой, чаще правая на левой.

Состав погребального инвентаря комплексов, раскопанных в 2007 г., в целом характерен для материальной культуры этого некрополя (по раскопкам прошлых лет).

Следует отметить находки однотипных светлоглиняных амфор типа «В», амфоровидных двуручных сосудов и канфара. В коллекции 2007 г. есть небольшая группа серолощенных кувшинов, в том числе с зооморфными ручками, сделанных в мастерских Северного Кавказа. Представлены также: серолощенные, красноглиняные и краснолаковые миски; красноглиняные и краснолаковые кувшины; лепные кувшины, горшки и миски. Особую группу составляют так называемые культовые чашечки на цилиндрических ножках, лепные и гончарные, в которых обычно находились кусочки мела.

Среди часто встречающихся бронзовых застежек-фибул преобладают три основных типа: сильно профилированные, с плоской ленточной или выпуклой спинкой, украшенной точечным орнаментом, и лучковые подвязные. Найдено несколько римских фибул-брошей. В некоторых погребениях встречено до 4—5 фибул. Бронзовые зеркала-подвески, проволочные браслеты, кольца, перстни и подвески-колокольчики встречаются относительно редко.

В погребениях присутствует много бус, среди которых имеются редко встречаемые либо вовсе неизвестные типы (рис. 1).

Особую группу погребального инвентаря составляют бытовые предметы: «плойки», ножницы, пиксиды, стеклянный флакон-бальзамарий. Характерной особенностью инвентаря женских погребений являются лепные пряслица, а мужских — железные серпы, ножи и короткие железные кинжалы.

Такое обилие погребального инвентаря позволяет более точно датировать как комплексы, так и отдельные категории вещей в их составе, в частности бусы, которые не имеют самостоятельной четкой хронологии.

Переходя непосредственно к бусам, необходимо дать общую характеристику исследуемого материала. Во-первых, следует еще раз обратить внимание на его большое количество (нами было изучено около 3200 экз.). В некоторых погребениях было обнаружено до 400 бус, чаще всего мелких или бисера. Однако такое обилие украшений было встречено далеко не во всех погребениях; обычно присутствовало порядка 50 экземпляров. Во-вторых, наряду с массовостью материал поражает и своей однотипностью как по форме, так и по цвету.

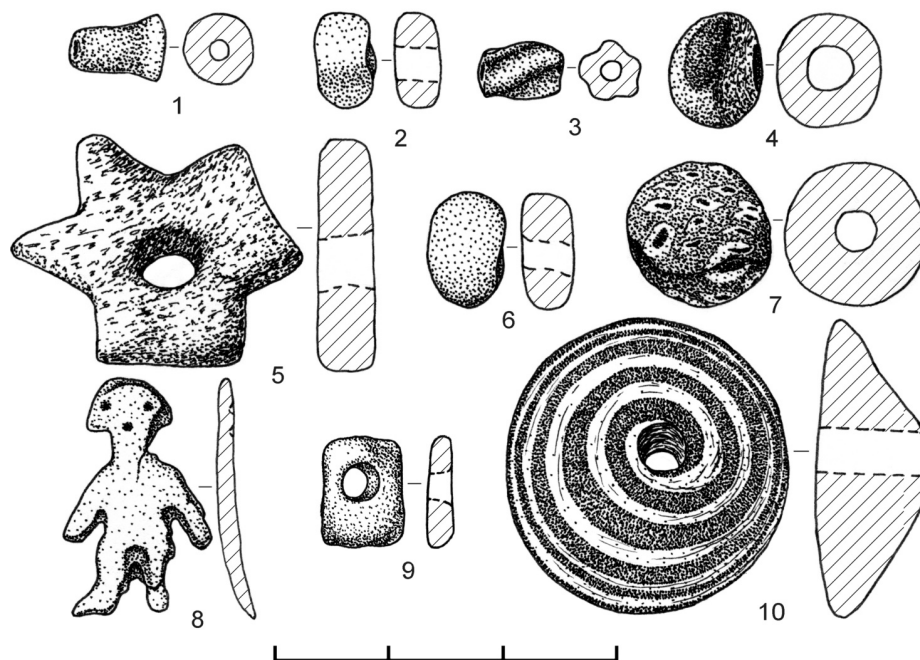

Рис. 1. Типы бус из погребений некрополя Кобякова городища (раскопки 2007 г.)

Основная масса бус нашей выборки происходит из катакомб (78 %), а также из ям (12 %) и подбоев (9 %). 85 % бус происходит из погребений II в. н. э. (датировка автора раскопок). По половозрастной принадлежности погребенных бусы распределяются следующим образом: детские погребения — 43 %, женские — 29 %, мужские — 8,5 % (табл. 1). Около 20 % погребений были так сильно потревожены, что пол покойника определить затруднительно.

Таблица 1

Распределение бус по их местонахождению в погребениях и половозрастному составу погребенных (раскопки 2007 г.)

Местонахождение бусин	Детские	Женские	Мужские
Около черепа	15,3 %	10,5 %	—
В области груди	34,6 %	31,5 %	—
Около запястий	—	15 %	—
Около стоп	30,7 %	37 %	—
Около оружия (ножа)	—	—	50 %
В районе таза	—	—	25 %
Заполнение	19,2 %	5,2 %	25 %

Можно выделить 4 основные зоны, где располагались бусы в погребении: около черепа, в районе груди, около запястий и в нижней части ног. Однако для мужских погребений необходимо выделить дополнительные специфиче-

ские зоны местонахождения бус — район таза и около оружия. И в детских, и в женских погребениях основная масса бус (в основном мелких) была найдена у нижней части ног, меньшее количество — в районе груди, чаще всего в виде ожерелий.

Рассматриваемая категория украшений располагается практически идентично в детских и в женских погребениях, причем часто бусы встречаются одновременно в нескольких зонах, в основном в области груди и стоп. Некоторое отличие, как видно из табл. 1, состоит в полном отсутствии бус около запястий в детских погребениях. По количеству украшений детские погребения существенно отличаются от женских. В детских погребениях наборы более объемны и разнообразны, зачастую содержат редкие типы бус. Связано это, скорее всего, с тем, что бусы для ребенка служили не столько украшением, сколько оберегом. В мужских погребениях³ чаще всего представлены единичные крупные бусы редких типов. Обычно это округлые халцедоновые и стеклянные, сложно орнаментированные бусы.

Обращаясь к цветовой гамме наборов бус, необходимо сказать, что в рамках одного погребения украшения действительно составляют единый набор, на что уже указывала Е. М. Алексеева (1975: 3—5). Часто на груди и на запястьях (или на стопах) находились идентичные либо схожие по цвету и форме бусы. Естественно предположить, что такие наборы подбирались в зависимости от моды и цвета одежды. При рассмотрении украшений из погребений Кобяковского некрополя обращает на себя внимание преобладание теплых тонов красного, оранжевого, светло- и темно-коричневого цветов. Также присутствует определенное количество черных, темно-синих и темно-лиловых бус.

В наборах бус около 2/3 составляют стеклянные бусы, около 1/3 — бусы из полудрагоценных камней, гагата, янтаря, коралла и других более редких материалов. Однако наблюдается определенная динамика изменения набора бус: в погребениях конца I — начала II вв. изделий из полудрагоценных камней (сердолик, халцедон) несколько больше, чем в погребениях II—начала III в.

Бусы из гагата, янтаря, коралла встречаются постоянно и в достаточном количестве. Гагатовые украшения — это, в основном, короткие мелкие цилиндрические бусы. Янтарные, зачастую не имеющие определенной формы, сделаны из подправленной янтарной гальки плохого качества. Коралловые, также чаще всего грубо обработанные, представлены округлыми формами и просверленными веточками. Изделия из редких материалов (мел, кость, перламутр) встречаются единично и часто не имеют аналогий в сводах Е. М. Алексеевой (Алексеева 1975; 1978; 1982). Это, возможно, свидетельствует об их местном происхождении.

Набор стеклянных бус, преимущественно одноцветных, довольно однообразен — округлые, бочонковидные, цилиндрические формы, реже — биколические, грушевидные, дисковидные. Из многоцветных встречаются полосатые крученые, с фестонами, редко — глазчатые и сложно орнаментированные. Довольно много бус с внутренней позолотой. Из египетского фаянса, за исключением бисера, бус немного, они встречены всего в нескольких детских

³ В мужских погребениях бусы зачастую не были просто украшением, а использовались как элементы поясных креплений.

погребениях. В основном, это округлые реберчатые бусы, львы на плакетках, грозди винограда и мужские фигуры.

Дав общую характеристику коллекции бус из погребений Кобяковского некрополя, основанную на материалах раскопок 2007 г., необходимо сравнить эту коллекцию с коллекциями бус из погребений кочевников. В нашем распоряжении имеются материалы нескольких курганных могильников, находящихся недалеко от Кобякова городища, в которых были найдены раннесарматские и среднесарматские погребения. Это курганные могильники Новый и Койсугский — на левобережье Дона (Ильюков, Власкин 1992; Хахонина 2006: 233—236; 2007а: 82—88) и Левенцовский VII — на правобережье (Хахонина 2007б: 108—111).

В погребениях этих могильников наблюдается примерно одинаковая картина, причем различия между раннесарматскими и среднесарматскими наборами незначительны. Распределение по половозрастному признаку для рассматриваемого типа украшений несколько иное: около 60 % — в женских погребениях, около 30 % — в детских и около 10 % — в мужских. Зоны местонахождения бус в сарматских погребениях практически такие же, как и в погребениях Кобяковского некрополя — это область головы, груди, запястий, стоп для женских и детских, и район таза, около оружия для мужских. Однако по количественному составу наборы бус оседлого и кочевнического населения сильно разнятся. Для сарматских погребений нехарактерно большое количество подобных украшений, чаще всего встречается от 10 до 20 экз., иногда бывает до 50. Связано ли это с этническими особенностями, недоступностью товара или его дороговизной, пока еще сказать трудно.

Цветовая гамма сарматских наборов бус также отлична от наборов населения Кобякова городища. Кочевники предпочитали холодные тона синего, голубого, зеленого цветов. Но также присутствуют красный, светло- и темно-коричневые цвета.

В распределении по материалу в наборах бус у кочевников тоже имеются некоторые отличия. Совсем немного изделий из полудрагоценных камней (сердолик, халцедон), особенно редки бусы из янтаря и коралла. Встречаются бусы из редких материалов — мела, раковин, кости, но они обычно очень незатейливы и довольно грубо сработаны. Основная масса в наборе — это бусы из стекла, как одноцветные, так и многоцветные, с преобладанием первых. Многоцветные бусы украшены чаще всего глазчатым или полосатым орнаментом, редко — фестонами. Бусы со сложной орнаментацией очень редки. Встречаются бусы с внутренней позолотой. Фаянсовые изделия, за исключением бисера, также редки. Формы в основном округлые, бочонковидные, цилиндрические, дисковидные, однако необходимо отметить низкое качество изделий и плохую обработку их поверхности. Здесь следует обратить внимание на больший, нежели у оседлого населения, интерес кочевников к глазчатым бусам. Возможно, преобладание орнаментированных таким образом бус у сармат связано с определенными верованиями. Так, например, у кавказских народов до начала XX в. было принятошивать на одежду детей бусы, причем преимущественно глазчатые. Назначение таких бус — отвращать, отражать влияние дурного глаза (Чурсин 1929: 29). Можно предположить, что и у сарматских племен подобные бусы использовались как обереги.

Таким образом, становится видна разница в наборах бус оседлого населения Кобякова городища и сарматских племен, кочующих в округе. Отличия имеются в материале, количестве, цветовой гамме, а также качестве самих изделий. Хотя единым центром распространения бус был Танаис, оттуда они шли как в сельские поселения округа торгового центра, так и к кочующим племенам. Не исключено, что некоторые украшения кочевники приобретали не непосредственно в Танаисе, а в этих сельских поселениях, в число которых входило и Кобяково городище. Однако украшения из сарматских погребений выполнены очень небрежно, поэтому можно сделать вывод, что, хотя торговый центр был един, к кочевникам попадал товар худшего качества. Скорее всего, украшения были необходимыномадам только во время празднеств либо каких-нибудь, вероятно не частых, поездок к соседям. Оседлый же человек, наоборот, находясь постоянно в окружении довольно большого количества людей, должен был постоянно выглядеть хорошо, поэтому ему требовался качественный, модный товар и в достаточном объеме. По нашему мнению, именно в этом причина качественного и количественного различия между наборами бус кочевников и населения городищ.

Сходство заключается в местоположении бус в погребениях как мужских, так и женских. Здесь можно говорить о сходстве моды, традиции, а возможно, и идеологии. Начало нашей эры — время активного продвижения сарматских племен на запад, именно во II в. н. э. происходит определенная сарматизация поселений Нижнего Дона, в том числе и Танаиса. Смешиваясь с населением городищ, кочевники приносили свои традиции, которые, видоизменившись, продолжали существовать в среде оседлого населения. Кажется, что и рассмотренные нами наборы бус из погребений Кобяковского некрополя, их состав, способ ношения также являются результатом смешения культурных традиций.

В заключение хотелось бы сказать о тех типах бус, которые не нашли аналогий в сводах Е. М. Алексеевой. Некоторые из них, как уже говорилось, изготовлены из редких материалов (коралл, кость, перламутр) и, скорее всего, были характерны для местного населения. Однако часть неизвестных типов — стеклянные, причем ряд бусин полихромные, что исключает их местное происхождение. Нами составлена таблица, в которой дается описание неизвестных бус и приведена возможная датировка того или иного типа (табл. 2).

Таблица 2

**Неизвестные типы бус из погребений некрополя Кобякова городища
(раскопки 2007 г.)**

№	Материал	Форма	Цвет	Орнамент	Возможная дата (н. э.)	№ на рис. 1
1	стекло	колоколовидная	красный	—	II в.	1
2	стекло	калачевидная	бирюзовый	—	II в.	2
3	стекло	цилиндрическая с редкими дольками, перекрученная жгутом	коричневый	—	II в.	3

№	Материал	Форма	Цвет	Орнамент	Возможная дата (н. э.)	№ на рис. 1
4	стекло	дисковидная (пуговица?)	синий, голубой, желтый	витой	конец I—II в.	10
5	стекло	округлая	зеленый, желтый	глазчатый	конец I—II в.	7
6	стекло	округлая	красный, бирюзовый, зеленый	составной (глазчатый, поперечный)	первые века	4
7	коралл	калачевидная	светло-бежевый	—	II в.	6
8	кость	неправильная звезда	светло-коричневый	—	первые века	5
9	перламутр	параллелепipedная	—	—	II в.	9
10	перламутр	подвеска в виде стилизованного человечка	—	—	конец II—III в.	8

Алексеева 1975 — *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. 1975. Вып. Г1-12.

Алексеева 1978 — *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. 1978. Вып. Г1-12.

Алексеева 1982 — *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. 1982. Вып. Г1-12.

Ильюков, Власкин 1992 — *Ильюков Л. С., Власкин М. В.* Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону, 1992.

Капошина 1968 — *Капошина С. И.* Сарматы на Нижнем Дону // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 163—170.

Косьяненко 2008 — *Косьяненко В. М.* Некрополь Кобякова городища. Донские древности. Азов, 2008. Вып. 8.

Ларенок 2004 — *Ларенок В. А.* Новые исследования некрополя Кобякова городища // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2002 году. Ростов-на-Дону; Азов, 2004. Вып. 19. С. 68—72.

Миллер 1925 — *Миллер А. А.* Краткий отчет о работах Северокавказской экспедиции ГАИМК в 1923 г. // ИГАИМК. 1925. Т. 4. С. 1—42.

Хахонина 2006 — *Хахонина Т. Е.* К вопросу о возможных путях проникновения бус к сарматам левобережья Дона (по материала курганного могильника «Койсугского») // Археологическое изучение Центральной России: Тезисы докладов. Липецк, 2006. С. 233—236.

Хахонина 2007а — *Хахонина Т. Е.* К вопросу об этнических особенностях наборов бус у населения междуречья Сала и Маныча в III—I вв. до н. э. // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2007. Вып. 5. С. 82—88.

Хахонина 2007б — *Хахонина Т. Е.* Бусы из сарматских погребений округа города Ростова-на-Дону (по материалам раскопок 2006 г.) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: Тезисы докладов. Волгоград, 2007. С. 108—111.

Чурсин 1929 — *Чурсин Г. Ф.* Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала, 1929.

Шелов 1972 — *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.

**BEADS FROM THE BURIALS OF THE NECROPOLIS OF KOPYAKOVO:
A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE MATERIALS EXCAVATED IN 2007****T. E. Khakhonina**

Kopyakovo is the northernmost rural settlement of the first centuries AD in the Lower Don region. Like all the other fortified settlements of that time, it has a spacious necropolis. Both the settlement and necropolis have been under study during the whole of the 20th century, and the excavation is still in progress. Beads dominate the finds from the burials of the Kopyakovo necropolis. Most of them are made of glass, but there are also beads of semi-precious metals, gagate, amber, corals and other exotic materials. Often beads coming from the same interment are homogenous in color and form.

The beads used by sedentary inhabitants of the Kopyakovo settlement differ from those of the nomads in both quantity and quality of manufacture. One may suppose that these differences were caused by different ways of life led by sedentary and nomadic people. At the same time, there are also some common features (they are seen, first of all, in the position the beads occupy in graves), which testify to the mutual penetration of cultural traditions.

ПОДВЯЗНЫЕ ЭМАЛЕВЫЕ ФИБУЛЫ СО ЩИТКОВОЙ ТРЕУГОЛЬНОЙ ДУЖКОЙ II в. н. э.

Л. В. ВАКУЛЕНКО

Среди украшений с выемчатой эмалью II в. н. э. выделяется группа подвязных фибул со щитковой треугольной дужкой, украшенной вставками из эмали.

На территории Украины такая застежка была найдена в 1889 г. при раскопках могильника липицкой культуры вблизи с. Верхняя Липица на левобережье Верхнего Днестра, в погребении с трупосожжением № 27 (рис. 1, 1). Бронзовая фибула, длиной 4,8 см, имела дужку в форме треугольника, вершиной обращенного к головке. Основание треугольника двумя ступеньками переходило в трапециевидную ножку. На пластине иглоприемника в центре находилось круглое отверстие, а на сгибе — поперечные насечки. Поверхности пластин дужки и ножки были украшены углубленными треугольниками, заполненными светло-зеленой эмалью (Smiszko 1932: 40, 161—163, Tabl. XIII, 19).

Территориально самыми близкими и относительно недавними находками аналогичных фибул являются три бронзовые и одна серебряная застежки, найденные в 1998 г. вне комплексов на многослойном поселении в Храбушицах (округ Нова Спишська Весь) в Северо-Восточной Словакии (рис. 1, 13—16). Их плоские дужки украшали ряды треугольников, сохранивших следы эмали белого, светло-зеленого, светло-оранжевого и красно-коричневого цветов. Три экземпляра, как и липицкая фибула, имели трапециевидные ножки, также украшенные эмалевыми треугольниками, и круглое отверстие в приемнике, один — ножку в форме головки зверя. Размеры изделий — 4,95 см, 4,5 см, 4,45 см, 4,1 см (Lamiová-Schmiedlová 2001: 71—75).

Близкими аналогиями липицкой застежке являются и две известные находки фибул на территории Литвы. Они обнаружены в курганах могильников в с. Памушис Биржайского р-на (рис. 1, 4) и в с. Пакальнишкой Паневежицкого р-на (рис. 1, 5) в конце XIX в. Это бронзовые посеребренные фибулы с треугольными щитковыми дужками, длиной 4,5 см, орнаментированные треугольниками, заполненными красной и голубой эмалью (Minters 1936: Att. 4, 2, 3).

Подобная же фибула происходит с близкой к Литве территории Мазурского поозерья. Серебряная застежка найдена в погребении 252 на могильнике в Богачевой-Куле (рис. 1, 8). Она, как и описанные выше, имела треугольную дужку и трапециевидную ножку. Однако щиток ее дужки разделен только на два треугольника, заполненных светло-зеленой эмалью (Okulicz 1958: 82—83, Tabl. VII, 1). Длина изделия 4,2 см. Очевидно, эмалевой была фибула (рис. 1, 6), фрагмент треугольного щитка которой обнаружен вне комплексов на пшеворском могильнике в Дорогичине над Бугом (Shmit 1923: fig. 150).

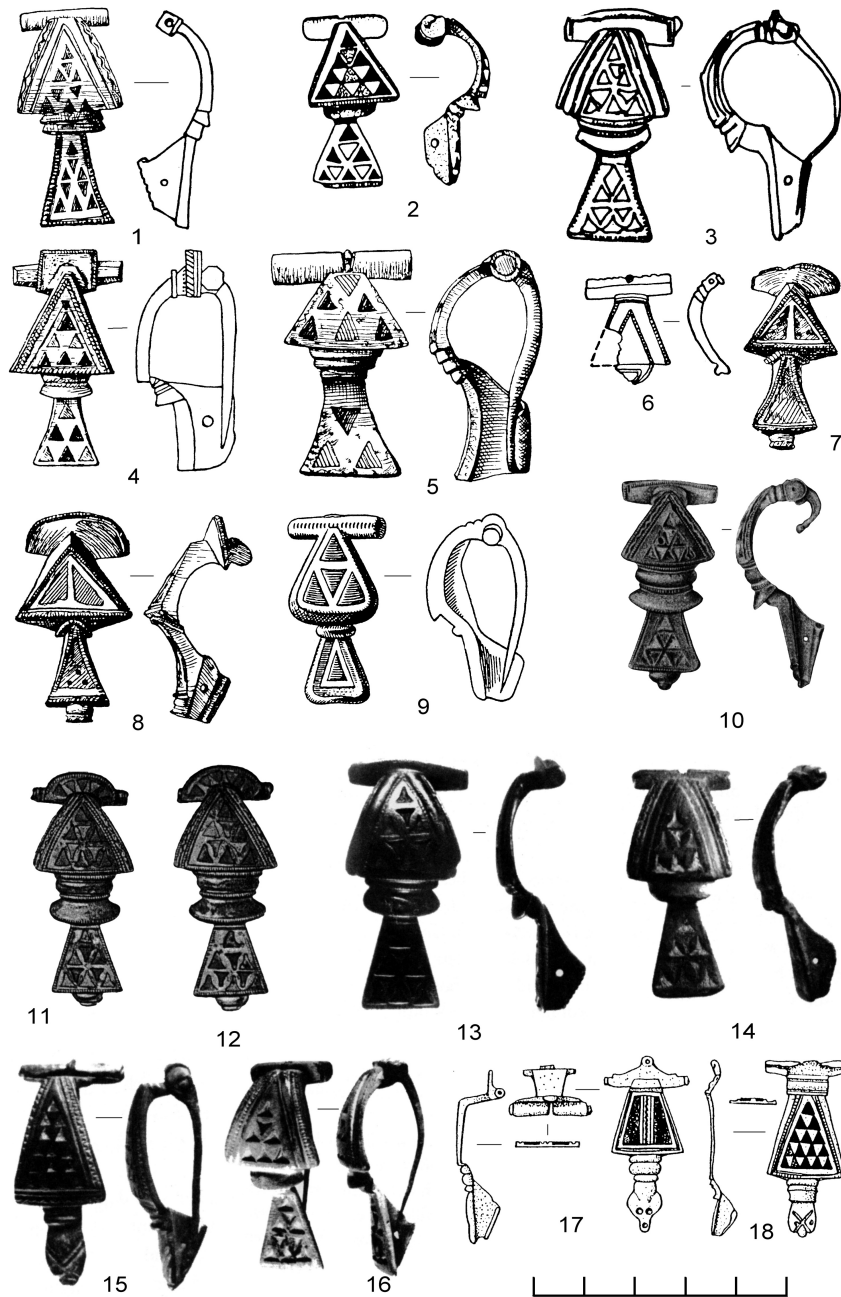

Рис. 1. Фибулы с треугольной дужкой, украшенные эмалью (масштаб дан для номеров 1—5, 8, 13—16): 1 — Верхняя Липица; 2 — Ковалевко; 3 — Нехмирув-Мала Весь; 4 — Памушис; 5 — Пакальнишкой; 6 — Дорогичин; 7 — Мандеуре; 8 — Богачева-Куля; 9 — О'Шона; 10 — Сандби; 11, 12 — Вестер Меллеруп; 13—16 — Храбушице; 17, 18 — Зульц на Нестаре (1 — по Smiszko, 1932; 2 — по Scorupke; 3 — по Urbacski 1985; 4, 5, 9 — по Ginters 1936; 6 — по Shmit 1923; 7, 8 — по Okulicz 1958; 10—12 — по Silven 1961; 13—16 — по Lamiová-Schmiedlová 1999; 17—18 — по Rieckhoff-Pauli 1977)

Подвязная бронзовая посеребренная щитковая фибула выявлена при раскопках биритуального могильника вельбаркской культуры вблизи с. Ковалевко Велькопольского воеводства в Польше в погребении № 60 с ингумацией. Ее треугольную дужку и трапециевидную ножку украшали углубленные треугольники, заполненные попеременно голубой эмалью и серебром. В приемнике фибулы имеется круглое отверстие. Длина фибулы 3,6 см (рис. 1, 2). В этом же погребении были две бронзовые глазчатые фибулы с сильно расширенной ножкой, близкие к типу Альмгрен-61, что позволяет датировать весь комплекс фазой B2b.¹

Аналогичная фибула, дужка и ножка которой украшены треугольниками, заполненными эмалью, найдена в погребении № 670 на могильнике пшеворской культуры в Нехмируве-Малой Веси, Серадзкого воеводства в Польше (рис. 1, 3). Ее приемник имел одно круглое отверстие. Длина изделия — 4,8 см. Обнаруженная в этом же погребении фибула, близкая к типу A110, позволяет датировать комплекс концом фазы В римского периода (Urbański 1985: 176, Tabl. VIII, 6).

Все описанные фибулы относятся к изделиям с выемчатыми эмальями. При этой технике углубления для эмалей готовились уже при отливке, а позже заполнялись эмалью. Не трудно заметить, что представленные фибулы помимо формы объединяют выдержанные закономерности в компоновке декоративных элементов, довольно стойкие правила по отношению к очертаниям и расположению эмалевых гнезд. Не вызывает сомнения, что эти застежки представляют одну из групп фибул с эмальями, являющихся произведениями галло-римского прикладного искусства.²

В раннеримский период и за пределами Римской империи изделия с эмалью наиболее распространены на памятниках Северной Европы, на побережье Балтики, в Скандинавии и Британии (Silven 1961: 67—122; Lamiová-Schmiedlová 2001: 73). Среди них известны и щитковые фибулы с треугольной дужкой. Застежка с треугольным щитком и трапециевидной ножкой, которые были украшены эмалевыми треугольниками светло-голубого и темного (неопределенного) цвета (рис. 1, 10), найдена в Сандби на территории Швеции (Silven 1961: Abb. 6). Две аналогичных фибулы (рис. 1, 11, 12) происходят из Дании, из Вестер Меллерупа (Norling-Christensen 1942: 332; Silven 1961: Abb. 7, c, d).

Хронология щитковых эмалевых застежек не вызывает больших дискуссий. О. Альмгрен определяет период бытования фибул с эмалью II в. н. э. (Almgren 1923: 109). А. К. Амброс также датирует их II в., считая, что вывоз этих изделий из римских провинций приходится на его вторую половину (Амброс 1966: 29). По мнению М. Ю. Смишко, липицкая эмалевая застежка попала на Верхнее Поднестровье уже в начале II в. (Smiszko 1932: 163). В. Гинтерс относит фибулы из Пакальнишка и Памушиса ко II—началу III в. (Minters 1936: 53—54). Х. Моора отмечает, что все известные ему фибулы, аналогичные литовским находкам, относятся ко II в. (Moora 1929: 591). Характерно,

¹ Благодарю научного сотрудника Археологического музея в г. Познани, д-ра Т. Скорупку за предоставленные материалы из Ковалевко.

² Следует подчеркнуть, что речь не идет о вещах с выемчатыми эмальями из Прибалтики и Среднего Поднепровья, получивших распространение в этих регионах в III—IV вв. н. э.

что датированные находки эмалевых фибул с треугольной щитковой дужкой из Ковалевко и Нехмирува-Малой Веси обнаружены в комплексах третьей четверти II в. Очевидно, так датируется и липицкая застежка. Она относится к самым поздним вещам Верхнелипицкого могильника, функционирование которого, как и существование самой липицкой культуры, прекратилось в связи с событиями Маркоманских войн (167—180 гг. н. э.) (Вакуленко 1989: 22—34; 1991: 22—38).

Украшения с эмалью, изготовленные в римских провинциальных мастерских, безусловно, являлись предметом как внутриимперской, так и римско-варварской торговли (Vaday 1989: 81—82; Lamiová-Schmiedlová 2001: 74). Если в племенной Европе эмалевые изделия чаще всего встречаются на севере, то ареалом их распространения в римском мире являются западные провинции и Паннония, откуда они вывозились на север и восток (Амброз 1966: 29; Vynis, Sellye 1988: 7).

Способ украшения вещей эмалью был известен кельтам еще до прихода римлян. Именно в Галлии и в области Рейна открыты остатки мастерских по производству эмалей, работавшие уже в первые десятилетия нашей эры. А. Киза прямо называет эмалевые застежки галльскими фибулами, при этом отмечая, что наиболее часто эмалевые украшения встречаются в Галлии, на Рейне, в Швейцарии (Kisa 1908: 152—153, Abb. 29, 30). О. Альмгрен считал, что эмалевые фибулы, известные в Северной Европе, попадают туда преимущественно из Рейнских провинций (Almgren 1923: 109, 110).

Известный эстонский исследователь Х. Моора отмечал, что кроме дунайских импортов в Балтийский регион поступали также вещи из западных провинций, в частности из Рейнских земель, и полагал, что именно оттуда происходят и литовские эмали, найденные в Памушише и Пакальнишкае. Как пример он приводит эмалевую щитковую застежку, хранящуюся в Берлинском музее, а также аналогичные фибулы, собранные в Цюрихском каталоге Ульрих-Гейзмана. Все эти изделия происходят из Северной Швейцарии, Бадена, Ааргау, из Прирейнских местностей (Moora 1929: 590—591, Abb. 85, 4, 5). Подобные застежки были в материалах римских кастеллов в Майнце и Саалбурге (Behrens 1917—1918: 26, fig. 6, 14; Silven 1961: Abb. 7, a). Нет сомнения относительно рейнского происхождения фибулы из Ковалевко у Т. Макевича (Makiewicz 1998: 44—46).

Двенадцать эмалевых застежек, в том числе и с треугольными щитковыми дужками, украшенными цветными эмалевыми треугольниками (рис. 1, 17, 18), найдены при раскопках поселения вблизи римского кастелла Зульц на Нескари, притоке Рейна (Rieckhoff-Pauli 1977: Abb. 5, 102, 104, 105). По мнению С. Рикхоф-Паули (1977: 18), время бытования этих изделий заканчивается вскоре после правления императора Адриана (117—138). Е. Окулич приводит застежку (рис. 1, 7), полностью аналогичную фибуле из Богачевой-Кули. Она происходит из Мандеуре, городского центра в провинции Галлия (Okulicz 1958: 83—84).

М. Ю. Смишко, отмечая, что наиболее давние традиции изготовления вещей, украшенных эмалью, существуют в Галлии и на Рейне, все же считал, что липицкая фибула попала на Верхнее Поднестровье с территории дунайских провинций (Smiszko 1932: 163). Как аналогию он приводит экземпляр эмалевой застежки, найденной в О'Шона на территории Венгрии (рис. 1, 9). Из Пан-

нонии выводит литовские фибулы и В. Гинтерс, ссылаясь на тот же О'Шоновский экземпляр, а также на археологически зафиксированное присутствие вещей дунайского происхождения на территории Юго-Восточной Балтии (Minters 1936: 57, 58, 60, 61). М. Ламева-Шмедлова, публикуя четыре словацкие находки, предполагает, что на поселении в Храбушицах могла существовать мастерская для изготовления эмалевых фибул (Lamiová-Schmiedlová 2001: 71—75), что представляется маловероятным.

Действительно, среди эмалей, найденных в Паннонии, помимо уже упоминавшейся фибулы из О'Шон, встречаются и другие изделия, украшенные орнаментальными мотивами в виде различных комбинаций эмалевых треугольников (Patek 1942: Taf. XIV, 5, 7—10; XIII, 1—3). Однако следует принимать во внимание, что Паннония была главной транзитной территорией между западными провинциями и племенным миром. Из Кельна и из всей Рейнской области во II и III вв. н. э. в Паннонию привозились различные товары (Fremersdorf 1938: 168; Маевский 1958: 154). Это обстоятельство позволяет предполагать, что найденные в Подунавье эмали, в том числе и щитковые фибулы, были произведены в западных провинциях, а Паннония играла лишь посредническую роль в их распространении (Svoboda 1936—1946: 46; Sellye 1939: 73).

Однако существовал и другой важнейший торговый путь, который шел из Галлии и западных провинций по р. Рейн, далее, от места ее впадения, морскими путями вдоль Балтийского побережья, через Данию и Балтику до устья Одры, Вислы и Немана и далее в глубину Поморья, Пруссии и Литвы. По р. Висле и р. Западный Буг импорты доходили до поречья Днестра (Majewski 1949: 24). Представленная карта-схема находок эмалевых фибул с треугольной щитковой дужкой на территории Северной и Восточной Европы (рис. 2) позволяет предположить, что на Верхнее Поднестровье и в Северо-Восточную Словакию эмалевые застезки с треугольным щитком, изготовленные в мастерских Галлии или Рейнских областей, поступили именно по этому пути.

Амброз 1966 — Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ. М., 1966. Вып. Д1-30.

Вакуленко 1989 — Вакуленко Л. В. Этнокультурная ситуация в Верхнем Поднестровье в I—II вв. н. э. // Древние славяне и Русь. Киев, 1989. С. 22—34.

Вакуленко 1991 — Вакуленко Л. В. Липицкая культура в свете раскопок могильника у с. Завалье в Прикарпатье // Древности Юго-Запада СССР. Кишинев, 1991. С. 22—38.

Маевский 1958 — Маевский К. Западнославянские земли в древности и Римская империя // ВДИ. 1958. № 1. С. 150—164.

Almgren 1923 — Almgren O. Studien über nordeuropäische Fibelformen. Leipzig: Kabitzsch, 1923.

Behrens 1917—1918 — Behrens G. Neue und ältere Funde aus dem Legionskastell Mainz // Mainzer Zeitschrift. 1917—1918. Bd 12—13. S. 21—46.

Bónis, Sellye 1988 — Bónis É, Sellye I. Rómari kori emailmunkák. Évezredek, évszázadok kincsei. Budapest, 1988. T. 5.

Fremersdorf 1938 — Fremersdorf Fr. Rheinischer Export nach dem Dunaauraum. Ein Beitrag zur Wirtschaftsgeschichte der römischen Kaiserzeit // Laureae Aquinenses. Budapest, 1938.

Ginters 1936 — Ginters V. Romas Importa Latvija // Senatne un Māksla. 1936. T. 2. P. 47—61.

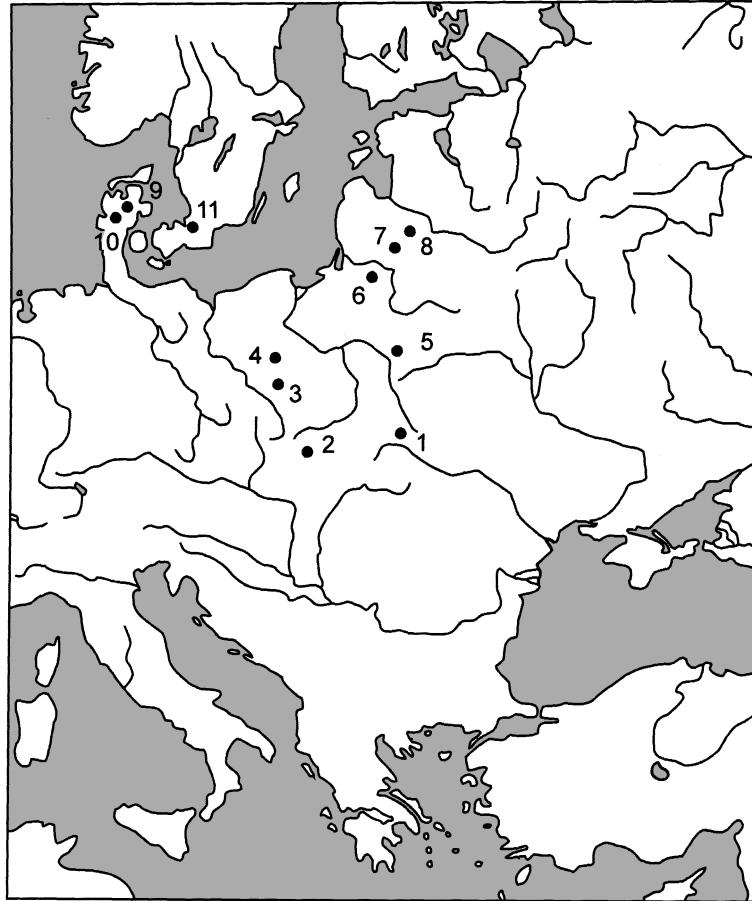

Рис. 2. Схема распространения фибул с треугольной дужкой на памятниках Европейского Барбарикума: 1 — Верхняя Липица; 2 — Храбушицы; 3 — Нехмирув-Мала Весь; 4 — Коваленко; 5 — Дорогочин; 6 — Богачева-Куля; 7 — Пакальнишкай; 8 — Памушис; 9, 10 — Вестер Меллеруп; 11 — Сандби

Kisa 1908 — *Kisa A.* Das Glass im Altertume. Leipzig, 1908.

Lamiová-Schmiedlová 2001 — *Lamiová-Schmiedlová M.* Eine Emailfibelwerstatt in der Nordostslowakei // International connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st—5th centuries A. D. Nyiregyhaza, 2001. S. 71—75.

Majewski 1949 — *Majewski K.* Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich. Wrocław, 1949.

Makewich 1998 — *Makewich T.* The Goths in Greater Poland // Pipeline of Archaeological Treasures. Poznań, 1998. S. 46—58.

Moora 1929 — *Moora H.* Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. Tartu, 1929.

Norling-Christensen 1942 — *Norling-Christensen H.* Une trouvaille de parures de l'ancien Âge du fer Romain faite à Vester Mellerup, Vendsyssel // Acta Archaeologica. København, 1942. T. 13.

Okulicz 1958 — *Okulicz J.* Cmentarzysko z okresu rzymskiego, odkryte w miejscowości Bogaczewo, na przysiółku Kula, pow. Ciężyczo // Rocznik Olsztyński. Olsztyn, 1958. S. 47—112.

Patek 1942 — *Patek E. von.* Verbreitung und Herkunft der römischen Fibeltypen von Pannonien. Budapest, 1942.

Rieckhoff-Pauli 1977 — *Rieckhoff-Pauli S.* Die Fibeln aus dem Römischen Vicus von Sulz am Neckar // Saalburg Jahrbuch. Bericht des Saalburg Museums. Berlin; New York, 1977. T. 34. S. 5—28.

- Sellye 1939 — *Sellye I.* Császárkori emailmunkák Pannóniából. (Les bronzes émaillés de la Pannonie Romaine). Dissertationes Pannonicae. Budapest, 1939. II / 8.
- Shmit 1923 — *Shmit Z.* Cmentarz latensko-rzymski «Kozarowka» w Drohiczyńce nad Bugiem // *Wiadomości archeologiczne*, Warszawa, 1923. T. 8. S. 152—175.
- Silven 1961 — *Silven U.* Provinsialromerska emalyspannen. Svenska fynd och deras kontinental relationer // *Tor*. 1961. T. 7. S. 67—122
- Smiszko 1932 — *Smiszko M.* Kultury wczesnego okresu epoki zezarstwa rzymskiego w Małopolsce Wschodniej. Lwów, 1932.
- Svoboda 1936—1946 — *Svoboda B.* Deštickové spony mladší doby císařství římského (K dejinám styku našich zemí s antickým světem) // *Památky archeologické*. Praga, 1936—1946 (1946). S. 40—70.
- Urbański 1985 — *Urbański M.* Groby kultury przeworskiej z cmentarzyska w Niechmirowie-Małej Wsi, woj. Sieradzkie, st. 1 (74—75) // *Prace i Materiały Muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. Seria Archeologiczna*. 1985. № 32. S. 169—186.
- Vaday 1989 — *Vaday A. H.* Die sarmatischen Denkmäler des Komitats Szolnok. Ein Beitrag zur Archäologie und Geschichte des sarmatischen Barbaricums // *Antaeus* 17—18. Budapest, 1988—1989 (1989).

THE SECOND CENTURY AD HINGED-PIN ENAMEL FIBULAS WITH TRIANGULAR BOW

L. V. VAKULENKO

Of special interest among the adornments with champlevé enamel dating to the 2nd century AD is a group of hinged-pin fibulas with triangular bow, decorated with enamel inlays. The paper deals with a fibula from the cemetery of the Lipitza culture situated near the village of Verkhnyaya Lipitza on the left bank of the Upper Dniester in Ukraine. The fibula was associated with the burial with cremation no. 27 (fig. 1, 1). Close analogies are known in North-Eastern Slovakia, Lithuania, and in the Mazovian plains, in interments of the Przeworsk culture in Poland (fig. 2).

During the Early Roman Period, the artifacts with enamel were especially widely distributed in the north of Europe, on the Baltic shore, in Scandinavia and Britain, but the oldest traditions of their manufacture existed in Gallia and the Rhine basin. The fibulas of the type under consideration are broadly dated to the 2nd century AD. By analogy with the fibulas from the Przeworsk assemblages, the Lipitza fastener is dated to the third quarter of the 2nd century AD. It belongs to the latest objects from the Verkhnyaya Lipitza cemetery, which ceased to function simultaneously with the end of the Lipitza culture due to the Markoman wars (167—180 years AD).

The origin of the East European enamel fibulas of this type has traditionally been connected with Pannonia, where various goods from the Rhine region flew in during the 2nd and 3rd centuries. However, there was another important trade route, leading from Gallia and western provinces of the Rhine region, along the Baltic coast, through Denmark to the Oder, Vistula and Neman mouths, and further on to the inland areas of Pomorie, Prussia, and Lithuania. Through the Vistula and Western Bug imports reached the Dniester basin. The map showing the distribution of enamel fibulas with triangular bow in East Europe (fig. 2) allows supposing, that it was along this way that the objects made in Gallia or the Rhine region penetrated into the Upper Dniester basin and North-Eastern Slovakia.

О ФУНДАМЕНТАХ ДЕСЯТИННОЙ ЦЕРКВИ В КИЕВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ СТРОИТЕЛЬНОГО КАМНЯ)¹

Д. Д. ЁЛШИН, И. С. НИКИТЕНКО

Десятинная церковь X в. в Киеве остается до сих пор одним из самых загадочных памятников византийской и древнерусской архитектуры. Во многом это связано с тем, что ее остатки были почти полностью уничтожены временем. То немногое, что сохранилось, — лишь часть фундаментных кладок и их следы. Чрезвычайно важные вопросы реконструкции внешнего облика и хронологии строительства первого каменного храма в Древней Руси на протяжении уже почти 200 лет заставляют обращаться к единственному достоверному источнику — данным археологических раскопок, в ходе которых изучались и анализировались остатки фундаментов.

Кладки фундаментов сохранились на 25 %, причем только на площади южной и северной галерей, а также западной части храма. В центральной части фундаменты сохранились лишь в виде следов деревянных субструкций, изредка — в виде остатков нижней части кладки мощностью всего несколько сантиметров. В этих условиях даже самая небольшая, но достоверно зафиксированная информация об аутентичных конструкциях приобретает огромную важность. К таким сведениям относятся данные о строительной технике, и в частности, о строительных материалах фундаментов. Тщательный анализ материалов и контекста их употребления в кладке позволяет выявлять характерные черты самой кладки, сравнивать кладки как в пределах одного сооружения, так и разных построек, определять и датировать первоначальные конструкции и поздние перестройки, реконструировать процессы строительного производства в древнерусское время.

На строительный материал фундаментов древней Десятинной церкви обратили внимание еще при самых первых раскопках в 1823—1824 гг. (митрополит Евгений (Болховитинов), М. Берлинский, К. Лохвицкий): «Полезно было бы поручить сие дело искусному в древнем Зодчестве Архитектору, который мог бы отгадать и изъяснить весь план сего древнего памятника Греческой Архитектуры <...> Нужно также узнать глубину фундамента и качество разноцветных диких камней и заливки оных» (План первобытной... 1825: 399—401). В программе исследований Десятинной церкви, составленной президентом Академии художеств А. Н. Олениным, предписывалось рассмотреть «способ кладки фундаментов и употребленные для этого материалы, <...> означить обстоятельно, из каких материалов кладка сих оснований сделана» (Памятники архитектуры... 2002: 80). При раскопках, выполненных петер-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках совместного научно-исследовательского проекта РГНФ-НАНУ № 07-01-91108а/Ук. «Десятинная церковь в Киеве — первый памятник каменного зодчества Древней Руси: история, архитектура, археология».

бургским архитектором Н. Е. Ефимовым, породы камня не подверглись различению. В пояснительной записке, приложенной к плану фундаментов, указаны лишь места обнаружения разных видов декоративного камня (фиолетовые шиферные плиты, мрамор, алебастр, «серпентинный камень») (ОРИРК РНБ, ф. F-IV (ОСРК), д. 309, л. 2—2 об.). Только в «Кратком историческом описании первопрестольной соборной Десятинной церкви в Киеве», опубликованном перед строительством на этом месте нового храма по проекту В. П. Стасова (1828—1842), можно найти упоминание о «красном граните»: «Предположено весь церковный пол вымостить (из остатков камней древнего храма, коих на церковной площади довольно имеется), шлифованным красным гранитом, предалтарные и около престолов места выложить мрамором и шифером» (Краткое описание... 1829: 29). Так же («красные гранитные камни») материал фундаментов именуется и в газетных сообщениях 1908 г., когда Б. В. Фармаковским и Д. В. Милеевым были начаты новые археологические исследования Десятинной церкви (ИАК 1908: 55). В официальном опубликованном отчете материал получил более корректное название «красный кварцит» (ОАК 1912: 142). Кроме того, было указано, что в подошве фундаментов апсид и центрального объема храма употреблены в большом количестве «камни ярко-желтого песчаника очень рассыпчатого» (ОАК 1912: 143—145). В. В. Хвойко, исследовавший в 1907 г. фундаменты гражданского сооружения («дворца») к востоку от Десятинной церкви, сообщал, что «подвальный этаж был сложен исключительно из красного кварцита, доставлявшегося с Волыни» (Хвойко 1913: 67).

Профессиональное обследование пород строительного камня из фундаментов Десятинной церкви было осуществлено лишь один раз, во время раскопок Десятинной церкви М. К. Каргером в 1938 г. В полевом дневнике Г. Ф. Корзухиной сохранилась следующая запись: «15.08.1938 г. <...> геолог Украинского геологического Треста А. С. Фещенко определил породы и место происхождения камней из кладки Десятинной церкви. Красный камень галереи и слоистый красновато-лиловый камень — кварцит из Овруча. Округлые булыги снаружи черные, внутри серые — песчаник из окрестностей Канева. Кроме серого песчаника, составляющего кладку южной стены церкви, в кладке галереи есть небольшое количество желтого глинистого песчаника и темно-коричневого железистого песчаника. Обе эти породы песчаников происходят также из Канева. Капитель — известняк, которые на Украине есть только в Причерноморье. Белого с серыми жилками мрамора на Украине нет, по-видимому, он привозной (из Греции?)» (НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, 1938 г., д. 266, л. 51). Это определение камня фундаментов вошло в несколько измененном виде в монографию М. К. Каргера «Древний Киев»: «Бутовая кладка фундаментов состоит из больших блоков красного кварцита двух видов (один представляет плотный камень ярко-красного цвета, второй, наоборот, отличается слоистостью и имеет темно-лиловый, пурпурный, цвет), нескольких видов песчаника светло-серого, с черным налетом снаружи, железистого темно-коричневого цвета и желтого глинистого (первого в кладке больше всего, последнего несколько камней) и моренных валунов» (Каргер 1961: 28). Таким образом, существовали лишь общие определения горных пород, использованных при строительстве фундаментов

Десятичной церкви. Минералого-петрографических исследований камня не проводилось.²

Отметив, что разные породы камня в кладке фундаментов практически не перемешаны, М. К. Каргер предпринял первую попытку анализа распределения этих пород, а также их связи с хронологическими этапами строительства. Исследователю удалось выяснить, что из красного кварцита сложен весь сохранившийся фундамент южной стены и перемычек южной галереи. Из серого каневского песчаника оказался сложен фундамент всей внешней западной стены и внутренней перемычки западной галереи, параллельной южной стене (по неясным причинам М. К. Каргер называет этот участок «северной стеной южного нефа»). Последнее дало ему основания считать, что именно серый песчаник является основным строительным материалом здания конца X в. В соответствии с версией исследователя о том, что галереи к храму были построены позже (в начале XI в.), логично было считать, что красный кварцит относится к этим, более поздним фундаментам. Но сам М. К. Каргер пришел к выводу, что «утверждать окончательно, что кладка из песчаника является признаком X в., а кладка из кварцита — начала XI в., не представляется возможным» (Каргер 1961: 30).

На это противоречие в выводах М. К. Каргера очень скоро обратили внимание другие исследователи. Н. В. Холостенко отмечал, что наличие серого песчаника в фундаментах центрального объема и западной галереи свидетельствует о том, что эти части были возведены одновременно, в конце X в. (Холостенко 1965: 76). Надо сказать, что на самом деле кладок фундаментов центрального объема не сохранилось вовсе, а Н. В. Холостенко ввел в заблуждение уже упомянутое определение М. К. Каргера южной галереи как «южного нефа». Такая путаница в конечном счете заставила А. И. Комеча весьма критически оценить описание строительных материалов, выполненное М. К. Каргером: «В сложной картине пристроек не удастся разобраться до сих пор из-за недостаточности проведенного при раскопках анализа кладок и их недифференцированности при графической фиксации» (Комеч 1987: 169).

Таким образом, только новые исследования могли внести ясность в вопросы хронологического соотношения кладок фундаментов, которые оказались непосредственно связаны с распределением в кладках строительных материалов, в частности, строительного камня разных пород. В 2005—2008 гг. в ходе совместных работ Архитектурно-археологических экспедиций Института археологии НАН Украины (Г. Ю. Ивакин) и Государственного Эрмитажа (О. М. Иоаннисян)³ было проведено исследование всех сохранившихся фундаментных кладок Десятичной церкви. Все фасадные части фундаментов были зачерчены в масштабе 1 : 20 с указанием технологических стыков, остановочных швов, пород строительного камня. Кроме этого, были исследованы и участки фундаментов, где кладки практически не сохранились. При обследовании фундаментных кладок был обнаружен целый ряд пород строительного камня, которые в предыдущих исследованиях не значатся.

² В 1989 г. О. Шевченко и Ю. Стриленко проводилось лишь петрографическое изучение фрагментов капителей и фриза (НА НЗ «София Киевская», ф. ДР, д. 1159).

³ Авторы приносят благодарность руководителям раскопок за возможность работать с материалами исследований 2005—2008 гг.

Для проведения петрографического анализа были отобраны образцы с разных участков, которые отличались как по использованному материалу, так и по датировке (рис. 1). После этого было выполнено их петрографическое изучение с применением при необходимости рентгеноструктурного анализа.⁴ В результате были точно определены породы, к которым принадлежат отмеченные образцы (см. Приложение и рис. 1). Все это позволило выяснить происхождение пород, а также аргументированно выделить несколько участков фундаментов, в которых различается состав пород употребленного строительного камня (Ёлшин 2008: 10—12).

Центральный объем (фундаменты трехнефного трехапсидного здания без нартекса)⁵

Кладки фундаментов практически не сохранились. В основании фундаментов прослежен тлен деревянных субструкций — двух ярусов лежней, уложенных в продольном и поперечном направлении, закрепленных вертикальными кольями. Эти субструкции были засыпаны слоем хрупкого рыжего железистого песчаника (см.: Приложение: обр. 1/1⁶, рис. 2, 1), среди которого иногда встречается также серый глинистый песчаник (обр. 1/2). Анализ геологических данных позволяет утверждать, что эти песчаники имеют местное происхождение. Песчаники с железистым (гетитовым) цементом и сегодня обнажаются на окраинах Киева (Пирогов, Вышгород). По данным В. Чирвинского, обнажения железистых и глинистых песчаников встречались в Киевских горах. Первые из них образовывали маломощные прослойки (0,1—0,7 сажени) в районе Кирилловской ул., вторые залегали слоями мощностью 2—3 сажени, а также встречались в виде валунов в морене (Чирвинский 1914: 217—218; 1926: 10, 26).

На подготовке из песчаника устраивалась бутовая фундаментная кладка. Ее небольшие участки и следы сохранились *in situ* на нескольких участках [фундаменты центрального нефа, платформа под южной апсидой (рис. 5), подошва фундаментов центральной и северной апсид]. Строительный материал, употребленный в этих кладках, — блоки колотого красного кварцита, в платформе под южной апсидой употреблены крупные глыбы железистого песчаника. Железистый песчаник и сколы кварцита в большом количестве были встречены в засыпке пустот большого котлована, устроенного для фундаментов апсид.

⁴ Авторы приносят благодарность А. А. Мельнику, Е. А. Мельник и В. К. Козюбе за помощь в отборе проб; В. И. Ганоцкому, В. В. Сукачу и Л. Ф. Однороженко за помощь в проведении минералого-петрографических исследований. Рентгеноструктурный анализ выполнен в Днепропетровском отделении Украинского государственного геолого-разведывательного института на установке ДРОН-2.0 (излучение $\text{Cu}_{\text{K}\alpha}$, напряжение 30 кВ, ток 10 мА, предел измерения $0,2 \times 1000$, постоянная времени 5, скорость вращения 1 град/мин), аналитик Л. Ф. Однороженко.

⁵ В нартексе не только не сохранились кладки, но и подошва фундамента была уничтожена, поскольку глубина его закладки была меньше на 40—50 см, чем у центрального объема. Поэтому о строительных материалах фундаментов нартекса сказать решительно нечего.

⁶ Номера образцов в скобках соответствуют таблице и схеме взятия образцов (см.: Приложение и рис. 1).

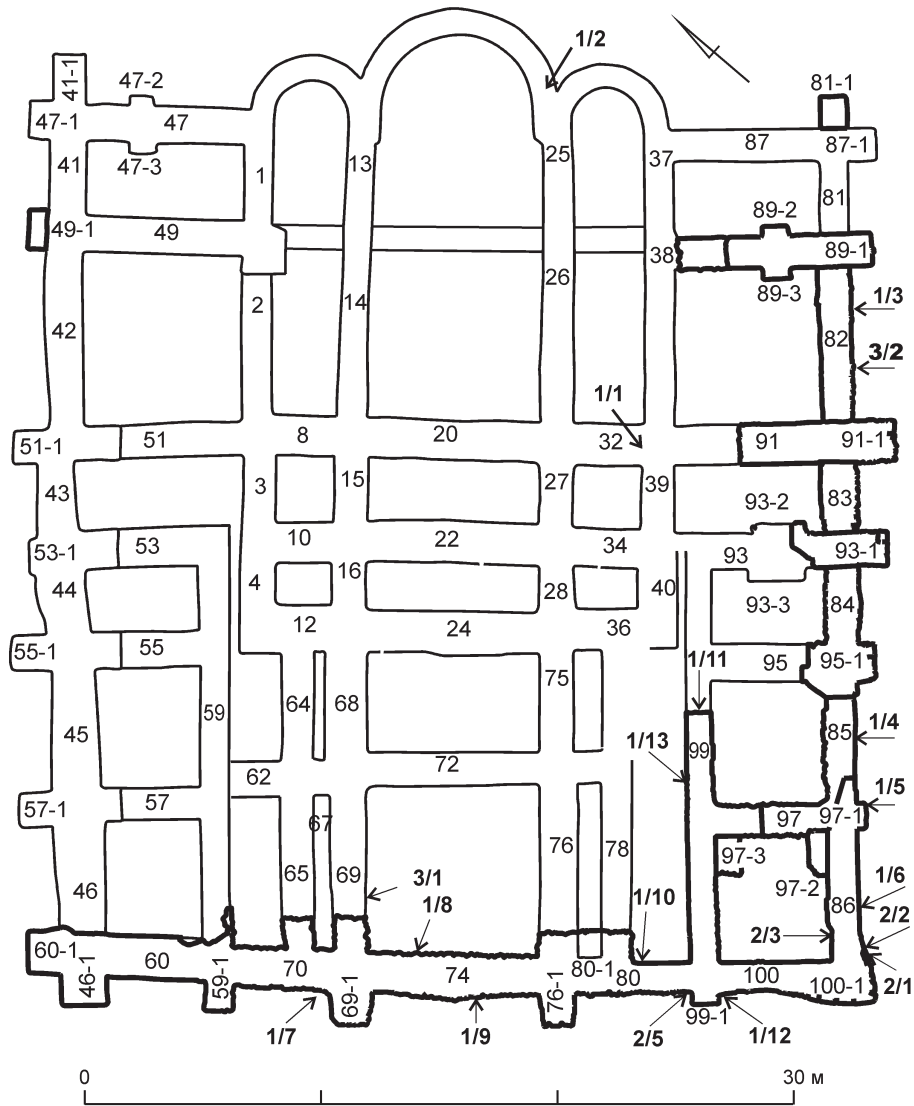

Рис. 1. Схема отбора образцов камня для петрографического анализа (2007—2008 гг.)

Южная и северная галереи

Железистый песчаник в подошве фундаментов совершенно отсутствует, в засышке деревянных субструкций вместо него употреблена битая плинфа и пережженный местный известняк серого цвета (известковый туф) (обр. 1/13). Строительный материал — блоки колотого красного кварцита (обр. 1/3, 3/2) (рис. 2, 2). В уровне цоколя на южной стене сохранились большие плиты пиро-

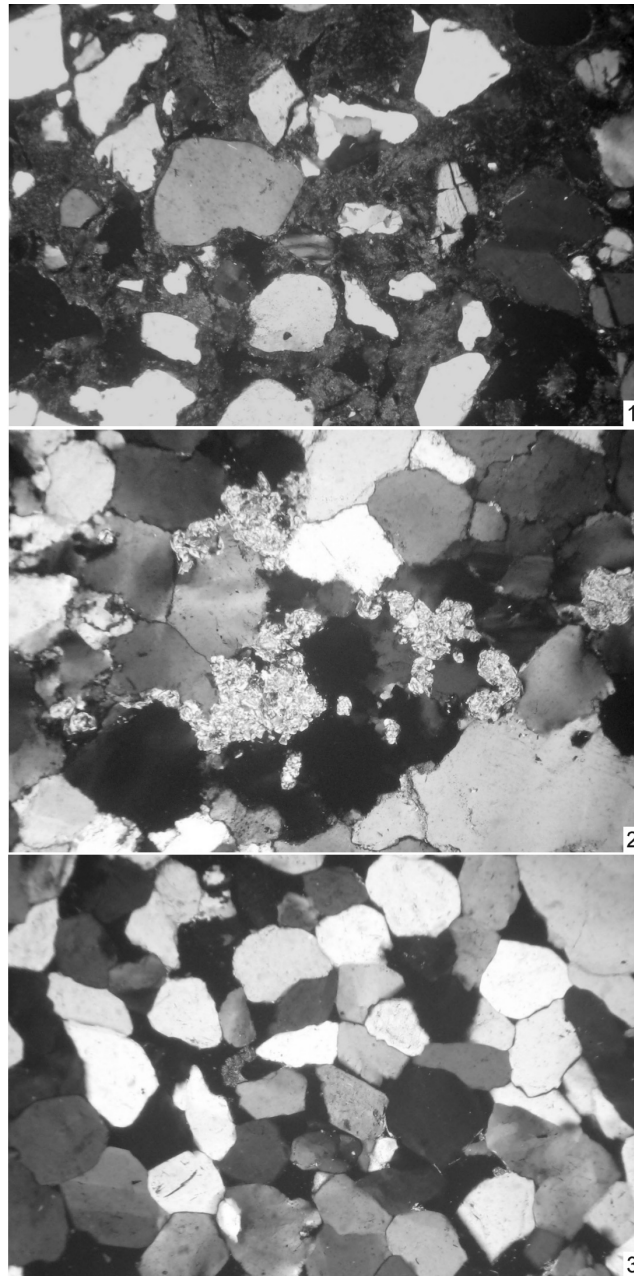

Рис. 2. Петрографические шлифы основных пород строительного камня: 1 — проба 1/1 (песчаник кварцевый с железистым цементом; окатанные и полуокатанные зерна — кварц, темно-серая масса — гетитовый цемент, мелкое зерно неправильной формы в центре с двойниковым погасанием — микроклин; свет проходящий, николи +, увел. 37); 2 — проба 1/3 (кварцит пиррофиллитовый; зерна неправильной и изометрической формы цвета оттенков серого с волнистым погасанием — кварц, скопления мелких чешуй — пиррофиллит; свет проходящий, николи +, увел. 37); 3 — проба 1/12 (песчаник кварцевый; зерна цвета оттенков серого — кварц, единичные скопления мелких чешуй — глауконит; свет проходящий, николи +, увел. 47)

филлитового сланца (обр. 1/4) Вероятно, они являлись полом южной галереи. Красный кварцит зафиксирован в фундаментной кладке южной стены практически на всем ее протяжении, кроме западной части ее самого западного участка, во всех сохранившихся перемычках южной галереи, кроме северной части 1-й с запада перемычки (рис. 3). Небольшой отдельный участок кладки из красного кварцита зафиксирован и в нижней части самого южного участка фундаментов западной стены. Пирофиллитовые кварциты и кварц-пирофиллитовые сланцы («овручский шифер») доставлялись из района г. Овруча. Фундамент 1-й с запада лопатки южной стены практически полностью сложен из небольших окатанных кварцитовых валунов розового цвета. Такие валуны могут происходить из любых выходов моренных отложений Севера Украины, но, поскольку они встречены лишь на одном участке, в пределах кварцитовых частей фундаментов, следует предполагать, что и кварцитовые валуны, скорее всего, доставлены из района Овруча.

В строительном растворе всех указанных кладок, кроме обычной примеси измельченной плинфы и специально приготовленной цемянки, имеется и примесь крупных кусков и мелкой фракции, вероятно, местного пережженного хомогенного известняка (обр. 1/13).

На перекрестье южной стены и 1-й с запада перемычки южной галереи сохранился фрагмент кладки крещатого пилона (рис. 3 и 7), нижняя часть которого была выполнена из правильных квадратов известняка-ракушечника

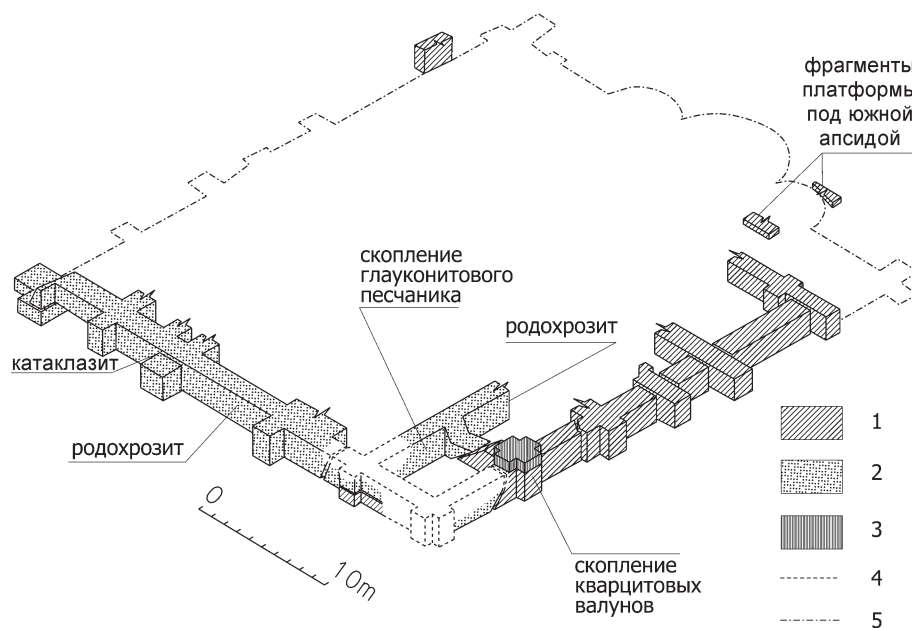

Рис. 3. Аксонометрическая схема распределения основных пород камня и технологических швов в сохранившихся фундаментных кладках X в. (П. Л. Зыков, Д. Д. Ёлшин): 1 — фундаментные кладки из блоков красного овручского кварцита; 2 — фундаментные кладки из глыб серого кварцевого и зеленоватого глауконитового каневских песчаников; 3 — цокольная кладка пилонна из известняка-ракушечника; 4 — реконструкция контуров фундаментных кладок юго-западного угла, уничтоженных ремонтом XII в.; 5 — контур несохранившихся фундаментных кладок храма

(обр. 1/5). Этот материал может происходить либо с запада (ближайшие проявления расположены на юго-западе Житомирской области), либо из Северного Причерноморья или Крыма.

Западная галерея⁷

Железистый песчаник в подошве фундаментов отсутствует. Основным строительным материалом является серый кварцевый песчаник бучакской серии (обр. 1/12, рис. 2, 3) и зеленоватый кварц-глауконитовый (обр. 1/6) песчаник того же происхождения. Кроме этого, несколькими образцами в кладке представлены родохрозитовые породы (коричневого цвета, плитообразной формы) (обр. 1/9, 1/11), гетитовые породы (обр. 1/8) и алевритистый известняк (обр. 1/10).

Историческое название кварцевых песчаников — «трахтемировские». Наличие исторического названия свидетельствует о долгой истории добычи и, возможно, первоначальном месте их разработки. Вероятнее всего, добыча пород происходила в районе сел. Трахтемиров, Григорьевка, Бучак, где встречаются вместе обнажения кварцевых и глауконитовых песчаников. Кроме того, в небольшом количестве здесь встречаются родохрозитовые породы, вероятно, вторичные по ним гетитовые породы, а также алевритистый известняк.

В составе бутовой кладки фундаментов западной стены, как верно указывал М. К. Каргер, представлены и моренные валуны песчаника, которые неоднократно встречались как на территории Киева, так и в районах, откуда производились поставки камня для Десятинной церкви. Однако полное отсутствие таких валунов песчаника в «кварцитовой» части фундаментов может указывать на то, что их добыча и поставка песчаников из коренных выходов в районе Трахтемирова могут быть связаны.

Из этих материалов устроен фундамент западной стены на всем ее протяжении, от самого северного до самого южного участка, кроме уже упомянутого небольшого участка из красного кварцита (рис. 3). Граница использования песчаников в кладке фундаментов западной и южной галерей проходит в восточной части самого западного участка южной стены и в северной части 1-й с запада перемычки южной галереи (рис. 6). Последний факт отмечался и М. К. Каргером, однако последовательность употребления была определена им неверно (Каргер 1961: 30). Характер технологического стыка участков совершенно очевидно указывает на то, что южная, кварцитовая часть перемычки была устроена раньше, чем северная, песчаниковая. В строительном растворе, подобно фундаментам южной и северной галерей, фиксируется смесь пережженного известкового туфа.

Ремонтные кладки юго-западного угла

Как показали исследования 2005 г., юго-западный компартимент галерей храма был вычищен в ходе ремонта (рис. 4). Угловой участок фундаментов был полностью разобран и заново заложен на глубину ниже подошвы фунда-

⁷ Название «галерея» в данном случае условно и обозначает западную линию компартиментов. Среди исследователей нет единого мнения об их внешнем облике и функции.

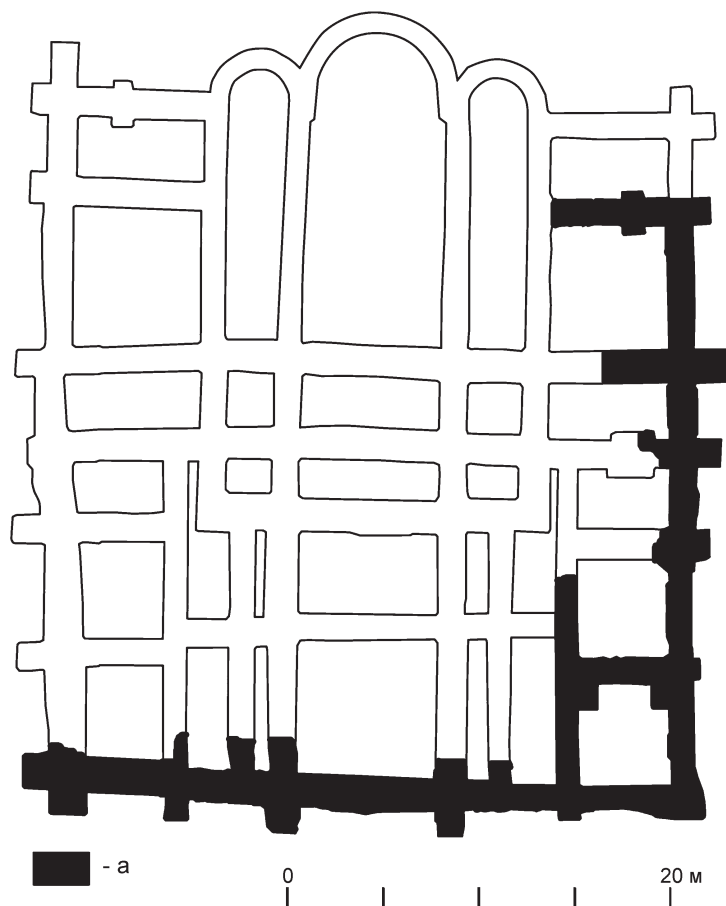

Рис. 4. Схема ремонта фундаментов Десятинной церкви в начале XII в.

ментов X в. На соседних участках фундамент вычищен лишь наполовину. На основании характеристик употребленного строительного раствора и плитки, а также техники кладки, этот ремонт датирован первой третью XII в. (в отличие от мнения М. К. Каргера, который датировал эти кладки XVII в.) (Ивакин, Иоаннисян 2008: 13; Каргер 1961: 39, 49). В кладке в перемешанном виде встречаются вторично употребленные строительные материалы: кварцит, серый кварцевый песчаник, кварц-глауконитовый песчаник (обр. 2/1), родохрозит (обр. 2/2), фрагментированные детали резного декора из пиррофиллитового сланца, песчаника и известняка.

В ремонтной кладке представлены и гранитные породы, которые практически не встречаются в ранних фундаментных кладках (кроме обр. 1/7 — катклазит). Не исключено, правда, что они могут происходить из первоначальных стеновых кладок. Это граниты (обр. 2/3, 2/4), кварцевый диорит (обр. 2/5), кварцевый монзонит (обр. 2/6). При условии их добычи вместе наиболее вероятной территорией происхождения этих пород могли быть долины рек Унава и Ирпень, где к тому же расположены ближайшие к Киеву проявления грани-

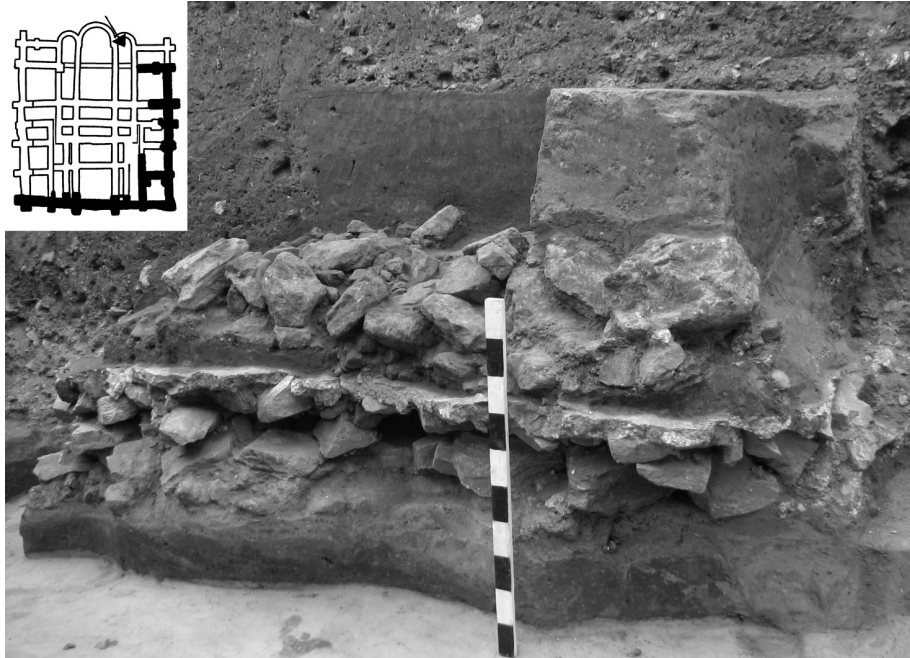

Рис. 5. Фрагмент платформы в основании южной апсиды, вид с севера. Под заливкой — блоки красного кварцита, над заливкой, в засыпке — глыбы железистого песчаника

тов. Если все указанные породы добывались отдельно, то монцониты также могли происходить из верхнего течения р. Тетерев, диориты — из долин рек Рось, Роставица, Горный Тикич и др. Бiotитовые граниты (обр. 2/3) могли разрабатываться по Роси или, что менее вероятно, по Ужу и Перге. Бiotит-роговообманковые граниты (обр. 2/4) могли происходить с р. Уж или из района Житомира.

* * *

Результаты анализа происхождения пород позволяют выделить пять основных источников строительного камня для фундаментов Десятинной церкви.

1. Киев. Местные породы невысокого качества (песчаники с железистым и глинистым цементом, ранее считалось, что они происходят из района Канева) не использовались в ответственных участках кладки, а лишь в подошве фундаментов и в засыпках пазух фундаментных рвов и апсидного котлована. В качестве особого наполнителя в строительном растворе использовалась еще одна, вероятно, местная порода — хемогенный известняк (известковый туф), также невысокого качества.

2. Район г. Овруча, откуда доставлялись пиррофиллитовые кварциты и сланцы для фундаментов как основного объема, так и южной и северной галерей храма.

3. Район г. Канева. Вероятнее всего, район возможно ограничить более узко (села Трахтемиров, Григорьевка или Бучак), где встречаются породы,

Рис. 6. Фундамент первой с запада перемычки южной галереи, вид с северо-востока. Пунктиром показана граница стыка «кварцитовой» (слева) и «песчаниковой» (справа) частей

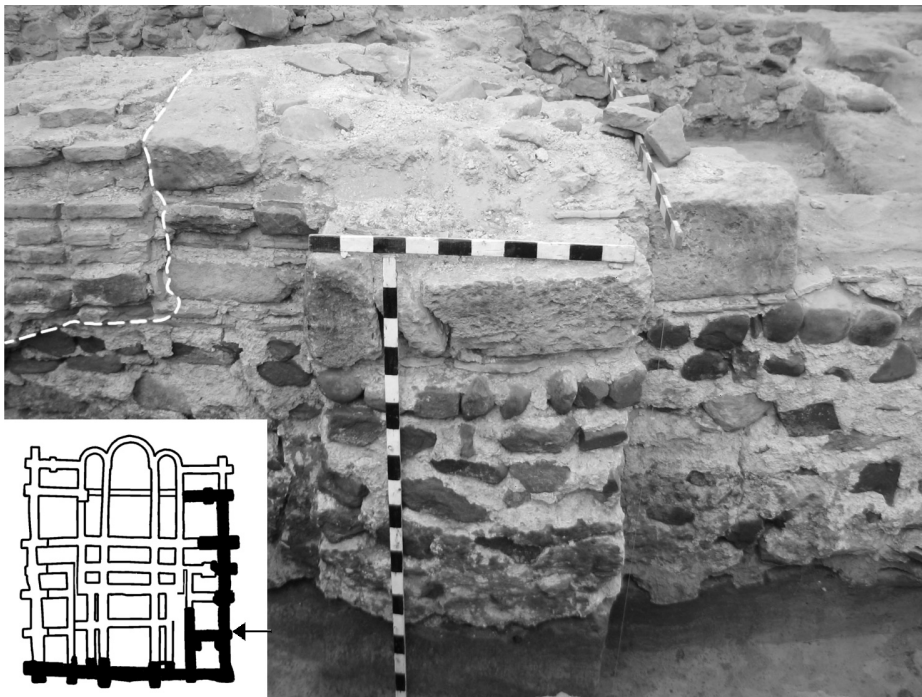

Рис. 7. Фундаменты внешней стены южной галереи. Основание крещатого пилон южной галереи, вид с юго-востока. Пунктиром показана западная граница пилон, к которой примыкает ремонтная кладка XII в.

представленные в кладке вместе, — кварцевые и глауконитовые песчаники. Также, по всей видимости, отсюда происходят алевритистый известняк, родохрозитовая и гетитовая породы.

4. Известняк-ракушечник, употребленный в нижней части первоначальной стеновой кладки, доставлялся, вероятнее всего, из Причерноморья.

5. Граниты, зафиксированные в ремонтных кладках, наиболее вероятно происходят с ближайших проявлений Украинского щита (долины рек Унавы и Ирпеня).

Анализ распределения строительного камня в кладках позволяет сделать целый ряд чрезвычайно важных выводов о хронологии устройства фундаментов и, возможно, строительства объемов Десятинной церкви.

1. Карта использования местных железистого и глинистого песчаников позволяет выделить границы объема, фундаменты которого были заложены в первую очередь. Это трехнефный объем без нартекса. Как уже отмечено, эти границы подтверждаются и разницей в глубине закладки центрального объема, нартекса и галерей (Ивакин, Иоаннисян 2008: 205).

2. Галереи представляют собой следующий технологический этап строительства храма. Однако употребление в качестве основного материала красного овручского кварцита может указывать на близкое время их возведения. Идентичность технологии деревянных субструкций и плинфяного материала подтверждает вывод о строительстве центрального объема и галерей в пределах одного строительного периода 989—996 гг. (Ивакин, Иоаннисян 2008: 16).

3. Распределение кварцита и кварцевого песчаника в фундаментах галерей позволяет с большой долей уверенности предполагать, что фундаменты западной галереи устраивались позже фундаментов южной и северной галерей, а серый песчаник использовался лишь на заключительном этапе устройства фундаментов.

Ёлшин 2008 — Ёлшин Д. Д. Комплекс монументальных сооружений конца X века на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.

ИАК 1908 — Известия Археологической Комиссии. Прибавление к № 27. СПб., 1908.

Ивакин, Иоаннисян 2008 — Ивакин Г. Ю., Иоаннисян О. М. О новых раскопках Десятинной церкви (2005—2007 гг.) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 1. С. 12—19.

Ивакин, Иоаннисян 2008 — Ивакин Г. Ю., Иоаннисян О. М. Перші підсумки вивчення Десятинної церкви у 2005—2007 рр. // Дньєслово: Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя. Київ, 2008. С. 191—213.

Каргер 1961 — Каргер М. К. Древний Киев. Л., 1961. Т. 2.

Комеч 1987 — Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X—начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987.

Краткое описание... 1829 — Краткое историческое описание первопрестольной соборной Десятинной церкви в Киеве. СПб., 1929.

ОАК 1912 — Отчеты Археологической Комиссии за 1908 г. СПб., 1912. С. 132—158, 193—195.

Памятники архитектуры... 2002 — Памятники архитектуры в дореволюционной России. Очерки истории архитектурной реставрации / Под ред. А. С. Щенкова. М., 2002.

План первобытной... 1825 — План первобытной Киевской Десятинной Богородицкой церкви с объяснениями одного // Отечественные записки. 1825. № 59. С. 380—403.

Хвойко 1913 — *Хвойко В. В.* Древние обитатели среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913.

Холостенко 1965 — *Холостенко М. В.* З історії зодчества Древньої Русі X ст. // Археологія. 1965. Т. 19. С. 68—85.

Чирвинский 1914 — *Чирвинский В.* Материалы к познанию химического и петрографического состава ледниковых отложений юго-западной России в связи с вопросом о движении ледникового покрова. Киев, 1914.

Чирвинский 1926 — *Чирвинский В.* Геологический путеводитель по Киеву. Киев, 1926.

НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, 1938 г., д. 266. Дневник Киевской экспедиции. Раскопки участка «Б» на усадьбе Десятинной церкви. Г. Ф. Корзухина. 60 л.

ОриРК РНБ, ф. F-IV, д. 309. План древней первоначальной Десятинной церкви в Киеве. 1826 г. 3 л.

НА НЗ «София Киевская», ф. ДР, д. 1159. О. Шевченко, Ю. Стриленко. Десятинная церковь. Заключение по результатам петрографического анализа фрагментов декора. XX л.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Петрографическое описание образцов

1. Таблица отбора образцов

№ пробы	Место отбора	Индекс фасада	Контекст употребления	Порода
Кладки конца X в.				
1/1	Фундамент южной стены центрального объема	32/39	Подошва фундамента (уровень субструкций)	Песчаник кварцевый с железистым цементом
1/2	Центральная апсида	17	Подошва фундамента (уровень субструкций)	Песчаник кварцевый с глинистым цементом
1/3	5-й с запада участок фундамента внешней южной стены	82S	Бутовая кладка	Кварцит пиррофиллитовый
1/4	2-й с запада участок фундамента внешней южной стены	85S	Плита в уровне цоколя	Сланец кварц-пиррофиллитовый («овручский шифер»)
1/5	Лопатка между 1-м и 2-м с запада участками фундамента внешней южной стены	97-1S	Стеновая кладка крещатого пилона	Известняк-ракушечник
1/6	1-й с запада участок фундамента внешней южной стены	86S	Бутовая кладка	Песчаник глауконит-кварцевый
1/7	Лопатка между 3-м и 4-м с юга участками фундамента внешней западной стены	69-1N	Бутовая кладка	Катаклазит по граниту (тектобластит) полевошпат-эпидот-кварцевый
1/8	Центральный участок фундамента внешней западной стены	74E	Бутовая кладка	Порода каолинит-гетитовая

№ пробы	Место отбора	Индекс фасада	Контекст употребления	Порода
1/9	Центральный участок фундамента внешней западной стены	74W	Бутовая кладка	Порода карбонатная (родохрозитовая)
1/10	2-й с юга участок фундамента внешней западной стены	80E	Бутовая кладка	Известняк алевритистый
1/11	Разрыв фундамента, параллельного 2-му с запада участку фундамента внешней южной стены	99E	Бутовая кладка	Порода карбонатная (родохрозитовая)
1/12	1-й с юга участок фундамента внешней западной стены	100W	Бутовая кладка	Песчаник кварцевый, кварцитовидный
1/13	Участок, параллельный 2-му с запада участку фундамента внешней южной стены	99N	Включения в строительном растворе галерей	Порода карбонатная (известняк хемогенного происхождения)
Кладки 1-й трети XII в.				
2/1	1-й с запада участок фундамента внешней южной стены	86S	Бутовая кладка	Песчаник глауконит-кварцевый
2/2	1-й с запада участок фундамента внешней южной стены	86S	Бутовая кладка	Порода карбонатная (родохрозитовая)
2/3	1-й с запада участок фундамента внешней южной стены	86N	Бутовая кладка	Гранит биотитовый
2/4	2-й с юга участок фундамента внешней западной стены	80W	Бутовая кладка	Гранит биотит-роговообманковый
2/5	2-й с юга участок фундамента внешней западной стены	80W	Бутовая кладка	Диорит кварцевый
2/6	1-я с юга перемычка западной галереи	99N	Бутовая кладка	Кварцевый монцит биотит-роговообманковый
Кладки XIX в.				
3/1	4-я с юга перемычка западной галереи	69	Развал камня	Сланец биотит-роговообманково-плагиоклазовый
3/2	Фундамент юго-восточного угла храма XIX в. (прикладка к раннему фундаменту)	82S	Бутовая кладка	Кварцит пиррофиллитовый

2. Описание образцов

Первоначальные кладки X в.

1/1. Песчаник кварцевый с железистым цементом.

Состав (об. %): кварц — 50—60, микроклин — ед. зерна, мусковит — ед. чешуи, халцедон — одно неокатанное зерно.

Цемент гетитовый контактово-поровый, местами базальный.

Структура псаммитовая.

1/2. Песчаник кварцевый с глинистым цементом.

Обломочный материал представлен кварцем, который занимает 60—70 % от общего объема породы. Зерна имеют размер 0,05—0,9 мм, основная масса, — ок. 0,3 мм, мелкие зерна неокатанные, средние — неокатанные и полуокатанные, крупные — окатанные. Порода содержит единичные чешуи биотита и зерна полевых шпатов.

Цемент глинистый (гидрослюдистый) базальный составляет 30—40 % породы. Возможна примесь галлуазита, монтмориллонита и арагонита (по данным рентгеноструктурного анализа). Содержит примесь непрозрачного пылевидного, вероятно, углистого вещества, а также гетита.

Структура псаммитовая.

Результаты рентгеноструктурного анализа образца 1/2:

Состав: кварц, гидрослюда, галлуазит, монтмориллонит, арагонит, полевые шпаты?

1/3. Кварцит пиррофиллитовый.

Состав (об. %): кварц — 94—95, пиррофиллит (агрегаты чешуйчатых кристаллов) — 4—5, микрокварцит — 1.

Структура гранобластическая.

1/4. Сланец кварц-пиррофиллитовый.

Состав (об. %): пиррофиллит — 65—70, кварц — 30—35, углистое вещество — 2—3.

Структура гетерогранолепидобластическая, текстура полосчатая.

Результаты рентгеноструктурного анализа образца 1/4:

Состав: кварц, пиррофиллит, гематит, тальк, амфибол (куммингтонит-грюнерит?), кальцит.

1/5. Известняк-ракушечник.

Порода сложена окаменелыми ракушками, сцементированными кальцитом.

Структура органогенная (биоморфная).

1/6. Песчаник глауконит-кварцевый.

Состав (об. %): кварц — 70—80 (неокатанные (0,05—0,47 мм, основная масса — ок. 0,15 мм) и окатанные зерна (0,13—0,75 мм)), глауконит — 4—6 (окатанные агрегаты размером 0,05—0,25 мм), микроклин — < 1 (зерна размером 0,1—0,2 мм), мусковит — доли % (отдельные чешуи длиной до 0,35 мм), карбонат — доли % (зерна размером ок. 0,01 мм), халцедон (обломки кремня) — < 1, углистое вещество — < 1 (агрегаты и пылевидная примесь), кварцит слюдястый (серицитовый) — ед. зерна, циркон — ед. зерна, плагиоклаз — ед. зерна, сфен — ед. зерна, гранат? — ед. зерна.

Цемент опаловый контактово-поровый, небольшой участок с гетитовым пленочным, иногда базальным, цементом.

Структура псаммитовая.

1/7. Катаклазит по граниту (тектонобластит) полевошпат-эпидот-кварцевый.

Порода представлена обломками кварца размером до 1,5 мм, плотно спрессованными и сцементированными обломками того же минерала. В мень-

шей мере присутствуют обломки плагиоклаза (часто серицитизированные), микроклина и мирмекита. В породе также содержатся кристаллы эпидота, скопления хлорита и чешуи мусковита, зерна окисленного рудного минерала и развитый за счет него сфен?

В центре проходит зона более интенсивного катаклаза, которая содержит жилы. Она представлена мелкообломочным (до пелитового размера) кварцем, а также полевым шпатом, среди зерен которых развиты эпидот и хлорит. Жилы сложены кристаллами эпидота и, в меньшей мере, чешуйчатыми скоплениями хлорита, который, вероятно, развился по биотиту.

Структура катакластическая.

1/8. Порода каолинит-гетитовая.

Состав (об. %): гетит — 70—75, каолинит — 20, монтмориллонит (или гидрослюда) — 5—7, кварц — 1.

Гетит. Образует зерна и сростки размером 0,018—0,2 мм. В шлифе окраска красновато-бурая. Возможно, заместил карбонат.

Каолинит. В шлифе бесцветный. Заполняет промежутки между агрегатами гетита. Образует чешуи размером < 0,006 мм. Двупреломление низкое. Показатель преломления около 1,55.

Монтмориллонит (?). Бесцветный. Образует чешуи размером < 0,006 мм, находится в смеси с каолинитом или образует агрегаты размером 0,03—0,1 мм.

Кварц. Встречается в виде единичных зерен размером 0,01—0,03 мм.

1/9, 1/11. Порода карбонатная (родохрозитовая).

Состав (об. %): родохрозит — > 99, рудный минерал — доли %, гетит — доли %.

Родохрозит. Образует зерна размером от 0,002 до 0,018 мм, которые слагают столбчатые радиально-лучистые агрегаты. В пределах столбчатых агрегатов размером 0,03—0,06 мм зерна одинаково оптически ориентированы (агрегат погасает одновременно). Радиально-лучистые агрегаты имеют веерообразную или сферолитовидную форму. Размер чаще всего составляет 0,04—0,06 мм. Карбонат имеет очень высокое двупреломление, резко выраженную псевдоабсорбцию, слабо вскипает с HCl в порошке.

Рудный минерал. Представлен зернами размером 0,006—0,013 мм и скелетными агрегатами размером 0,05—0,15. В шлифе непрозрачный.

Гетит. Дисперсный. Частично замещает карбонат вокруг скелетных образований рудного минерала, а также карбонат, не связанный с рудным минералом.

Результаты рентгеноструктурного анализа образца 1/9.

Карбонаты:

1) родохрозит (поскольку родохрозит с сидеритом, вероятнее всего, образуют непрерывный изоморфный ряд, наблюдается отклонение показателей межплоскостных расстояний для родохрозита данной пробы от эталонного, т. е. чистого $MnCO_3$);

2) сидерит;

3) доломит;

4) хантит?

Другие минералы:

- 1) гидроксиды FeO — гетит (гидрогетит), гидрогематит;
- 2) кварц.

Таким образом, карбонатом, который составляет практически весь объем породы, является родохрозит, который иногда переходит в сидерит. Доломит и возможный хантит содержатся в очень малом количестве. Гидроксиды железа фиксируются как при помощи рентгена, так и микроскопически. Кварц микроскопически не фиксируется, вероятно, из-за очень малого размера индивидов.

1/10. Известняк алевритистый.

Состав (об. %): кальцит — 75—80, кварц — 20—25, углистое вещество — 1—2.

Порода представлена кальцитом с примесью зерен кварца неправильной формы алевритового размера (0,01—0,025 мм), а также агрегатами углистого вещества такого же размера. Встречаются скопления углистого вещества размером до 0,25 мм.

Порода пронизана жилками кальцита толщиной около 0,05 мм.

Текстура полосчатая.

1/12. Песчаник кварцевый, кварцитовидный.

Состав (об. %): кварц — 99, микроклин — < 1, микрокварцит — ед. зерна, глауконит — ед. зерна, мирмекит — ед. зерна, циркон — ед. зерна.

Цемент практически отсутствует, кластические зерна кварца плотно спрессованы. Местами цемент регенерационный кварцевый.

Структура псаммитовая.

1/13. Порода карбонатная (вероятно, известняк хемогенного происхождения).

Порода состоит из зерен карбоната размером от 0,005 до 0,04 мм близкой к изометрической формы. В ней присутствует пылевидная примесь непрозрачного углистого вещества. Порода пронизана порами размером 0,05—2 мм, а также более крупными — до 1 см.

Структура скрытокристаллическая с элементами тонкокристаллической.

Кладки зоны ремонта (XII в.)

2/1. Песчаник глауконит-кварцевый.

Состав (об. %): кварц — 55—60 (зерна размером 0,1—0,7 мм, основная масса — 0,2—0,3 мм, крупные зерна окатанные, мелкие — полуокатанные и неокатанные), глауконит — 5—7 (агрегаты изометрической формы), микроклин — < 1, кремний — < 1, плагиоклаз — ед. зерна, рудный минерал — ед. зерна, серицит — редко по полевым шпатам, мусковит — ед. зерна, гетит? — ед. зерна, также замещает глауконит.

Цемент (около 30 %) халцедон-опаловый пленочно-поровый с примесью глинистого минерала.

Структура псаммитовая.

2/2. Порода карбонатная (родохрозитовая).¹

Состав (об. %): родохрозит — 95, кварц — 1—2, халцедон — < 1, монтмориллонит (или гидрослюда) — < 1, кальцит — < 1, рудный минерал — < 1, гетит — < 1, поры — 3—5.

Родохрозит. Образует зерна изометрической формы, размером 0,002—0,005 мм. В шлифе бесцветный, двупреломление очень высокое, псевдоабсорбция хорошо выражена. Слабо вскипает в порошке при взаимодействии с HCl.

Кварц. Зерна неправильной, изометрической или угловатой формы размером 0,025—0,1 мм.

Халцедон. Встречается в виде зерен неправильной формы размером 0,02—0,1 мм с волнистым угасанием, или выполняет единичные спиккулы губок размером 0,03—0,12 мм.

Монтмориллонит (или гидрослюда?). Единичные чешуи неправильной или удлиненной формы размером 0,03 мм. Двупреломление высокое, угасание прямое относительно спайности. Показатель преломления около 1,50.

Кальцит. Агрегаты зерен размером 0,018—0,04 мм в ассоциации со скоплениями рудного минерала. Двупреломление очень высокое, псевдоабсорбция хорошо выражена. Показатели преломления ниже, чем у родохрозита.

Рудный минерал. Образует зерна неправильной или удлиненной формы размером 0,005—0,08 мм, рассеянные в основной карбонатной массе или в составе кальцитовых включений. Иногда образует цепочные агрегаты длиной 0,1 мм

Гетит. Зерна-агрегаты неправильной формы размером 0,03—0,1 мм или, редко, дисперсный по карбонату.

Поры. Имеют изометрическую или неправильную форму и размер 0,01—0,15 мм. Возникли, вероятно, в результате выпадения зерен кварца из породы в процессе изготовления шлифа.

2/3. Гранит биотитовый.

Состав (об. %): микроклин — 50—55, кварц — 25—30, плагиоклаз — 5—10, биотит — 5—7, мусковит — < 1 (по биотиту), мирмекит — < 1, серицит — слабо по микроклину, слабо и умеренно по плагиоклазу, ортит митомиктный — < 1, эпидот — < 1, рудный минерал — ед. зерна, рутил — < 1, гетит — дисперсный по трещинам, а также ед. агрегаты, циркон — ед. зерна, апатит — < 1, серпентин — слабо по биотиту.

Структура аллотриоморфнозернистая.

2/4. Гранит биотит-роговообманковый.

Состав (об. %): микроклин — 40—45, кварц — 25—30, плагиоклаз — 20—25, роговая обманка — 2—3, биотит — 2 (частично по роговой обманке), мирмекит — 1—2, эпидот — 1 (по плагиоклазу, биотиту и роговой обманке), рудный минерал — 1, карбонат — < 1 (по трещинам), хлорит — слабо по биотиту, серицит — слабо по полевым шпатам, глинистый минерал — умеренно по плагиоклазу, апатит — доли %, сфен — доли % (по рудному), мусковит — до-

¹ Исходя из идентичности главных породообразующих карбонатов данного образца и образца 1/9, порода является родохрозитовой.

ли %, рутил — доли % (в кварце), циркон — ед. зерна, ортит — ед. зерна в роговой обманке.

Структура аллотриоморфнозернистая с элементами гипидиоморфнозернистой.

2/5. Диорит кварцевый.

Состав (об. %): плагиоклаз — 60—65, роговая обманка — 25—30, кварц — 5—10, биотит — < 1 (по роговой обманке), рудный минерал — < 1, эпидот — < 1 (по роговой обманке и биотиту), клиноцоизит — слабо по плагиоклазу, роговой обманке и биотиту, циркон — ед. зерна, серицит — слабо по плагиоклазу, хлорит — слабо по роговой обманке, карбонат — слабо по плагиоклазу.

Структура аллотриоморфнозернистая.

2/6. Кварцевый монцит биотит-роговообманковый.

Состав (об. %): плагиоклаз — 40—45, микроклин — 15—20, роговая обманка — 15—20, кварц — 10—15, биотит — 5, сфен — < 1, мирмекит — < 1, рудный минерал — < 1, серицит — слабо по полевым шпатам, апатит — доли %, эпидот — доли %, циркон — ед. зерна.

Структура монцитовая с участками гипидиоморфнозернистой.

Кладки XIX в.

3/1. Сланец биотит-роговообманково-плагиоклазовый.

Состав (об. %): плагиоклаз — 55—60, роговая обманка — 15—20, биотит — 5—10, рудный минерал — 1—2, карбонат — < 1, циркон — < 1, гетит — < 1, апатит — ед. зерна, хлорит — умеренно по биотиту, серицит — слабо по плагиоклазу.

Структура лепидогранобластическая, текстура полосчатая.

3/2. Кварцит пиррофиллитовый.

Состав (об. %): кварц — 90—95, пиррофиллит — 3—5 (скопление чешуй), микрокварцит — 3—5, углистое вещество — < 1, циркон — ед. зерна.

Структура гранобластическая.

**ON THE FOUNDATIONS OF THE DESYATINNAYA CHURCH IN KIEV
(WITH SPECIAL REFERENCE TO THE RESULTS OF THE STUDY
OF BUILDING STONE)**

D. D. Yolshin, I. S. Nikitenko

The archaeological works of 2005—2008 allowed the authors to study the building stone from the preserved foundations of the Desyatinnaya church in Kiev. The petrographic analyses helped to determine the rocks and clarify the sources of the building stone. The latter was transported to Kiev from afar. The distribution of different kinds of stone allows, first, to reveal the limits of the original temple, to confirm that the central part of the temple and its galleries were erected simultaneously, and to determine the succession in which the foundations of the galleries were build.

К ВОПРОСУ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ЗАМКА В ЛУЦКЕ

М. В. МАЛЕВСКАЯ

Верхним замком средневекового Луцка, впервые упомянутого в летописи под 1085 г. и ставшего в XII—XIII вв. крупным центром юго-западной Руси, столицей Восточной Волыни, именуется, как известно, древняя часть города — его детинец, расположенный на мысу, возвышающемся на острове, образованном заболоченной поймой р. Стырь и ее притоком р. Глушец.

Детинец Луцка был укреплен валом, на остатках которого в XIV в. возвели каменно-кирпичный замок, состоящий из трех прясел стен и трех пристенных башен — Воротной с запада, Стыровой с юго-востока и Владычной с севера. Замок, сохранившийся до нашего времени, повторяет в плане подтреугольную форму первоначальных укреплений детинца, обусловленную естественной формой мыса (рис. 1 и 2).

О времени основания первоначальных укреплений детинца конкретные данные долго отсутствовали. Первые сведения о них были получены в 1930-х гг., когда инженер Ян Захватович, руководивший реставрационными работами в Верхнем замке, проводил изучение фундамента Воротной башни. Как сообщает Ян Фитцке, было заложено четыре раскопа глубиной 4 м. Кроме установления мощности фундамента (4 м) раскопками были обнаружены следы раннесредневекового городища с валом высотой 3 м и остатками деревянных укреплений. На основании найденных при раскопках фрагментов керамики городище было датировано XI—XII вв. (Fitzke 1939: 103). Однако время основания первоначальных укреплений детинца Луцка вплоть до 1980-х гг. оставалось неизвестным.

Для выяснения этого вопроса было необходимо произвести археологические исследования у стен и башен замка. Такие исследования на территории Верхнего замка были впервые осуществлены в 1983 г. Волынским отрядом архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) под руководством автора. Все раскопы были доведены до материка и дали важные результаты, к сожалению, вовремя не опубликованные, но подробно изложенные в отчете о работе Волынского отряда за 1983 г. (Малевская 1983; см. также: Малевская 1985: 309), хранящемся в Луцком государственном историко-культурном заповеднике.¹

¹ Нас удивило высказывание об археологических исследованиях на территории Верхнего замка, сделанное львовским археологом С. В. Терским, в его большой полноценной монографии, посвященной всестороннему исследованию древнего Луцка: «Археологічні дослідження культурного шару на території дитинця вперше здійснені С. Терським у 1990—1992 рр. на широкій площі до материка дали змогу реконструювати первісний рельєф замкового погорба, визначити його заселення, зовнішні контури дитинця, особливості його дерев'яно-земляних укріплень, топографію забудови» (Терський 2006: 36). К этому высказыванию сделано примечание: «До 80-х років дослідження на території Верхнього замку обмежувалися лише верхніми культурними напластуваннями, пов'язаними з монументальним будівництвом XII—XIV ст. і пізніших століть, що значно звужує інформативність робіт М. М. Кучінка у 1978, 1986 рр. — 200 кв. м площі та М. В. Малевської у 1982—1986 рр., коли розкопали 675 кв. м площі» (Терський 2006: 36).

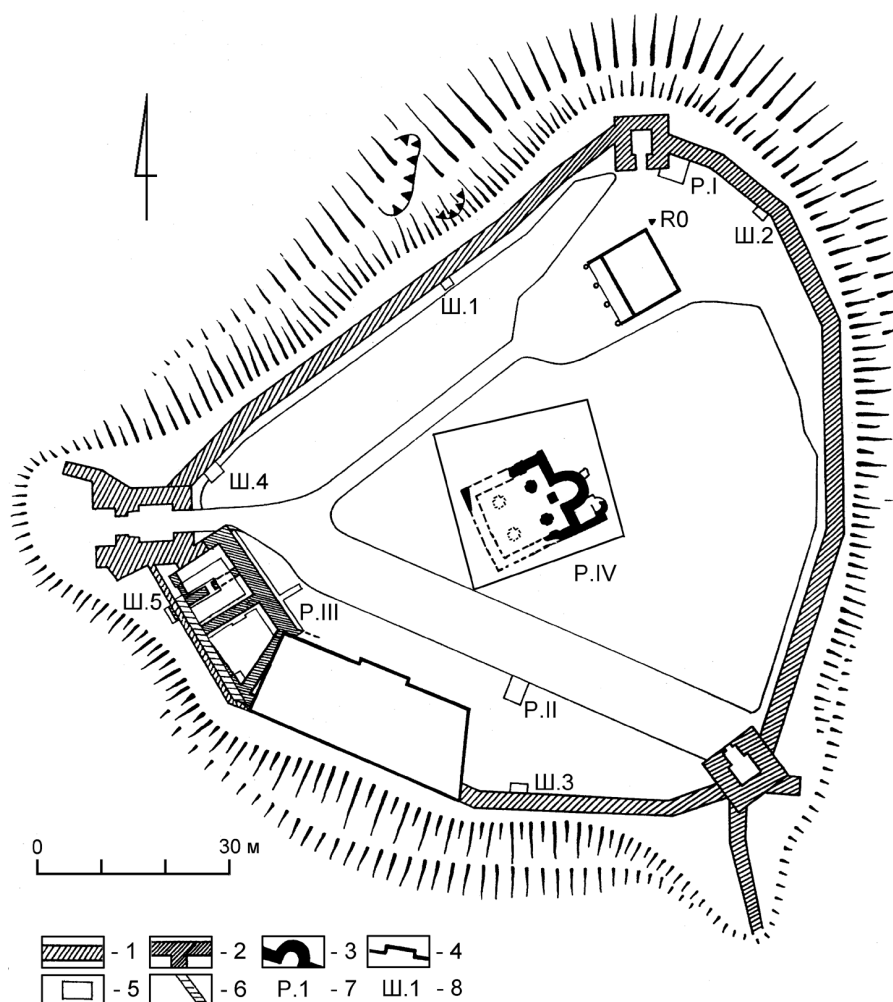

Рис. 1. Верхний замок (детинец) в Луцке, план: 1 — стены и башни замка XIV в.; 2 — княжеский дворец XIV в., открытый раскопками 1983, 1987 гг.; 3 — церковь Иоанна Богослова XII в., открытая раскопками 1984—1986 гг.; 4 — постройки XVIII—XIX вв.; 5 — места раскопов и шурфов; 6 — кирпичная вымостка начала XX в. над каменной стеной XIV в.; 7 — номера раскопов; 8 — номера шурфов

Как известно, существуют две точки зрения на время основания Луцкого замка. Согласно одной из них, основанной на готическом характере архитектуры и на данных Люстрации 1545 г., замок был построен литовским князем Любартом, княжившим в Луцке в 1340—1385 гг. (Памятники... 1859: 66; Левицкий 1891: 78—79; Маслов 1937: 348—353; Раппопорт 1967: 206). Согласно второй — замок был сооружен еще при русских князьях в конце XIII—начале XIV в. (Логвин 1967: 102—107; Могитич I., Могитич Р. 1990: 56—68).

Вопрос о времени сооружения замка вновь был поднят после того, как в 1978 г. архитектурно-археологическими исследованиями, проведенными М. Н. Говденко и М. М. Кучинко, у северного фасада Стыровой башни был

Рис. 2. Луцкий замок XIV в., общий вид с реконструкцией церкви Иоанна Богослова XII в. и княжеского дворца XIV в. (рисунок архитектора М. Комаровой и художника Е. Елисеевой)

открыт на большой глубине (3,8 м от современной поверхности) нижний ярус башни, сложенный не из кирпича, а из колотого камня и установлено, что стык кирпичной и каменной кладок не лежит на одной плоскости. В связи с этим исследователями было высказано предположение о том, что кирпичному замку предшествовал каменный, после разрушения которого ханом Бурундаем в 1259 г. на его остатках в конце XIII в. начали строить кирпичный замок (Говденко, Кучинко 1979: 319—320; Кучинко 1994: 121—125).

Для проверки высказанного предположения, казавшегося убедительным, и с надеждой найти первоначальные укрепления детинца в 1983 г. нами был заложен небольшой раскоп в северной части замкового двора у юго-восточ-

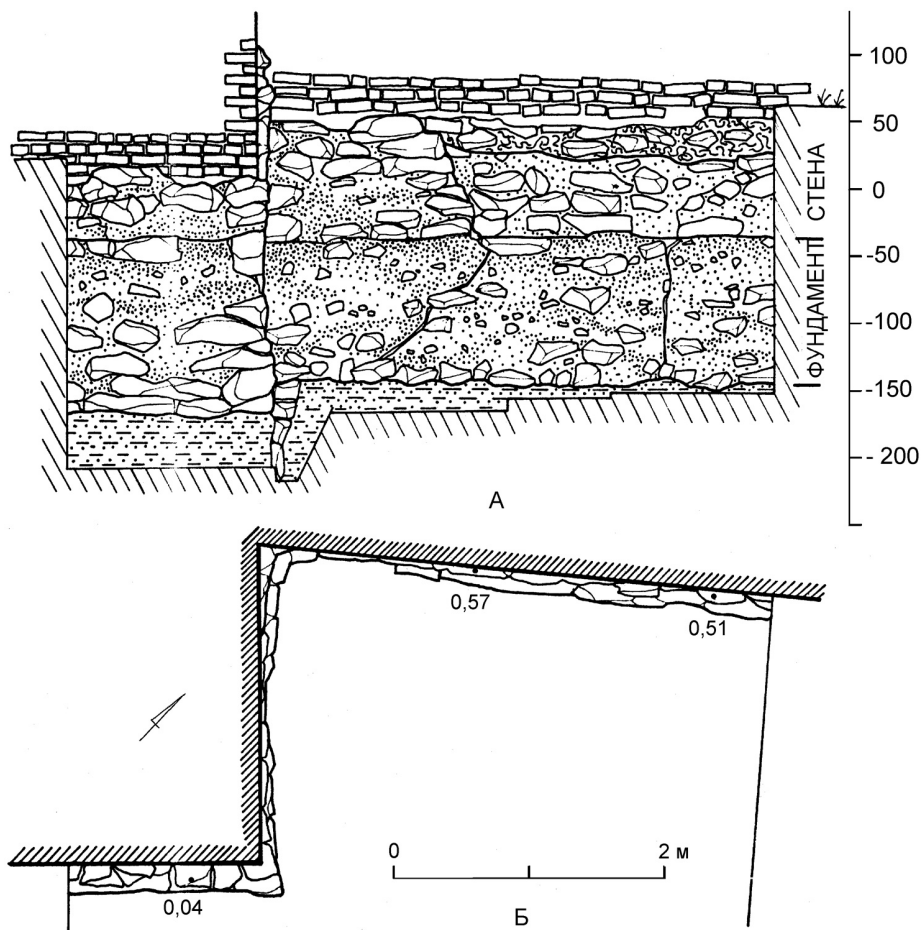

Рис. 3. Раскоп I, юго-восточный угол Владычной башни и примыкающего к ней с востока оборонительной стены замка: а — фасад; б — план

ного угла Владычной башни и примыкающего к ней с восточной стороны прясла замковой стены — Раскоп I (рис. 1 и 3). Под кирпичной кладкой башни и стены при снятии дерна почти сразу обнаружилась кладка из необработанных камней (песчаника, ракушечника и мелового известняка) на очень непрочном желтоватом известково-песчаном растворе и под ней фундамент, сложенный в такой же технике, но хорошо пролитый раствором. Выяснилось, что каменная кладка стены над фундаментом на южном фасаде башни сохранилась на высоту 0,45—0,50 м, а на прясле оборонительной стены равна 0,9 м. Однако установить точно высоту каменной кладки не позволяло то обстоятельство, что возведенная над ней кирпичная стена почти на всем исследованном участке была переложена из позднего кирпича. И только в одном месте на южном фасаде Владычной башни видно, что ее каменная часть не превышала 1 м, так как с этого уровня начинается кладка из кирпича размером 27,5—29 × 12—13,5 × 7,5—9 см, равного размеру кирпича стен и башен замка.

Таким образом, стало ясно, что под Владычной башней нет еще одного (нижнего) яруса, а каменная кладка является как бы основанием кирпичного замка. Основание каменной кладки башни и прясла стены лежит на глубине всего 1 м от современной дневной поверхности (0,3—0,5 м от нулевого репера)² и совпадает (что особенно важно) с уровнем основания входа во Владычную башню со стороны замкового двора. Мощность каменного фундамента, сложенного заподлицо со стеной, составляет под башней 1,3 м, а под пряслем стены — 1,1 м. Фундамент на глубину 0,9 м впущен в культурный слой и немного в материк (под башней на 0,4 м, под стеной на 0,2 м), который здесь обнаружился на очень высоком уровне — 1,5 м от современной дневной поверхности — рис. 3 и 4). Как позже выяснилось, исследованный участок замкового двора является наиболее высоким местом детинца древнерусского города и, вероятно, именно поэтому здесь не обнаружена насыпь оборонительного вала, которая прослеживается у других стен замка. В раскопе у Владычной башни в нижней части культурного слоя — почти на материке — выявлены угольные прослойки (рис. 4), образовавшиеся, видимо, от сгоревших первоначальных наземных деревянных укреплений детинца древнего Луцка.

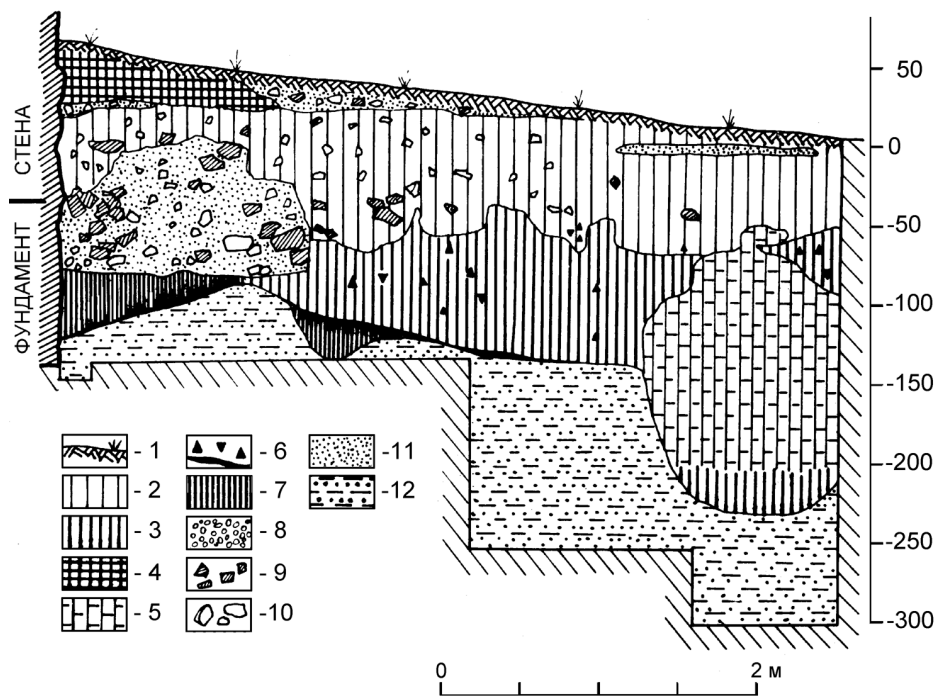

Рис. 4. Раскоп I, стратиграфический разрез восточной стенки раскопа и профиль замковой стены: 1 — дерновый слой; 2 — серая земля; 3 — темно-серый гумус; 4 — горелый слой; 5 — суглинок; 6 — уголь и угольная прослойка; 7 — черный гумус; 8 — известь; 9 — обломки кирпича; 10 — камень; 11 — песок; 12 — материк

² Все глубинные отметки на планах и разрезах (на вертикальных шкалах) взяты от нулевого репера (Р₀), за который принята точка на бетонной отмостке у северного угла здания начала XIX в. (бывшее «казначейство», теперь «Общество охраны памятников»), расположенного близ Владычной башни (рис. 1).

Для выяснения времени основания каменной части замка и, в связи с этим, соотношения ее с основной кирпичной постройкой была использована керамика из культурного слоя, в которой был впущен каменный фундамент. Детальная проработка керамики и стратиграфии культурных напластований позволила установить, что на уровне обреза фундамента Владычной башни и немного выше — на глубине 0,2—0,3 м — наряду с фрагментами керамики, характерной для XII—XIII вв. (рис. 5, 4—7), встречаются обломки посуды и XIV в. (рис. 5, 1—3). Следовательно, фундамент каменной части замка пререзает культурные напластования XII—XIII вв., начиная с напластований XIV в. Это позволяет предположить, что каменная часть замка была основана, скорее всего, в середине XIV в. и что, следовательно, она одновременна возведенным на ней кирпичным стенам и башням замка.³ Датировка же замка XIV в., т. е. временем княжения в Луцке Любарта Гедиминовича, у нас сомнения не вызывает. Примененная в нем готическая система кладки (чередование в одном ряду кирпичей, уложенных ложком и тычком), тем более хорошо выдержанная, раньше XIV в. в архитектуре Волыни и Польши, откуда пришел брусковый кирпич на Волынь, неизвестна (Раппопорт 1989: 207—211; Малевская 1989: 212—216).

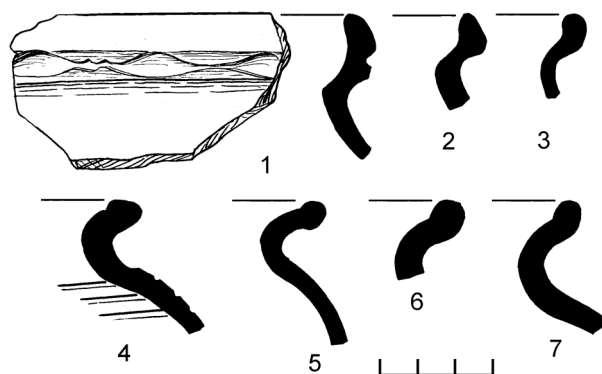

Рис. 5. Раскоп I, керамика из культурного слоя с уровня обреза фундамента Владычной башни с глубины 0,9—1 м от современной поверхности, с глубины 0,3—0,5 м от Р₀: 1—3 — XIV в.; 4—7 — XII—XIII вв.

Помимо исследований у Владычной башни для выявления нижней части замка на других участках и поиска первоначальных укреплений детинца мы заложили пять маленьких шурфов у его стен с внутренней и наружной сторон (рис. 1). Во всех шурфах под кирпичной кладкой на небольшой глубине от современной поверхности была обнаружена каменная.

Важные результаты были получены в шурфе № 4, заложенном с внутренней стороны северо-западного прясла стены, в 3 м от Воротной башни (рис. 1 и 6). Несмотря на маленькие размеры шурфа (1 × 2 м), он был исследован до материка, который залегает здесь на глубине 5 м от дневной поверхности или 7,6 м от Р₀. В шурфе удалось открыть искомые первоначальные укрепления

³ Окончательно этот вопрос был решен в 1978 г. при исследовании княжеского дворца (см. далее).

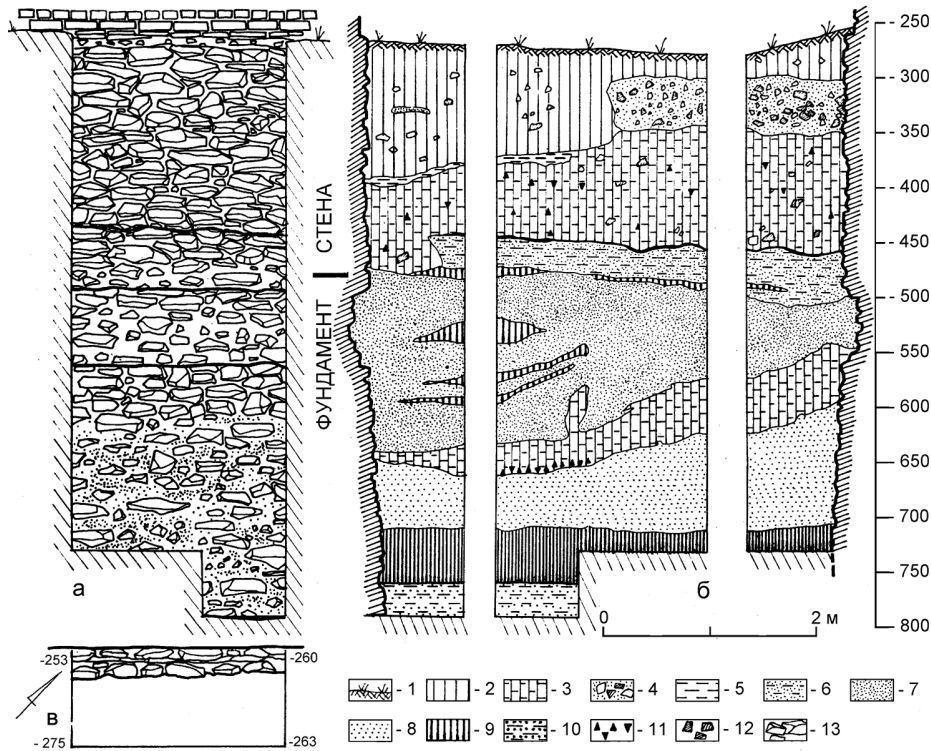

Рис. 6. Шурф 4, часть северо-западного прясла оборонительной стены замка и насыпь вала: *а* — каменная кладка стены и фундамента; *б* — стратиграфия трех стенок шурфа; *в* — план шурфа: 1 — дерн; 2 — серая земля; 3 — суглинок; 4 — строительный мусор; 5 — глина; 6 — глинисто-песчанистый слой; 7 — серый песок; 8 — желтый песок; 9 — черный гумус; 10 — материк (алеврит); 11 — угли; 12 — обломки кирпича; 13 — камни

древнего города — насыпь оборонительного вала высотой 2,7 м. Вал был насыпан в три этапа: в нижней части — желтый песок, над ним — серый песок, отделенный от нижнего слоем суглинка (толщиной 0,1—0,6 м), и еще выше — глинисто-песчанистый слой, над которым — тонкая угольная прослойка от сгоревших наземных деревянных конструкций вала. Насыпь вала лежит на предматериковом слое черного гумуса толщиной 0,5 м (рис. 6), содержащем типично волыньскую белоглиняную керамику конца X—XI в. (рис. 7, 9—2). Это дает основания считать, что при заселении возвышающегося над р. Стырь мыса (будущего детинца) мощные искусственные укрепления были возведены не сразу. Впервые вал был насыпан, вероятно, в конце X или в начале XI в. (желтый песок), а затем досыпан первый раз в XII в. (серый песок), о чем свидетельствует керамика этого времени (рис. 7, 5—8), найденная в слое суглинка между двумя насыпями; второй раз вал был подсыпан глинисто-песчаным грунтом, вероятно, в XIII в., о чем свидетельствует найденная над этим слоем керамика XIII—XIV вв. (рис. 7, 1—4).

Шурф № 4 позволил установить, что фундамент каменной стены замка, имевший на этом участке мощность 3,5 м, был впущен в насыпь вала, в слой

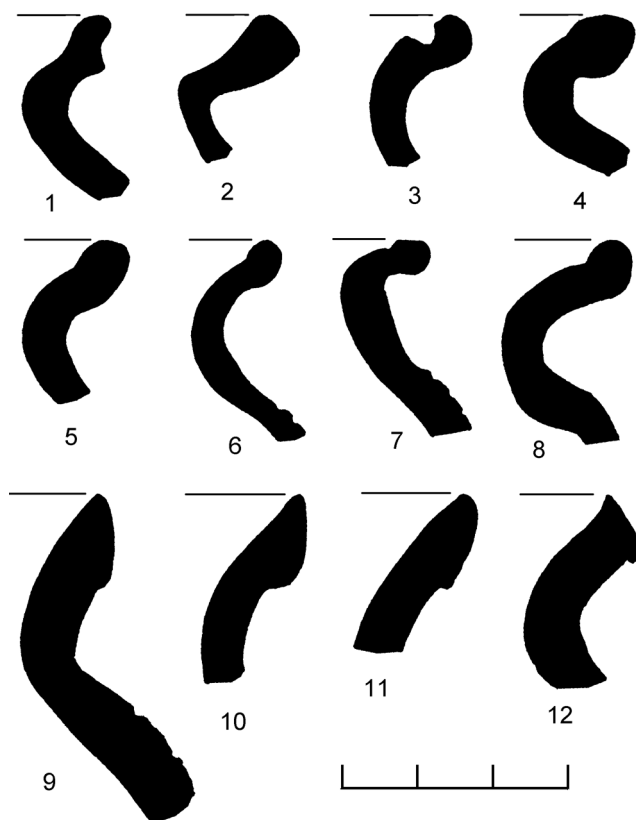

Рис. 7. Шурф 4, керамика из насыпи вала культурного слоя: 1—4 — из культурного слоя под валом — XIV в.; 5—8 — из слоя суглинка между двумя насыпями песка — XII—XIII вв.; 9—12 — из слоя черного гумуса под валом — X—XI вв.

черного гумуса X в., лежащий над ним, и на 0,3 м в материк. Его подошва лежит на глубине 5,3 м от уровня современной поверхности (8 м от P_0) и на 6,5 м ниже, чем подошва фундамента Владычной башни. Это объясняется большим падением материка от Владычной башни к Воротной и постепенным нарастанием культурного слоя в этом же направлении. Если высота каменной кладки стены Владычной башни не превышает 0,9 м, ее фундамент равен 1,93 м, а мощность культурного слоя 2 м, то под кирпичной стеной близ Воротной башни высота каменной стенки равна 1,8 м, мощность фундамента достигает 3,5 м и мощность культурного слоя 5 м. Такая же мощность культурного слоя (5 м) была обнаружена и в южной части территории Верхнего замка при исследовании княжеского дворца, примыкавшего к южному пряслу оборонительной стены замка и к северо-западной стене Воротной башни, что свидетельствует о понижении первоначального рельефа замкового мыса с севера (от Владычной башни) не только в западном направлении, но и в южном.

Таким образом, в результате архитектурно-археологических исследований 1983 г. на территории Верхнего замка Луцка получены следующие основ-

ные результаты: 1) обнаружены первоначальные оборонительные укрепления детинца города X—XIII вв.; их конструкция отражает три этапа заселения; 2) установлено время насыпи первого вала детинца — конец X—начало XI в.; 3) изучены нижние части замковых стен и Владычной башни, сложенные из камня и служившие основанием кирпичным стенам и башням замка; 4) обнаружены фундаменты Владычной башни и примыкающего к ней восточного прясла замковой стены, впущенные в культурный слой и в материк, а также фундамент северо-западной стены, впущенный в насыпь вала и в материк; 5) выявлен первоначальный рельеф замкового мыса (падение материка с северо-востока, от Владычной башни, в западном и южном направлениях). Иными словами, раскопками Волынского отряда в 1983 г. было определено время основания древнего Луцка и частично решены вопросы, связанные со строительством замка.

Археологические исследования, проведенные С. В. Терским в 1990—1991 гг. в юго-восточной части Верхнего замка, подтвердили и частично дополнили наши выводы. В раскопах, заложенных к востоку и западу от Стыровой башни (Терский 2006: рис. 20 и 32), был также обнаружен вал X—XIII вв., под которым на глубине 5 м от современной поверхности и культурным слоем X в. зафиксирована невысокая валоподобная насыпь, видимо принадлежавшая остаткам оборонительных укреплений более раннего городища, возведенного на протяжении VII—IX вв. (Терский 2006: 37, рис. 28). Кроме того, под валом X в. была обнаружена ювелирная мастерская (Терский 2006: 37, рис. 29). В конце X в. поселение вместе с мастерской было сожжено, о чем свидетельствует четкий спрессованный слой древесного угля, который разграничил тело вала и культурный слой под ним (Терский 2006: 37, рис. 25, б). Одновременно с этим, как отмечает С. В. Терский (т. е. не раньше самого конца X в.), началось сооружение нового городища, укрепленного с напольной стороны мощным валом-платформой X—XIII вв. (Терский 2006: 42). Этот вал (как и вал в нашем шурфе № 4 у северо-западной стены) был насыпан в три приема, о чем свидетельствуют угольные прослойки, разделяющие пласты грунта разного цвета, соответствующие отдельным этапам заселения. В монографии дано описание этих этапов (Терский 2006: 42, рис. 28). На гребне вала находилась, возможно, деревянная стена клетей, которые, судя по керамике в их заполнении, функционировали еще во второй половине XIII в. (Терский 2006: 42—44). Раскопками 1990—1991 гг. подтвердился и наш вывод о падении первоначального рельефа мыса с севера в юго-западном и в юго-восточном направлениях.

Волынский отряд архитектурно-археологической экспедиции продолжал работу на территории Верхнего замка Луцка в 1984—1987 гг., когда были исследованы два памятника монументальной архитектуры — церковь Иоанна Богослова XII в. и княжеский дворец XIV в. Результаты исследований церкви Иоанна Богослова, построенной в конце 70-х гг. XII в. в центре замка, подробно опубликованы в отдельной статье (Малевская 1997: 9—35). Что касается дворца, исследования которого также опубликованы (Малевская 1999: 87—91), надо отметить, что при завершении его изучения в 1987 г. были получены важные данные по строительству замка. Во-первых, установлено, что княжеский дворец был построен не в XVI в., когда был построен королевский дворец, как об этом сообщается в Люстрациях Луцкого замка XVI в., а еще в

XIV в. вместе с замком, южное прясло стены которого одновременно являлось южной стеной дворца. Об этом свидетельствует тот факт, что две поперечные стены дворца, членившие его на отдельные помещения, не приложены к южному пряслу стены замка, а перевязаны с ним (рис. 8).⁴ Во-вторых, было установлено, что в строительстве дворца, сложенного в своей нижней части из камня, был одновременно применен брусковый кирпич такого же формата, как в стенах и башнях замка (27,5—29 × 12—13 × 7—9 см). Об этом свидетельствует один ряд кирпичей, уложенный в готической системе, сохранившейся по внутреннему краю поперечной стены, разделяющей помещения 3 и 4 (Малевская 1999: 89, рис. 2). Кроме того, брусковый кирпич такого же формата был использован вместе с камнем в устройстве входа во дворец со стороны замкового двора близ Воротной башни (Малевская 1999: 90, рис. 2) и в своде проема поперечной стены дворца, разделяющей помещения 2 и 3. Таким образом, были получены неопровержимые доказательства одновременности каменного основания и кирпичной кладки стен как в замке, так и во дворце, построенных в середине XIV в. по единому замыслу заказчика — князя Любарта Гедиминовича.

Мы относим сооружение замка и дворца к середине XIV в. не только на основании записи в Люстрации 1545 г. и применения в его архитектуре ряда готических элементов, характерных в это время для зодчества соседних стран Западной Европы (особенно Польши), но и исходя из закономерностей в развитии средневекового оборонительного зодчества. Ни в конце XIII в., ни в начале XIV в. многобашенные крепости, к которым относится Луцкий Верхний замок, на Руси не строили. Их начали сооружать лишь с середины XIV в. в связи с теми изменениями, которые произошли к этому времени в военной технике и тактике осады и которые потребовали создания более совершенной системы обороны, чем однобашенные крепости Волыни второй половины XIII—первой половины XIV в. (Раппопорт 1967: 164—165, 206). Новым требованиям отвечали крепости с башнями по концам напольной стороны, позволяющие вести фланкирующий обстрел. Луцкий замок является одним из первых сооружений этого нового этапа в развитии военно-инженерного зодчества (Раппопорт 1993: 121).

Близкой аналогией Луцкому замку являлся многобашенный замок с дворцом в Витебске, построенный в годы княжения здесь литовского князя Ольгерда — брата Любарта. В летописи под 1351 г. сказано: «Замок Витебский и вежу змуровала Улияна княгиня жона Ольгерда, в небытности Ольгерда, гды был на войне пруской, также и палац ... и муром округ обвела с баштами вынеслыми и вежами» (ПСРЛ 1975: 145). Витебский замок до нашего времени не сохранился, но письменные и графические источники XVI—XVIII вв., а также исследования белорусских археологов (Бубенько 2003: 41) дают о нем представление. Сведения, имеющиеся о Луцком и Витебском замках, позволяют предположить, что их строительству, вызванному необходимостью усиления системы обороны, способствовали связи с Великим княжеством Литовским, к которому и Луцк, и Витебск были присоединены в 20—30-х гг. XIV в. вме-

⁴ Третья поперечная стена, сложенная из позднего кирпича большого формата (30—31 × 14—15 × 9,5—10 см), относится к постройке дворца XIII в., возведенного на остатках первого княжеского дворца.

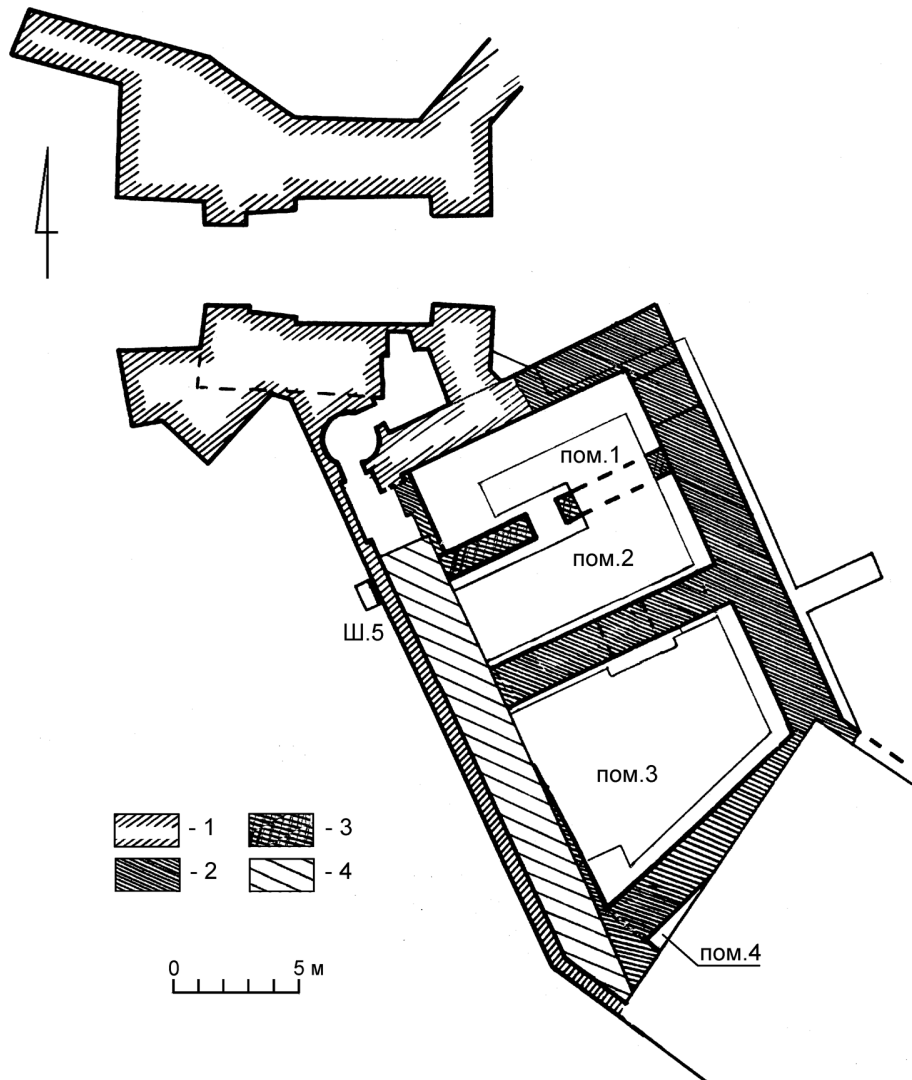

Рис. 8. Раскоп III, Воротная башня и княжеский дворец XIV в.: 1 — Воротная башня и часть южного прясла замковой стены; 2 — дворец XIV в., открытый раскопками 1983 и 1987 гг.; 3 — стена дворца XVI в.; 4 — кирпичная стена начала XX в. над каменной стеной XIV в.

сте с частью западнорусских земель и, в частности, с Вольнюю. Княжившие в Луцке и Витебске литовские князья, несомненно, были знакомы с замковым строительством, начавшемся в Литве еще в середине XIII—первой половине XIV в. С помощью архитектурно-археологических раскопок, проведенных литовскими исследователями на территории Нижнего замка в Вильнюсе, установлено, что в конце XIII—начале XIV в. дерево-земляные укрепления Нижнего замка были уже заменены каменными оборонительными стенами с башнями, контур которых частично совпадал с первоначальными укрепле-

ниями (Киткаускас 1980: 8—18). Обнаружены также остатки здания, относящегося к великокняжескому дворцу, который строили в конце XIII—начале XIV в.

Таким образом, сооружение в Луцке многобашенного замка с княжеским дворцом, связано в значительной степени с тем, что в середине XIV в. Луцк входил в состав Литовско-Русского государства, второй столицей которого (после Вильнюса) он в это время являлся.

Бубенько 2003 — *Бубенько Т. С.* Оборонительные сооружения Витебска XIV—XVIII вв. // *Бубенько Т. С., Гусецкий А. В., Левко О. Н., Гусецкий Ю. А.* История и материальная культура Витебска (XIV—XVIII вв.). Витебск, 2003. С. 41—46.

Говденко, Кучинко 1979 — *Говденко М. Н., Кучинко М. М.* Архитектурно-археологические исследования в Луцком замке // АО 1978 г. 1979. С. 319—320.

Киткаускас 1980 — *Киткаускас Н.* Комплекс зданий Вильнюсского Нижнего замка: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.

Кучинко 1994 — *Кучинко М. М.* Нариси стародавнього і середньовічного історії Волині. Луцьк, 1994.

Левицкий 1891 — *Левицкий Ор.* Луцкая старина // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1891. Т. 5. Отд. 2. С. 54—90.

Логвин 1967 — *Логвин Г. Н.* Луцкий замок // Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967. С. 102—107.

Малевская 1983 — *Малевская М. В.* Отчет о работе Волынского отряда архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в г. Луцке в 1983 г. // НА ЛДІКЗ, д. 138.

Малевская 1985 — *Малевская М. В.* Исследования Луцкого замка // АО 1983 г. 1985. С. 309.

Малевская 1989 — *Малевская М. В.* Применение брускового кирпича в архитектуре Западной Руси второй половины XIII—XIV в. // СА. 1989. № 4. С. 212—222.

Малевская 1997 — *Малевская М. В.* Церковь Иоанна Богослова в Луцке — вновь открытый памятник архитектуры XII в. // Древнерусское искусство: Исследования и атрибуция. СПб., 1997. С. 9—35.

Малевская 1999 — *Малевская М. В.* Дворец в Верхнем замке Луцка XIV в. // Средневековая архитектура и монументальное зодчество. СПб., 1999. С. 87—91.

Маслов 1937 — *Маслов Л.* Любартив замок в Луцьку // Наша культура. Львів, 1937. № 8—9. С. 348—351.

Могитич І., Могитич Р. 1990 — *Могитич І. Р., Могитич Р. І.* Особливості техніки мурування і архітектурних форм Галицько-Волинського зодчества (X—XIV ст.) // Археологія. 1990. № 4. С. 56—68.

Памятники... 1859 — Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов. Киев, 1859. Т. 4. Отд. 2. С. 68.

ПСРЛ 1975 — Полное собрание русских летописей. М., 1975. Т. 32.

Раппопорт 1967 — *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. Л., 1967.

Раппопорт 1989 — *Раппопорт П. А.* О времени появления брускового кирпича на Руси // СА. 1989. № 4. С. 207—211.

Раппопорт 1993 — *Раппопорт П. А.* Древнерусская архитектура. СПб., 1993.

Терський 2006 — *Терський С.* Лучеськ X—XV ст. Львів, 2006.

Fitzke 1939 — *Fitzke J.* Cenne odkrycie na Zamku Lubarta w Lucku // Ziemia Wołyńska. Luck, 1939. № 6, Rok. 11. S. 103—104.

**ON THE QUESTION OF ARCHAEOLOGICAL EXPLORATIONS ON THE
TERRITORY OF THE UPPER CASTLE AT LUTZK****M. V. Malevskaya**

The main purpose of the architectural and archaeological explorations on the territory of the Upper Castle (detinetz) of the Old Russian town of Lutzk (Volyn' region, south-western Rus'), carried out in 1983—1987, was to ascertain the time of the town foundation. The excavations revealed the original fortifications of wood and earth, erected in three phases during the 10th—13th centuries. In the middle of the 14th century, when Lutzk became a part of the Lithuanian-Russian state, the castle of stone and bricks was built instead of the old fortifications. This castle, consisting of three defending walls with three towers between them, has preserved up to nowadays. It proved out that the knyaz's palace, adjacent to the Gate tower and southern wall, was built simultaneously with the castle.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ХОЛМА И СТОЛПЬЕ В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. БУКО

Расположенный на польско-русском пограничье Холм издавна привлекал внимание исследователей, так как этот город сыграл важную роль в истории Польши и Древней Руси, о чем свидетельствуют письменные источники. Это касается, прежде всего, времен его расцвета в первой половине XIII в., когда он был перестроен князем Даниилом Романовичем — одним из выдающихся правителей своей эпохи и стал не только его резиденцией, но и фактически столицей Галицко-Волынского княжества (Исаевич 1999; Котляр 1985; Крыпкевич 1999; Кучинко 1993). В городе находился важный для христианского мира храмовый комплекс, построенный при Данииле Романовиче, главной реликвией которого являлась Холмская икона Богоматери. До настоящего времени она остается святыней для польского, русского и украинского народов (Natkański 2000; Александрович 2001). Начало почитания иконы восходит к середине XIII в., еще до 1260 г. ее оригинал был доставлен в Холм, скорее всего, из Киева как дар Федоры, сестры тамошнего наместника. Во время Первой мировой войны икона была вывезена вместе с прочими культурными ценностями и до сих пор не возвращена в Холм (подробнее см. Александрович 2001; Stefański 1996).¹

Центральное место в панораме современного города занимает Соборный холм (рис. 1). Здесь находятся кафедральный собор, остатки застройки княжеской резиденции — руины княжеского замка на так называемой Высокой Горке и другие архитектурные памятники, открытые в процессе археологических раскопок (ср. Gurba, Kutylowska 1970). Доминантой южной части Соборного холма является кафедральный собор, а его северная часть, называемая «Высокой Горкой», может быть тем местом, где следует искать, согласно свидетельствам Ипатьевской летописи и результатам предыдущих археологических работ, храм св. Иоанна Златоуста, а также дворец и замок, возведенные князем Даниилом.

В начале XX в. в течение трех полевых сезонов архитектор П. П. Покрышкин по поручению Императорской Археологической Комиссии и Холмского Богородицкого братства искал здесь следы летописного «Данилова града» — княжеской резиденции. Результаты исследования самим П. П. Покрышкиным так и не были опубликованы. Частично это сделал позже П. А. Раппопорт (1954).

¹ Вывезенная в Москву в 1915 г., икона в 1918 г. была передана в Киев в монастырь свв. Фрола и Лавра, затем она якобы находилась в частных руках до 1943 г. Считается, что в 1943—1944 гг. икона была возвращена в Холм, однако впоследствии она была на хранении в семействе протоиерея Гавриила Коробчука. В 1996 г. его дочь Наталья Горлицкая отдала икону на реставрацию в Луцкий музей. В 2000 г. образ был передан в собственность Украины. Впрочем, существуют сомнения в подлинности иконы, находящейся в настоящее время в Луцке — *Ред.*

Рис. 1. Холм, Соборный холм с урочищем Высокая Горка с левой стороны, вид с запада (фото А. Буко)

Оценивая итоги этих исследований, следует обратить внимание на упоминание прямоугольной каменной постройки, идентифицированной как дворец Даниила. Из-за наклона поверхности холма основания стен оказались заложены на разной глубине, в некоторых местах высота сохранившихся частей превышала 3 м. В углах замковой постройки были зафиксированы блоки песчаника. В результате исследований 1960-х гг., проведенных экспедицией В. Зина, на восточной половине холма была открыта большая часть некоего здания (более 60 % поверхности) площадью 22×38 м, с несколькими уровнями исторически существовавших каменных полов (Zin, Grabski 1967a; 1967b; Gurba, Kutylowska 1970) (рис. 2, 2). В ходе работ, осуществленных летом 2001 г., появились новые данные (ср. Buko 2002; Dzieńkowski 2002: 78). Раскоп, в котором была открыта стена замка, был заложен вдоль холма, рядом с южным краем его склона. Он частично охватывал наружную часть стены замка, достаточно хорошо сохранившуюся, основание которой находилось на глубине около 4 м от современной дневной поверхности (рис. 3). Толщина стены на исследованном участке составляет 2,2 м. С внешней стороны холма стена достигала высоты около 1,5 м — считая от фундамента, будучи слегка отклоненной от вертикали внутрь, что придавало ей характер контрфорса.

На южном склоне холма, ниже этой стены, в раскопе были прослежены две каменные горизонтальные ступеньки длиной около 1,8 м каждая. Таким образом, была создана характерная ступенчатая структура, укрепленная внизу, на краю рва, «поясом» из мелового известняка (рис. 4). Результаты стратиграфического анализа позволяют утверждать, что открытая замковая постройка пережила как минимум две функционально-строительные фазы (ср. Buko 2005; Buko, Dzieńkowski 2009).

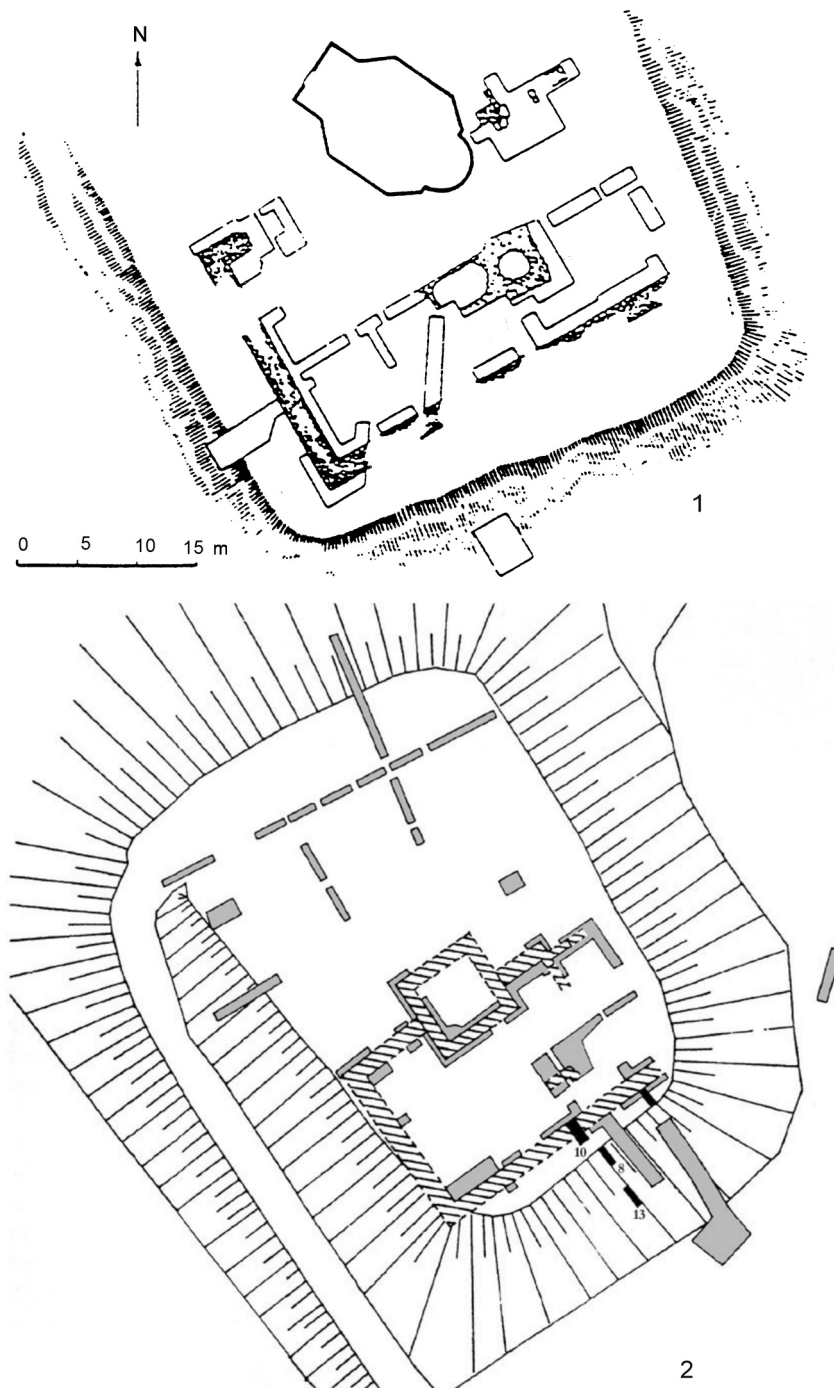

Рис. 2. Холм, Соборный холм, планы раскопов: 1 — раскоп П. П. Покрышкина (по Раппопорт 1954); 2 — раскоп В. Зина (без масштаба); черным цветом обозначены раскопы, заложенные в 2001 г. (по Gurba, Kutylowska 1970)

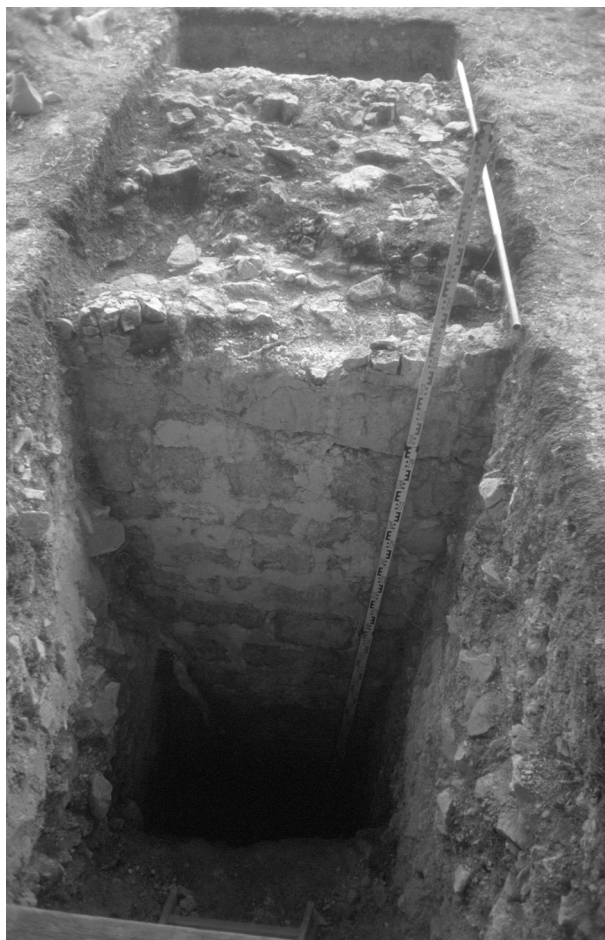

Рис. 3. Холм, Соборный холм, фрагмент южной стены Даниилова замка (исследования 2001 г.) (фото А. Буко)

Описанные выше кладки, очевидно, являются остатками княжеской резиденции, упоминаемой в источниках. Следует отметить несколько деталей: монументальность строения, связанную с размерами объекта, план и особенности строительной техники. Стена дворца была возведена непосредственно на скальном основании, состоящем из зеленого песчаника, мелового известняка и спрессованного ила и расположенном примерно в 3,5 м ниже современной вершины. Нижняя часть южной стены первоначально не была засыпана землей и находилась на поверхности специально подготовленной площадки, на что однозначно указывает характер тщательно обработанной наружной облицовки с выровненными стыками. В нижнем ярусе был найден обработанный блок глауконита, происходящий из разрушенного здания. Стоит отметить форму стены замка с характерным отклонением от вертикали к северу. Такая форма внешней стороны, без сомнения, была связана с повышением устойчивости стены, возведенной на склоне холма.

Рис. 4. Холм, Соборный холм, раскоп 8, каменные террасы на южном склоне Высокой Горки, ниже стены дворца (фото А. Буко)

Материал для постройки замка брали, скорее всего, здесь же, на Высокой Горке, о чем говорит не только использование при строительстве обработанных блоков зеленого глауконита, но и, прежде всего, значительное количество отходов в слое строительного мусора. Наличие этой породы в структуре холма документально подтверждено в ходе геологических работ в 1960-е гг., а также в результате новейших исследований. Скорее всего, именно здесь находились и строительная мастерская, и выход горных пород.

Результаты стратиграфического анализа позволяют утверждать, что открытое строение имело по меньшей мере две строительные-функциональные фазы. В 1-й фазе здание было построено на открытом месте на склоне Высокой Горки непосредственно на каменной поверхности холма. Во 2-й фазе здесь были надстроены элементы каменно-деревянно-земляных конструкций, образующие систему укреплений всего склона холма высотой не менее 2,5 м от основания стены. Вопреки ожиданиям, археологические исследования не

обнаружили следы более древнего города и его укреплений. Присутствие в культурном слое находок XI в. указывает, однако, на то, что холм был заселен в предшествующую эпоху. Если более древние укрепления здесь и существовали, то наверняка не у самых стен дворца XIII в., поскольку последний был возведен непосредственно на скале. Дворец мог погибнуть в пожаре или существенно пострадать в огне, о чем свидетельствуют не только следы сгоревших балок, найденные в разных пластах, но и многочисленные фрагменты обожженной керамики, что может быть последствием длительного воздействия высоких температур.

Высокая Горка, по крайней мере, с середины своей современной высоты является искусственным образованием, возникшим за счет многочисленных развалин находившихся здесь монументальных строений, сырье для которых добывалось рядом. Ее нынешняя форма вызвана процессом их разрушения. Остается прокомментировать основания для датировок открытой исследованиями стратиграфии. В культурном слое найдены только единичные фрагменты керамики. Из того места, где обнаружены остатки «Даниилова замка» (раскоп 10), происходят всего 10 фрагментов, датированных широкими временными рамками с XI по XIII в. Из пласта 18, образовавшегося после разрушения дворцового комплекса, происходит фрагмент древнего сосуда, вероятно XI в., выполненного из железистой глины. В этом же пласте стоит отметить фрагмент белоглиняного кувшина, покрытого зеленой поливой, частично поврежденной вследствие воздействия высокой температуры. Горло этого сосуда имело небольшой диаметр, всего несколько сантиметров. Подобные находки известны и на других раскопах на территории Холма. Они датируются примерно серединой XIII в.² К этому периоду, скорее всего, относятся и другие мелкие фрагменты кухонной посуды.

В нижних напластованиях раскопа 8, расположенного на южном склоне, керамика представлена большим количеством образцов. Из пласта 3, перекрывавшего слой разрушенных укреплений, происходят два фрагмента белоглиняной тонкостенной керамики; из пласта 4 — четыре фрагмента, один из которых был покрыт бордовой поливой; все принадлежат сосудам, изготовленным в форме (XII в.?); в тех же слоях обнаружены два фрагмента тонкостенных стеклянных сосудов с сильно патинизированной поверхностью.

В пласте 6 (слой засыпки и нивелировки разрушенных конструкций на склоне холма) найдено 12 керамических фрагментов, в том числе ангобированной керамики. Из них три принадлежат сосудам, изготовленным в форме и способом ленточно-спирального налепа; они близки керамике, которая в Холме датируется XII в. На одном донце читается гончарный знак в виде креста. Два других фрагмента сильно оплавлены. В пласте 29, связанном со слоем разрушения вала, обнаружены фрагменты различной керамики: ангобированной, тонкостенной белоглиняной керамики, сероглиняных горшков, выполненных в основном в технике ленточно-спирального налепа. Однако в том же слое встречаются фрагменты изразцов, в том числе рельефных, с зеленой

² Имеются в виду, прежде всего, известные мне керамические материалы археологического памятника № 144, связанного с эпохой князя Даниила, полученные во второй половине 1990-х гг. (ср. Dzieńkowski, Gołub 2002). Результаты анализа керамики отдельных комплексов с этого памятника представил Я. Рогозински (Rogoziński 2000).

и желто-коричневой поливой. Эти данные свидетельствуют о позднесредневековом характере комплекса в целом (XVII в.?).

Из раскопа 13, расположенного в нижней части южного склона, происходят немногочисленные фрагменты керамики. Из пласта 46 происходят три черепка ангобированных сосудов. Один из них сильно оплавлен, что выражается в его пористой структуре. Наиболее вероятная датировка этого комплекса — середина XII—XIII в.

Стоит обратить внимание на еще один объект — постройку, руины которой были обнаружены в ходе археологических исследований, проводившихся в районе церкви свв. Кирилла и Мефодия, построенной в XIX в. (рис. 2, 1). Здесь обнаружен участок стены, похожий на конструкции дворца Даниила. Отсюда же происходит около 400 кг расплавленной меди, что П. А. Раппопорт (1954) связывал со остатками храма св. Иоанна Златоуста. Анализ письменных источников, в частности Галицко-Волынской летописи, проведенный М. Сморог-Ружицкой (Smorąg-Różycka 2001), приводит нас к выводу, что, хотя эта церковь близка к архитектурному стилю русско-византийской традиции, она имеет ряд специфических черт. Прежде всего, это использование белого строительного камня, рельефная декорация фасадов, капители колонн, цветные витражные окна, более характерные для традиции романского искусства. Это явление синтеза и сосуществования культур Востока и Запада не является чем-то особенным. Его следует рассматривать как региональный феномен развития европейского искусства, наблюдаемый и в других регионах пограничья византийского мира в XIII в. (Smorąg-Różycka 2001: 192).

Несмотря на проведенные исследования, в истории Холма остается еще много нерешенных проблем. К сожалению, результаты предыдущих исследований не были опубликованы. Это, как и ожидаемые интересные находки, укрытые культурным слоем Соборного холма, указывает на насущную необходимость проведения в этом регионе дополнительных археологических исследований с целью проверки выдвинутых гипотез.

В 8 км от Холма к западу, в сторону Люблина, рядом с шоссе, видна каменная башня, расположенная в углу прилегающей к ней возвышенной площадки. На верхнем ярусе этой постройки до сих пор видны остатки часовни, с кирпичной облицовкой, а ниже — входной проем. Второй вход в башню находится на уровне прилегающей к ней террасы. Объект хорошо виден со стороны шоссе (рис. 5).

Первое упоминание о башне в письменных источниках появляется только в XVII в., главным образом, но не только, благодаря труду холмского историка — униатского епископа Иакова (Суши) (Susza 1653). И хотя содержащиеся там мысли о сакральном (языческом) происхождении этого места и чудесных целебных свойствах воды из источников у ее подножья должны были пробуждать интерес к этому сооружению, к изучению таинственной башни не приступали до XIX в. Только с середины этого столетия объект начинает привлекать к себе внимание путешественников и краеведов.

Такое положение дел обусловлено разными причинами. Это хорошо заметно при обращении к результатам прежних исследований и интерпретаций башни, в которых мнения о культовом характере здания, языческом или христианском, переплетаются с разнообразными предположениями о функциях этого объекта (военная, башня-убежище) и истоках его архитектуры (Поль-

Рис. 5. Башня в Столпье с прилегающей к ней насыпью, вид с запада (фото А. Буко)

ша, Русь, русско-византийские или польско-латинские традиции), а также шаткими гипотезами о времени его строительства (раннее или позднее средневековье). Появление местного названия «Столпье» в письменных источниках начала XIII в. предполагает, однако, что башня в этой местности должна была существовать по меньшей мере уже в конце XII в. Нерешенным остался лишь вопрос о ее назначении и времени строительства (Dąbrowski 2008).

До сих пор археологические исследования этого памятника, имеющие почти столетнюю историю, не много продвинулись в решении существующих проблем. Их авторы — как российские исследователи начала XX в., так и польские 1970—1980-х гг. XX в. — делали взаимоисключающие выводы, касающиеся происхождения, функции и культурной принадлежности этого памятника. Высказывались предположения и том, что это мог быть баптистерий X в. (Kutyłowska 1997).

Исследования, начатые в 2003 г. Институтом археологии и этнологии Польской Академии наук, коснулись не только башни, но и примыкающей к ней возвышенной террасы и всей округи, в том числе «святого источника», и территории рядом с приходским храмом в соседнем с. Подгужа. Это село, расположенное в 1,5 км от башни, также было включено в исследовательскую программу, поскольку в письменных источниках упоминается функциональная связь местного храма с башенным комплексом в Столпье.

В результате работ экспедиции удалось прийти к выводу, что башня и связанная с ней терраса расположены в, казалось бы, весьма неподходящем для строительства месте — в земляной впадине с большим количеством полно-

водных источников. Вероятно, строители здания приняли во внимание именно это обстоятельство. Об этом свидетельствует выявленная исследованиями опорная стена, сооруженная из высеченных блоков ила и каменных плит, которая должна была предотвратить наклон башенной конструкции к западу, где как раз и бьют упомянутые ключи. Очевидно, на протяжении существования башни вода неоднократно создавала проблемы, на что указывают следы перестройки и ремонтов постоянно увлажняемой части террасы, где располагался вход на нее.

Важную информацию дали исследования прилегающей к башне насыпи. Оказалось, что мы имеем здесь дело с прямоугольной каменной платформой высотой около 2,5 м и размерами 12,5 × 15,4 м. Она была построена на предварительно подготовленной горизонтальной поверхности, из каменных плит, переложенных слоем мергеля и обшитых с восточной стороны деревом. На углах построенной таким образом высокой террасы были поставлены расположенные по периметру деревянные здания, выступающие наружу за край каменной конструкции. Некогда эти здания были полностью разобраны, однако об их существовании свидетельствуют сохранившиеся в насыщенном мергелем слое двора отпечатки балок и вертикальных свай.

Двор был выложен каменными плитами, по-прежнему заметными *in situ* в некоторых шурфах. На северо-восточной стороне каменного двора находился вход на его территорию. Об этом свидетельствует сильно разрушенные, но по-прежнему читаемые остатки горизонтальных каменных ступеней на соответствующим образом подготовленном склоне (рис. 6).

Исследования показали, что башня вместе с прямоугольной террасой являются элементом одной и той же строительной программы. Однако это не была одномоментная постройка. Как в слоях каменной террасы, так и в строительстве самой башни можно выделить как минимум две строительно-функциональные фазы. На территории террасы это засвидетельствовано слоем коричневой земли мощностью 20 см, залегающим непосредственно выше первоначальной насыщенной мергелем поверхности, на котором уже возводились соответствующие конструкции, новая каменная платформа, а также упомянутые выше деревянные строения. Мы знаем также, что в середине башни первый нежилой уровень находился на 3 м ниже нынешнего входа. Этот ярус по неизвестным причинам был засыпан слоем темно-коричневой карбонатной почвы. Из материалов, происходящих из ее наполнения, следует, что это могло произойти еще до конца XIII в.

Архитектурной анализ позволяет заключить, что верхние части башни подвергались в прошлом многократным перестройкам. Вследствие этого от оригинального декора часовни (рис. 7) на последнем этаже сохранилось немного. В ходе археологических работ нами были многократно встречены даже в самых нижних слоях элементы архитектурных конструкций и декора, в частности, фрагменты кирпичей, обработанного камня и напольные поливные плитки, изготовленные, как показали исследования, в мастерской, следы которой были обнаружены нами раньше на территории замка Даниила Галицкого на Высокой Горке в Холме.³

³ Исследования были проведены М. Аух в Центральной лаборатории Института археологии и этнологии ПАН в Варшаве.

Рис. 6. Столпье, раскоп 30 (северо-восточный угол каменной платформы), остатки каменных ступеней, ведущих на площадку каменной террасы (фото А. Буко)

Поиски идейного контекста башенного комплекса заставили обратить внимание на два момента, связанных с археологическим контекстом и структурными элементами и общим планом всего комплекса. Археологический контекст, особенно находки поливной и ангобированной керамики, напольные поливные плитки, изготовленные из белой глины, — все это весьма близко к тем материалам, которые были открыты на территории Холма. Несомненно, это является традицией, связанной с миром Древней Руси и Византии. Особый интерес представляет общий план комплекса. В сравнении с другими памятниками той эпохи его отличают несколько структурных элементов: 1) редко встречающийся вариант расположения каменной башни в углу прямоугольной выстланной камнем террасы; 2) восьмиугольная часовня на последнем этаже, внутреннее пространство которой организовано в форме греческого креста; 3) возведение каменной платформы, прилегающей к башне рядом с водными источниками.

Ближайшими аналогиями башне в Столпье являются уже не существующие башенные постройки в Холме-Белавине и в самом Холме (Высокая Горка), Владимире-Волынском, а также остатки башенной постройки в близлежащем Угровске на Украине. Последняя относится ко времени Даниила Га-

Рис. 7. Столпье, восьмиугольная часовня на последнем ярусе столпской башни, восточная апсида (фото М. Аух)

лицкого. Из исследований керамического материала из Холма и Столпье однозначно следует, что все изделия были произведены в одной стилистической и технологической традиции, которая характеризуется значительным количеством ангобированной и поливной керамики, выполненной в традициях Древней Руси и Византии.

Среди возможных аналогий прежде всего стоит отметить башни монастырского типа. Идея монастырских башен была широко распространена в бассейне Средиземного моря, особенно в его восточной части, где подобные постройки имеют давнюю традицию, прослеживаемую от эпохи раннего христианства вплоть до конца средневековья и связанную со столпничеством и скитским монашеством. Оттуда объекты, подобные описанным, распространялись на другие территории, в частности, в Италию, Болгарию и на Русь. В числе аналогий хотелось бы назвать прежде всего монастырский комплекс св. Иоанна Предтечи в Серрах в Македонии (XII—XIII вв.), где можно увидеть элементы конструкции из Столпье: монастырская башня находится в углу прямоугольной основы монастыря с выступающей наружу деревянной застройкой, расположенной выше каменной кладки.⁴ Объекты, подобные этим башням и связанные с находившейся поблизости церковью, возводились в средневековье на территории Греции как частные часовни

⁴ Этот объект (как и несколько других) я увидел в феврале 2007 г. благодаря любезной помощи профессора Х. Бакартцыза из Фессалоники.

представителей аристократической элиты. Могла ли башня в Столпье была построена для кого-либо из числа правящей на Волыни династии? Этой фигурой могла быть, как предполагает Д. Домбровский (Dąbrowski 2008), великая княгиня — жена Романа Галицкого (Анна? Мария?), которая после смерти мужа в битве под Завихостем (1205) ушла около 1220 г., как известно, в один из монастырей, находившихся возле Холма. В этой связи следует отметить продолжающуюся много лет и по-прежнему оживленную дискуссию о возможном византийском (греческом) происхождении княгини.⁵ В пользу этой гипотезы может свидетельствовать сохранявшаяся на этой территории вплоть до XV в. монастырская традиция и связь между Столпье и приходским храмом в Подгуже.

Время функционирования башенного комплекса было сравнительно недолгим и, скорее всего, прекратилось в конце XIII в., хотя не исключено, что вторичное использование уже заброшенного комплекса продолжалось гораздо дольше. Известно также, что в последней фазе его существования, когда башенный комплекс приспособили к оборонительным целям в 80-е гг. XIII в., деревянные строения были окончательно уничтожены.

Характерной чертой керамики из Холма и Столпье является наличие поливных и ангобированных сосудов. Ангобированная керамика уже фиксировалась предшествующими исследователями (Gurba, Kutylowska 1970: 234), однако до сих пор ничего не было известно о происхождении поливной керамики, которая присутствовала в материалах раскопок тех лет.⁶ Найденная к настоящему времени керамика по большей части является технологически относительно однородной и выполнена в основном техникой ленточно-спирального налета. Эти изделия датируются периодом от середины XII в. до второй половины XIII в. Небольшой процент керамики, изготовленной в форме, датируется, скорее всего, XII в., а в некоторых случаях даже XI в. Эти обломки, наименее совершенные в технологическом отношении и отличающиеся рецептурой керамической массы, встречаются в комплексах в незначительном количестве. Этот факт может указывать на то, что перед появлением в этом месте поселения XIII в. на исследуемой территории находились объекты предшествующего времени, откуда и происходят данные материалы.

Другой характерной чертой холмского керамического комплекса является значительное количество поливной керамики. Чаще всего это белоглиняные сосуды, покрытые светло-зеленой поливой (реже бордовой, иногда с золотистым блеском). Этот последний факт привлек внимание, поскольку белоглиняная керамика также встречается на исследуемом археологическом памятнике крайне редко. Из наблюдений автора, касающихся поливы и сырья керамических плиток из Столпье и из замка князя Даниила на Высокой Горке в Холме следует, что как сырье, так и покрытие плиток морфологически едины, поэтому могли быть выполнены в одних и тех же мастерских. Эти вопросы могли бы прояснить лабораторные исследования химических элементов покрытий и сырья обеих категорий памятников. Среди керамики, покрытой

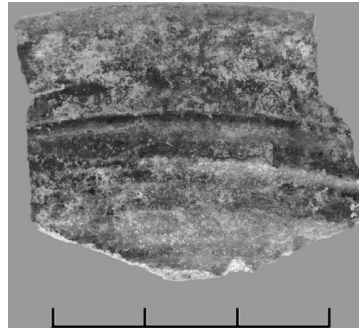
⁶ Я имел возможность ознакомиться с ней во время работы в конце 1990—начале 2000-х гг. в Холмском музее. Предметом поисков были керамические материалы, добытые в процессе исследований 1960-х гг. на Соборном холме, а также материалы раскопок 1970-х гг. в Столпье.

бордовой поливой, заслуживает внимания находка, происходящая из объекта 207 (раскоп 32). Это большой фрагмент тулова сосуда, декорированного под поливой поясками горизонтальных прямых и волнистых линий (рис. 8). Все это напоминает стиль декора ходликовской керамики IX в. Этот сосуд изнутри черного цвета, что может быть связано с процессом закаливания, и имеет следы изготовления в форме. Вследствие этого может датироваться XI или, более вероятно, XII в. Не является ли он примером сохранения традиционных технологий (техника исполнения, декор) в контексте более развитой техники производства керамики (полива), заимствованной с территории Древней Руси и Византии?

Еще одной характерной чертой холмской керамики является повсеместное присутствие ангобированных сосудов. Первоначальная поверхность сырья (чаще всего оранжево-красная) покрывалась тонким слоем белой глины, иногда с одной, иногда с двух сторон. Белый ангоб наносился либо на часть сосуда, либо на весь сосуд целиком, включая дно. Этот факт учитывался при украшении части сосудов декором в технике сграфитто, когда на покрытой белым ангобом поверхности гравировался орнамент, создающий впечатлительные цветной росписи сосудов. Во многих случаях ангобировались сосуды, предварительно декорированные гравированным орнаментом. Иногда ангоб сохранялся только в бороздках орнамента.

Интересным является и сырье холмской керамики. Излюбленным материалом был речной ил, который является главным видом гончарной глины. В отношении ранних изделий существует предположение, что тесто дополнительно отошало толченым гранитом, в то время как в керамике XII и XIII вв. ил является «чистым», т.е. взятым прямо из залежей. Последние исследования поливной керамики Холма, проведенные М. Аух (Auch 2004) показали, что холмская поливная керамика составляет около 1% от общего числа найденной здесь посуды, представлена очень мелкими фрагментами и принадлежит к категории столовых сосудов, использовавшихся, вероятно, на княжеском дворе и в домах богатых горожан. Большинство исследованных фрагментов демонстрирует, что сосуды изготавливались в подобных стилистических традициях, наверное, в одной и той же мастерской (Auch 2004: 52). Эти поливы имеют коричневый и золотистый цвета, а также широкую гамму зеленых оттенков. Большинство сосудов лишено гравированного орнамента, зато некоторые из них имеют насечки и выдавленные пальцем углубления. Только изредка на поливных изделиях появляются повторяющиеся несколько раз пояски волнистых линий. Морфологически коллекция холмской поливной керамики представлена горшками, кувшинами, мисками, сковородками, кубками, крышками и др. (Auch 2004: 63). Наряду с керамическими сосудами подобные поливы использовались в напольных плитках, изготовленных как из белых глин, так и из железистых. Исследования М. Аух показывают, что в случае с холмской керамикой мы имеем дело с кремниевыми-оловянистыми поливами, широко распространенными в это время в гончарном производстве многих европейских центров (Auch 2004: 80). Следует согласиться с мыслью, что изделия этого типа были широко распространены на территории Руси и особенно в Средиземноморье, в сфере влияния византийской культуры (Auch

Рис. 8. Холм, фрагмент белоглиняного кубка, покрытого бордовой поливой (местонахождение № 144, раскоп 30В-С, слой 4)

2004: 89). Вероятно, в Холме часть мастеров, бежавших из столичного Киева после татарского погрома, наладила при Данииле Романовиче специализированные ремесленные производства. С тем же культурным кругом связаны и фрагменты ангобированной керамики, декорированной в том числе техникой сграфитто, из археологических памятников в Холме и в Столпье. Из приведенного выше обзора следует, что местный керамический комплекс только частично соответствует изделиям из находящихся по другую сторону границы древнерусских центров, которые были исследованы М. В. Малевской (1969; 1971; 2005).

Исследования раннесредневекового Столпье были достаточно масштабными. Они затронули не только башенный комплекс, но и прилегающую территорию (Буко 2008). На очереди комплексные исследования средневекового Холма. Основным районом дальнейших раскопок и разведок остается центральная и восточная части холма, где находятся следы неопределенных до сих пор построек. Не исключено, что они могут быть старше стен дворца. Среди них нужно отметить квадратную башню (?) с округлым внутренним пространством, связь которой со стенами дворца князя Даниила пока не прослежена. Какова была ее функция и каким временем датируется эта башня — ответить на эти вопросы можно только в результате археологических работ. Необходимы и дальнейшие исследования Соборного холма при участии геологов с целью полного выяснения особенностей и мест залегания зеленого глауконита. Необходимой составляющей дальнейших исследований должна стать геоморфология и первоначальная топография всего Соборного холма, важнейшим элементом которого является Высокая Горка. Требуют обработки и найденные в 1990-х гг. материалы из поселения № 144, являющегося частью Данилова града, с выделенными здесь жилой и производственной частями. Здесь, как известно, выявлены остатки больших наземных построек, имеющих характер резиденции, а также следы металлургической и стеклодельной мастерских (Dzieńkowski, Gołub 2002). Не менее важны и разносторонние архивные исследования древнейшей истории города. Их целью должно стать новое понимание деятельности Даниила Галицкого и той роли, которую в политике этого правителя должен был играть Холм — самый «столичный» среди важнейших центров его государства.

(Перевод с польского К. Лавыш, Минск, Беларусь)

- Александрович 2001 — *Александрович В.* Холмская икона Богородицы. Львів, 2001.
- Исаевич 1999 — *Исаевич Я. Д.* Галицко-Волинська держава. Львів, 1999.
- Котляр 1985 — *Котляр Н. Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волинской Руси IX—XIII вв. Киев, 1985.
- Крыпякевич 1999 — *Крыпякевич И.* Галицко-Волинське князівство. Львів, 1999.
- Кучінко 1993 — *Кучінко М. М.* Исторично-культурний розвиток Західного Побужжя в IX—XIV століттях. Луцк, 1993.
- Малевская 1969 — *Малевская М. В.* К вопросу о керамике Галицкой земли XII—XIII вв. // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 3—14.
- Малевская 1971 — *Малевская М. В.* К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII—XIII вв. // КСИА. 1971. Вып. 125. С. 27—34.
- Малевская 2005 — *Малевская М. В.* Керамика западнорусских городов X—XIII вв. СПб., 2005.
- Раппопорт 1954 — *Раппопорт П. А.* Холм // СА. 1954. №. 20. С. 313—323.
- Auch 2004 — *Auch M.* Wczesnośredniowieczna ceramika szkliviona z Chełma, woj. Lubelskie // Archeologia Polski. 2004. T. 49, z. 1—2. S. 49—94.
- Bartnicki 2005 — *Bartnicki M.* Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217—1264, Lublin // Archeologia Historica Polona. 2005. T. 15/1. S. 69—83.
- Buko 2002 — *Buko A.* Góra katedralna w Chełmie jako przedmiot badań interdyscyplinarnych // Światowit. 2002. T. 4, fasc. B. S. 19—28.
- Buko 2005 — *Buko A.* Monumentalna zabudowa Góry Katedralnej w Chełmie // Archeologia Historica Polona. 2005. T. 15/1. S. 69—83.
- Buko 2008 — *Buko A.* (red.) Zespół wieżowy w Stołpiu. Badania 2003—2005. Warszawa, 2008 (в печати).
- Buko, Dzieńkowski 2009 — *Buko A., Dzieńkowski T.* Palatium Daniela Romanowicza i stratygrafia południowej skarpy Wysokiej Góry w Chełmie w świetle wyników badań 2001 roku // Chełm i ziemia chełmska w dobie Daniela Halickiego. 800-tną rocznicę urodzin Księcia. R. Szczygieł (red.). Lublin, 2009 (в печати).
- Dąbrowski 2008 — *Dąbrowski D.* Stołpie w świetle źródeł pisanych // Zespół wieżowy w Stołpiu. Badania 2003—2005. A. Buko (red.). Warszawa, 2008 (в печати).
- Dzieńkowski 2002 — *Dzieńkowski T.* Góra Chełmska we wczesnym średniowieczu // Badania archeologiczne o początkach i historii Chełma. E. Banasiewicz-Szykuła (red.). Lublin, 2002. S. 73—83.
- Dzieńkowski, Gołub 2002 — *Dzieńkowski T., Gołub S.* Osada przyrodowa z czasów księcia Daniela Romanowicza w Chełmie // Badania archeologiczne o początkach historii Chełma. E. Banasiewicz—Szykuła (red.). Lublin, 2002. S. 57—71.
- Gurba, Kutyłowska 1970 — *Gurba J., Kutyłowska I.* Sprawozdanie z badań wczesnośredniowiecznego grodziska w Chełmie Lubelskim // Sprawozdania Archeologiczne. 1970. T. 22. S. 231—241.
- Kutyłowska 1997 — *Kutyłowska I.* Wczesnośredniowieczne baptysterium w Stołpiu koło Chełma // Najważniejsze odkrycia archeologiczno-architektoniczne Chełma i okolic. S. Gołub (red.). Chełm, 1997. S. 19—38.
- Natkański 2000 — *Natkański K.* Początki kultu na Górze Chełmskiej // Eastern Review. 2000. T. 4. S. 411—423.
- Rogoziński 2000 — *Rogoziński J.* Ceramika naczyniowa z wybranych obiektów stanowiska 144 (badania 1999 roku): M-ps pracy magisterskiej w Instytucie Archeologii UW, Warszawa, 2000.
- Smorąg-Różycka 2001 — *Smorąg-Różycka M.* L'architecture sacrale orthodoxe de Galicie-Volhynie du XIII siècle: une synthèse des formes traditionnelles byzantines et romanes? // Byzantina et Slavica Cracoviensia. T. 3. Byzantium and East Central Europe. Cracow, 2001. S. 181—200.
- Stefański 1996 — *Stefański J.* Historia kultu Matki Boskiej Chełmskiej (w zarysie) // Chełm i chełmskie w dziejach. R. Szczygieł (red.). Lublin, 1996. S. 277—292.
- Susza 1653 — *Susza J.* Phoenix Iterato Redivivus Albo Obraz Starożytny Chełmski Matki Bożej [...], Lwów, 1653.
- Zin, Grabski 1967a — *Zin W., Grabski F.* Fazy rozwoju przestrzennego miasta Chełma // Sprawozdania PAN (lipiec-grudzień 1966). Kraków, 1967. S. 721—725.
- Zin, Grabski 1967b — *Zin W., Grabski F.* Wyniki badań architektonicznych nad wczesnośredniowiecznym Chełmem // Sprawozdania PAN (lipiec-grudzień 1966). Kraków, 1967. S. 725—729.

THE MEDIEVAL CHEŁM AND STOŁPIE IN THE LIGHT OF THE RECENT RESEARCH (SELECTED PROBLEMS)

A. Buko

The present author discuss the latest research carried out on Chełm and Stołpie — two important sites from the time of Galich-Volyn Princedom. In Chełm, the key settlement centre of the region, the main research area is still the top of the Cathedral Hill and its nearest vicinity. For more than 100 years the northern part of the summit of the Cathedral Hill has been the subject of special interest and archaeological investigations. The excavations from these years (Russian and Polish) show Wysoka Górka [High Hill] as the place where a huge, palatial structure, joined to the east with a sacral structure identified with St. John's church had been built. During the excavations, richly ornamented architectonic details which were parts of the decoration of the temple and the Duke's residence were uncovered. In 2001 part of the escarpment faced with a layer of stones taken from the chalk bedrock, adjoining a moat was uncovered again.

In the case of the mortared tower in Stołpie which is distant 8 km to the west from Chełm, the first archaeological excavations took place in the 1st decade of the 20th century. In 2003—2005 fieldworks were conducted once again. The Ruthenian-Byzantine cultural context of the site is unquestionable. However, no examples of structures on which the Stołpie tower complex (i. e. the tower with adjacent stone platform) could be modelled have been found in Ruthenia. The situation is quite different if we refer to the central parts of the Byzantine Empire. A direct heir of these traditions is modern Greece with numerous tower structures dated to the 12th—14th century, similarly as the discussed structure in Stołpie.

One can not fail to notice that the layout of the Stołpie complex is a miniature and simplified, or even 'Barbarised' version of the Greco-Byzantine monasteries from the 12th—14th century. The archaeological investigations confirm the historian's opinion that the structure was built for a person of high rank. Elements of decoration of the tower and some finds are identical with those known from Danylo's palace on Cathedral Hill in Chełm.

ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЗАПАДНОРУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII—ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIV в.

И. В. АНТИПОВ

В 1970—1990-е гг. стараниями Марианны Владимировны Малевской в историю русской архитектуры вошла тема, которая ранее игнорировалась во всех обобщающих работах по истории зодчества Древней Руси, — архитектура Западной Руси второй половины XIII—первой трети XIV в. (до 1340 г.). Одна из важнейших проблем изучения западнорусской архитектуры данного периода — почти полное отсутствие точно датированных исследованных памятников, которые можно было бы использовать в качестве эталона для датировки зданий, не упомянутых в письменных источниках.

На территории Галицкой, Волынской земли и Черной Руси всего в это время, по мнению исследователей, было построено более 30 памятников архитектуры.¹ Если обратиться к письменным источникам, окажется, что датированных памятников всего 7: Ипатьевская летопись указывает, что в годы правления Владимира Васильковича Волынского (1271—1288) было возведено пять зданий: башни в Каменце и Берестье, Благовещенская церковь в Каменце, церкви св. Петра в Берестье и св. Георгия в Любомле; при Мстиславе Даниловиче в 1291 г. во Владимире-Волынском освятили церковь свв. Иоакима и Анны («гробница камня») над гробом княгини Анны, в этом же году в Черторыйске заложена башня.

Летопись упоминает несколько зданий, построенных Даниилом Романовичем Галицким в Холме (церкви св. Иоанна Златоуста, свв. Космы и Дамиана, Богородицы, оборонительную башню), нарушение хронологии повествования в данной части Ипатьевской летописи не позволяет предположить точную дату их строительства, однако исходя из текста описания более вероятно, что храмы и башню возвели уже после 1240 г.

Остальные постройки Галицкой, Волынской и Черной Руси не датированы современными письменными источниками, разными учеными предлагаются датировки с колебанием до 150 лет.

Какие источники и методы используют исследователи для датировки таких памятников? Большая часть памятников датирована благодаря сведениям поздних письменных источников, а также на основании преданий, которые связывали строительство храма с именем того или иного князя или церковного иерарха.

Прежде всего, надо упомянуть сведения, почерпнутые из актов, в том числе поддельных грамот князя Льва Даниловича. Среди памятников, датиро-

¹ Ссылки на летописные данные и результаты исследований отдельных памятников см. в соответствующих разделах опубликованного нами в 2000 г. каталога (Антипов 2000: 89—160). В настоящей публикации мы ограничились лишь наиболее необходимыми сносками, в основном на новейшую литературу по теме.

ванных на основании этих данных, — церковь св. Николая во Львове и Спасский собор Спасского монастыря близ Старого Самбора. Натурные и архивные исследования позволили установить, что датировка этих памятников концом XIII—началом XIV в. является возможной. Есть, однако, сведения поздних письменных источников, которые не дают возможности обозначить точное время строительства того или иного памятника. Так, например, Пятицкая церковь во Львове упоминается в источниках только в 1443 г., следовательно, мы можем отметить, что храм мог быть построен во второй половине XIII—первой половине XV в. Также в 1583 г. впервые упоминается и Покровская церковь в Луцке, археологические работы, проведенные М. В. Малевской, позволили лишь предположительно отнести храм к XIV в.

В последние десятилетия активно применяется метод датирования по формату и типу кирпича, а также по типу кирпичной кладки. М. В. Малевской составлена таблица размеров брусковых кирпичей, примененных в памятниках, которые обычно относят ко второй половине XIII—первой трети XIV в. (Малевская 1989: 215). Однако все еще остается проблема определения времени появления брускового кирпича на Руси. Существуют две полярные точки зрения: одна представлена работами российских исследователей, прежде всего трудами П. А. Раппопорта и М. В. Малевской, которые предполагают, что брусковый кирпич появляется в западнорусских землях в первой трети XIII в., а источником происхождения считают Польшу (Раппорт 1989: 207—211; Малевская 1989: 212—216), другой придерживаются некоторые украинские исследователи, в основном И. Р. и Р. И. Могытычи, по мнению которых строительство из брускового кирпича было распространено в Западной Руси еще во второй половине XII в. (Могытыч 1996: 86—87; Могитич I. Р., Могитич Р. I. 1990: 60—62). Последняя точка зрения кажется недостаточно аргументированной, так как большая часть памятников, упоминаемых исследователями, безусловно, относится уже к XIII—XIV вв. В то же время версия П. А. Раппопорта о происхождении и времени бытования брускового кирпича в русских землях также имеет некоторые слабые стороны. В частности, изучение башни в Столпье привело исследователей (И. Кутыловска) к выводу о том, что облицовка верхнего яруса башни кирпичом одновременна основному зданию (Kutyłowska 1981: 3—12). Башня в Столпье, сейчас это уже очевидно, относится к домонгольскому времени и построена до 1204 г., когда в летописи впервые упоминается место Столп. Под этим же названием (не Столпье, а Столп) оно фигурирует в летописи и под 1213 г. Следовательно, первые памятники (или, по крайней мере, один памятник), построенные из брускового кирпича, появились на Руси еще в конце XII в., одновременно с самыми ранними образцами польского строительства из брускового кирпича.² С другой стороны, некоторые из упомянутых П. А. Раппортом памятников, в которых брусковый кирпич сочетается с плинфой, исследованы пока недостаточно и могут, на наш взгляд, относиться не к XIII в., а к более позднему времени [например, обнаруженные части церкви в Нестеровском переулке в Киеве (Толочко, Асеев 1972: 80—87)].

² Последние работы польских археологов и архитекторов (коллектив исследователей под руководством А. Буко) позволяют выделить несколько этапов в строительстве башни в Столпье, однако их датировка до публикации результатов исследований будет оставаться дискуссионной.

Как известно, известково-цемяночный раствор также встречается в памятниках XIV—XV вв., например, в Верхней церкви в Гродно (Воронин 1955: 183—191), поэтому факт применения известково-цемяночного раствора для памятников Западной Руси не может быть индикатором обязательной принадлежности здания к домонгольскому времени. В этой связи расплывчатой остается датировка церкви св. Михаила Михайловского монастыря во Владимире-Волынском (здесь в кладке применен известково-цемяночный раствор), а также расположенной рядом так называемой «усыпальницы», которая нами была интерпретирована как гражданская постройка.

Нельзя не признать, что гипотеза о том, что вендская система кладки применялась в Западной Руси с середины XIII в. до 1340-х гг., а в более позднее время встречается исключительно готическая система перевязки, является на сегодняшний день наиболее аргументированной и позволяет датировать здания. И здесь в качестве опорных памятников выступают Каменецкая башня и Георгиевская церковь в Любомле, стены которых сложены в вендской технике кладки (рис. 1, 2). По наблюдениям польских исследователей, в XIII в. готическая система перевязки швов в Польше также не встречается, а в вендской технике кладки строили до начала XIV в., за исключением Поморья, где она продолжала применяться и позднее (Radacki 1976: 315). Так, благодаря фикса-

Рис. 1. Каменецкая башня, 1270—1280-е гг., общий вид

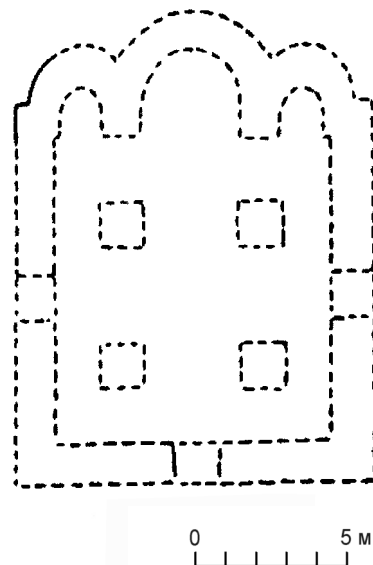

Рис. 2. Церковь св. Георгия в Любомле, 1270—1280-е гг., план (по Малевская 1997)

ции участка стены, сложенного в вендской технике кладки, М. В. Малевской удалось датировать второй половиной XIII—первой третью XIV в. церковь св. Дмитрия в Луцке. С помощью этого метода ею же была датирована первой половиной XIV в. церковь на детинце в Новоградке. В качестве характерных примеров значения этого метода датирования можно привести два памятника: так называемый дворец воеводы в Дрогобыче Львовском и первоначальную Онуфриевскую церковь в с. Лаврово. В кладке этих зданий употреблен брусковый кирпич характерного для XIII—первой половины XIV в. формата и типа, однако готическая система кладки указывает на то, что они могли быть выстроены и позже, в середине XIV в.

В то же время нельзя не признать, что использование вендской техники кладки дает возможность датировать памятник весьма широко — с середины XIII в. до 1340-х гг.

Среди других методов датировки следует отметить прежде всего изучение и сопоставительный анализ архитектурных форм отдельных построек. При этом важно подчеркнуть значение историографической традиции: некоторые памятники исследователи относят к интересующему нас времени без специальной аргументации, основываясь исключительно на силе традиции. Так, самый характерный пример — это церковь Рождества Христова в Галиче (рис. 3, 4). Памятник давно датируется разными исследователями концом XIII—началом XIV в., но источник появления этой датировки не ясен. Сопоставительный анализ с памятниками интересующего нас времени фактически не проводился, да и сделать это затруднительно, так как среди датированных летописью памятников церковной архитектуры исследованы только остатки Георгиевской церкви в Любомле, и то лишь небольшая их часть.

В этой связи очевидно, что анализ архитектурных форм храма можно строить только на сопоставлении с домонгольскими памятниками и произведениями украинского зодчества XIV—XV вв. Следует отметить, что план памятника весьма необычен — трехнефный трехапсидный храм имеет нартекс с западной стороны, при этом в основном объеме храма есть только два свободно стоящих восточных столба крещатой формы, западные столбы такой же формы с помощью отрезков стен соединены со стенами нартекса. Боковые нефы узкие, центральный неф очень широкий, на стенах боковых нефов есть внутренние лопатки, снаружи на стенах им отвечают мощные лопатки-контрфорсы. При этом на других участках стен лопаток нет. Подобная структура свидетельствует о том, что зодчие создавали запас прочности для венчающих частей здания, так как внешние лопатки и отрезки стен, примыкающие с запада к западным опорам, были выстроены для того, чтобы погасить распор сводов. Аналогов такому плану мы не обнаружим в архитектуре домонгольского времени и в зодчестве Украины XIV—XV вв. Важная черта храма — трехапсидность находит параллели и в домонгольском строительстве и в зодчестве второй половины XIII в.: трехапсидной была Георгиевская церковь в Любомле, а также Спасская церковь Спасского монастыря близ Старого Самбора. Общие пропорции плана церкви Рождества могут быть сопоставлены с пропорциями церкви в Василеве, датированной О. М. Иоаннисяном первой третью XIII в. (Иоаннисян 1988: 53). В храме в Василеве также есть крещатые

Рис. 3. Церковь Рождества Христова в Галиче, конец XIII—XIV в. (?), вид с юго-запада

столбы, правда более сложной формы, и внутренние лопатки, отвечающие столбам. В то же время такая черта плана памятника как наличие нартекса кажется чрезмерно архаичной и не находят соответствий в Галицком зодчестве

XII—начала XIII в. Подводя итоги рассмотрению архитектурных особенностей памятника, нельзя не признать справедливой выстроенную О. М. Иоаннисяном цепочку памятников: церковь св. Пантелеймона в Галиче — церковь в Василеве — церковь Рождества в Галиче. Но датировке памятника эта цепочка помогает мало, так как храм с такими чертами мог появиться и в середине XIV в. и даже позже.

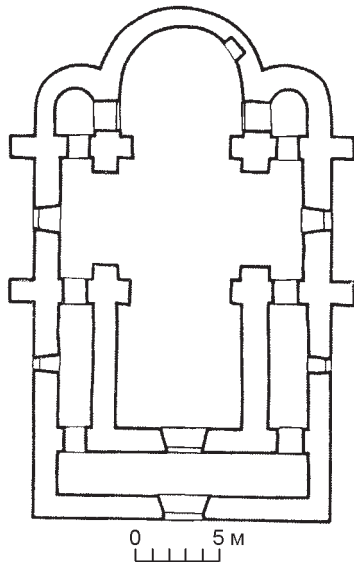

Рис. 4. Церковь Рождества Христова в Галиче, конец XIII—XIV в. (?), план (по Иоаннисян 1988)

Исходя из особенностей архитектурных форм, Васильевская церковь во Владимире-Вольнском датируется концом XIII—началом XIV в. (рис. 5). Анализ архитектуры храма можно проводить, сопоставляя его с Каменецкой башней и памятниками польского зодчества второй половины XIII—начала XIV в. Здесь следует согласиться с выводами М. В. Малевской и признать, что раннеготические черты памятника, использование вендской техники кладки и кирпича, формат которого характерен для последней трети

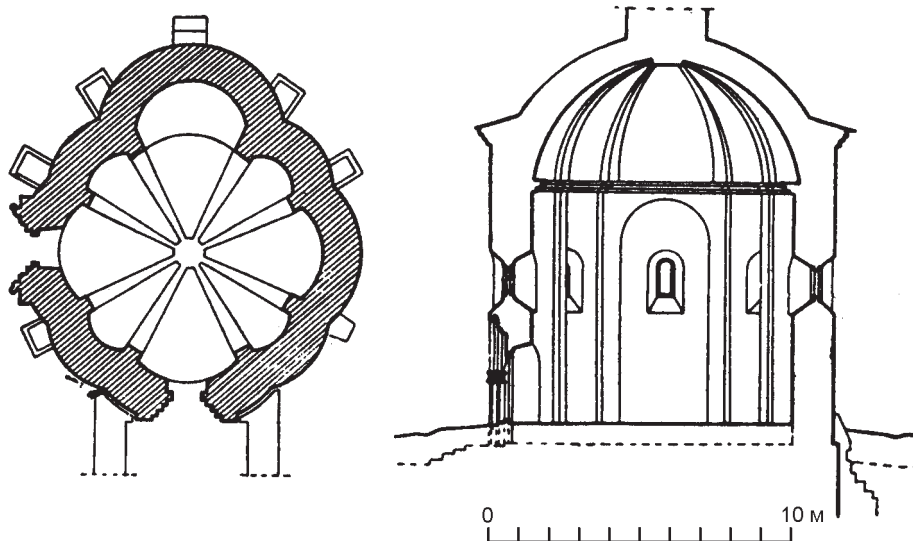

Рис. 5. Васильевская церковь во Владимире-Волинском, конец XIII—XIV в. (?), план и разрез (по Логвин 1958)

XIII в., позволяют датировать памятник второй половиной XIII—первой третью XIV в. На плите, вмурованной в стену церкви, имелась надпись с датой (сохранилась фотография и прорись этой надписи), которая была прочитана Т. В. Рождественской как 1294 г., это, однако может означать лишь, что церковь уже существовала в этом году (плита, правда, может происходить из какой-то более ранней, несохранившейся постройки).

К сожалению, редко когда удается датировать памятники исходя из совокупности письменных, археологических и архитектурных источников. Один из немногих примеров — башня в Спасском монастыре близ Старого Самбора. Из поздних письменных источников мы знаем, что Спасский монастырь связывался с именем Льва Даниловича. Найденный в архиве план этой церкви (Вуйцик 1999: 50—55) подтверждает ее легендарную дату (1292 г.). В ходе археологических раскопок, проведенных М. В. Малевской, удалось установить, что башня поставлена фактически на необжитом месте, а найденные в нижней части культурного слоя фрагменты керамики датируются концом XIII—XIV в. Архитектурные формы башни не противоречат датировке памятника концом XIII—началом XIV в.

Некоторые сооружения датируются исключительно благодаря косвенным данным — например, замок во Львове, не имеющий летописной датировки (остатки одной из башен замка и части стен обнаружены в ходе архитектурно-археологических раскопок). Конечно, кажется вероятным, что первый каменный замок возник во Львове в годы правления Льва Даниловича, но, строго говоря, особых доказательств этому нет. Нет возможности датировать башню в Гродно, упомянутую впервые в 1277 г., это мог быть и домонгольский памятник.

Есть, однако, целый ряд построек, в отношении которых письменные или графические источники отсутствуют, а применение методов архитектурно-

археологического анализа оказывается невозможным или не до конца проясняет ситуацию. Так, пока лишь предположением можно считать версию о существовании в Турове оборонительной башни, построенной во второй половине XIII в. Находка на Туровском городище нескольких кирпичей-пальчатки в слоях этого времени еще не доказывает, что там существовала именно башня. Весьма проблематично относить к интересующему нас периоду так называемый Дворец Даниила Галицкого в Холме, раскопанный П. П. Покрышкиным, а затем вторично исследованный польскими археологами. Данное сооружение могло быть выстроено и в конце XIII в., в годы правления Льва Даниловича или Юрия Львовича или уже в середине XIV в., когда этими землями правил Казимир Великий. Нет никаких доказательств, которые позволили бы отнести к интересующему нас периоду башню в Белавино. Более вероятно, что она также построена в 1340—1350-е гг. Не ясна и датировка церкви в с. Спас (Подгуже), этот памятник мог появиться и во второй половине XIII в. и столетие спустя (Rudnik 1997: 39—52).

Загадочным памятником является башня Щитовка в Новогрудке: по мнению М. А. Ткачева, нижние части этой башни, построенные из камня, относятся ко второй половине XIII в., а верхняя кирпичная часть построена уже в середине XIV в. М. В. Малевская, опираясь на факт использования в кирпичной кладке стен башни вендской техники кладки, а также в связи с тем, что в западнорусских землях мы часто встречаемся с сочетанием камня и кирпича в кладке (нижняя часть каменная, верхняя — кирпичная, например, замок и дворец в Луцке), выдвинула предположение, что вся башня относится к первой половине XIV в. Действительно, проведенные недавно под руководством В. Соболя архитектурно-археологические работы показали, что каменный цоколь является основанием для кирпичной башни, которую исследователь датирует концом XIV в. (после 1392 г.) и относит к заказу Витовта (Соболь 2006: 222, 229). Также не вполне понятно, почему концом XIII—первой половиной XIV в. М. А. Ткачевым датирована башня на Малом замке в Новогрудке, по технике кладки близкая башням Новогрудского замка второй половины XIV в.

Интересно, что в последние годы обоснованно подвергнута сомнению и ранняя датировка (середина—вторая половина XIII в.) первоначально кафедрального собора св. Станислава в Вильнюсе: согласно аргументированному предположению А. Н. Кушнеревича, особенности плановой структуры здания свидетельствуют о том, что оно могло быть построено в середине—второй половине XIV в. (Кушнярэвіч 2006: 217—219). Для истории русской архитектуры после монгольского нашествия датировка этого здания тоже очень важна, так как в литературе встречается суждение о том, что мастера, строившие здания в 1280-х гг. в Твери и Ростове, пришли из Литвы, где перед этим они возвели кафедральный собор (Иоаннисян 1994: 23—24).

Подводя итоги, можно отметить, что комплексное датирование памятников западнорусской архитектуры пока возможно осуществить только в нескольких случаях, долгое время датировки большинства памятников будут оставаться дискуссионными. Очевидно, что многие памятники, которые мы сейчас относим к данному времени, впоследствии будут исключены из этого

списка. В публикации 2000 г. в число памятников архитектуры Галицкой, Волынской и Черной Руси, достоверно относимых к этой эпохе, нами было включено 35 сооружений, сейчас же можно сказать, что не более 25 сооружений с определенной долей вероятности можно отнести к этому времени. В ходе дальнейшей работы с источниками эти цифры, безусловно, будут подкорректированы.

Антипов 2000 — *Антипов И. В.* Древнерусская архитектура второй половины XIII — первой трети XIV в.: Каталог памятников. СПб., 2000.

Воронин 1955 — *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно. МИА СССР. М., 1954. № 41.

Вуйцик 1999 — *Вуйцик В.* Храм XIII ст. Спаського монастыря біля Старого Самбора // *Лавра*. 1999. № 1. С. 50—55.

Иоаннисян 1988 — *Иоаннисян О. М.* Основные этапы развития галицкого зодчества // *Древнерусское искусство. Художественная культура X—первой половины XIII в.* М., 1988. С. 41—58.

Иоаннисян 1994 — *Иоаннисян О. М.* Основные тенденции развития древнерусского зодчества в XIII в. // *Искусство Руси, Византии и Балкан XIII века. Тезисы докладов конференции*. СПб., 1994. С. 21—24.

Кушнярэвіч 2006 — *Кушнярэвіч А.* Да праблемы датыроўкі і функцыянальнага прызначэння кафедральнага сабора Станіслава у Вільні // *Гістарычна-археалагічна зборнік*. Мінск, 2006. Вып. 22. С. 217—219.

Логвин 1958 — *Логвин Г. Н.* Ротонда во Владимире-Волынском // *Архитектурное наследие*. М., 1958. № 10. С. 33—42.

Малевская 1989 — *Малевская М. В.* Применение брускового кирпича в архитектуре Западной Руси второй половины XIII—XIV вв. // *СА*. 1989. № 4. С. 212—221.

Малевская 1997 — *Малевская М. В.* Георгиевская церковь в Любомле и ее место в русском зодчестве второй половины XIII в. // *Древнерусское искусство. Русь. Византия. Балканы. XIII век*. СПб., 1997. С. 259—268.

Могитич І. Р., Могитич Р. І. 1990 — *Могитич І. Р., Могитич Р. І.* Особливості техніки муравання і архітектурних форм Галицько-Волинського зодчества (X—XIV ст.) // *Археологія*. 1990. № 4. С. 60—62.

Могытыч 1996 — *Могытыч Р. И.* К вопросу о становлении школ строительства из брусчатого кирпича в Галицко-Волынской Руси XII—XIV веков // *Проблемы изучения древнерусского зодчества*. СПб., 1996. С. 86—87.

Раппопорт 1989 — *Раппопорт П. А.* О времени появления брускового кирпича на Руси // *СА*. 1989. № 4. С. 207—211.

Соболь 2006 — *Соболь В.* Некаторыя вынікі даслядавання Мураванага замка у Навагрудку // *Гістарычна-археалагічна зборнік*. Мінск, 2006. Вып. 22. С. 220—231.

Толочко, Асеев 1972 — *Толочко П. П., Асеев Ю. С.* Новый памятник архитектуры древнего Киева // *Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси*. М., 1972. С. 80—87.

Kułyłowska 1981 — *Kułyłowska I.* Zabytkowy zespół warowno-kultowy w Stolpiu woj Chelmskie // *Zeszyt Biura Badan Dokumentacji Zabytkow w Chelmie*. Chelmskie, 1981. Nr. 2.

Radacki 1976 — *Radacki Z.* Średniowieczne zamki Pomorza Zachodniego. Warszawa, 1976.

Rudnik 1997 — *Rudnik S.* Wyniki badań architektonicznych kościoła w Podgórzu, gmina Chelmskie // *Najważniejsze odkrycia archeologiczno-architektoniczne Chelmska i okolic*. Chelmskie, 1997. S. 39—52.

**PROBLEMS ASSOCIATED WITH THE DATING OF THE WEST RUSSIAN
ARCHITECTURAL MONUMENTS OF THE SECOND HALF
OF THE 13th — THE FIRST THIRD OF THE 14th cc.**

I. V. Antipov

One of the biggest problems in the study of the West Russian architecture of the second half of the 13th—the first third of the 14th cc is a nearly total absence of reliably dated monuments, which could be used as reference points for dating the buildings not mentioned in written records. The author considers the existing methods of dating and concludes that the dates proposed for most monuments will long remain debatable. For the time being, there are not more than 25 buildings in West Russian lands that can with some degree of probability be dated to the second half of the 13th and the first third of the 14th cc.

«МОНАШЕСКИЕ ПОЯСА» И ПАРАМАНДЫ В СВЯЗИ С ТЕХНИЧЕСКИМИ ТРАДИЦИЯМИ ДРЕВНЕРУССКОГО КОЖЕВЕННОГО РЕМЕСЛА

А. В. КУРБАТОВ

Введение

Обзор работ о технике выделки кож в Древней Руси, включающих наблюдения и выводы специалистов, определенно показывает, что историки и археологи до последнего времени не видели научной проблемности в вопросе использования металлических матриц для тиснения по коже в древнерусских городах. Это связано с укоренившимся представлением о высоком уровне техники и технологии обработки кож уже в домонгольское время. По мнению С. А. Изюмовой, об этом свидетельствует тот факт, что разделение кожевенного и сапожного ремесел в Новгороде произошло уже в XII—XIII вв., а «основные технологические приемы обработки шкур, освоенные новгородцами в XI—XVI вв., сохранялись в кустарном производстве России почти без изменения вплоть до XIX в.» (Изюмова 1959: 195). Спорность данного заключения стала проявляться в последние годы при анализе коллекций из разных русских городов (Курбатов 2008: 472—476). Ныне представляется очевидным, что некоторые выводы С. А. Изюмовой, сделанные на материалах Неревского раскопа, требуют подтверждения как материалами раскопок последних десятилетий, так и повторным обращением к находкам с Неревского раскопа. Например, отмеченный чехол для ножа, декорированный зигзагами, нанесенными зубчатым штампом и датированный XIII—XV вв. (Изюмова 1959: 218, рис. 10, 4), по последним разработкам мог бытовать в Новгороде со второй четверти XIV в. по первую четверть XV в. (Варфоломеева 1993: 165). Учитывая немногочисленность этих чехлов и отличия в технике декора от большинства новгородских находок, можно предполагать их западноевропейское изготовление. Другой предмет — кошелек с Ярославова Дворища, относимый к X в., имеет по описанию «тиснение», которое «несколько необычно по способу нанесения — из мельчайших насечек зубчатого штампа» (Изюмова 1959: 218, рис. 11, 7). По рисунку, к которому относится описание, можно понять, что декор представляет остатки прошивки цветными (?) нитями или нашитую аппликацию. Кроме того, в общем обзоре достижений новгородской археологии найденные на раскопе ярусы деревянных сооружений отнесены к XII в. и последующим столетиям (Колчин, Янин 1982: 16, 17). Отмеченные неясности в объяснениях как стратиграфии, так и описания находки не позволяют принимать ее в расчет при рассмотрении вопроса о формах отделки кожи в средневековой Руси. С. А. Изюмова оставила без объяснения и «псевдотисненный чешуйчатый орнамент» (Изюмова 1959: рис. 11, 13), который можно спутать с

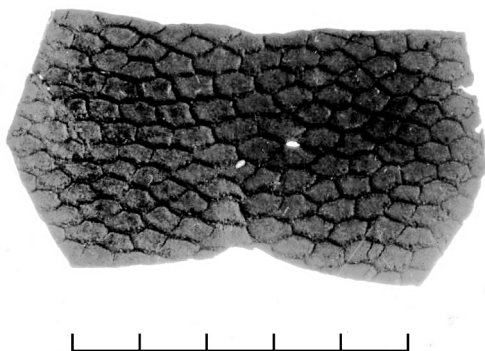

Рис. 1. Обрезок кожи с хвоста бобра из раскопок в Тверском кремле (по Курбатов 2004)

нения средника и наугольников окладов напрестольных Евангелий (Рындина 1996: 86, 155—156), а к последним — монетовидная пластина с Неревского раскопа в Новгороде, датируемая началом XIII в. (Седова 1996: 417, 433). Двусторонний рельефный декор на ней заставляет усомниться в правильности ранней атрибуции и определять находку как печать-пломбу (Козлова 2005: 176).

Археологи иногда сообщают о находках специальных «штампов для кожи» или предполагают работу такими штампами, но каждый подобный случай требует отдельного критического разбора. Применение зубчатого колесика для «накалывания узоров» на коже, найденных в средневековой Москве, предполагал М. Г. Рабинович (1964: 111, рис. 49, 2). Однако таких *колесных басем* в Москве до сих пор не найдено, а приводимый в работе «исколотый кусок кожи» является, по-видимому, обрезком большого кожного предмета со следами декоративной расшивки или аппликации, где «наколы» есть не что иное, как мелкие сквозные отверстия от шивного соединения. Сомнительный «инструмент для разметки кожи» был найден в 2003 г. на Никитинском раскопе в Новгороде, на усадьбе второй половины XIV в., которую считают местом работы сапожника. Это колесико из листовой бронзы в виде цветка с узкими заостренными листками, диаметром около 4,5 см (Дубровин 2004: 13—14, рис. 1, 8). В этом случае очевидно, что мягкость материала и тонкость зубцов предмета делают сомнительной предложенную атрибуцию.

¹ Бобровый хвост мог быть пищевым деликатесом, но его прочную шкуру использовали как уникальный материал для пошива чехлов к ножам, лукам и стрелам. Последние упоминаются в Ипатьевской летописи как *бобровые тулы* (колчаны): «[1241] И тулы ихъ бобровые раздра и прлбичее ихъ вольчье и борьсуковые раздраны быша» (СлРЯ XI—XVII вв., 1: 75). Отметим, что изделия и обрезки бобрового хвоста встречаются в древнерусских комплексах редко. Так, в коллекции из более чем 82 тыс. единиц кожаных предметов из Тверского кремля (раскопки 1993—1997 гг., площадь 1400 м²) выделен всего один такой обрезок (рис. 1). Обрезки кожи из бобровых хвостов также зафиксированы в Новгороде и Полоцке (Матехина 2008: 190—191, рис. 1, 3; Штыхов 1963: 242). В документах XVI—XVII вв. иногда отмечались *околы хвостовые* и *деланные* бобровые шкуры, в том числе молодого бобра — *кошлока* (СлРЯ XI—XVII вв., 3: 236; 4: 204; 7: 396). Но в археологических материалах этого времени кожа с хвоста бобра пока не встречена.

искусственным тиснением горячим металлическим штампом. В настоящее время можно считать установленным, что такой «орнамент» является природным феноменом и отражает фактуру кожи бобрового хвоста.¹

Укреплению мнения о древности развитого тиснения по коже способствуют находки матриц для тиснения серебряных окладов икон и некие изделия с рельефным орнаментом, названные матрицами. К первым относятся меднолитые матрицы XIII в. для тис-

На сегодня широкое рассмотрение кожаных находок из слоев древнерусского времени позволяет уточнить время и особенности появления техники тиснения кожи в средневековой Руси. Тиснение поверхности кожи для улучшения ее фактуры появляется, видимо, с первой половины XII в. и становится широко распространенным в XIII—первой половине XIV в. Но только в позднем средневековье (XV—XVII вв.) начинают широко использоваться методы декорирования поверхности кожаных изделий тиснеными линиями, проводимыми по *мере* горячим металлическим инструментом (Курбатов 2006а: 82—85). В связи с этим кожаные монашеские пояса и параманды XII—XV вв., с качественными рельефными оттисками миниатюрных и сложных сюжетных композиций, включая мельчайшие детали, являются наиболее высокотехнологичными образцами отделки кожи, не находящими аналогов в синхронных им массовых категориях кожаных изделий, изготовленных в русских городах.

Археологические находки. В древнерусских городах найдены монашеские захоронения с кожаными предметами, неизвестными в погребениях мирян. По составу находок Т. Д. Панова разделила их на погребения, содержащие: 1) только кожаные кресты — это самая многочисленная группа, 2) только монашеский пояс, 3) крест и пояс, 4) пояс и параманд. Если первая группа может считаться погребениями простых монахов, то все остальные следует считать погребениям монахов высоких рангов или членов княжеских семей, принявших постриг перед смертью (Панова 2004: 168).

По письменным источникам известно, что «скимный с праздникы» пояс как часть монашеского облачения был в обиходе еще в домонгольское время. О нем упоминает Кирилл Туровский в своем «Сказании о черноризьстем чину...»: «Пояс же — крестыня смерти осужение, ею же Адама обожи, за нь же связан водим быст, по писанию: Есть поясан правдою, и истиною обит в ребра своя; — и по сему образу скимный, с праздникы, пояс, от Адама и от Арона, и обою закону Христомъ съвършен» (Еремин 1956: 359). В другом источнике записано: «Апостол же <...> повеле и в сукняны ризы черныа одети их и поясы ременыа поясати я о чреслах» (СлРЯ XI—XVII вв. 18: 92). Подобный пояс, по словам св. Германа, напоминая иноку усменный пояс Предтечи, знаменует умервщление плоти, а вместе с тем готовность на всякое доброе дело (ДРГ 1849: 166).

Параманд — это четырехугольный нагрудник с подшитыми к углам шнурами, охватывающими плечи монаха, обвивая и стягивая его одежду. «Параманд дается иноку во всегдашнее воспоминание ему взятия на себя благого ига Христова и легкого бремени ношения его, и в обуздание и связание всех похотей и плотских желаний» (Никольский 1907: 746). Самым ранним упоминанием параманда до последнего времени исследователи считали слово *оперсник*, встреченное в новгородской берестяной грамоте № 648, имевшей стратиграфическую дату — середина 90-х гг. XII—конец 20-х гг. XIII в. (Панова 2004: 168; Янин, Зализняк 1993: 44). Но если при первом прочтении этот предмет был отнесен к группе «церковных или священнических принадлежностей», то последующее изучение всего комплекса берестяных грамот выявило единство двух отдельно найденных фрагментов — грамот № 648 и № 659, бывших единым документом, сообщавшим об отдаче вещей на сохранение — *сблюдение*. В связи с этим священнический характер «покровца» и «оперсни-

ка» из грамоты № 648 представляется сегодня не столь очевидным (Янин, Зализняк 2000: 118—119).

В последние годы, в связи с новыми археологическими находками «монашеских захоронений», возрос интерес к данной категории материальной культуры русского средневековья. Пояса и параманды несут на себе тисненые изображения стилизованных композиций, обозначающих основные (двунадесятые) христианские праздники. Сами оттиски в клеймах, видимо, были выполнены металлическими пуансонами по влажной коже. Эти пояса и конструктивно отличаются от подобных деталей одежды мирян, находимой в некоторых городских некрополях. К последним относится пояс из погребения, недавно раскрытого в Спасо-Андрониковом монастыре (Насырова, Станюкович 2003: 97—98).

В статье мы рассмотрим только технические особенности тиснения поясов и парамандов, не вдаваясь в культурно-исторический и религиозный аспекты их изучения.

Пояса. Сегодня известны несколько десятков кожаных «монашеских поясов» с оттисками двунадесятых праздников, встреченные и в захоронениях, и в средневековых городских слоях. Наиболее полную их сводку и анализ сделала Т. Д. Панова. Длина поясов составляет 0,7—0,9 м, а ширина, как правило, не превышает 2—3 см. Все монашеские пояса отличаются очень простой конструкцией и отсутствием металлических пряжек. На них имеются тисненые изображения двунадесятых праздников в клеймах, кресты, розетки, а также надписи. В погребениях они найдены только в захоронениях монахов, где лежали в области живота умерших. Некоторые захоронения с поясами исследователи приписывают известным в истории монахам, таким как преподобный Никита Столпник в Переяславле Залесском († 1186) — один из семи святых этого города, особо почитаемый московскими великими князьями и государями (Насырова, Станюкович 2003: 91, 97, рис. 6, 3).

В Киеве четыре пояса с оттисками сцен «Вход в Иерусалим», «Успение Богородицы» и другие, с соответствующими сюжетам надписями, найдены в захоронениях пещерного Зверина монастыря (Каманин 1914: 93—99). Много кожаных поясов найдено в Киево-Печерской лавре, в захоронениях XI—XV вв. (рис. 2). Среди них и простые пояса, и пояса с сюжетами двунадесятых праздников в клеймах (Панова 1999: 145—148; Гущина 2003: 162—163).

В Смоленске два пояса найдены в захоронениях XII в. Кроме того, при строительных работах в конце XIX в. было открыто захоронение монаха, совершенное до середины XVI в., где сохранились тисненый пояс и параманд (ИАК 1902: 62, 63).

Два захоронения с поясами открыты в Новгороде. Одно из них — в Новгородском Георгиевском соборе Юрьева монастыря — В. Л. Янин связывает с личностью первого игумена обители Савватия († 1226). Здесь найден пояс с оттисками сцен двунадесятых праздников, архангелов и херувимов в круглых клеймах (Каргер 1946: 208, рис. 39). Второй пояс найден в могиле с останками княгини Феодосии (в монашестве Евфросинии, † 1244), жены новгородского князя Ярослава Всеволодича (Янин 1988: 100). На нем прямоугольные клейма со сценами двунадесятых праздников перемежаются оттисками равноконечных крестов в круге (Каргер 1946: 206, рис. 29).

Рис. 2. Изделия из кожи (XII—XIV вв.) из пещерных захоронений киевских монастырей (по Ewans, Wixom 1997)

Несколько предметов найдены в Московском Кремле. Наиболее ранняя находка сделана в 1836 г. при ремонте притвора в церкви Спаса Преображения на Бору. В описании погребения отмечено, что «на кожаном поясе вытиснуты те же праздники, что и на параманде» (ДРГ 1849: 166, рис. 107). Судя по рисунку, все изображения и подписи между ними сделаны рельефно в прямоугольных клеймах (рис. 3, 4). «Кожа на сих утварях довольно тверда, только некоторая часть пояса истлела» (Снегирев 1842—1845: 128). Один из позднейших поясов — начала XV в. — найден в усыпальнице Вознесенского собора, в саркофаге княгини Евдокии, вдовы Дмитрия Донского (†1407). Другое захоронение с подобными вещами приписывается княгине Марии, третьей жене Симеона Гордого, погребенной в 1399 г. Захоронение вторично открывали в 1472 г., когда останки снова облачали в ризы, что позволяет Т. Д. Пановой относить пояс и параманд ко второй половине XV в. В последние годы в Кремле пояс был найден в захоронении неизвестного монаха, жившего около 70 лет, совершенном в белокаменном саркофаге, форма которого не выходит за XV в. (Панова 1999: 147).

Два пояса с двенадцатью праздниками были найдены в древнем культурном слое городов. В Новгороде остатки пояса встречены на усадьбе «Б» Троицкого VI раскопа, в слоях начала XIV в. (Янин и др. 1983: 45), хотя Т. Д. Панова считает возможным, согласно научному отчету о раскопках, датировать находку концом XIV—XV в. На двух его обрывках хорошо видны пять прямоугольных клейм, сопровождаемых короткими надписями, со сценами «Рождества Христова», «Богоявления», «Вознесения», «Преображения» и «Успения Богородицы». Четыре клейма расположены необычно — поперек пояса и только сцена «Вознесения» — фронтально. Второй предмет найден в 1985 г. на южной окраине Тверского кремля в слоях второй половины XIII—середины XIV в. Длина его сохранившейся части 88 см, ширина 2 см (рис. 5). Его отличает расположение клейм на значительном расстоянии друг от друга и примитивизм изображений на них (Панова 1999: 146; Попова 1987: 93).

Матрицы. Особый интерес вызывают матрицы, с которых могли быть сделаны оттиски на поясах. Это должны быть прямоугольные и круглые пла-

Рис. 3. Параманд, кожаный пояс и глиняная чашечка из гроба, открытого в церкви Спаса-Преображения на Бору в Москве (по ДРГ 1849)

стины (печатки), размерами до 2,5—3 см, с углубленными изображениями, имеющими отчетливую проработку краев — достаточно ровные и острые грани, а также гладкую поверхность. Такие находки чрезвычайно редки. По воспоминанию И. М. Каманина, в г. Вышгороде под Киевом был найден медный штемпель с изображением «Вознесения Господня», служивший для изготовления поясов в каком-либо из местных монастырей (Каманин 1914: 94). Но место хранения этого предмета в настоящее время неизвестно.

Рис. 4. Кожаный параманд с изображением Додекаортонa. Конец XIV в. Из некрополя церкви Спаса-Преображения на Бору. Музеи Кремля (по Яковлева 2005)

Сегодня на территории Руси документально зафиксированы только две костяные матрицы.² Первая найдена в 1971 г. на Кировском раскопе в Новгороде, в балластном слое, т. е. не имеет стратиграфической даты (Колчин, Рыбина 1982: 230, рис. 43). Матрица была отнесена к XV в. (Древний Новгород...

² В частной беседе с автором В. Г. Пуцко упоминал об известных ему более десяти неопубликованных металлических штампах, которые могли использоваться для тиснения подобных клейм на поясах. Все они найдены на территории Южной Руси.

Рис. 5. Кожанный пояс с оттисками двенадцатых праздников из раскопа 1985 г. в Тверском кремле (фото автора, 2007 г.)

1985: № 174). Это костяная пластина размерами $4,5 \times 3,8 \times 0,5$ см, на одной стороне которой углубленным рельефом вырезано зеркальное изображение евангельской сцены «Вход в Иерусалим». В центре композиции — фигура Христа в крещатом нимбе, сидящего на диковинном звере, перед ним — пальмовая (?) ветвь, а вокруг него и ниже очень условно изображены апостолы. Поверху идет надпись «Входъти». «Изображенная сцена весьма условна и схематична, а зверь, на котором Христос въезжает в Иерусалим, мало похож на евангельского осла» (Колчин, Рыбина 1982: 230).

Вторая костяная матрица найдена при раскопках Минска в 1986 г. и имеет вид кубика со сторонами 3 см (Штыхау 1989: 172—174, рис. 84, 85). На всех 6 сторонах нанесены сюжеты основных христианских праздников: Крещение, Воскресение Лазаря, Вход в Иерусалим, Сошествие в Ад, Вознесение Христа, Сошествие Святого Духа. Материал кубака остался неопределенным (рог или кость), но поделка имела коричневый цвет, ее грани, с фасками, были тщательно заглажены и отполированы. Судя по фотографии, фигуры врезаны глубоко (возможно на 2,5—3 мм), края врезных изображений несколько затерты, поверхность всех граней сильно залощена. Г. В. Штыхов назвал предмет кубиком для гадания монаха и датировал его XVI—XVII вв.

Известна также одна древнерусская плоская бронзовая матрица, с углубленным изображением сцены Успения Богородицы. Найдена она в г. Гродек (Польша, повят Грубечов) и датирована XII—XIII вв. На прямоугольной пластине размерами $2,2 \times 2,55$ см хорошо сохранилось рельефное изображение, с глубиной проработки 0,4 мм (Wołoszyn 2001: Cat.). Ее отнесение к матрицам нужного типа определяют следующие признаки: 1) она абсолютно точно подходит по размерам к оттискам изображений на известных поясах; 2) имеет аналогичный сюжет и построение всей библейской сцены; 3) отмечена бли-

зость к южнорусским землям, из которых она могла быть привезена; 4) ее географическое положение подкрепляется большим числом найденных в Польше культовых и бытовых вещей древнерусского происхождения. Это, несомненно, не сама матрица для тиснения по коже, а оригинал, по которому отливали матрицы, имевшие врезное изображение.

Таким образом, на сегодня документально зафиксированы одна реальная бронзовая матрица, упоминание еще одной и устное сообщение о нескольких таких находках, происходящих из Южной Руси (по-видимому, из Киевской земли), а также — одна костяная матрица из западнорусских земель и одна костяная матрица из Северной Руси. Такое распределение находок позволяет предположить, как наиболее вероятные, два места изготовления поясов — Киев и Новгород, крупнейшие экономические, политические и культурные центры Южной и Северной Руси.

Способы тиснения кожи в средневековой Руси. Встреченные в средневековых слоях русских городов археологические обрезки кожи и кожаные изделия показывают три способа тиснения лицевой поверхности материала — *мереи*. Эти способы установлены при визуальном изучении находок — по отчетливым краям линий тиснения, по наличию или отсутствию следов оттиска на внутренней стороне кожи, по форме оттиска (линейный или фигурный). Изучение археологических находок подкрепляется известными по этнографии способами тиснения кожи, практическими руководствами современных кожевников, а также исследованиями по технике обработки кожи в западноевропейских странах в эпоху средневековья.

Первый способ состоит в том, что продубленная влажная кожа раскладывалась на ровной поверхности, на слое зерен культурных растений — проса, пшеницы, ячменя, затем прижималась досками и в таком положении высушивалась. Прижимные доски, вероятно, покрывались тканью или войлоком. При высушивании на коже сохранялись мелкие бугорки, не имевшие четко выраженных краев на лицевой поверхности, которые равномерно покрывали кожу, напоминая естественную фактуру материала (рис. 6, 1). Такой способ тиснения был наиболее распространенным при выделке древнерусской кожи и едва ли не единственным вариантом тиснения до XIV—XV вв. Из ранних образцов можно указать находки конца XI—первой половины XII в. на Рюриковом городище (Курбатов 2007: 91). Ранее этого времени такого рода тиснение кожи достоверно не установлено. Например, можно считать, что единственный образец тисненой кожи, найденный в древнейших слоях Старой Ладого, мог попасть туда при позднейшем перекопе (Курбатов 2006б: 65, рис. 2, 19). Подобное тиснение кожи, несомненно, улучшало фактуру материала, но было малопригодно для получения сюжетных изображений. Такая отделка поверхности существовала на протяжении всего средневековья, а также в XVIII—XIX вв., когда рельефность кожи достигалась при помощи *катальных досок*. В Словаре коммерции приводится описание: «На коже вытиснивают узоры деревянными досками, на коих узоры вырезаются выемною работою, <...> положив кожу на доску насыпанную мелким песком» (СлРЯ XVIII в., 14: 71). Г. Поварнин называет операцию нанесения такого рельефа *нарезанием*, отделяя его от собственно тиснения, производимого горячими металлическими досками (Поварнин 1912: 89). Для второй половины XIX в. известны *рубели* — кленовые катки для обработки бараньих кож: «Ими катают вышедшие из дела

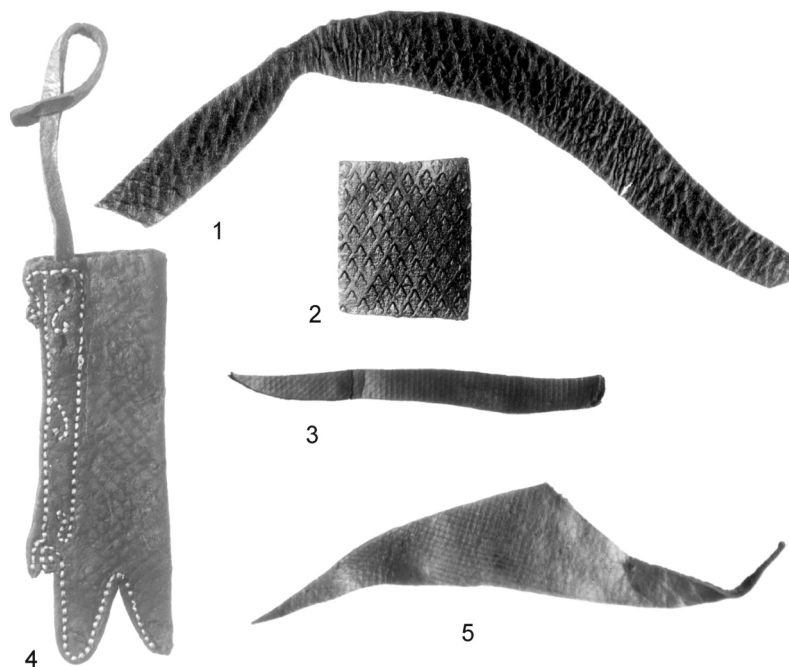

Рис. 6. Тверской кремль: 1 — обрезок кожи с тиснением «под овсянку»; 2 — обрезок кожи с геральдическими лилиями; 3—5 — обрезки кожи с тиснением «сеточка»; 4 — реконструированный чехол для ножниц

бараньи кожи, дабы они получали тесмены, т. е. малые и частые углубления» (СРНГ, 35: 222).

Особым видом тиснения можно назвать накат мелкими ромбами или квадратами, этнографически фиксируемый в XIX в. Г. Поварнин связывает такой вид отделки с сортом кожи *булгара*, востребованной на среднеазиатском рынке (Поварнин 1912: 89). Единичные обрезки хорошо продубленной тонкой кожи, с лощеной поверхностью и накатом ромбами или квадратами, встречаются в русских городах с XIV в., например, в Тверском кремле (рис. 6, 3—5). Такую кожу можно относить к образцам товара *булгари*, привозимого из городов Среднего Поволжья (Курбатов 2009). Подражанием этому способу тиснения, но менее качественному, можно назвать чехол для ножниц в Полоцке, происходящий из слоев конца XII—первой половины XIII в. (рис. 6, 4; Курбатов 1999, рис. 14).

Второй способ тиснения использовался для создания декоративного узора из завитков. В этом случае на мокрой коже с изнаночной стороны выкладывали рисунок из шнура, который сдавливается с двух сторон жесткими поверхностями (Рабинович 1964: 109, 111, рис. 48). В качестве таких поверхностей могли использовать ровно оструганные доски. Но получить в такой технике четкое изображение мелких врезных линий вряд ли возможно, что подтверждают находки футляров и сумок в Новгороде и Твери, встреченные в слоях не ранее XIV в. (Гайдуков 1992, рис. 90, 1—3; Варфоломеева 1994: 174—175; Курбатов 2004, рис. 113, 6; 121, 3; 122). Отметим, что, по мнению некото-

рых специалистов, техника тиснения с изнанки (со стороны бахтармы), при которой на деревянную поверхность наклеивали шнурки, а затем прижимали к ней кожу, в позднеантичное и раннесредневековое время была характерна для восточного Средиземноморья (Курбатов, Матехина 2004: 353—354).

Третий способ заключается в нанесении рисунка, используя давление на мерею горячего металлического инструмента. Двигая металлическую пластину с нажимом по поверхности кожи, на ней оставляли прямые линии. Под воздействием горячего металла верхние слои кожи уплотнялись, т. е. этот участок поверхности кожи «заваривался», образуя углубленные линии с ровными краями. Подобная техника стала широко применяться на Руси не ранее XIV—XV вв. Видимо, самые ранние образцы такого тиснения зафиксированы на чехлах для ножей в Новгороде (Варфоломеева 1993: 164—165). Однако нельзя забывать, что некоторые из тисненых кожаных изделий могли быть привезены из стран Западной Европы или из ордынских городов Поволжья. Примерами первых можно назвать находки в Твери (рис. 6, 2) и Новгороде (Варфоломеева 1995: 192 и сл.; Древний Новгород... 1985, № 284; Курбатов 2004: 64—66), а вторых — найденную в Новгороде сумку с бронзовыми 6-лепестковой застежкой и уголками (Гайдуков 1992, рис. 91; Козлова 2004: 192—195). В целом, в древнерусских городах найдено немного кожаных изделий, имевших качественное тиснение и отчетливую проработку краев оттиснутых прямых линий. Эти линии составляют разнообразные декоративные композиции, по сути, бывшие многократным повторением простейших элементов-линий. С другой стороны, редкие находки сюжетных композиций (рисунков) представляют иной тип оттиска, поскольку делались широкой металлической пластиной, несущей рельефное изображение всего сюжета, данное в негативном виде. Такие изделия, учитывая известные аналоги, можно относить к продукции западных мастеров (Курбатов 2004: 64, 65).

Использование высоких температур для придания коже новых, не свойственных ей качеств, известно с древности. По античным описаниям придание коже жесткости достигалось ее выдерживанием в горячем масле, с последующей запрессовкой в твердых поверхностях. Техника «кипяченой» или «вареной» кожи в Западной Европе процветала и в римское время, и в раннем средневековье. Из такой кожи изготавливали так называемые мышечные (или «мускульные») доспехи, различные футляры, кубки для питья, бутылки и другое. Доспехи склеивались из нескольких слоев кожи, а другие вещи делали из одного слоя.

Опыты воздействия на кожу горячих растворов естественным образом перетекают и на применение штампов для мелкого тиснения поверхности. В странах Западной Европы качественные образцы тиснения на коже встречаются в слоях раннесредневекового времени, где также найдены и соответствующие инструменты. В Йорке, например, двусторонний инструмент для горячего тиснения поверхности и краев увлажненной кожи встречен в слоях X в. Он имел треугольный или прямоугольный в сечении рабочий край и специальный уступ для упора (Курбатов, Матехина 2004: 353). Самое раннее упоминание «вареной кожи» — cuir boilli — найдено в документе 1185 г. Однако сам термин может вводить исследователя в заблуждение, поскольку кожаные предметы не кипятились, а просто вымачивались в нагретом воске или масле. При высыхании кожа становилась жесткой и хорошо держала оттиски изображений. Западные исследователи также отмечали, что в странах Западной Европы производство

высокохудожественных кожаных чехлов, книжных переплетов и других предметов до начала XIV в. находилось под патронатом церкви (Russell 1940: 130, 133). Поэтому такая техника тиснения была связана с преимущественным изготовлением изделий церковного обихода и утвари с христианскими символами, служившими как для священнослужителей, так и для их распространения среди паствы. Только с XIV в. техника тиснения горячими штампами стала охватывать широкий круг бытовых изделий из кожи, и в том числе кожаные кувшины с рельефным декором (Samariter, Igel, Schäfer 2003: 188—192).

Русские ремесленники могли иметь представление о способах обработки кожи горячими составами, полученное с Запада, а также через монголов, практиковавших изготовление кожаных панцирей из такой кожи. Об этом писал Марко Поло, наблюдавший обычаи татар во второй половине XIII в.: «Вооружение у них лук, меч и палица... а на спине у них панцырь из буйволово́й или другой какой кожи, вареной и очень крепкой» (Книга 1956: 90). О том же сообщал и Гильом де Рубрук, ездивший в Монголию через земли Золотой Орды примерно в то же время (Путешествие 1993: 166).

Техника сюжетных оттисков горячими металлическими инструментами, с предварительной обработкой кожи горячим маслом, использовалась в средневековой Руси для оформления книжных переплетов. На переплеты наносились узкие линии — «дорожки», широкие краевые узоры — «накаты» и срединные тисненные клейма — «басмы» (Клепиков 1959: 114 и сл.). Однако наиболее ранние сохранившиеся кожаные переплеты с тиснением относятся ко времени не ранее конца XIV—XV в. (Шварц 1981: 243—244). При их изготовлении нагретое масло «прыскали», т. е. стряхивали каплями на поверхность кожи. Такой способ позволял сохранить некоторую эластичность кожи, что отличает его от упомянутых выше способов изготовления «вареной» кожи, полностью опускавшейся в горячее масло.

Терминология. Особый интерес представляют названия инструментов для обработки кожи и, в частности, ее тиснения. Историки русского языка считают, что термин *басма*, в значении инструмента для тиснения по коже, мог быть заимствован из восточных языков не позднее XIV в. вместе с группой других терминов кожевенного ремесла (Поварнин 1912: 234, табл. XIV; Козырев 1974: 9—25; Фасмер 1996, I: 131). Однако самое раннее употребление термина фиксируется документом 1567 г.: «Пречистые образъ Одегитрии обложень медью, басмы железны» (СлРЯ XI—XVII вв., 1: 77; 3: 176). Здесь под «басмами» надо понимать тисненные пластины — наугольники. В источниках XVI—XVII вв. *басмой* именовали и само тиснение, и инструмент — пластинку с тисненым узором, изображением. При этом данный термин использовался только в контексте оформления книжных переплетов. Например: «[1645] Дал вкладом черной попь Герасимъ книжной снасти: тиски железные с воротомъ... острогубка, ножницы, басемъ 2 втычные медные». Слово *басмы*, вероятно, не всегда было понятно русским людям и требовало перевода: «Басмами, ежесть чеканцами на то устроеными, набасмить» (СлРЯ XI—XVII вв., 10: 15). Термин *выбасмити* означал «нанести рисунок тиснением» и также относился только к переплету книг (СлРЯ XI—XVII вв., 3: 176).

В русских источниках различаются следующие инструменты для разных форм тиснений: *басма*, *дорожник*, *колесо* и *прокатъ*, обозначавшие инструменты для нанесения углубленных линий — *дорожек*, которые наводили на

коже, *прокатывая* металлическую пластину или нанося локальные оттиски — *басмы*: «[Переплет] басмить и прокатами катать, наугольники и средники накладывать в тискахъ» (СлРЯ XI—XVII вв., 4: 326; 20: 123, 149); «Колесами и прочими басьмами басмит по чину» (СлРЯ XI—XVII вв., 7: 237). Данные инструменты и их названия использовались и значительно позднее. Например, слово *дорожник* сохраняется в XIX—XX вв. наряду с привнесенным немецким — *реферь*: «[1927] В соответствии с теми узорами, которые мы видим на крышке хомута, и чеканки... “дорожник” или “рефель”... для воспроизведения двух или трех параллельных линий; рисунок получается проведением “рефеля” по коже» (СРНГ, 8: 136).

Для многих переплетов отделка сводилась к тому, чтобы *выдорожить* или *продорожить* поверхность, т. е. сделать украшения в виде полосок или бороздок на кожаном переплете (СлРЯ XI—XVII вв., 3: 199; 20: 123). Перед тиснением кожу полагалось *опрыскивать* (т. е. смачивать) маслом: «Опрыскивай [кожу на переплете] маслом семянным и накладывай басму» (СлРЯ XI—XVII вв., 13: 52). Для XVIII в., упоминается *вытиснивание*, возможно, более разнообразных и сложных узоров или надписей при помощи деревянных досок (СлРЯ XVIII в., 5: 55). Отметим, что *колесной басмой* или *отводкой* накатывали тисненые полосы (линии) на кожаных изделиях и позднее (СРНГ, 24: 142).

Сырье. Вид животного сырья имеет значение для объяснения возможной сохранности материалов в погребениях, а также технических приемов получения давленных изображений на коже. Этот аспект привлекает внимание по причине определения материалом кожаного параманда с оттисками двенадцатых праздников шкуры свиной (Панова 1999: 148). Кроме того, свиные кожи («под замшу», что может означать сыромятные) отмечены на ранних книжных переплетах (Клепиков 1959: 102; Шварц 1981: 243).

Многолетнее изучение археологических коллекций в русских городах позволяет сделать вывод, что свиная кожа в средневековой Руси не использовалась для дубления, а сыромятные шкуры в городских слоях сохраняются чрезвычайно редко (Курбатов 2004: 36; Осипов 2006: 34). Шкура свиной отличается особой прочностью и эластичностью, но отказ от использования свиного сырья для дубления в средние века, видимо, связан с высоким содержанием в шкуре жиров, на выведение которых необходимо затратить нерационально много времени и физических усилий (на разминание), учитывая и большую толщину материала. Кроме того, свиная шкура имеет и более рыхлую структуру, чем шкуры иных животных, т. е. связь коллагенов разных слоев кожи неравномерна, что вызывает расслоение кожи. Эти естественные недостатки не компенсируют преимущества сыромятной свиной кожи — ее большую прочность на разрыв. Трудности обезжиривания шкуры и, следовательно, невозможность ее качественного дубления определяют использование этого сырья в средневековом производстве только на сыромять. Даже в крупных археологических коллекциях детали из дубленых свиных шкур являются редчайшими и исключительными опытами кожевников, не получившими признания в практике. Данный вывод, в определенной степени, подтверждают и письменные источники. В документах XVI—XVII вв. свиная шкура упоминалась очень редко, в противовес другим сортам шкур и кож. Единственное упоминание свиной кожи встречено в таможенной книге Тихвинского монастыря: «[1664] Явил костромитин Микита Иванов Суботин шестьдесят юхтеи боранов крас-

ных... двести рогож, сорок кошелее свиных, тритцат[ь] четыре пуда гривы ко-
невы» (СлРЯ XI—XVII вв., 7: 394).

Выводы. Анализ источников по декоративному тиснению кожи в средне-
вековой Руси и странах Западной Европы приводит к выводу, что экземпляры
клейменной кожи «монашеских поясов», на фоне древнерусского кожевенного
ремесла, являются немногочисленными и исключительными по технике из-
готовления. Они выделяются качеством проработки мельчайших деталей
сюжетных рисунков, прочно закрепившихся на коже после оттиска металли-
ческими или костяными матрицами. Редкость и избирательность нанесения
качественного декора — только на пояса определенного назначения и немно-
гочисленные параманды — позволяет предполагать его применение только в
одном-двух центрах, а также показывает ограниченность круга изделий. Ве-
роятно, способы качественных тиснений на коже были известны и сохраняе-
мы только в узком кругу ремесленников, работающих при отдельных мона-
стырях, где делали монашеские пояса, параманды и книжные переплеты. Та-
кое же положение с работой по коже исследователи отмечают и в странах
Западной Европы до XIV в.

Для XI—XIII вв. центром производства «монашеских поясов» мог быть
один из монастырей Киева. Это предположение подтверждают упоминаемая
находка вероятной бронзовой матрицы в Киеве в конце XIX в. и единствен-
ная зафиксированная матрица, найденная в восточнопольских землях, тесно
связанных в домонгольское время с Киевским княжеством. Вероятно, к XIV в.
относятся первые опыты по овладению техникой горячей штамповки изобра-
жений на коже, проводимые в Северной Руси. Об этом можно предположи-
тельно говорить на основании находки пояса в Тверском кремле и костяных
матриц в Новгороде и Минске. Изображения на новгородской матрице и на
тверском поясе отличают выраженный схематизм в прорисовке основных
контуров и отсутствие мельчайших деталей. Обнаружение матрицы в Новго-
роде заставляет рассматривать его как второй вероятный центр изготовления
«монашеских» поясов, копирующих южнорусские прототипы. О заимствова-
нии с юга свидетельствуют не только схематизм изображения, но также более
позднее время начала их изготовления и размеры поясов.

Появление пояса из новгородской мастерской в Тверском кремле соответ-
ствует сложившимся хозяйственным связям этих городов в конце XIII—нача-
ла XIV в., когда на тверском столе сидел князь Михаил Ярославич, проводив-
ший активную самостоятельную политику. В памятниках материальной куль-
туры новгородско-тверские связи этого времени отчетливо проявляется по
находкам в Тверском кремле вещей новгородского происхождения — бере-
стяных грамот, свинцовой печати новгородского владыки Василия Калики и
костяной печати-матрицы в форме шахматной пешки (Лапшин 2002: 59—61).

Изучение кожаных изделий различного времени во многих русских горо-
дах позволяет сделать вывод, что даже в XVI—XVII вв. техника тиснения ме-
таллическими матрицами с использованием горячего масла или воска исполь-
зовалась ограниченным кругом ремесленников и только для декоративной
отделки кожаных книжных переплетов. Подобные изделия остаются в то вре-
мя очень редкими, а обработанная таким методом кожа визуальнo выделяется
из остальной массы археологических находок.

Техника тиснения декора на монашеских поясах и парамандах сравнима только с декором на западноевропейской кожевенной продукции широкого спектра применения, относящейся к этому же периоду. Некоторые кожаные изделия, находимые в русских средневековых городах и содержащие качественное тиснение поверхности, находят аналогии в западных городах и с полным основанием могут быть признаны западноевропейской продукцией (Курбатов 2004: 64, 65).

Помимо сказанного, наверное, правомерно рассматривать «монашеские» пояса и параманды как изделия, отражающие распространение культуры и искусства Византии, пришедших на Русь вместе с христианством (Ewans, Wichom 1997: 305, 306). Здесь надо видеть не только появление на Руси новых этических воззрений и концепций, но и технических приемов, позволяющих зримо передавать в материальных объектах постулаты этих воззрений.

Варфоломеева 1993 — *Варфоломеева Т. С.* Кожаные ножны XI—XV вв. из раскопок Новгорода // *ННЗИА*. 1993. Вып. 7. С. 162—167.

Варфоломеева 1994 — *Варфоломеева Т. С.* Металлические детали кожаных футляров XI—XV вв. из раскопок в Новгороде // *ННЗИА*. 1994. Вып. 8. С. 166—182.

Варфоломеева 1995 — *Варфоломеева Т. С.* Кожаные футляры в виде коробочек // *ННЗИА*. 1995. Вып. 9. С. 192—202.

Гайдуков 1992 — *Гайдуков П. Г.* Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992.

Гущина 2003 — *Гущина Л. В.* Древние кожаные изделия из археологических раскопок Киево-Печерской Лавры // *Христианское наследие Византии и Руси: Материалы II Международной научной конференции*. Симферополь, 2003. С. 161—176.

Древний Новгород... 1985 — *Древний Новгород: прикладное искусство и археология / Сост. Б. Колчин, В. Янин, С. Ямщиков*. М., 1985.

ДРГ 1849 — *Древности Российского Государства*. М., 1849.

Дубровин 2004 — *Дубровин Г. Е.* Археологические исследования на Никитинском раскопе в 2003 г. // *ННЗИА*. 2004. Вып. 18. С. 13—18.

Еремин 1956 — *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 340—361.

ИАК 1902 — *Известия Археологической Комиссии*. Прибавление к выпуску 3. СПб., 1902.

Изюмова 1959 — *Изюмова С. А.* К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // *МИА*. 1959. № 65. С. 192—222.

Каманин 1914 — *Каманин И.* Зверинецкие пещеры в Киеве (их древность и святость). Киев, 1914.

Каргер 1946 — *Каргер М. К.* Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933—1935) // *СА*. 1946. № 8. С. 175—222.

Клепиков 1959 — *Клепиков С. А.* Из истории русского художественного переплета // *Книга*. Исследования и материалы. М., 1959. С. 98—166.

Книга ... 1956 — *Книга Марко Поло*. М., 1956.

Козлова 2004 — *Козлова А. В.* Украшения ремня, сбруи и сумок восточного происхождения из раскопок в Великом Новгороде // *ННЗИА*. 2004. Вып. 18. С. 188—207.

Козлова 2005 — *Козлова А. В.* Восточные предметы быта, ремесла и торговли из раскопок в Великом Новгороде // *ННЗИА*. 2005. Вып. 19. С. 172—185.

Козырев 1974 — *Козырев И. С.* К вопросу об изучении тюркизмов в русском языке // *Тюркизмы в восточнославянских языках*. М., 1974. С. 9—25.

Колчин, Рыбина 1982 — *Колчин Б. А., Рыбина Е. А.* Раскоп на улице Кирова // *Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода*. М., 1982. С. 178—238.

- Колчин, Янин 1982 — *Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 3—137.
- Курбатов 1999 — *Курбатов А. В.* Наследие М. К. Каргера: коллекция кожаных предметов из раскопок 1957 г. на Верхнем замке Полоцка // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 100—117.
- Курбатов 2004 — *Курбатов А. В.* Кожевенное производство Твери XIII—XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993—1997 гг.). СПб., 2004.
- Курбатов 2006а — *Курбатов А. В.* Декор древнерусских кожаных изделий: традиция и мода // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной: Тезисы докладов. СПб., 2006. С. 82—85.
- Курбатов 2006б — *Курбатов А. В.* Связи Поволховья с регионами Балтийского моря в VIII—XI вв. по материалам кожевенного ремесла // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб., 2006. Вып. 1. С. 54—71.
- Курбатов 2007 — *Курбатов А. В.* Новгородская «революция XII века» и прогресс в кожевенном ремесле // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрика Городища и Новгородской областной археологической экспедиции: Материалы Международной научной конференции 4—7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия. СПб., 2007. С. 89—133.
- Курбатов 2008 — *Курбатов А. В.* Этапы технического совершенствования в кожевенном деле средневековой России // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. С. 472—476.
- Курбатов 2009 — *Курбатов А. В.* О городе Болгар и сорте кожи *булгари* // Сборник в честь Е. Н. Носова. СПб., 2009 (в печати).
- Курбатов, Матехина 2004 — *Курбатов А. В., Матехина (Варфоломеева) Т. С.* Мех и кожа в средневековой Европе. Рец. на: *Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology.* Edited by Esther Cameron. London. 1998 // АВ. 2004. № 11. С. 350—357.
- Лапшин 2002 — *Лапшин В. А.* Археологические свидетельства связей Твери с Новгородской землей в XIII—XIV вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 59—62.
- Матехина 2008 — *Матехина Т. С.* Археологические находки из «необычной» кожи // ННЗИА. 2008. Вып. 22. С. 184—203.
- Насырова, Станюкович 2003 — *Насырова Н. Ш., Станюкович А. К.* Кожаные изделия из погребальных памятников русского средневековья // Проблемы комплексного изучения церковных и монастырских некрополей. Звенигород, 2003. С. 91—111.
- Никольский 1907 — *Никольский К.* Пособие к изучению Устава богослужения православной церкви. 7-е изд. СПб., 1907.
- Осипов 2006 — *Осипов Д. О.* Обувь московской земли XII—XVIII вв. // Материалы охранных археологических исследований. М., 2006. Т. 7.
- Панова 1999 — *Панова Т. Д.* Данные археологии об атрибутике русского монашества периода средневековья (XI—XVI века) // Искусство христианского мира. М., 1999. Вып. 3. С. 144—151.
- Панова 2004 — *Панова Т. Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI—XVI веков. М., 2004.
- Поварнин 1912 — *Поварнин Г.* Очерки мелкого кожевенного производства в России. СПб., 1912.
- Попова 1987 — *Попова (Царькова) Л. А.* Исследования в Твери // АО 1985 г. 1987. С. 92—93.
- Путешествие... 1993 — Путешествие в восточные страны ПIANO Карпини и Гильома де Рубрика. Алматы, 1993.
- Рабинович 1964 — *Рабинович М. Г.* О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI—XVI вв. М., 1964.
- Рындина 1996 — *Рындина Н. В.* Новгородское серебряное дело XIII—XV вв. Текст. Каталог // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI—XV века. М., 1996. С. 69—282.
- Седова 1996 — *Седова М. В.* Изделия новгородских ремесленников-ювелиров X—XV вв. (по данным археологии). Текст. Каталог // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI—XV века. М., 1996. С. 414—446.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л., СПб., 1972. Вып. 8; 1979. Вып. 24; 2001. Вып. 35.
- СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 1; 1976. Вып. 3; 1977. Вып. 4; 1980. Вып. 7; 1983. Вып. 10; 1987. Вып. 13; 1992. Вып. 18; 1995. Вып. 20.

- СЛРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII в. Л., СПб., 1989. Вып. 5; 2004. Вып. 14.
- Снегирев 1842—1845 — *Снегирев И.* Памятники московской древности. М., 1842—1845.
- Фасмер 1996 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 3-е изд. СПб., 1996.
- Шварц 1981 — *Шварц Е. М.* Переплеты XV в. Софийско-Новгородской библиотеки // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1981. Т. 12. С. 242—252.
- Штыхов 1963 — *Штыхов Г. В.* Опыт исследования древнеполоцкой кожи // *СА.* 1963. № 4. С. 240—246.
- Штыхау 1989 — *Штыхау Г. В.* Выраб старабеларускай дробнай пластыкі // *Помнікі мастацкай культуры Беларусі. Новыя даследаванні. Зборнік артыкулаў.* Мінск, 1989. С. 172—174.
- Яковлева 2005 — *Яковлева А. И.* Византийский додекаортон и русские праздничные чины рублевской эпохи // *Искусство христианского мира: Сборник статей.* М., 2005. Вып. 9. С. 74—87.
- Янин и др. 1983 — *Янин В. Л., Колчин Б. А., Ериевский Б. Д., Рыбина Е. А., Хорошев А. С.* Новгородская экспедиция // *АО* 1981 г. 1983. С. 43—46.
- Янин 1988 — *Янин В. Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988.
- Янин, Зализняк 1993 — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). М., 1993.
- Янин, Зализняк 2000 — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990 — 1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000. Т. 10.
- Ewans, Wixom 1997 — *Ewans H. C., Wixom W. D.* (Eds.) *The Glory of Byzantium Art and culture of the Middle Byzantium Era.* A. D. 843—1261. New York, 1997.
- Russell 1940 — *Russell J.* English medieval leatherwork // *Archaeological Journal for 1939.* London, 1940. Т. 96. P. 130—141.
- Samariter, Igel, Schdfer 2003 — *Samariter R., Igel K., Schdfer H.* 2003 Ein cuir-bouilli-Becher und die Patrizierfamilie Lowe. Archdologische und historische Forschungen zu einem Quartier am Greifswalder Hafen // *Bodendenkmalpflege in Mecklendung — Vorpommern. Jahrbuch 2002.* Lыbtorf, 2003. Bd 50. S. 173—206.
- Wołoszyn 2001 — *Wołoszyn M.* Archeologiczne zabytki sakralne pochodzenia wschodniego w Polsce od X do połowy XIII wieku (wybrane przykłady) // *Cerkiew — wielka tajemnica.* Gniezno, 2001. S. 25—45.

«MONASTIC BELTS» AND PARAMANS IN CONNECTION WITH THE TECHNICAL TRADITIONS OF THE OLD RUSSIAN LEATHER INDUSTRY

A. V. Kurbatov

The analysis of the available evidence on the decorative stamping of leather in Medieval Russia leads to the conclusion that the examples of stamped “monastic belts” are not numerous, but conspicuous for their exceptional manufacturing technology. They show a high quality of drawings, which represent imprints left on leather by metal or stone matrixes. The rarity and selectivity of decoration allows supposing that it was made in two centers only. In the 11th—13th centuries, the “monastic belts” were probably made in Kiev only, in one of local monasteries. However, it appears that in the 14th century the first attempts to master the technology of hot stamping on leather were undertaken also in Novgorod.

The study of leather artifacts from many Russian towns leads to a conclusion that even as late as the 16th—17th centuries the technology of stamping by metal matrixes with leather softening by hot oil or wax was used rarely (by a limited circle of craftsmen) and only for decorating book-covers. Such artifacts remain rare, and the leather worked with the use of this technology stands out against the general background.

ХРОНИКА

РАСШИРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ ОТДЕЛА ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ ИИМК РАН, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ И. Б. БРАШИНСКОГО (1928–1982)

Ю. А. ВИНОГРАДОВ

В Дубовом зале Института истории материальной культуры РАН 6 февраля 2009 г. состоялось расширенное заседание Отдела истории античной культуры, посвященное 80-летию со дня рождения выдающегося ученого, специалиста в области истории и археологии Северного Причерноморья И. Б. Брашинского. Иосиф Беньминович родился 5 мая 1928 г., и 80-летие ученого следовало бы отметить в прошлом году, но запланированное заседание в силу целого ряда житейских причин тогда провести не удалось.

Этим февральским днем почтить память И. Б. Брашинского пришли не только сотрудники Отдела, в котором он трудился, но и антиковеды из Государственного Эрмитажа и Санкт-Петербургского государственного университета. С приветственным словом к собравшимся обратился директор ИИМК РАН, член-корреспондент РАН Е. Н. Носов. Он отметил большие заслуги И. Б. Брашинского перед отечественной наукой, обратил внимание на некоторые моменты его биографии, порой весьма нелегкие, даже трагичные. После этого с воспоминаниями о друге выступил Э. Д. Фролов (СПбГУ). О жизненном пути ученого рассказал К. К. Марченко (ИИМК РАН), многие годы работавший вместе с И. Б. Брашинским на раскопках Елизаветовского городища в Донской дельте.

После этого была прочитана серия научных докладов, подготовленных к заседанию. А. М. Бутягин (ГЭ) ознакомил собравшихся с некоторыми результатами археологических исследований городища Мирмекий, продемонстрировав открытые в районе акрополя жилые и хозяйственные постройки римского времени. И. Б. Брашинский, как известно, много лет работал на раскопках Мирмекия в составе Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством В. Ф. Гайдукевича. Другая сфера его научных интересов была связана с исследованием курганных древностей Северного Причерноморья. Ей посвятил свой доклад Ю. А. Виноградов (ИИМК РАН), рассказавший о кургане на Лысой горе под Таманью, в котором в 1916 г. был открыт знаменитый мраморный саркофаг.

С. Л. Соловьев (ГЭ) назвал свое сообщение «Борисфен. Начало». Он рассказал о последних результатах изучения ранних материалов, обнаруженных во время раскопок на о. Березань. Эти материалы имеют принципиальное значение для понимания греческой колонизации региона, и И. Б. Брашинский всегда уделял им очень большое внимание. Р. В. Стоянов (ИИМК РАН) выступил с докладом «Два сюжета из амфорной эпиграфики и морфологии». Опять следует обратить внимание, что тема доклада была выбрана не случайно, поскольку Иосиф Беняминovich был одним из энтузиастов изучения амфорной тары, признанным лидером в области исследования античной торговли.

После заседания в помещении Отдела истории античной культуры состоялось дружеское чаепитие, на котором в неформальной обстановке все знавшие И. Б. Брашинского рассказывали о встречах с ученым, о связанных с ними впечатлениях.

Одним из результатов прошедшего заседания стало решение опубликовать прочитанные на нем сообщения, что и выполняется в рамках данного выпуска «Записок ИИМК».

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИОСИФЕ БРАШИНСКОМ

Э. Д. ФРОЛОВ

Преждевременно, в расцвете творческих сил ушедший из жизни Иосиф Бениаминович Брашинский (1928—1982) был, по общему признанию, одним из крупнейших специалистов по археологии и истории античного Причерноморья. Он начал с изучения отношений понтийских городов с Афинами в классический и эллинистический периоды. Этой теме были посвящены его кандидатская диссертация и первая опубликованная монография «Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э.» (1963). Начав с истории, он перешел на археологию, участвовал в раскопках на Боспоре и в Ольвии, а с 1966 г. возглавил экспедицию, работавшую на месте так называемого Елизаветовского городища — большого скифского поселения на Нижнем Дону. Этой экспедицией он руководил до самой смерти, а собранный ею богатый материал, в особенности остатков керамической тары (целых амфор и их фрагментов), лег в основу двух следующих обширных монографий: «Греческий керамический импорт на Нижнем Дону» (1980) и «Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья)» (посмертное издание 1984 г., подготовленное и осуществленное А. Н. Щегловым). Помимо этих фундаментальных работ Брашинский был известен и как автор прекрасного популярного очерка «Сокровища скифских царей» (1967). Кроме того, им было написано множество статей на самые разнообразные темы из истории античного Причерноморья (в частности, о Понтийской экспедиции Перикла, о факторах и характере греческой колонизации и др.), в которых он мастерски использовал, как теперь модно подчеркивать, комплексный метод, т. е. умение для реконструкции прошлого комбинировать данные самых разнообразных источников — литературной традиции, эпиграфики и археологии.

Окидывая мысленным взором все богатство научного наследия Брашинского, поражаешься тому, как много он успел сделать за свой сравнительно недолгий творческий путь. Однако я не собираюсь вдаваться в описание и оценку этого наследия по существу, поскольку мои собственные занятия никогда вплотную не соприкасались с занятиями Брашинского и для меня было бы трудно провести историографический анализ его творчества. Да этого и не надо — это сделано другими, более авторитетными в этой области специалистами. Моя цель другая: поскольку я все-таки знал Брашинского с давних пор и в течение долгих лет поддерживал с ним близкие отношения, постараться привести ряд эпизодов из его жизни (насколько, конечно, они сохранились в моей памяти), чтобы осветить черты его незаурядной личности. Действительно, на протяжении многих лет я мог наблюдать его в самых различных ситуациях, в которых, как мне кажется, он проявлял себя как человек — не только как ученый, питомец ленинградской (петербургской) кафедры античной истории, но и как близкий мне приятель, участник многих наших дружеских встреч и бесед.

Впервые я познакомился с Брашинским летом 1951 г. на так называемой комсомольской стройке (на Карельском перешейке, недалеко от финской границы). Туда отправился большой отряд студентов-историков, только что кончивших первый курс (в том числе и я) и перешедших с четвертого курса на пятый; в числе последних был и Брашинский. Стройкой наше дело называлось только по недоразумению. Директор совхоза, в распоряжение которого мы прибыли, поручил нам достроить огромный коровник, который начали возводить студенты какого-то другого института. Однако поставленные нашими предшественниками опорные столбы готовы были рухнуть, и в конце концов руководство совхоза отказалось от идеи достраивать коровник и отравило нас всех валить лес — пилить огромные сосны, очищать их от сучьев и отвозить потом в штаб-квартиру совхоза. Время было чудесное, и хотя работа в лесу была достаточно тяжелой, основная масса студентов не унывала: кормили хорошо, а рядом протекала Вуокса, где мы и плавали в свободное время сколько душе было угодно.

Но я отвлекся от главного сюжета. Знакомство с Брашинским состоялось вот при каких обстоятельствах. Вся группа студентов расположилась в огромном сарае, построенном в форме буквы «П». Посередине двора, образованного боками этого сарая, некто поставил белую палатку для своего отдельного жительства. Этот некто был Брашинский, который решил уединиться в палатке вместе со своей женой, тоже студенткой четвертого курса. Это вызывало любопытство и восторг остальных студентов, и, разумеется, нашлись охотники (в том числе и я), которые с наступлением ночи подкрадывались к палатке и, выдергивая колья, обрушивали ее. Мы тут же разбежались, потому что хозяин палатки был силен как бык и гнева его мог убояться любой. Брашинский действительно от природы был очень сильным человеком, и я помню, как на соревнованиях, которые устраивались в лагере, он толкал ядро дальше всех.

Следующий момент в моих отношениях с Брашинским — участие в эпиграфическом семинаре, который вела наша общая руководительница профессор Ксения Михайловна Колобова. Я должен здесь упомянуть, что сам я определился на кафедру истории Древней Греции и Рима Ленинградского университета с опозданием. Сначала я записался на кафедру истории нового времени, но когда в начале второго семестра лекции по истории Рима стал читать Сергей Иванович Ковалев, я увлекся античностью и перешел на кафедру истории Древней Греции и Рима. Однако я пропустил время для занятий древнегреческим языком, и вот К. М. Колобова, когда я вернулся со стройки, предложила мне заниматься этим языком под ее руководством. Я помню, как целый август день за днем я отправлялся к ней на ул. Плеханова за Казанским собором, где она тогда жила, и штудировал под ее руководством параграф за параграфом из хрестоматии Хервига, которая и по сию пору является основой наших занятий со студентами. За месяц мы прошли по этому пособию весь курс древнегреческого языка (разумеется, в его элементарной части), и когда начались занятия, К. М. Колобова предложила мне присоединиться к ее семинару по греческой эпиграфике. Там я ближе познакомился с Брашинским и его женой, которая тоже была античницей.

Это было золотое время! К. М. Колобова, только что защитившая докторскую диссертацию, погружившись в учебную работу, с увлечением вела камерные занятия со студентами-античниками. Она обладала удивительным педа-

гогическим талантом и умела привлекать к себе учеников. Ею была создана целая школа молодых эллинистов, среди которых были ставшие впоследствии крупными учеными И. С. Свенцицкая, И. А. Шишова, И. Ш. Шифман, позднее также Ю. В. Андреев, В. М. Строгоцкий и др. Среди старших учеников Колобовой особо выделялся Брашинский: он был энергичен, эмоционален, с увлечением занимался темой, которую ему дала Колобова, — историей античного Причерноморья. Сама Колобова в ту пору, несомненно, выделяла Брашинского из среды остальных: он был для нее первым и наиболее любимым учеником, которого она ласково называла Осей.

Следующее событие, которое всплывает в моей памяти в связи с Брашинским, — это его доклад о Нимфее, который позднее был опубликован в «Вестнике древней истории» за 1955 г. В этом докладе Брашинский выступил против предположения о вхождении Нимфея в Афинский союз, которое было высказано в 1939 г. издателями списков афинского фороса, и в том числе Б. Д. Мериттом. Брашинский отвергал восстановления, предложенные издателями при публикации фрагмента 38 надписи 425/424 г. до н. э. Меритт и его коллеги восстанавливали заголовок соответствующей рубрики как «Города из Понта Евксинского», а в списке самих городов читали и имя Нимфея. Сама по себе дискуссия была вполне оправданна, поскольку надпись дошла в сильно испорченном виде. В позиции, занятой Брашинским, также не было ничего противоестественного: и до него уже в литературе велся спор о возможности включения северопонтийских городов в состав Афинской архэ во второй половине V в. до н. э., и среди противников такого предположения был, в частности, С. А. Жебелев (в статье 1935 г., основанной главным образом на толковании данных литературной традиции). Но сомнительна была тональность работы Брашинского: он вел спор с издателями АТЛ не только в научном, но и в политическом плане, выступая в защиту чести великого русского и советского ученого С. А. Жебелева от посягательств враждебной нам англо-американской историографии. В оправдание Брашинского надо сказать, что такого рода политизированная манера полемики была в ту пору, в эпоху так называемой борьбы с космополитизмом, весьма распространена.

Вообще Брашинский был человеком увлекающимся и в научных своих поисках, и в личных отношениях. К чему могли привести подобного рода увлечения, показала защита им кандидатской диссертации в 1958 г. Это события я отчетливо помню: в ту пору мы уже начали сближаться, и этому сближению способствовало то обстоятельство, что мы и наши первые диссертации защищали почти в одно время, с разницей, может быть, в пару недель. Защита Брашинского проходила в ИИМКе. Главным оппонентом выступил совершенно неожиданно Виктор Францевич Гайдукевич, под чьим руководством Брашинский работал на Боспоре. Я хорошо помню ход заседания и всю сцену: как Гайдукевич сокрушал построения Брашинского и эффектно сравнивал его диссертацию с неполноценным туловищем: руки и ноги есть, а голова отсутствует; как затем в защиту диссертанта выступила другой авторитетный археолог Татьяна Николаевна Книпович; как в этот момент погас электрический свет и на трибуну поставили две свечи, между которыми отчетливо выделялось мертвенно бледное лицо Книпович, ядовито отвечавшей Гайдукевичу. Тогда же одним из неофициальных оппонентов выступал Дмитрий Павлович Каллистов, известный специалист по истории античного Причерноморья,

опиравшийся в своем выступлении на материал, предоставленный ему Аристидом Ивановичем Доватуром. Я в ту пору был уже очень близок к ним обоим, и они без стеснения рассказывали мне о слабых, как им представлялось, сторонах диссертации Брашинского. Наверное, в их критике было много справедливого, но, как мне тогда казалось (да и не мне одному), в враждебной позиции Гайдукевича и Каллистова запрятана была какая-то личная подоплека, какая-то общая неприязнь к Брашинскому. О конкретных причинах этого и, в частности, о причине конфликта с Гайдукевичем толком нам, посторонним свидетелям, ничего не было известно. В одном, однако, сомневаться не приходится: Брашинский бесспорно был мастером возбуждать к себе временами неприязнь...

По-настоящему наше přátельство окрепло на рубеже 1960—1970-х гг. Помню, какое дружеское участие приняли мои друзья Я. В. Доманский и И. Б. Брашинский в защите мною докторской диссертации в 1972 г. Во время последовавшего за защитой большого банкета они взяли на себя роль тамады и придали всему праздничному ужину удивительно легкий и приятный характер. Вообще это было замечательное собрание: нам удалось тогда собрать людей самого разного толка, нередко даже враждебных друг другу. И вот Доманский и Брашинский оказались способны провести весь этот праздничный вечер, что называется, без сучка и задоринки. Брашинскому я был вдвойне благодарен, потому что одним из участников праздника был его недруг Д. П. Каллистов. Они с ехидством поглядывали друг на друга, но, к счастью, удержались от каких бы то ни было оскорбительных реплик.

Банкет проходил в ресторане «Московский» на углу Литейного и Невского, и после него мы пошли довольно большой компанией по Невскому в сторону Адмиралтейства, близ которого я в ту пору жил. Тут произошел казус трагикомического свойства. На углу Садовой и Невского к нам подошла молодая женщина, иностранка, которая по-английски спросила, где ближайшая станция метро. Брашинский, который, кстати, великолепно владел английским и немецким, ответил ей на ее языке, что станций метро тут нет, да и вообще в Ленинграде метро никогда не существовало. Бедная женщина на это дурацкое заявление, впав в отчаяние, горько заплакала и отошла от нас. Мы накинулись на Брашинского и спрашивали его, что на него нашло и зачем он поверг в слезы бедную женщину. А тот встал в позу и громко заявил, что так им и надо, этим иностранцам. Я рассказываю об этом, чтобы показать, на какие неожиданные и нелепые выходы был временами способен наш приятель.

Как я уже сказал, в 1970-е гг. наши дружеские отношения стали особенно тесными. Этому способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, по моему приглашению (я к тому времени сменил К. М. Колобову на посту заведующего кафедрой) Брашинский стал читать лекции на нашей кафедре по темам античной археологии, керамической тары и керамической эпиграфики (я имею в виду клейма на ручках амфор). Он читал лекции с большим увлечением, но и тут не обходилось иногда без отдельных казусов. Однажды он принимал зачет в нашем старом помещении (аудитория 77). Я в тот момент был в коридоре. Вдруг дверь кафедры распахнулась и появился Брашинский, смеявшийся и бранившийся одновременно. «Я больше не могу», — вскричал он. «А что собственно случилось?» — спросил я. «Твои девицы, — отвечал он, — сидят напротив меня, обнажив и колени, и верх ног своих (тогда в моде были невероят-

ные мини), так что я только и смотрю на эти ноги и ни о чем другом думать не могу»...

Другое обстоятельство, которое спланивало нас, — наши частые встречи на квартире Доманского. Семья последнего отличалась особым гостеприимством. Там дневал и ночевал наш общий приятель филолог-классик Н. В. Шебалин, и там же часто бывали Брашинский и я. В какой-то момент в голову пришло конституировать наше сообщество и дать ему имя — Академия. Первоначальными членами этого неформального содружества были Доманский, Шебалин, Брашинский и я. Позднее к нам присоединился А. Н. Щеглов, после чего было принято решение более состав Академии не расширять. Мы выработали шуточный устав: собираться по очереди на квартирах друг друга, не принимать более никаких новых членов и не допускать на наши собрания женщин. Последним, если они не возражали, отводилась только роль предготовителей вечерней трапезы, после чего они должны были исчезнуть. Трапеза была обычно достаточно скромной, но в потреблении вина — хорошего сухого вина, которого тогда было в Ленинграде в избытке — члены Академии себя не ограничивали. Собрания проходили в шумном обсуждении всего, что могло нас интересовать: науки, карьеры знакомых, происшествий разного рода, в меньшей степени — политики.

Последнее событие, о котором я хочу рассказать, — неудачная защита Брашинским докторской диссертации. Она должна была состояться в 1981 г. Темой диссертации служила методика исследования керамической тары (по материалам в особенности Елизаветовского городища). Сюжет был очень важный, если учесть, сколько информации может предоставить всесторонний анализ античной керамической тары. Изучение объемов амфор, центров их изготовления, клейм на ручках (особенно гераклейских и синопских амфор) — все это проливает свет на главный экономический нерв античного Причерноморья, на торговые связи между греческими городами, равно как и на связи античных центров с поселениями скифского материка. Был уже напечатан автореферат диссертации. Оппонентами были член Ученого совета Института археологии в Москве В. В. Кропоткин, И. С. Свенцицкая и я. К этому времени Брашинский долгие годы был уже сотрудником Ленинградского отделения Института археологии, но защита докторской диссертации по принятому тогда регламенту должна была проходить в головном, московском Институте, директором которого был в ту пору всемогущий Б. А. Рыбаков. Это обстоятельство сыграло дурную роль в деле Брашинского.

Рыбаков не жаловал Брашинского, но особенно невзлюбил его после одного случая в Одессе, где проходил какой-то археологический конгресс. Во время какой-то поездки на автобусе Брашинский грубо обошелся с двумя или тремя делегатами, происходившими с Западной Украины, обозвав их речь дикой и нечленораздельной. Те, оскорбленные, пожаловались Рыбакову, и он чуть было не лишил Брашинского права дальнейшего участия в работе конгресса. Брашинскому пришлось извиняться, дело как-то замяли, но даром это нашему другу не прошло. Брашинский рассказывал нам, как чуть позже Рыбаков оскорбительно отозвался о его происхождении и как он это оскорбление проглотил. Ответить прямо тогдашнему весельному лидеру советской археологии он не мог. Мне кажется, это было началом той трагедии, которая свела потом Брашинского в могилу.

Диссертация Брашинского была, безусловно, солидным и значимым в научном отношении трудом. Все три оппонента высоко ее оценили. Точно так же присланные со стороны письменные отзывы, числом около десятка, давали самую высокую оценку диссертации — все, кроме одного, короткого, небрежно составленного на двух или трех страничках, который ставил под сомнение научную значимость работы. Выступавших против вообще не было, но итоги тайного голосования были неожиданны: голосов против не было подано, но был ряд воздержавшихся, вследствие чего Брашинский не набрал положенных $2/3$ голосов.

Дело было совершенно ясное: провал был подготовлен самим руководством Института. Разъяснений никаких не было дано, и только когда И. С. Свенцицкая напрямую спросила (не помню, кого — кажется, ученого секретаря), как могло случиться, что при единодушном одобрении оппонентов и отсутствии выступавших против диссертант не смог набрать нужного количества голосов, — ей ответили, что члены Ученого совета имели право прислушаться к отрицательному отзыву, тому единственному, который, на наш взгляд, и впечатления-то никакого не мог произвести.

По возвращении в Ленинград Брашинский перенес инфаркт. Мы советовали ему махнуть рукой на всю эту историю и беречь свое здоровье. Однако он, что называется, завелся; вдобавок на него оказывали воздействие члены семьи, жена в первую очередь, которые настаивали на том, чтобы он боролся за пересмотр дела, за допуск к повторной защите. Он съездил пару раз в Москву, ему что-то обещали, но полного успеха он не добился.

Так прожил он последний год своей жизни. В конце апреля 1982 г. мы собрались в последний раз нашим небольшим кружком. На этот раз собрались с меня на Васильевском острове, куда мы с женой к тому времени перебрались с Гороховой. Был жаркий день, один из тех, что вдруг наступают в Ленинграде в самом конце апреля. Доманский и Шебалин приехали первыми, а Щеглов позвонил и сказал, что заедет за Брашинским. Тот жил в большой профессорской квартире (профессором был его тесть Л. А. Плоткин) на углу 5-й линии и набережной Лейтенанта Шмидта. К приходу Щеглова Брашинский окончил заниматься «полезным» квартирным трудом: вымыл или протер окна их жилища, чего ему, перенесшему инфаркт, делать было ни в коем случае нельзя. Мало того, они с Щегловым пошли пешком к нам, в другой конец Васильевского острова, на Наличную улицу.

Когда они пришли, мы уселись за стол, и Брашинский, разгоряченный долгой прогулкой, первым делом схватился за сигарету (он так и не бросил курить, несмотря на перенесенный инфаркт). Он жадно затянулся и, будучи в самом веселом расположении духа, стал рассказывать анекдот о Брежневе, отлично подражая характерному выговору генсека. Вдруг он на полуслове остановился и склонился головой на согнутую в локте руку. «Что же ты замолчал?» — вскричал Шебалин, но я, сидевший прямо напротив Брашинского, понял, что случилось непоправимое, и остановил Шебалина. Брашинский умер в доли секунды от обширного разрыва сердца. Мы перенесли его на диван, откуда позднее его забрала медицинская помощь.

Это был конец не только жизни нашего друга, но и всего нашего псевдо-академического собрания. Долгое время после этого мы не могли более собираться. Затем по каким-то своим причинам отдалился Щеглов, и наше содру-

жество сократилось до трех старожилов: Доманский, Шебалин и я. Позднее ушли в иной мир и Шебалин, и Доманский, и с ними окончательно исчезло наше объединение, и я почувствовал, как вокруг меня образовалась пустота...

Таковы те эпизоды из жизни И. Б. Брашинского (и отчасти моей собственной), о которых я хотел рассказать. Мне кажется, что их с лихвою достаточно, чтобы показать, сколь непроста и неоднозначна была натура моего друга, сколь непроста и даже жестока была постигшая его судьба, и в какой степени эта последняя определялась не только условиями, среди которых он жил, но и его собственным характером. Как бы то ни было, заключая эти воспоминания, я должен со всею определенностью заявить, что по отношению к членам нашего кружка, по отношению ко мне и моей жене Брашинский всегда проявлял себя человеком добрым и отзывчивым, был другом в полном смысле этого слова. А это заставляет особенно чувствовать величину утраты, постигшей нас с его преждевременной кончиной.

22 апреля 2009 г.

ИОСИФ БЕНЬЯМИНОВИЧ БРАШИНСКИЙ. СЛОВО О ТОВАРИЩЕ

К. К. МАРЧЕНКО

Уважаемые коллеги, мне выпала честь открыть чтения, посвященные светлой памяти Иосифа Беньяминовича Брашинского — нашего товарища и выдающегося ученого-антиковеда, под руководством которого я в свое время сделал первые робкие шаги в области скифо-античной археологии Северо-Восточного Приазовья. В качестве эпиграфа к этому выступлению я выбрал начальные строки из стихотворения Михаила Аниковича — «Ланцелот». Да простит мне автор некоторую вольность:

Твой бой завершен. И судьба решена.
И с прошлым, и с будущим полный расчет...
Твой жизненный путь освещает луна.
И призрачный конь над землею несет.

Итак, Иосиф Беньяминович Брашинский — Ося, как его обычно называли близкие ему люди. Сразу же замечу, что стоящая передо мной задача — воссоздать «жизненный путь» Оси крайне сложна и вряд ли ныне выполнима даже в первом приближении. Это — очевидно, поскольку и личная жизнь, и научная, и научно-организаторская, и, наконец, преподавательская деятельность Иосифа Беньяминовича столь многообразны, что более или менее адекватная их оценка ныне просто невозможна. Впрочем, многие из здесь присутствующих были лично знакомы с Брашинским, и, уж конечно, практически все читали его замечательные работы — «Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э.» (1963), «Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э.» (1980) и, конечно же, «Методы исследования античной торговли (На примере Северного Причерноморья)» (1984). Научное наследие Иосифа Беньяминовича, безусловно, пользуется самым широким признанием среди отечественных археологов и историков.

Однако время летит. Страшно подумать, что прошло уже более четверти века со дня трагического ухода из жизни Оси. Многого забывается. Остается лишь легкий флер в памяти. Да и мало чем могут помочь редкие документы, хранящиеся в нашем рукописном архиве — в них лишь отдельные сухие факты. 1928 год — год рождения в г. Таллине в семье служащих. Впереди школа и война. В начале войны 13-летнего мальчика эвакуируют в Кировскую область, в с. Кильмезь. Продолжение учебы в средней школе колхоза. Далее, вплоть до 1947 г., работа методистом культпросвета, заведующим библиотекой районного дома культуры, комендантом городского штаба МПВО и внештатным инструктором Пярнуского горкома комсомола.

В 1947 г. Иосиф Беньяминович был принят на первый курс исторического факультета ЛГУ, где стал специализироваться при кафедре Древней Греции

и Рима. 1952 год — окончание Университета с отличием. И снова работа, работа и работа — в различных школах Ленинграда и Ленинградской области в качестве преподавателя всеобщей истории, истории КПСС, Конституции СССР и даже логики и психологии... Судьба явно не слишком баловала Осю.

Лишь в 1956 г. ему наконец удалось открыть двери ЛОИА АН СССР. С этого времени и до самого конца жизнь Иосифа Беньяминовича оказалась неразрывно связанной с нашим Институтом. Сначала научно-технический сотрудник, затем лаборант, старший лаборант и только через два года после защиты кандидатской диссертации в 1958 г. — младший научный сотрудник. В 1968 г. Ося наконец получает звание старшего научного сотрудника. Преодолены все возможные в то время ступени служебной лестницы, преодолены заслуженно и без какой бы то ни было поддержки. Скорее, наоборот — вопреки сопротивлению власть имущих.

Вообще следует отметить, что творческий путь, да и личная жизнь Иосифа Беньяминовича отнюдь не были усеяны розами. В этой связи достаточно вспомнить лишь два, на мой взгляд, наиболее примечательных факта — его защиты кандидатской и докторской диссертаций. В первом случае, несмотря на в общем-то положительную реакцию Ученого совета ЛОИА, сама защита диссертации изобиловала многочисленными коллизиями. Достаточно сказать, что руководитель Группы античной археологии ЛОИА, Виктор Францевич Гайдукевич выступил с заявлением, согласно которому (я цитирую): «Самый кардинальный вопрос, поставленный в диссертации, — неполноценен». Отзыв — отрицательный. Или, например, Д. П. Каллистов (я опять-таки цитирую): «Работа И. Б. Брашинского написана ниже возможностей. Она не является вкладом в науку». Отзыв опять-таки отрицательный. Несколько более сбалансированными на этом фоне оказались отзывы М. И. Максимовой, Т. Н. Книпович и Д. Б. Шелова, хотя и в них содержался плохо скрываемый скепсис. Брашинский отбивался от упреков по адресу своей работы просто блистательно. Спасли ситуацию К. М. Колобова и главный оппонент диссертанта академик В. В. Струве. Результат голосования: 14 — «за» и 3 — «против». Впрочем, прошло около двух лет, прежде чем он получил искомую степень и стал младшим научным сотрудником ЛОИА.

Что же касается защиты докторской диссертации, которая состоялась 26 февраля 1968 г. в Москве, то в этом случае, как вы все знаете, вообще произошло нечто совершенно невообразимое и трагичное: фундаментальное и по сути своей новаторское исследование Иосифа Беньяминовича «Методы исследования античной торговли (На примере Северного Причерноморья)» было подвергнуто Ученым советом Института археологии губительному ostrakizmu и это, замечу, несмотря на вполне доброжелательные отзывы всех трех оппонентов — В. В. Кропоткина, Г. А. Лордкипанидзе и Э. Д. Фролова.

Приходится только удивляться Брашинскому: внешне он перенес этот удар вполне спокойно, даже с улыбкой, справедливо полагая, что причины ostrakizma находились за пределами объективной научной оценки его работы. Увы, как показало дальнейшее развитие событий — тяжелая болезнь и внезапная смерть ученого — это была лишь внешняя поза внутренне глубоко удрученного человека. На этот раз бойцовский дух Иосифа Беньяминовича был сломлен.

Слава Богу, благодаря заботам его друга — Александра Николаевича Щеглова «Методы исследования античной торговли» вскоре были опубликованы (1984) и стали достойным памятником научной деятельности Брашинского.

Обращаясь теперь к самой научной деятельности Иосифа Беньяминовича, нельзя не поражаться ее богатству. Достаточно сказать, что им в разное время было опубликовано около 140 работ (в том числе 4 монографии), охватывающих практически весь мыслимый спектр вопросов, интересующих историков-классиков нашего времени. Здесь и исследования, посвященные проблемам контактов греческих колоний Северного Причерноморья с центрами Восточного Средиземноморья, и вопросы античной, прежде всего керамической, эпиграфики, и история археологического изучения скифских курганных комплексов, и проблемы политической истории античных государств Северного Причерноморья и их взаимоотношений с варварским хинтерляндом этого региона, и многое, многое другое...

Вместе с тем нельзя не отдать должного Иосифу Беньяминовичу не только как кабинетному ученому-историку, но и как полевому исследователю-археологу, начавшему свою работу под руководством В. Ф. Гайдукевича еще в 1949 г., т. е. задолго до поступления в наш Институт. Нет сомнений в том, что постоянное участие Брашинского в полевых работах Боспорской и Ольвийской экспедиций ЛОИА превратило его в профессионала высшей пробы.

Впрочем, наиболее ярко его талант археолога-полевика проявился во время руководства Южно-Донской экспедицией — в процессе исследований самого большого памятника скифского времени степной зоны Северного Причерноморья, так называемого Елизаветовского городища на Дону. Результатом стало открытие в варварском хинтерлянде сразу двух новых боспорских колоний — так называемой энюкии, т. е. вселения и, по всей видимости, Алопекии Страбона.

Хотелось бы добавить несколько дополнительных штрихов к портрету ученого... Вообще-то, Ося обладал невероятной проницательностью — своего рода, орлиным взглядом. На керамичке я спрашиваю его:

— Это Фасосс?

— Нет!

— Ну как же, нет — и глина, и блески, и сама форма — все соответствует нужным признакам.

— И все-таки нет.

Далее следует детальное объяснение, почему нет и призыв к осторожности в определении конкретного центра изготовления керамической тары со ссылкой на работу В. Рубана, неправомерно выделившего так называемые афинские амфоры.

Или, к примеру, все ходили по пыльной дороге из верхнего города Ольвии в так называемый нижний город Фармаковского и все, конечно же, не один раз видели на этом спуске под своими ногами обломок керамики, но только Брашинский удосужился поднять этот черепок, на котором оказалась надпись с первым упоминанием городского театра.

Или, еще — взял да и пошел по отвалам и так называемым фундам киевской экспедиции и обнаружил около тысячи не зафиксированных амфорных

клейм. С этого момента его участие в работе Ольвийской экспедиции стало крайне нежелательно.

Я трагедизирую — в экспедиции погиб мой однокурсник и товарищ — Саша Румянцев. У меня на глазах слезы. «Ну и что? — с оттенком явного пренебрежения к моей реакции спрашивает Брашинский. — Ничего особенного». Мол, стоит ли того... Обидно. На следующее утро он приходит ко мне и говорит: «Простите, Константин, я был чертовски неправ...».

В заключение этого краткого выступления позвольте мне прочесть небольшое стихотворение студентов-практикантов РГПУ:

Товарищ Ося, Вы большой ученый.
В археологии для Вас примеров нет.
А я студент, наукой удрученный,
И мне от силы девятнадцать лет.

Зачем я здесь — по совести не знаю.
Но в деканате, видимо, правы.
Я это все спокойно принимаю
Как искупление будущей вины.

То зной, то дождь, то комары над нами.
А Ваши люди говорят нам Вел.
Вы нас кормили кашами и щами.
Не понимаю, как я уцелел.

Ну, бог с тобой, живи, товарищ Ося.
Копайся с увлечением в земле.
Лишь было б больше черепков и кости
На душу археолога в стране.

И он, как вы все хорошо знаете, с увлечением «копался» в земле до самого конца своей жизни...

ГОРОДА ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА В V в. до н. э. (К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ПИСЬМЕННЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)¹

А. М. БУТЯГИН

Античная археология относится к тем областям археологического знания, в которых проблема связи письменных и археологических источников предстает особенно рельефно. Классическая наука, изначально вмещавшая в себя и то, что мы сейчас называем античной археологией, породила большое количество специальностей, занятых интерпретацией письменных источников, а сама античная история является весьма, если не самой, почтенной отраслью исторической науки. Археолог-антиковед всегда должен подразумевать возможности исторической интерпретации открытых им объектов. Более того, значительные знания о быте, культуре, общественной организации и других областях жизни древних греков, а также развитая методика исследований часто позволяют сделать значительные выводы из весьма скромных, на первый взгляд, находок.

Археолог, работающий в Северном Причерноморье, постоянно оказывается в трудном положении относительно изучаемых им объектов. С одной стороны, включенность этого района в орбиту греческого мира требует его полномасштабной интеграции в античную историю. С другой стороны, малочисленность письменных и эпиграфических источников делает эту задачу трудновыполнимой, а история некоторых областей порой опирается на принцип порочного круга, при котором одни гипотезы опираются на другие, причем пересмотр аргументов, лежащих в основе тех или иных гипотез, не приводит к смерти самих концепций.

Мне хотелось бы рассмотреть некоторые особенности существующих исторических интерпретаций на примере изучения кризисного периода в истории Северного Причерноморья — первой половины V в. до н. э. Мы проанализируем его на материалах городов так называемого Европейского Боспора, т. е. расположенных на территории современного Керченского полуострова (в отличие от Боспора, в античном понимании, «Азиатского» — современного Таманского полуострова). Процессы, происходившие на разных берегах Керченского пролива, несколько отличались, что дает возможность рассматривать два района отдельно, хотя некоторые данные относительно «азиатской» стороны будут упомянуты.

К началу V в. до н. э. греческие колонии в регионе уже вполне встали на ноги. Они уже не напоминают те относительно небольшие деревеньки, состоящие из землянок и полуземлянок, которые появились здесь в первой по-

¹ Первоначальный текст статьи был представлен на «Мавродинских чтениях 2008» (исторический факультет СПбГУ, 28.03.2008), тема которых — «Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения».

ловине VI в. до н. э. (Бутягин 2005: 80—82). Наиболее исследованными поселениями этого времени являются Пантикапей, Нимфей, Мирмекий, Тиритака. Все они полностью переходят в последней четверти VI—начале V в. до н. э. к наземному домостроительству. При этом складываются большие городские кварталы, а на акрополе Пантикапея возводятся весьма любопытные постройки, такие как толос (круглая постройка для культовых или общественных нужд) и еще несколько построек, связанных с культом (Толстиков 1992: 62—63). Многочисленные данные позволяют рассматривать первую четверть V в. как расцвет греческих колоний по берегам Боспора Киммерийского. Разнообразные данные свидетельствуют о значительном увеличении населения, развитии ремесла и торговли, активной строительной деятельности. Однако этому расцвету было не суждено продолжаться долго. В начале второй четверти столетия можно констатировать полностью противоположные процессы.

Именно к этому моменту относится первое упоминание об исторических событиях на Боспоре в письменных источниках. Все, что относится к более раннему времени, касается основания различных колоний, причем сведения эти чрезвычайно скупы и связаны обычно с каким-либо эпонимным деятелем. Теперь же речь идет непосредственно о политических событиях. Диодор Сицилийский сообщает, что до Спартокидов власть с 480 г. до н. э. принадлежала роду Археанактидов: «В Азии же царствовавшие над Киммерийским Боспором так называемые Археанактиды правили сорок два года. Принял же власть Спарток и правил семь лет» (Diod. XII,31,1). Как отметил еще Д. П. Каллистов (1949: 162—172), Диодор черпал сведения в произведении какого-то местного хрониста, описывавшего в первую очередь правление Спартокидов, в связи с чем предыдущая эпоха волновала его в значительно меньшей степени, а, кроме того, могла быть совершенно не документирована царскими архивами. Именно эта фраза послужила основой для многочисленных гипотез, авторы которых, как правило, пытались использовать данные археологии.

Наиболее экзотической выглядит идея, выдвинутая Г. А. Кошеленко. Исследователь пришел к выводу, что вплоть до конца V в. до н. э. Боспор находился под управлением персидской империи Ахеменидов (Кошеленко 1999: 139). При этом Кошеленко исходил исключительно из анализа письменного свидетельства. Так как Азия у греческих авторов — это почти исключительно Персия, то Археанактиды, «правившие в Азии», могли быть только персидскими ставленниками. Автор гипотезы особо не опирался на археологические свидетельства, так как прямого указания письменного источника ему казалось вполне достаточно. Между тем мы не имеем никаких археологических свидетельств какого бы то ни было персидского присутствия на территории Боспора Киммерийского в рассматриваемый период. Редкие персидские вещи, которые можно видеть в окружающих варварских курганах (самой впечатляющей из них является, пожалуй, серебряный ритон в виде крылатого козла из Семибратних курганов), появляются здесь не раньше середины столетия и они крайне немногочисленны (Тревер 1949: 95). В отсутствие археологических подтверждений эта гипотеза так и не получила популярности среди исследователей Причерноморья.

Остальные авторы обращали на археологические свидетельства значительно большее внимание, тем более, что примерно на время начала правления Археанактидов приходятся существенные изменения в облике позднеархаических боспорских колоний. Вкратце их можно свести к следующему. На многих исследованных городах Европейского Боспора (а также в Кепях и Фанагории, находящиеся на азиатской части) фиксируются следы разнообразных разрушений. В Пантикапее было заброшено центральное плато горы Митридат с упомянутыми выше постройками, которые вполне могли быть центром управления полиса. Заметим, что, по категорическому утверждению авторов раскопок, эти здания были заброшены, а не одновременно уничтожены: зафиксированы следы длительного обветшания, поверх разрушающихся сооружений не позднее второй четверти V в. до н. э. строятся несколько сменяющих друг друга землянок, в которых обнаружены явные следы железодельного производства, в том числе часть меча скифского типа, наконечники стрел, чешуйки панциря (Трейстер 1988: 45—67). Раскопки последних лет, которые производились ниже по склону, выявили следы разрушений — мощные пожары капитальных построек, расположенных на естественной скальной террасе, служившей, судя по всему, границей полиса. В сгоревших постройках обнаружены наконечники трехгранных и трехлопастных стрел. В это же время внешние стены рассмотренных сооружений соединяются стенами, которые позволили связать их в единый оборонительный комплекс, превратив в мощную северную оборонительную стену Пантикапея. Следует особо отметить, что стена строится, что называется, «на скорую руку», практически поверх ранних сооружений и без глубокого фундамента (Толстиков, Журавлёв, Ломтадзе 2003: 323—325).

Аналогичная картина наблюдается и на городище Тиритака, расположенном к югу от Пантикапея. Здесь фиксируются следы пожаров и разрушений, а внешние стены домов также были превращены в «эрзац» оборонительной стены. Зафиксированы и следы мощного пожара, в результате которого были разрушены ранние оборонительные сооружения Порфмия (Вахтина, Виноградов 2001: 41—45).

Весьма рельефная картина предстает перед нами при раскопках городища Мирмекий, расположенного к северу от Пантикапея. Практически все постройки, сооруженные в первой четверти V в. до н. э., разрушаются (Бутягин, Виноградов 2006: 20). Заметим, что город в это время занимал площадь не менее 5 га и лишь немногим отставал от того максимального размера, которого он достигнет в эллинистический период. Если постройки центральной (восточной) части памятника гибнут в пожаре, то в западной части (следует отметить, что Мирмекий разделен с севера на юг невысокой скальной грядой, так называемым бугром) многие дома были разобраны без всяких следов разрушений, а поверх них была построена оборонительная стена толщиной около 5 м. Она ограничивает небольшой участок жилого пространства — не более $\frac{1}{4}$ заселенной территории. При раскопках были обнаружены наконечники стрел, в том числе погнутый от удара, и часть бронзового псалия в виде кошачьего хищника (Виноградов, Тохтасьев 1994: 54—63).

Следы разрушений имеются также на сельском поселении Героевка 1 к югу от Нимфея, где в яме найдены обломки вооружения (Горончаровский 1996: 31—32). Особняком в этом ряду стоит само городище Нимфей. На его

территории фиксируются многочисленные перестройки зданий, относящиеся к первой половине V в. до н. э., которые, однако, свидетельствуют скорее об активной строительной деятельности, чем о восстановлении после разрушения. Здесь также не выявлено никаких следов ранней оборонительной стены. Впрочем, место ее наиболее вероятного нахождения пока не исследовалось.

Этот набор фактов позволил целому ряду исследователей, в ряду которых нужно упомянуть Ю. Г. и Ю. А. Виноградовых и К. К. Марченко, рассматривать происходящие события как следствие мощного давления на греческие города со стороны степи (Виноградов Ю. Г. 1983: 405—406). Предполагается, что в начале V в. до н. э. скифские племена, продвигаясь из степных районов Керченского полуострова, усиливают давление на греческие поселения Боспора. В результате греки были вынуждены мобилизовать все усилия для отражения внешней угрозы: часть территории городов была покинута, а остальная опоясана оборонительными сооружениями, воздвигнутыми в крайней спешке. Именно с этим событием связывается и приход к власти Археанактидов, которые возглавили греческое объединение в борьбе против степных варваров. Заметим, что примерно в это время начинается выпуск монет с легендой «АПОЛ» на пантикапейском монетном дворе (типы этих монет аналогичны стандартным пантикапейским), которые многие исследователи считают союзной чеканкой при храме Аполлона (Анохин 1999: 16—19).

К первой половине V в. до н. э. относится еще одно четко не датированное свидетельство, также относящееся к Боспору и, как представляется, очень важное. Это указание Геродота на толщину льда в Керченском проливе, по которому скифы вместе со своими кибитками перемещаются в землю синдов, расположенную в южной части Таманского полуострова и к востоку от него. В свое время в совместной статье М. Ю. Вахтиной, Ю. А. Виноградова и Е. Я. Рогова эти походы были названы сезонными перекочевками, что вызвало большую дискуссию (Вахтина, Виноградов, Рогов 1980: 157; Завойкин 2007: 224). Несомненно, что речь шла о периодическом действии, что, однако, напрямую не свидетельствует именно о перекочевках. Это свидетельство вполне может говорить и о периодических военных походах. В любом случае, в последнее десятилетие наметились и другие точки зрения на происходившие события. Исследователи обратили внимание на слабые и дискретные следы разрушений на Азиатском Боспоре, а также на некоторый хронологический разнобой: разрушения в Мирмекии относятся ко второй четверти столетия, а в Пантикапее и в других городах, они, вероятно, происходили несколько раньше.

Наиболее последователен оказался Е. А. Молев, который выдвинул следующую гипотезу. Пантикапей освоил значительную часть территории Керченского полуострова за счет внутренней колонизации, и уже тогда он начал именоваться Боспором. Мощный полис попытался атаковать Нимфей (разрушения в Героевке 1), после чего разразилась война между Пантикапеем и коалицией из Нимфея, Тиритаки, Порфмия и Мирмекия, а возможно, и других городов. Будучи в тяжелом положении, Пантикапей оказывается во власти некоего Археанакта — представителя знатного милетского рода, который начинает проводить решительную внешнюю политику. Он призывает на службу

скифских наемников и подчинят Тиритаку, а затем Порфмий и Мирмекий. Города обводятся городскими стенами и обзаводятся пантикапейскими гарнизонами. Никаких причин для греко-скифских конфликтов автор не видит (Молев 1997: 27).

Заметим, что эта гипотеза не пользуется большой поддержкой среди ученых-античников. Однако она не так просто опровергаема. Находки оружия варварского типа, которые можно связать с боевыми действиями, в действительности не могут служить доказательствами скифской экспансии, равно как и псалий, так как на боспорских некрополях конца VI—V в. до н. э. мы можем видеть относительно многочисленные захоронения с железными мечами-«акинаками» (Завойкин, Сударев 2006: 281—283). Находка стрел скифских типов является чрезвычайно распространенной. Нет никаких сомнений в том, что местные греки как минимум с конца VI в. до н. э. активно использовали местное вооружение. Конечно, малое количество населения Мирмекия, Тиритаки и особенно Порфмия, а также полное отсутствие разрушений в Нимфее не свидетельствуют в пользу предложенной концепции. Непонятно и почему в первой половине столетия Пантикапей решился на такую экспансию, а впоследствии приостановил ее на долгие годы (вплоть до последней четверти V в. до н. э., когда к власти пришла династия Спартокидов).

В целом, являясь сторонником концепции Ю. А. Виноградова, я не могу не остановиться на одном примечательном моменте. Чрезвычайно мощное развитие на рубеже VI—V в. до н. э. таких поселений, как Мирмекий и, вероятно, Тиритака, когда можно констатировать уничтожение старых жилых комплексов и строительство поверх них новых структур, состоящих из наземных сырцовых построек на каменном цоколе, порой весьма значительной площади, на мой взгляд, может свидетельствовать о том, что эти городки вошли в состав пантикапейского полиса не позднее рубежа VI—V вв., причем без всякой военной активности. В этом случае события 480-х гг. до н. э. вряд ли можно трактовать как межполисную войну.

В заключение хотелось бы констатировать следующее: на приведенном примере² можно видеть, что при анализе развития поселенческих структур археологи, как правило, опираются на факты археологии и готовы составлять весьма цельную и ясную картину процессов, происходивших на территории греческих колоний в тот или иной период. Однако при переходе к исторической интерпретации, в целях приведения археологического материала в вид, доступный для использования в современной античной исторической литературе, им приходится идти на многочисленные допущения, причем, как это ни странно, этим больше страдают именно те исследователи, которые получили преимущественно историческое образование. Недостаток письменных свидетельств вынуждает домысливать слишком большие блоки в условиях, когда археологический материал не дает такой возможности. Не случайно, наверное, многие работы заканчиваются надеждой исследователей на открытие новых эпиграфических памятников, которые «позволят пролить свет» и т. д. Как мне кажется, несмотря на многолет-

² С таким же успехом можно было бы разобрать воззрения, например, на вторую половину V в. до н. э. и приход к власти династии Спартокидов.

нее, часто плодотворное, использование данных археологии для воссоздания истории Северного Причерноморья (особенно в таких областях, как характер власти тех или иных правителей, существование союзов и т. д.), мы сталкиваемся с серьезными трудностями, связанными именно с надеждой на то, что археология может в полной мере восполнить нехватку письменных источников.

- Анохин 1999 — *Анохин В. А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
- Бутягин 2005 — *Бутягин А. М.* Колонизация Боспора Киммерийского // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья. СПб., 2005. С. 80—84.
- Бутягин, Виноградов 2006 — *Бутягин А. М., Виноградов Ю. А.* Мирмекий в свете новых археологических исследований. СПб., 2006.
- Вахтина, Виноградов 2001 — *Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А.* Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Материалы международной научной конференции. СПб., 2001. Ч. 1. С. 41—45.
- Вахтина, Виноградов, Рогов 1980 — *Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Рогов Е. Я.* Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 155—161.
- Виноградов Ю. Г. 1983 — *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 366—420.
- Виноградов, Тохтасьев 1994 — *Виноградов Ю. А., Тохтасьев С. Р.* Ранняя оборонительная стена из Мирмекия // ВДИ. 1994. № 1. С. 54—63.
- Горончаровский 1996 — *Горончаровский В. А.* Итоги изучения сельского поселения Героевка 1 на хоре Нимфея // Древнее Причерноморье: III чтения памяти проф. П. О. Карышковского. Тезисы докладов. Одесса, 1996. С. 31—32.
- Завойкин 2007 — *Завойкин А. А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины. М.; Киев; Запорожье, 2007. С. 219—243.
- Завойкин, Сударев 2006 — *Завойкин А. А., Сударев Н. И.* Погребения с оружием VI—V вв. до н. э. как источник по политической и военной истории Боспора // Древности Боспора. М., 2006. Т. 10, ч. 1. С. 263—303.
- Каллистов 1949 — *Каллистов Д. П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949.
- Кошеленко 1999 — *Кошеленко Г. А.* Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996—1997 гг. М., 1999. С. 130—141.
- Молев 1997 — *Молев Е. А.* Политическая история Боспора VI—IV вв. до н. э. Нижний Новгород, 1997.
- Толстиков 1992 — *Толстиков В. П.* Пантикапей — столица Боспорского царства // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 45—99.
- Толстиков, Журавлёв, Ломтадзе 2003 — *Толстиков В. П., Журавлёв Д. В., Ломтадзе Г. А.* Многокамерные строительные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея VI—V вв. до н. э. // Древности Боспора. М., 2003. Т. 6. С. 307—350.
- Тревер 1949 — *Тревер К. В.* Ахеменидский ритон // Сокровища Эрмитажа. М.; Л., 1949. С. 95—98.
- Трейстер 1988 — *Трейстер М. Ю.* Бронзолитейное дело Боспора в VI—V вв. до н. э. // *Eigene*. 1988. XXV. С. 45—67.

**TOWNS OF THE EUROPEAN BOSPORUS IN THE 5th CENTURY BC
(TO THE PROBLEM OF INTERRELATION OF WRITTEN AND
ARCHAEOLOGICAL RECORDS)**

A. M. Butyagin

The complicated history of the early Bosphorus colonies gave rise to numerous hypotheses and interpretations. Particular attention was paid to the destructions in the Bosphorus towns in the first half of the 5th century BC, which were considered a result of either nomads' attacks or internal conflicts between different Greek colonies. The latter idea does not seem to accord well with the available archaeological evidence. This example demonstrates the difficulties associated with the matching of written and archaeological records, which often leads to unproven assumptions and speculative inferences. It appears that such a situation is caused by the urgent aspiration to use archaeological materials for reconstructing the events that are weakly reflected in archaeological records. This is why all the existing hypotheses should be periodically revised in the light of new archeological data.

И. Б. БРАШИНСКИЙ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПЛАНИРОВКИ ЖИЛЫХ КВАРТАЛОВ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ МИРМЕКИЯ

Д. Е. ЧИСТОВ

Систематические работы по исследованию боспорского городка Мирмекий, начатые в 1934 г. Боспорской экспедицией ГАИМК (рук. В. Ф. Гайдукевич), велись, с перерывами, до 1966 г. Благодаря систематическим и планомерным исследованиям В. Ф. Гайдукевича, Мирмекий превратился в мощную «полевую школу» советской классической археологии, поскольку в его раскопках в разные годы в качестве начальников участков и практикантов работала целая плеяда исследователей, оказавших большое влияние на развитие античной археологии Северного Причерноморья [Е. Г. Кастанаян, Н. З. Кунина, Н. Л. Грач, Ю. П. Калашник, В. И. Пругло (Денисова), И. Г. Шургая, О. Д. Лордкипанидзе, А. П. Иванова, И. И. Саверкина и др.]. Принимал участие в раскопках Мирмекия и И. Б. Брашинский. В 1958 г. он руководил работами на одном из участков раскопа «И», до настоящего времени остающемся крупнейшим и наиболее хорошо изученным раскопом на территории городища. В архиве ИИМК хранятся две тетради дневников И. Б. Брашинского за 1958 г., высокое качество и детальность описаний которых заметно выделяется на фоне документации исследований Мирмекия тех лет, несмотря на высокие стандарты полевой фиксации, принятые в Боспорской экспедиции.³ Результаты исследований на вверенном И. Б. Брашинскому участке тем более интересны, что они не были в полной мере отражены в публикации основных результатов исследований раскопа «И» (Гайдукевич 1987: 5—148). Основным объектом, подвергшимся раскопкам на этом участке, стала одна из улиц античного городка, получившая в ходе работ условное наименование «Южная».

Обращаясь к опубликованным результатам исследований Мирмекия экспедицией В. Ф. Гайдукевича, трудно обойти вниманием то обстоятельство, что в ходе раскопок фактически не была раскрыта уличная сеть города, а следовательно, не поднимались такие важные для исследования любого урбанистического центра вопросы, как средние размеры жилых кварталов и отдельных домохозяйств. Исключений немного, например, улица, раскрытая вдоль фасада северной оборонительной стены городка, непрерывно существовавшая с IV в. до н. э. и до римского времени (Гайдукевич, Леви, Прушевская 1941: 124; Гайдукевич 1952: 135—141). Особенно это примечательно для раскопа «И», значительная площадь которого (около 4000 м²), казалось бы, должна была гарантировать полное или частичное выявление не менее чем одного городского квартала. Тем не менее сводный план строительных остатков участка «И» (Гайдукевич 1987: 8, рис. 2) показывает нам достаточно хаотическую агломерацию помещений (преимущественно эллинистического пе-

³ К сожалению, в фонде архива недостает третьей (последней) тетради дневника, содержавшей большую часть текста заключения, составленного исследователем по завершении работ.

риода), в которой границы отдельных домовладений угадываются с трудом. Строительные остатки доэллинистического времени в центральной и южной частях раскопа «И» известны лишь в обрывках. Причина их фрагментарности заключается как в уничтожении более ранних конструкций в ходе капитальных перестроек города в эллинистический период (Гайдукевич 1987: 36), так, не в меньшей степени, и в том, что методика раскопок 1950—1960-х гг. предполагала исследование ранних слоев лишь отдельными шурфами внутри помещений III—I вв. до н. э. В результате не сформировалась сколь-нибудь достоверная общая картина городской застройки доэллинистического времени, отмечалось лишь, что керамический материал V—IV вв. до н. э. встречается в шурфах практически повсеместно (Гайдукевич 1959: 52).

Вместе с тем информация, позволяющая с определенной степенью достоверности реконструировать уличную сеть Мирмекия на этом участке, все же была получена в ходе раскопок.

«Южная» улица

Наиболее хорошо изучена упомянутая «Южная» улица, ориентированная по линии запад—восток с некоторым отклонением к северо-востоку. Фактически она пересекает весь участок «И» (ок. 60 м) и достаточно хорошо различима при посещении городища Мирмекий в наше время. На сегодняшний день она является единственной древней улицей Мирмекия, выявленной на столь большом протяжении. Возникшая, по всей видимости, еще в конце VI в. до н. э., «Южная» улица непрерывно функционировала на протяжении нескольких столетий — по меньшей мере, до конца IV в. до н. э., а вероятнее всего — и в эллинистический период. Более того, эта улица могла существовать и намного позднее, в первые века нашей эры, поскольку остатки дома III в. н. э. (помещения XXI, XXIII) были раскрыты вдоль ее южной границы, практически совпадая в плане с ранними строительными остатками, в том числе и позднеархаическими, обнаруженными при шурфовке полов этих помещений римского периода (Гайдукевич 1987: 119). Последнее наблюдение представляется нам чрезвычайно важным, поскольку в Мирмекии мы практически не имеем других примеров столь продолжительного неизменного существования элементов планировочной структуры — за исключением так называемой «Военной» улицы, располагавшейся вдоль северной оборонительной стены. Надо полагать, что вместе с «Южной» улицей весьма продолжительное время продолжали существовать и стены позднеархаических зданий, использовавшихся при позднейших перестройках, поскольку к их внешним фасадам примыкали уличные вымостки. С севера раскопанное пространство «Южной» улицы ограничивают кладки 63—176, представляющие собой внешнюю (южную) стену позднеархаического здания (или нескольких заблокированных в квартал домов). Строительные остатки этого комплекса в IV—III вв. до н. э. были перекрыты вымостками двора нового здания, однако, по всей видимости, этот двор был отделен от улицы стеной (62), приблизительно совпадающей по направлению с предшествующей ей позднеархаической кладкой 67. С севера улица ограничивается стеной 135 и продолжающимися ее трассу кладками помещений римского периода. Сохранность стены в момент раскопок достигала в высоту 2,5 м (Брашинский 1958а: 80, план) По всей видимости, она сформировалась из нескольких разновремен-

ных надстроек. Участки ранней кладки, совпадающей с ней по направлению, были раскрыты в шурфе в полу помещения XXIII римского времени.

К северу от стены 135 на всем ее протяжении И. Б. Брашинским были раскрыты слои черепяной вымостки с очень значительным количеством материалов IV в. до н. э.; участки вымостки на разных квадратах фиксировались на уровнях от +9,14 до +8,72 м (Брашинский 1958а: 44, 46, 74). В подстилавшем эти вымостки слое, на уровне подошв стен 135 и 162, фиксировались многочисленные материалы конца VI—первой половины V в. до н. э. — фрагменты хиосских амфор, в том числе с широкими полосами темной краски, амфор Клазомен, лесбосских амфор, аттической чернофигурной керамики, ионийских сосудов с поясками краски. Это подтверждает существование улицы с позднеархаического времени (Брашинский 1958а: 54, 73—74, 79). Вместе с тем в верхней части черепяных вымосток фиксировалась значительная примесь более позднего эллинистического материала — родосских и синопских амфор, в том числе с клеймами (Брашинский 1958а: 66, рис. 58).

В полевой документации среди материалов IV в. до н. э., происходящих из слоев вымосток «Южной» улицы, упоминаются фрагменты амфор Фасоса, Гераклеи, Синопы, а также большое количество обломков боспорских и синопских черепиц, в том числе — одно клеймо на фрагменте боспорской керамики, которое, судя по рисунку в дневнике, относится к группе, датируемой В. А. Анохиным временем правления Левкона I (Анохин 1999: 193, рис. 61, № 48; Брашинский 1958а: 73, рис. 70). Несмотря на значительное количество фрагментов амфор в слое вымостки, И. Б. Брашинский отмечал, что находок амфорных клейм было относительно немного. На уровне +9,14 было найдено ретроградное клеймо неизвестного центра (Брашинский 1958а: 42, рис. 36); на уровне +8,93 — два гераклейских клейма: фрагментированный смазанный оттиск с именем фабриканта Каллия и, вероятно, эпонима Дионисия (Брашинский 1958а: 44, рис. 44; Мир. 58-459, рис. 1, 1) и нечитаемое гераклейское клеймо с эмблемой — палицей Геракла (Брашинский 1958а: 46); на уровне +8,82 к северу от стены 135 было найдено клеймо позднего гераклейского фабриканта Этюма конца IV—начала III в. до н. э. (Мир. 58-468, рис. 1, 2; Кас 2003: 277) а также фрагментированное синопское клеймо астинома Дионисия 5 (Апэмантова), хронологической подгруппы VI C-2 (вторая половина III в. до н. э., Мир. 58-223, рис. 1, 3; Брашинский 1958а: рис. 64, 65; Garlan 2004: cat. 435—440; Кац 2007: 439—440). С горизонтов вымосток улицы также происходили фрагменты чернолаковых аттических сосудов со штампованным орнаментом — овами и насечками (Брашинский 1958б: 42).

Часть вымостки, несомненно относившейся к «Южной» улице, была раскрыта в том же 1958 г. западнее, в ходе работ под руководством Е. Г. Кастанаян. Вымостка улицы расчищена к югу от стены 59, на квадратах O-12—15 (57, 25, 46, 47); ее следы были также зафиксированы на квадратах O-10—11 (Кастанаян 1958б: 40). На большей части исследованной площади черепяное мощение подстилалось плотной вымосткой из бутового камня (№ 130), причем на квадрате O-11 слой черепяной вымостки был в свою очередь перекрыт плитовой вымосткой (№ 170). В своем полевом дневнике исследовательница отмечала, что на некоторых участках (квадрат O-12) черепяное мощение было положено на слой бутовой вымостки после частичного разрушения последней, поскольку плотный слой черепков заполнил собой участки, в которых более раннее бутовое мощение было полностью разрушено.

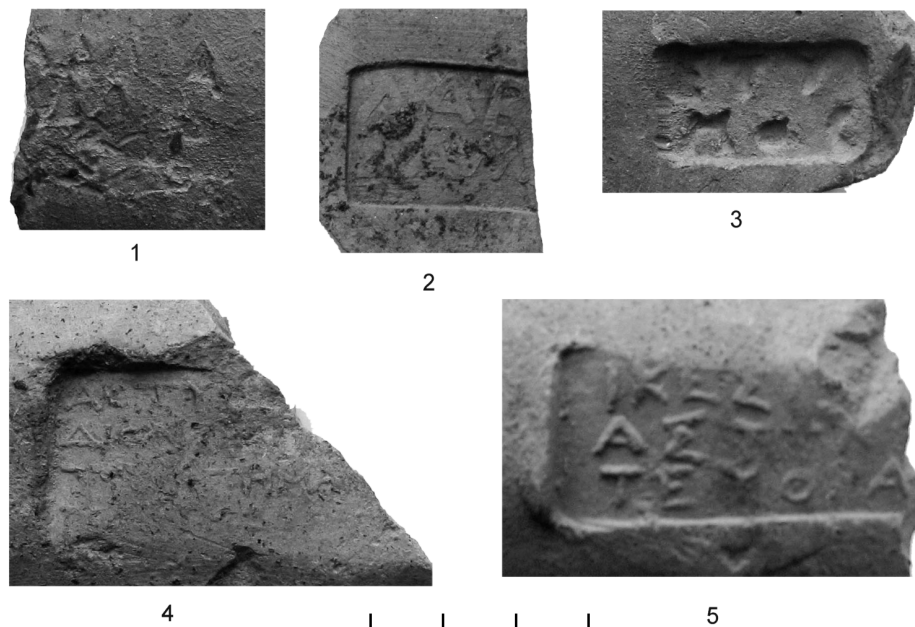

Рис. 1. Амфорные клейма из коллекции Государственного Эрмитажа, происходящие с вымосток улиц, раскрытых на участке «И» Мирмекия: 1—4 — «Южная» улица (1 — Мир. 58-459; 2 — Мир. 58-468; 3 — Мир. 58-223; 4 — Мир. 58-198); 5 — «Восточная» улица (Мир. 58-395)

При расчистке этой вымостки были обнаружены многочисленные фрагменты керамической тары IV в. до н. э. — фасосских, синопских и гераклеийских амфор, хиосских амфор с колпачковыми ножками, амфор Менде, Фасоса (Кастанаян 1958а: 24, рис. 19; 44, рис. 40), фрагменты столовой посуды. Из этой части вымостки улицы происходит клеймо синопского магистрата Гикесия I (Мир. 58-198, рис. 1, 4), подгруппы ППД, по классификации И. Гарлана (Garlan 2004: 134, cat. 118), датируемого рубежом IV—III или началом III в. до н. э., а также не попавшие в коллекцию Эрмитажа гераклеийские клейма эпонимов Аристонa и Айтера (МГ Пб, 390-е — 370-е гг. до н. э.; Кас 2003: 275) и фабриканта ранней фабрикантской группы Каллия (Кастанаян 1958а: 45, рис. 41).

Хотя мы не располагаем полными сведениями о находках с разных уровней вымосток «Южной» улицы, на приведенных выше примерах можно сделать вывод, что происходящий почти с одного и того же уровня материал был хронологически очень неоднороден (что и неудивительно для «проезжей части» с ее ухабами, черепяными подсыпками и т. п.), охватывая период приблизительно с первой половины IV в. до н. э. по последнюю четверть III в. до н. э. В ходе раскопок слой черепяной вымостки не был отмечен ниже уровня +8,1—+8,57, ее подстилал очень плотный серовато-коричневый слой, насыщенный материалами V—IV вв. до н. э. (Брашинский 1958а: 48, 76, рис. 73). Этот примечательный факт может свидетельствовать о том, что улицы Мирмекия регулярно не мостились каменными и черепяными вымостками, по меньшей мере, до начала IV в. до н. э. Грунт такого характера фиксировался

до уровня подошвы стены 135 (+7,80), ограничивавшей улицу с юга. Максимальная высота этой кладки составила 2,47 м (!) (Брашинский 1958а: 57). Столь впечатляющая сохранность имела место вследствие наложения двух одновременных строительных периодов: на высоте от 1,2 м от подошвы камня стены 135 выступали по северному фасаду до 0,27 м. В слое у подошвы стены был обнаружен многочисленный материал рубежа VI—V вв. до н. э., в том числе фрагменты хиосских амфор с полосами краски на венчике, сероглиняных лесбосских, «протофасосских» и т. п. (Брашинский 1958а: 57, 58, рис. 50). Таким образом, наиболее ранний период этой стены относится ко времени поздней архаики.

Помимо «Южной улицы» в ходе раскопок того же 1958 г. были раскрыты участки вымосток двух других улиц, очевидно, ориентированных в меридиональном направлении.

«Западная» улица

Небольшой фрагмент улицы, шириной 1,25 м., ориентированной по линии С—Ю, был расчищен в северо-западной части раскопа «И», на квадратах З—И-11 (58, 59), на уровне +7,76, между стенами 136 (западная стена эллинистической винодельни М-5) и стеной 204 римского времени.⁴ В дневниках Е. Г. Кастанаян она обозначена как «Западная» улица (Кастанаян 1958б: 3, 4, 40, 41), поэтому мы придерживаемся этого условного наименования. По своему характеру она очень напоминала описанную выше «Южную» улицу: ее вымостка (№ 221) из небольших известняковых плиток размерами в среднем 0,2 × 0,2 м была перекрыта плотным слоем черепяного мощения толщиной 0,05 м, состоящего главным образом из фрагментов амфор. Профильные части амфор, происходящие с этой вымостки, Е. Г. Кастанаян обобщенно датирует III в. до н. э., не приводя подробных описаний материала. Однако единственный рисунок керамики из слоя черепяной вымостки улицы, несомненно, представляет ножку фасосской биконической амфоры IV в. до н. э. (Кастанаян 1958б: 4, рис. 1). «Западная» улица, ориентированная по линии С—Ю, уходила в северный борт раскопа. Есть основания предполагать, что в южной части участка «И» она пересекалась с «Южной» улицей, образуя угол жилого квартала IV—III вв. до н. э.

«Восточная» улица

При внимательном рассмотрении общего плана раскопа «И» (рис. 2) можно легко обнаружить оставшееся незастроенным с архаического по раннеэллинистическое время пространство на квадратах К, Л, М-18 (т. е. к западу от кладки 80, или между архаическими стенами 79 и 197). По всей видимости, оно также представляет собой часть улицы, образовывавшей перекресток с «Южной» улицей на квадратах Н-18—19 и со временем перекрытой с севера эллинистическим комплексом, в одном из помещений которого (XII) был найден прямоугольный каменный алтарь. По аналогии с «Западной» мы условно

⁴ На опубликованном общем плане раскопа (Гайдукевич 1987: 8, рис. 2) эти вымостки никак не обозначены.

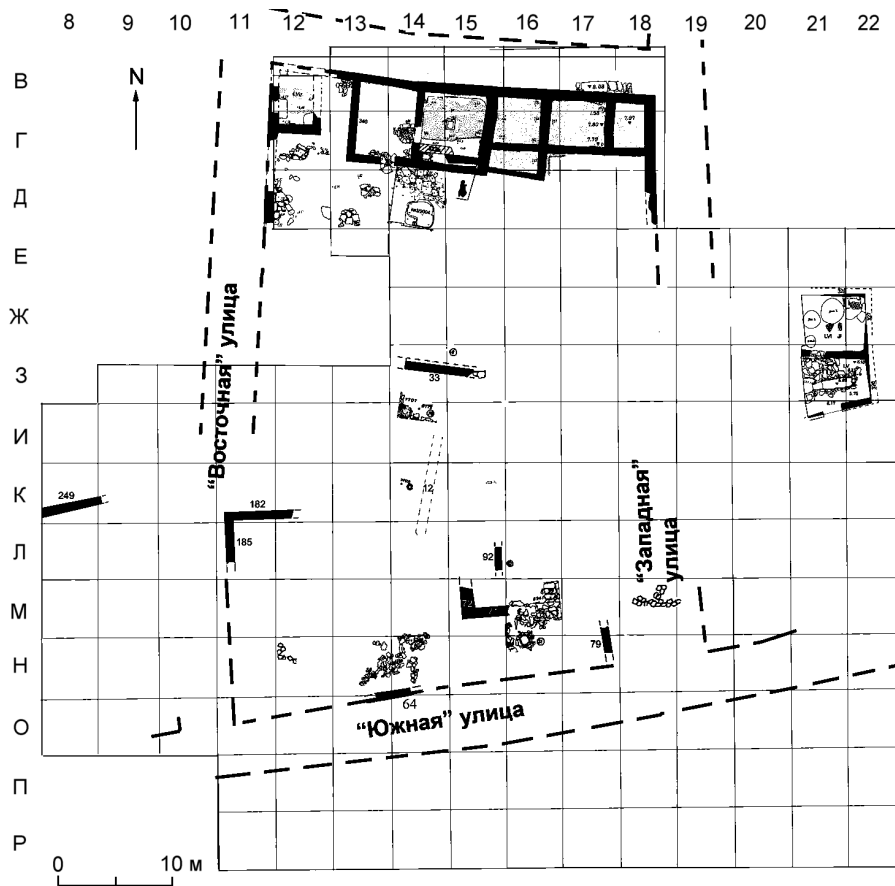

Рис. 2. Реконструкция возможной сети улиц на участке «И» Мирмекия на сводном плане строительных остатков IV в. до н. э.

обозначаем эту улицу как «Восточную», хотя такого названия в полевой документации 1950-х гг. она не получила. Указанный участок раскопа «И» с фрагментами вымосток исследовался в 1958 г. под руководством И. Б. Брашинского. Здесь к востоку от эллинистической стены 55 (под ее подошвой на уровне +7,42) фиксировался слой с большим количеством профильных фрагментов амфор IV в. до н. э. — Гераклеи и Фасоса, в том числе фрагментированное фасосское клеймо эпонима Лавра (Мир. 58-395, рис. 1, 5; Брашинский 1958а: 20, рис. 13), относимого И. Гарланом к хронологической группе В (390—380-е гг. до н. э. — Garlan 1999: 123, cat. 142), многочисленные фрагменты аттической чернолаковой посуды со штампованным орнаментом.

Главной особенностью формирования культурных напластований в северных квадратах раскопа «И»⁵ являются две зольные насыпи, так называемые зольник I и зольник II. Поскольку напластования зольников I и II «консервировали» лежавшие под ними остатки сооружений V—IV вв. до н. э., их

⁵ Линии квадратов В, Г, Д, Е.

сохранность значительно превосходит синхронные им строительные остатки в южной части раскопа «И», серьезно поврежденные, а порой и полностью уничтоженные нивелировками эллинистического и римского времени. Реконструкция планировки комплекса «святилища Деметры» IV в. до н. э., выполненная на основе полевых чертежей 1964—1966 гг. (Чистов 2006) позволила выявить его границы с севера, запада и востока. Совмещение плана этого сооружения на общем плане участка «И» с трассами описанных выше улиц (рис. 2) позволяет сделать следующие предварительные выводы.

Весьма вероятно, что с востока и с запада территорию городского квартала, в котором размещалось «святилище Деметры», ограничивали ориентированные в меридиональном направлении улицы, идентичные «Западной» и «Восточной». Те же улицы в южной части участка «И» пересекаются с «Южной» улицей.

Площадь квартала, ограниченного указанными улицами, можно приблизительно оценить в 1750 м² (35 x 50 м), однако, скорее всего, в этих границах в IV в. до н. э. располагались не один, а два смежных квартала. Оценить количество отдельных домохозяйств, находившихся на этой территории, невозможно из-за плохой изученности доэллинистических слоев. В достаточной мере исследован лишь один комплекс, так называемое святилище Деметры, площадь которого, согласно реконструкции, составляла не менее 480 м² (т. е. около 27 % от приблизительной площади квартала). Однако это сооружение, очевидно, не относилось к числу рядовых жилых построек, поэтому экстраполировать его размеры на средний размер домовладения жителей Мирмекия IV в. до н. э. было бы некорректно. По всей видимости, архаический квартал Мирмекия, находившийся на этой территории, имел приблизительно те же границы. Уточнить это будет возможно в ходе продолжающихся работ по доследованию архаического комплекса под насыпью зольника I.

В III в. до н. э. на территории центральной части раскопа «И» возникает новое здание, реконструкция плана нескольких строительных периодов которого выполнена Е. В. Грицик (Грицик 2007). В одном из помещений этого здания раскрыт прямоугольный каменный алтарь. Есть основания полагать, что эллинистический дом с алтарем был построен непосредственно на месте меридиональной «Западной» улицы — той же самой, на которую в разные периоды выходили восточные стены архаического дома с алтарем и «святилища Деметры».⁶ Таким образом, это здание, так называемое «эллинистическое святилище», с самого раннего этапа своего существования видоизменило планировку городской застройки в этой части Мирмекия. Улица, с юга ранее пересекавшаяся с «Южной» улицей, а с севера ведущая приблизительно в направлении городских ворот, известных по планам XIX в., после перестройки квартала превратилась в тупиковый переулок. Из этого тупика имелся вход в дом с алтарем, а к западу от переулка располагался зольный холм (зольник II).

⁶ Большая часть этой улицы не была исследована в ходе раскопок по той причине, что оказалась перекрыта постройками эллинистического времени, а также потому, что нынешний восточный борт участка «И» практически совпадает с восточной границей архаического дома и «святилища Деметры».

- Анохин 1999 — *Анохин В. А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
- Брашинский 1958a — *Брашинский И. Б.* Мирмекий, раскоп «И». Боспорская археологическая экспедиция. Полевой дневник № 1 // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1958 г., д. 216.
- Брашинский 1958б — *Брашинский И. Б.* Мирмекий, раскоп «И». Боспорская археологическая экспедиция. Полевой дневник № 2 // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1958 г., д. 216.
- Гайдукевич 1952 — *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 135—223.
- Гайдукевич 1959 — *Гайдукевич В. Ф.* Мирмекий. Советские раскопки в 1956 г. Советско-польские раскопки Мирмекия. Варшава, 1959. Т. 2.
- Гайдукевич 1987 — *Гайдукевич В. Ф.* Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987.
- Гайдукевич, Леви, Прушевская 1941 — *Гайдукевич В. Ф., Леви Е. И., Прушевская Е. О.* Раскопки северной и западной частей Мирмекия в 1934 г. // МИА. 1941. № 4. С. 110—148.
- Грицик 2007 — *Грицик Е. В.* Эллинистический дом с алтарем из Мирмекия // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 2007. Ч. 1. С. 126—133.
- Кастанаян 1958a — *Кастанаян Е. Г.* Мирмекий. 1958 г. Дневник № 2 // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1958 г., д. 217.
- Кастанаян: 1958б — *Кастанаян Е. Г.* Мирмекий. Раскоп «И». Дневник № 4 // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1958 г., д. 217.
- Кац 2007 — *Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). БИ. 2007. Вып. 18.
- Чистов 2006 — *Чистов Д. Е.* «Святылище Деметры» и восточные кварталы Мирмекия в IV в. до н. э. // БИ. 2006. Вып. 13. С. 99—133.
- Garlan 1999 — *Garlan Y.* Les timbres amphoriques de Thasos. Volume 1: Timbres Protothasiens et Thasiens anciens. Paris, 1999.
- Garlan 2004 — *Garlan Y.* Les timbres ceramiques sinopeens sur amphores et sur tuiles trouvés a Sinope: présentation et catalogue. Varia Anatolica. Paris, 2004. Vol. 16.
- Кас 2003 — *Кас В. I.* A New Chronology for the Ceramic Stamps of Heracleia Pontike // The Cauldron of Ariantas, Studies Presented to A. N. Ščeglov on the Occasion of His 70th Birthday. Aarhus, 2003. P. 261—278.

I. B. BRASHINSKY AND THE STUDY OF THE LAY-OUT OF THE RESIDENTIAL QUARTERS IN THE EASTERN PART OF MIRMEKIY

D. E. Chistov

The systematic excavations carried out at Mirmekiy by V. F. Gaidukevich's expedition in the 1940-es—1960-es unearthed considerable areas of residential quarters dating to different periods. However, the street system remained largely unexposed, which did not allow determining the average size of either residential quarters or separate households. The information permitting to reconstruct with some degree of reliability the topography of the residential quarters of Mirmekiy was obtained only from excavation area “И”, situated in the eastern part of the settlement. In 1958 I. B. Brashinsky guided the works in one part of this excavation area. Here there were discovered pavements of the so-called “Southern street”, oriented along west-east axis with some deviation to the Northeast. The ceramic materials coming from the layers of this street date it to the Late Archaic and Hellenistic periods. During the field season of 1958 there were found also shorter sections of two meridionally oriented streets. This data together with the materials obtained in the northern part of excavation area “И” provide a basis for preliminary reconstructions of the lay-out of the residential quarters of the 5th—4th cc. BC.

ДВЕ ЗАМЕТКИ ИЗ АМФОРНОЙ ЭПИГРАФИКИ И МОРФОЛОГИИ

Р. В. СТОЯНОВ

Каждый археолог при работе в поле или в музейных хранилищах сталкивается с необходимостью хронологической и типологической атрибуции амфорных материалов. Данная статья состоит из двух небольших заметок, сюжеты которых возникли в процессе работы в фондохранилище Херсонеса Таврического.

Разбирая материалы из колодца к-4, открытого в 1989 г. в III квартале северо-восточного района Херсонесского городища, я обнаружил две фрагментированные, клейменные гераклейские амфоры (рис. 1).¹ Они были найдены в слое заполнения, датирующемся в пределах второй четверти—конца IV в. до н. э.² (Стоянов 2007: 268—269, рис. 13). Одна из амфор принадлежала к 1-му или 2-му вариантам III биконического типа (рис. 1, 4).³ На ее горле имелось клеймо ПА магистратской группы,⁴ содержащее имена магистрата Кромни(–) и фабриканта Аристана (ΑΡΙΣΤΩΝΟ | Σ ΚΡΩΜΝΙ), что позволило уверенно отнести этот сосуд к 80-м гг. IV в. до н.э. (Кац 1997: 212 сл.; 2007: прил. V, 3; VI; Монахов 2003: 140—141). Верхняя часть от другой амфоры имела на горле весьма необычное клеймо. На первый взгляд, в оттиске сочтались имена ΛΥ(–), Лиситея и Мюса (ΜΥΣ | ΛΥ | ΛΥΣΙΘΕΟΣ) с эмблемой «виноградная гроздь» (рис. 1, 1). Магистратуры ΛΥ(–) и Лиситея относятся ко II периоду клеймения. При этом ΛΥ(–) принадлежит к магистратской группе ΙΑ, тогда как магистрат Лиситея к группе ΙΙΒ. (ср. Кац 2007: 238, табл. VII, прил. V, 3; VI). Очевидно, что подобное сочетание эпонимов разновременных I и III магистратских групп в одном штампе невозможно.

По всей видимости, резчик штампа оставил недописанными две первые буквы ΛΥ не вмесившегося имени Лиситея во второй строке и вырезал полностью имя магистрата в третьей. Дополнительным свидетельством в пользу такого предположения служит наличие эмблемы в виде виноградной грозди, характерной для клейм магистрата Лиситея (Василенко 1974: 21). Следовательно, рассматриваемое клеймо, оттиснутое ранее неизвестным штампом, сочетает в себе имена фабриканта Мюса и магистрата Лиситея с эмблемой «виноградная гроздь». Исходя из этого, данное клеймо должно быть отнесено к ΙΙΒ магистратской группе по классификации В. И. Каца, относящего ее к 60-м гг. IV в. или ко II группе, датируемой, согласно классификации Э. Теллага, 355—330 гг. (Кац 2007: 248, примеч. 42, прил. VI).

¹ Выражаю благодарность В. И. Кацу и С. Р. Тохтасеву за консультации при определении клейм.

² Здесь и далее все даты, кроме особо оговоренных, указаны до нашей эры.

³ Здесь и далее классификация приведена в соответствии с типологией С. Ю. Монахова (2003).

⁴ По классификации В.И. Каца (2007).

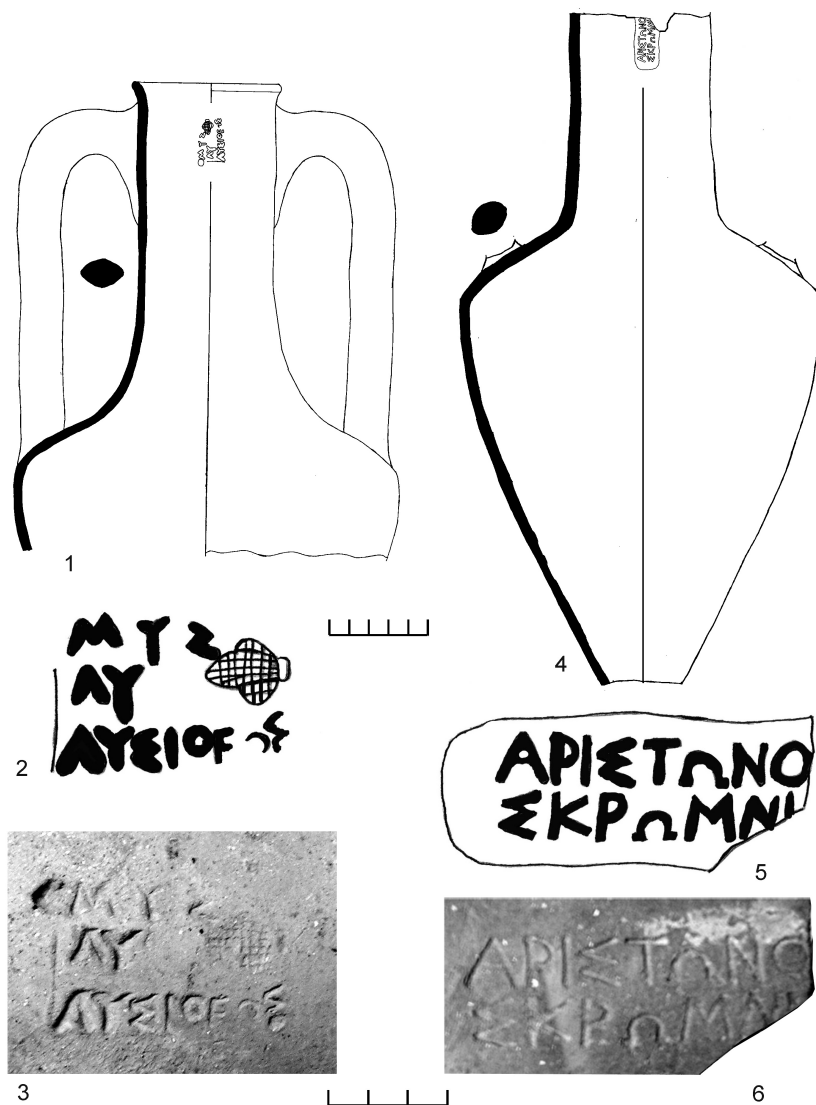

Рис. 1. Херсонес Таврический, тарные амфоры из колодца к-4 (1, 4), прорисовки (2, 5) и фотографии клейм (3, 6)

Эпоним Лиситей известен по материалам кургана № 8 группы «Пять братьев» Елизаветовского могильника. В трех из четырех клейм из этого комплекса вместе с Лиситеем был упомянут фабрикант Аттис, встречающийся также с эпонимом ША магистратской группы Андроником. С. Ю. Монахов предположил, что найденные в комплексе 8-го кургана три амфоры с клеймами Лиситея могут быть синхронны серии найденных в этом же комплексе синопских амфор, одна из которых имеет клеймо Хабрия 40-х гг. IV в. Исходя из этого деятельность Лиситея была предположительно отнесена им к периоду около середины 40-х гг. IV в. (Монахов 1999: 359). Имя Андроника в свою

очередь было оттиснуто совместно с фабрикантом Мюсом (ΜΥΣ Ε[ΠΙ] ΑΝΔΡΟΝΙ, эмблема трезубец) в клейме из так называемого склада 1990 г. на поселении «Усадьба Литвиненко». По материалам указанного комплекса, а также на основании анализа имен фабрикантов, работавших с Андроником, С. Ю. Монахов предположил, что деятельность этого магистрата должна относиться ко второй половине 50-х гг. IV в. По этой причине Андроник был признан более ранним магистратом, а магистратура Лиситея была предположительно определена после Эвксена (ΕΥΘΕΝΟΣ), т. е. после 1950-х гг. IV в. (Монахов 1999: 336—338, 359). Впоследствии эти выводы были откорректированы. Согласно последним классификациям гераклейских клейм, магистратуры Андроника и Лиситея относились к 60-м гг. IV в. (Кац 2007: 432, прил. VI). Сочетание имен магистратов Лиситея и Андроника с именем фабриканта Мюса в одном клейме является еще одним доказательством правомерности сближения периодов их магистратур.

В материалах раскопок этого же колодца находился обломок ножки коричневоглиняной амфоры, имеющий характерное расширение подошвы и глубокую выемку (рис. 2, б). Сосуды с ножками подобной формы хорошо известны, несмотря на то что их находки на территории Северного Причерноморья единичны. Два целых сосуда подобного типа были найдены во время раскопок 1936 г. на территории северного участка некрополя в могилах 42 и 70 (Белов 1938: 176—177, 184—185, рис. 19, 20, 29). Амфора из могилы 42 не сохранилась. Она известна только по описанию и схематической зарисовке в дневнике (рис. 2, а). Сосуд из могилы 70 хранится в херсонесских фондах (НЗХТ 4805/32, рис. 2, а, 3—5). Это крупная амфора с туловом конической формы с резким переломом плеч и высоким горлом. Венец массивный, клювовидного профиля, ручки слегка расширяются вверх, ножка расширяется к подошве, имеющей характерную для амфор этого типа глубокую выемку. Глина плотная, светло-коричневого цвета с редким мелким известняком (2.5YR 5/8).⁵ Ангоб чуть светлее глины. В обеих амфорах, ориентированных горлами на восток, были захоронены младенцы. Центр производства подобных амфор неизвестен. На основании сопоставления морфологических признаков этих сосудов с пепаретскими и мендейскими амфорами, время их изготовления определялось около последней четверти V в. или не позднее рубежа V/IV вв. (Монахов, Абросимов 1998: 127—128, примеч. 39—44, табл. 6, 17—18).

К сожалению, в погребениях 42 и 70 не было найдено другого сопутствующего инвентаря, на основании которого можно было бы датировать эти комплексы. Тем не менее в отчете было указано, что погребение 70 находилось в слое мусорной насыпи, которая начала образовываться не ранее второй четверти IV в. (Белов 1938: 184—85; 1981: 164—165; Рогов 1999: 126). Кроме того, было отмечено, что амфоры из могил 33, 41—43 были расположены в один ряд и на одном уровне. К сожалению, границы подавляющего большинства могильных ям на этом участке не были прослежены. Поэтому невозможно установить, находились ли указанные сосуды в одной могиле или принадлежали к нескольким разным захоронениям. Тем не менее Г. Д. Белов предполагал, что они были совершены в одно время (Белов 1938: 176—177). Фрагментированная хиосская амфора из могилы 33 относится к первой половине IV в. Из-

⁵ Цвет указан в соответствии с Munsell soil color charts. Grand Rapids, 2000.

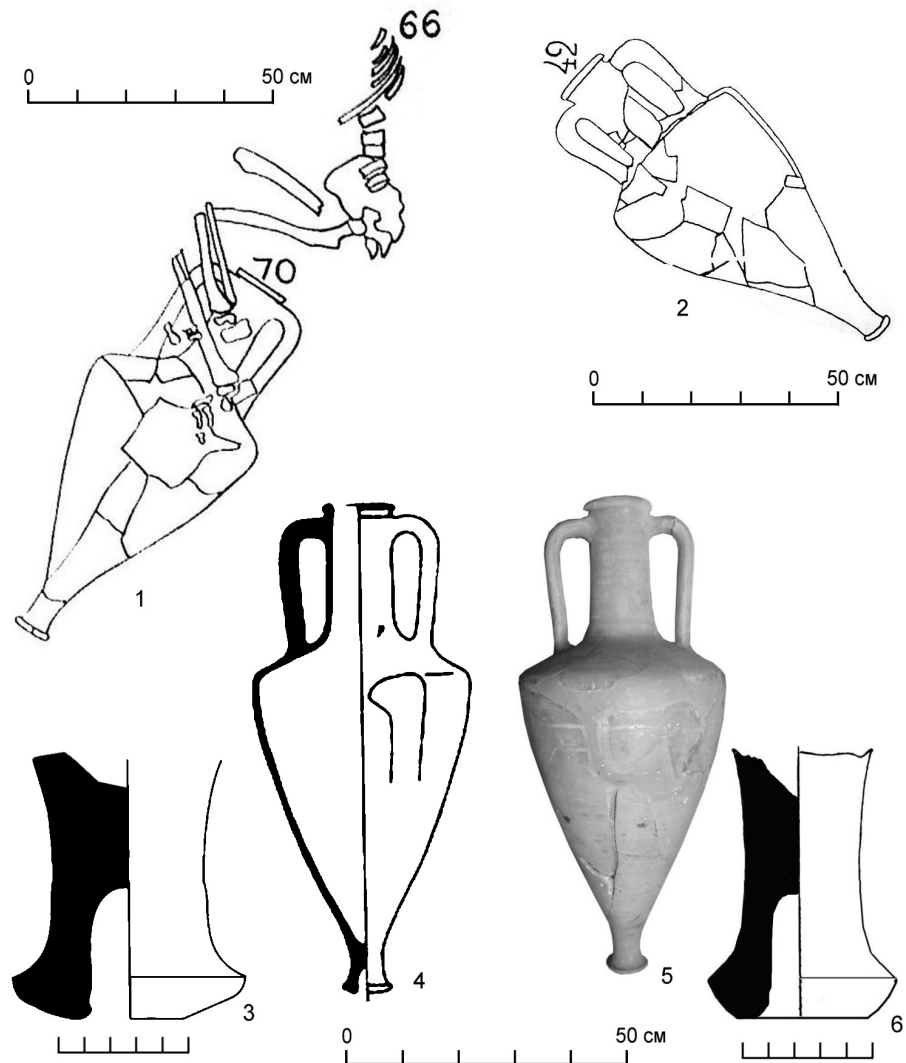

Рис. 2. Херсонес Таврический: 1 и 2 — погребения 70 и 42 (по Белов 1938); 3—5 — тарная амфора из погребения 70; 6 — ножка амфоры из колодца k-4

вестные только по зарисовкам в отчете сосуд неустановленного центра производства из могилы 41 и мендейская амфора из погребения 43 были предположительно отнесены к концу V—началу IV в. и первой трети IV в. соответственно (Монахов, Абросимов 1998: 125, 131, 134, табл. 5, 14; 8, 24; 11, 38).

Кроме того, указанная выше датировка амфор с глубокой подрезкой ножек не согласовывалась с комплексом колодца k-4, поскольку слой, из которого происходит фрагмент ножки этого типа, содержал только материалы второй четверти—конца IV в. Указанный слой толщиной 2,8 м был образован в процессе единовременной засыпки, о чем свидетельствовало расположение частей одних и тех же сосудов в его верхней и нижней частях.

Безусловно, перечисленные выше данные носят косвенный характер. Тот факт, что амфоры интересующего нас типа были найдены на одном уровне с другими сосудами, может оказаться совпадением. Тем более, что принадлежность их к одному комплексу не была доказана. Расположение амфоры в мусорном слое второй половины IV в. может быть объяснено долговременным хранением или использованием сосуда до попадания в могилу. Наконец, фрагмент ножки с глубокой подрезкой мог попасть в слой с заполнения колодца к-4 материалами второй—четвертой четвертей IV в. также после долговременного использования. Вместе с тем, эти же данные указывают на то, что предложенная на основании морфологических сопоставлений датировка амфор рассматриваемого типа около последней четверти V в. или не позднее рубежа V/IV в. требует уточнений.

Как уже указывалось, амфоры из некрополя были датированы на основании сопоставлений таких морфологических признаков, как пропорции тулова и форма ножки с мендеевскими амфорами мелитопольского типа и пепаретскими амфорами солохинского типа (Монахов, Абросимов 1998: 127—128). Профилировка амфор из {ерсонесского некрополя действительно напоминает пепаретские сосуды раннего солохинского варианта I—A, которые не встречаются ни в одном комплексе конца V в. (sic! — P. C.), зато хорошо представлены в материалах комплексов 90—60 гг. IV в., таких, как впускная могила кургана Солоха, кораблекрушения у Портичелло, склад 1990 г. на усадьбе Литвиненко (Монахов 2003: 97, сл.). Второй аналогией является мендеевская амфора из Мелитопольского кургана, имеющая пустотелую ножку с глубокой подрезкой, как и сосуды из Херсонеса. Хорошо известно, что комплекс Мелитопольского кургана датируется не ранее конца 40-х—первой половины 30-х гг. IV в. (Монахов 1999: 402—405).

Несколько уточнить хронологию сосудов этого типа можно на основе материалов из раскопок могильников Кубани. Так, в погребении 13з могильника Старокорсунского городища № 2 была найдена амфора, отличающаяся от херсонесских более широким туловом и профилировкой венца. Авторы публикации Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко (2005) датировали этот комплекс началом первой четверти IV в. Многочисленные браслеты с окончаниями в виде змеиных головок, найденные в этой могиле, известны на скифских памятниках с V в. до н. э., но широкое распространение они получают только в IV в. до н. э. Вместе с тем в меотских комплексах V в. этот тип украшений не встречается. Такие браслеты известны в погребениях с амфорами второй—третьей четвертей IV в. до н. э. из Прикубанского могильника (Лимберис, Марченко 2005: 219—220, 257; рис. 21, 1—13; Петренко 1978: 55). Из этого комплекса также происходит небольшой красноглиняный сосуд на ножке, по непонятной причине именуемый «ионийской вазочкой» (Монахов 1993: 128, примеч. 44). Очевидно, что в такой ситуации установление времени изготовления этого сосуда имеет решающее значение для датировки интересующей нас амфоры и всего захоронения. Судя по чертежу и описанию, указанный сосуд относится к культовым чашам-курильницам, распространенным в Северном Причерноморье в V—I вв. Такие курильницы, в частности, хорошо известны по материалам могильников Прикубанья. Аналогичные по форме чашечки были найдены в Ольвии в комплексах конца IV—середины III в., а также в Прикубанье в комплексах IV в. (Зайцева 1997: 41, 45, табл. 1, 2—30; 5, 103—105). Ин-

тересующая нас чашечка никак не может быть отнесена к V в. Скорее всего, она была изготовлена в IV в. Следовательно, у нас нет никаких оснований для датировки амфоры из захоронения 13з серединой V в. Судя по датировкам сопутствующих вещей, вероятным временем изготовления этого сосуда может быть первая половина IV в.

Еще одна амфора, форма которой аналогична сосудам их Херсонеса, была найдена в погребении № 54 могильника Старокорсунского городища № 3 вместе с импортной сероглиняной кружкой.⁶ В погребении № 450 того же могильника такая кружка находилась вместе с чернолаковым аттическим скифосом, датирующимся около третьей четверти V в. до н. э. Вместе тем в могиле 135в могильника Старокорсунского городища № 2 вместе с подобной кружкой был найден сероглиняный канфар первой половины IV в. (Лимберис, Марченко 2001: 75, со ссылкой на Sparkes, Talcott 1970: n. 344; Зайцева 1984: 120, табл. VI, 20, 22). Исходя из приведенных данных, наиболее вероятным временем бытования подобных кружек, а следовательно, и амфоры из могилы № 5, можно считать первую половину IV в.

Таким образом, анализ хронологии комплексов, содержавших интересующие нас амфоры, а также морфологические признаки этих сосудов указывают на то, что они были изготовлены в пределах трех первых четвертей IV в.

Белов 1938 — *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках Херсонеса за 1935–36 гг. Севастополь, 1938.

Белов 1981 — *Белов Г. Д.* Некрополь Херсонеса классической эпохи // СА. 1981. № 3. С. 163—180.

Василенко 1974 — *Василенко Б. А.* О характере гераклейского клеймения в первой половине IV в. до н.э. // Нумизматика и эпиграфика. 1974. Вып. 9. С. 3—28.

Зайцева 1984 — *Зайцева К. И.* Ольвийские кубки-канфары V—IV вв. до н.э. // ТГЭ. 1984. Вып. 24. С. 110—125.

Зайцева 1997 — *Зайцева К. И.* Культовые чаши V—I веков до н. э. из Северного Причерноморья // ТГЭ. 1997. Вып. 28 (7). С. 38—54.

Кац 1997 — *Кац В. И.* Хронология амфорных клейм Гераклеи Понтийской (состояние и перспективы изучения) // Материалы Международной научной конференции «Никоний и античный мир Северного Причерноморья». Одесса, 1997. С. 212—217.

Кац 2007 — *Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма. Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2007. Вып. 8.

Лимберис, Марченко 2001 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Погребения VI—V вв. до н.э. из грунтовых могильников меотских городищ Правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2001. Вып. 1. С. 32—123.

Лимберис, Марченко 2005 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005. Вып. 5. С. 219—324.

Монахов 1999 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов, 1999.

Монахов 2003 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов, 2003.

Монахов, Абросимов 1998 — *Монахов С. Ю., Абросимов Э. Н.* Новое о старых материалах из Херсонесского некрополя // Античный мир и археология. Саратов, 1998. Вып. 9. С. 118—159.

⁶ Информация приведена по публикациям (Лимберис, Марченко 2001: 75; 2005: 220).

Петренко 1978 — *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. САИ. Вып. Д4-5. М., 1978.

Рогов 1999 — *Рогов Е. Я.* Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // *Stratum plus*. 1999. № 3. С. 116—144.

Стоянов 2007 — *Стоянов Р. В.* Комплекс керамики второй четверти IV—середины III в. до н. э. из северо-восточного района Херсонеса Таврического // *Hyperboreus*. 2007. Vol. 13–14. С. 245—282.

Sparkes, Talcott 1970 — *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and Plain pottery of VIth—Vth and IVth centuries B. C. // *Athenian Agora*. 1970. Vol. 12 (I—II).

TWO NOTES FROM THE AMPHORA EPIGRAPHY AND MORPHOLOGY

R. V. Stoyanov

The paper consists of two small notes, conceived during the author's work in the archaeological depositories of Chersonesos Taurica. Among the materials from well k-4, discovered in 1989 in block III of the northeastern part of the settlement, there were two fragmented, stamped Herculean amphorae. One of them dates to the 80-es of the 4th century BC (fig. 1, 4). The neck of the other amphora had a highly unusual brand made with a hitherto unknown stamp. It combines the names of the manufacturer Myus and the magistrate Lisitey, accompanied with the emblem "bunch of grapes" (ΜΥΣ | ΛΥ | ΛΥΣΙΘΕΟΣ) (fig. 1, 1). Evidently, the person who engraved the stamp left the name of Lisitey in the second line unfinished, finding the place for the first two letters (ΛΥ) only (due to the shortage of space), and therefore had to repeat the name of the magistrate in the third line. According to the latest classifications of the Herculean stamps, the magistrate of Lisitey was in the 60-es of the 4th century.

The collection from the well includes also a fragment of the foot of a brown-clay amphora, which has a typical broadening of the base and a deep notch (fig. 2, 6). Two intact vessels of the same type were found in 1936 in the northern part of the necropolis in graves 42 and 70 (fig. 2, 1—5). The chronologies of the assemblages containing such amphorae alongside with the morphological characteristics of the vessels under discussion leave no doubt that the latter were manufactured sometime during the first three quarters of the 4th century.

«НА ЗАПАД И НА ВОСТОК»: НОВЫЙ ЭТАП РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКОГО НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

А. Е. МУСИН, П. БОДУАН

В 2009 г. Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, Россия) и Центр Мишеля де Буара — Центр исследований античной и средневековой истории и археологии (Кан, Франция) организовали международный научный симпозиум, состоящий из двух сессий: «На Запад и на Восток: межэтнические контакты в эпоху становления Новгородской Руси. Культура. Память. Идентичность» (21—24 июля, Великий Новгород, Россия) и «На Запад и на Восток: комплексный подход к межэтническим контактам и культурной динамике эпохи викингов» (22—24 сентября, Кан, Франция).

Эти встречи были осуществлены в рамках программы научного обмена, поддержанной Национальным центром научных исследований Франции и Российской Академией наук. Научные сессии, организованные в России и во Франции, предполагали расширение перспективы запланированных исследований в области аккультурации скандинавов в местных этнокультурных средах в общеевропейском масштабе. Основными темами научных сессий стали легенды происхождения, память и историографическая традиция, язычество и христианство, пространства обмена в европейском контексте, развитие территорий, а также культурный язык и механизмы идентификации.

Мероприятия продолжили серию научных докладов 2007—2008 гг. на семинарах в Центре Мишеля де Буара (5 декабря 2007 г. и 17 октября 2008 г., Кан), лаборатории «Города, территории, среда и общества» (16 октября 2008 г., Тур), ИИМК РАН (5 июня 2008 г., Санкт-Петербург), Гуманитарном институте Новгородского государственного университета (10 июня 2008 г.) и консультативных встреч в рамках подготовки к организации выставки «Викинги в России» (Музей Нормандии, Кан, 2011 г.) (Мусин, Бодуан 2008: 247—250).

Конференция в Великом Новгороде проводилась совместно с Новгородским государственным объединенным музеем-заповедником, Музеем художественной культуры Новгородской земли и Новгородским государственным университетом имени Ярослава Мудрого при поддержке Комитета культуры, туризма и архивного дела Новгородской области и торговой сети Великого Новгорода «Квартал». Она была посвящена 1150-летию первого упоминания Новгорода в русских летописях и 150-летию Императорской Археологической Комиссии. К началу конференции был издан сборник тезисов докладов (На Запад и на Восток... 2009). Всего в заседаниях конференции приняли участие более 50 человек из 7 европейских стран.

Рабочими языками сессии в Новгороде были русский, французский и английский. Эту встречу открыл академик В. Л. Янин, который в своем выступлении указал на возможные западные истоки новгородского славянства и связал заключение «ряда» с Рориком Ютландским с контактами последнего с

балтийским славянами. Впрочем, А. В. Плохов (Санкт-Петербург, Россия) в своем докладе «Контакты населения Приильменья и Поволховья с народами Балтики в IX—X вв. по керамическим материалам» показал, что контакты Новгорода с этим регионом носили несистемный характер и относились к X в. Однако этот «проблемный регион» Европы был затронут в целом ряде выступлений: Хр. Любке (Лейпциг, Германия) «Славяне, скандинавы и германцы на южной Балтике», Ф. Бирмана (Берлин, Германия) «Погребения раннесредневековой элиты на северо-западе славянского расселения на территории Германии как отражение социальной, культурной и этнической идентичности», М. Хардта (Лейпциг, Германия) «Морские походы датских викингов в верховьях Эльбы и на южной Балтике в IX в.», Кр. Ли (Ноттингем, Великобритания) «Сложные соседи: викинги и славяне в Оттоновской историографии».

Другой важной темой коллоквиума был морской характер северо-европейской цивилизации, характеристику которой дал С. Лебек (Лилль, Франция) в своем докладе «Европейцы на Балтике в VIII—IX вв.: кто? почему? как?». В дискуссии была отмечена и важность контактов «река-море», и высокая степень адаптивности этой цивилизации к континентальным условиям с их речной сетью — доклады В. Карпентье (Кан, Франция) «Система расселения в затопляемой зоне в эпоху средневековья на примере поселений устья р. Див», Т. Н. Джаксон (Москва, Россия) «Древняя Русь глазами средневековых исландцев». Эволюция этой цивилизации во времени изменила лишь цели морских путешествий, но не саму тягу к ним — доклад Дж. Джеш (Ноттингем, Великобритания) «Норманны в Западной Европе в XII в.».

Естественно, тема адаптации приобрела особое звучание, причем она была затронута на различных источниковедческих уровнях: лингвистика, прикладное искусство, костюм, погребальный обряд — доклады Е. А. Мельниковой (Москва, Россия) «Аккультурация скандинавов на Руси по данным языка и письменности», С. Е. Торопова (Великий Новгород, Россия) «Клады эпохи викингов и случайные находки скандинавских предметов на территории Новгородской земли», Д. Хадли (Шеффилд, Великобритания) «Формирование местной идентичности в Англии эпохи викингов в археологической перспективе», Л. В. Покровской (Москва, Россия) «Опыт реконструкции раннесредневекового металлического убора Новгорода во второй половине X—XI вв.». Впрочем, присутствие скандинавов в регионе не всегда было отмечено такой аккультурацией: все зависело от целей этого присутствия, как показал М. Саламон (Краков, Польша) в докладе «Русь и варяги в Византии. На пути к интеграции?».

Несколько выступлений было посвящено роли церкви и христианской культуры в этих процессах — доклады В. Газо (Кан, Франция) «Становление церковной иерархии в Нормандии (X—XI вв.)» и А. А. Песковой (Санкт-Петербург, Россия) «Византийско-скандинавские компоненты в христианской металлопластике Древней Руси X—XI вв.».

Чрезвычайно интересны были наблюдения Ж. Ле Мао (Кан, Франция) в его Работе «Города, торговля и власть на Севере Франции в конце IX в.», который не только сравнил топографию становления городов IX—X вв. во Франции с историей Новгорода, но и отметил ведущую роль политической власти в этом процессе. Доклад Н. В. Хвощинской (Санкт-Петербург, Россия) «Этнокультурные процессы на южном побережье Финского залива в конце

I—начале II тыс. н. э.: миф и реальность» был посвящен историографическим проблемам, а сообщения А. А. Гипшиус (Москва, Россия) «Новгородское боярство и его возможные скандинавские предки» и А. А. Селина (Санкт-Петербург, Россия) «Призвание варягов и призвание шведов в русской истории» — исторической памяти средневекового общества, которая оказалась достаточно цепкой и актуализировала себя в кризисные моменты развития. В заключительном слове А. Е. Мусин отметил важные моменты каждого доклада, сделав акцент на темах, требующих дальнейшего изучения.

Археологические экскурсии на Рюриково городище и в Старую Руссу, проведенные Е. Н. Носовым и Е. В. Тороповой, логично дополнили научную дискуссию.

Подобным же образом была построена и французская сессия, которую открыли координаторы проекта с французской стороны П. Бодуан (Кан, Франция) и А. Ниссен-Жобер (Тур, Франция). Тон задали выступления С. Лебека, который соединил проблематику обеих сессий, структура которых была организована по единой схеме. Первый день был посвящен «историографии происхождения» — доклады А. А. Селина «Варяжские истоки в Новгороде XVII в. Раннее использование исторического мифа», Ж. П. Арриньона (Артуа, Франция) «Варяги на Руси в эпоху Владимира Святого и Ярослава Мудрого», П. Лайуа (Кан, Франция) «Русы ибн-Фадлана: Славяне или скандинавы? Критический подход», С. Багга (Берген, Норвегия) «Память происхождения и идентичность: пример Норвегии», а также проблеме культурного обмена между Востоком и Западом — доклады И. Янсона (Упсала, Швеция) «Культурный обмен между Востоком и Западом в эпоху викингов», Ж. Хр. Месгарда (Копенгаген, Дания) «Обмен между Нормандией и Балтийским регионом в X—XI вв.», С. М. Синдбека (Йорк, Великобритания) «Скандинавские поселения на южном побережье Балтики», что сопровождалось введением в научный оборот новых материалов о присутствии скандинавов во Франции.

Второй день, преимущественно русский, был связан с обсуждением темы перехода сельского общества к раннегосударственным образованиям и становления городов — доклады А. А. Селина, А. Волковицкого (Старая Ладога, Россия) «Новые скандинавские находки из Старой Ладоги в контексте становления Руси», О. И. Богуславского (Санкт-Петербург, Россия) «Викинги в Юго-Восточном Приладожье», К. А. Михайлова (Санкт-Петербург, Россия) «Культура древнерусской элиты IX—XI вв.: археологические свидетельства кладов, погребений и поселений», В. Карпантье (Кан, Франция) «Деревня и сельское общество в Нейстрии в VIII—XI вв.: контекст водворения скандинавов в Нормандии».

Темой третьего дня стало соотношение язычества и христианства — доклады Л. Абрамса (Оксфорд, Великобритания) «Христианизация скандинавов на британских островах: обзор», А. Е. Мусина «Скандинавы на Руси: между язычеством и христианством», Ф. Эмиона (Кан, Франция) «Отражение христианизация Норвегии в сагах», а также особенности языка, ономастики и костюма как механизма культурной идентификации — доклады Ф. Б. Успенского (Москва, Россия) «Династическая власть и антропонимика в Скандинавии и на Руси», Е. Риделя (Кан, Франция) «Язык и идентичность на примере Британии и Нормандии», С. Круа (Орхус, Дания) «Высокая мода: костюм и самоидентификация на Руси и в Средней Швеции». Итоги сессии были подведе-

дены Ж. Бюре-Тьери (Марн-ла-Вале, Франция). Участники конференции увидели и знаменитый ковер из Байе.

Новизна предложенных подходов связана с тем, что впервые международное сотрудничество в изучении норманнского присутствия в Европе делает акцент не на сравнении с самой Скандинавией, а с различными регионами, подвергшимися экспансии викингов. Но, называя предложенные подходы новыми, стоит помнить о том, что все новое — это хорошо забытое старое. Приведем обширную цитату: «Кажется сейчас несомненным <...>, что вопрос о варягах на Востоке должен постоянно анализироваться на фоне глобальной проблемы движения викингов, а явления, происходившие в разных частях мира викингов, необходимо рассматривать в сравнении. Хотя это представляется вполне очевидным, в советской и уже новой русской историографии рассмотрение варяжского вопроса зачастую замыкается в границах Древней Руси, а в результате многим общим явлениям истории придается излишняя исключительность и своеобразие. Роль варягов на Руси подчеркивает раннюю интегрированность огромной восточнославянской страны в единый европейский мир» (Носов 2009: 356). Возвращение этого мира как в науку, так и в общественную жизнь и является целью разворачивающегося проекта.

На Запад и на Восток... 2009 — На Запад и на Восток: межэтнические контакты в эпоху становления Новгородской Руси: Культура. Память. Идентичность. Тезисы докладов конференции. Великий Новгород, 21—24 июля 2009 г. СПб.; Великий Новгород, 2009.

Мусин, Бодуан 2008 — *Мусин А. Е., Бодуан П.* Научное сотрудничество ИИМК РАН и Университета Нижней Нормандии (Франция) // Записки ИИМК РАН. СПб., 2008. № 3. С. 247—250.

Носов 2009 — *Носов Е. Н.* Послесловие // *Клейн Л. С.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009. С. 344—356.

IN MEMORIA

**Памяти Анатолия Кузьмича Филиппова
(18.01.1929 — 06.05.2009)**

6 мая 2009 г. после тяжелой, но, слава Богу, не очень продолжительной болезни ушел из жизни Анатолий Кузьмич Филиппов, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН.

Анатолий Кузьмич родился в Ленинграде 18 января 1929 г. в семье служащего и работницы. Безмятежное детство закончилось 22 июня 1941 г. Несмотря на запреты матери, Толя дежурил на крышах, тушил зажигалки. Первую блокадную зиму он вместе с родителями провел в осажденном Ленинграде, выехав в эвакуацию «по последнему льду».

До 1944 г. они с матерью жили у бабушки в Хвойнинском районе Новгородской области. Без особого труда осенью того же 1944 г. Анатолий Кузьмич поступил в Художественное училище, где в 1949 г. получил свою первую специальность — учителя рисования и черчения и художника-исполнителя. Дипломной работой было ныне несохранившееся полотно «В. И. Ленин в Шу-

шенском». Учителем рисования в школе он проработал недолго и «сбежал» в издательский отдел Института Арктики и Антарктики. Более полугода Анатолий Кузьмич провел в арктической экспедиции. Об этом «путешествии» он написал книгу «На острове Фадеевском».

В 1951—1957 гг. в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР Анатолий Кузьмич изучал «историю и теорию изобразительного искусства» и получил свою вторую специальность — искусствовед. Выбор специальности был вполне осознанным — уже в Художественном училище Анатолий Кузьмич мечтал заниматься проблемами происхождения искусства. Главной мечтой и целью жизни было исследовать и понять первобытное искусство, его происхождение. Поэтому в 1962 г. А. К. Филиппов пришел работать в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Сначала в должности технического сотрудника он исполнял обязанности художника, ездил в экспедиции, сблизился с археологами-палеолитчиками, увлекся изучением палеолитических изделий, увидев в них элементы эстетического начала в представлениях палеолитических людей. Став сотрудником Экспериментально-трассологической лаборатории С. А. Семенова, в совершенстве освоил трассологический и экспериментальный методы в археологии, что позволило ему на основе анализа технической и символической деятельности палеолитических людей по-новому осветить сложнейшие проблемы происхождения палеолитического искусства. Он очень гордился тем, что являлся одним из первых учеников основателя метода С. А. Семенова и дружил с ним. Некоторые познания и навыки, полученные Анатолием Кузьмичом во время жизни в деревне, удивляли «Аристарха», как его звали наиболее близкие люди. А. К. Филиппов посвятил своему учителю статью «Человек, никогда не изменявший себе».

В 1977 г. А. К. Филиппов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Связь формы и функции изделий человека в палеолите (Опыт изучения технического и эстетического формообразования)», подтвердив квалификационной работой свою третью специальность археолога-трассолога.

В 1960—1980-е гг. экспедиционная жизнь Института была особенно насыщенной. Археологи работали в разных регионах Советского Союза — Анатолий Кузьмич был в археологических и экспериментальных экспедициях в Литве, Молдавии, на Кавказе, в Крыму, на Урале и в Якутии. С большой теплотой он вспоминал и рассказывал о поездках с С. А. Семеновым в Литву и по Крыму, с В. П. Любиным — на Кавказ.

Давний и постоянный интерес к проблемам антропогенеза и творчества человека архаических обществ привел А. К. Филиппова к защите в 1992 г. докторской диссертации «Истоки и природа искусства палеолита». Итогом научного творчества Анатолия Кузьмича стала его замечательная, во много новаторская монография «Хаос и гармония в искусстве палеолита», которая надолго останется интересной книгой не только для специалистов исследователей палеолита, искусствоведов, философов, но и широкого круга любознательных читателей. В его собственном оформлении, с его иллюстрациями она была издана в 2004 г.

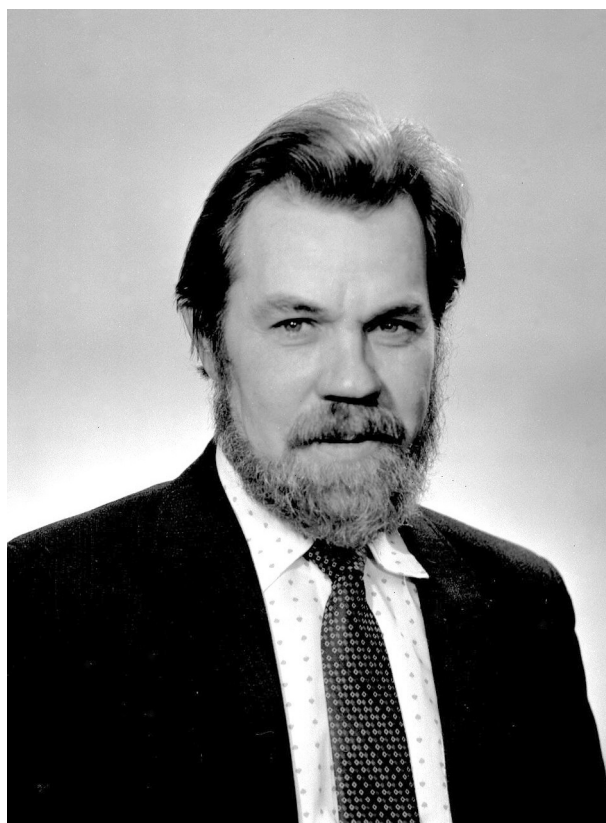
За долгие годы работы в Институте археологии Анатолий Кузьмич прошел путь от технического сотрудника до ведущего научного сотрудника, в те-

чение ряда лет являлся ученым секретарем Института. Присущие ему врожденную интеллигентность, тактичность, порядочность, доброту, желание помочь нуждавшемуся в совете могут вспомнить и оценить и многие сотрудники и его друзья, и близкие. Одним из главных качеств Анатолия Кузьмича была абсолютная верность, наиболее проявившаяся в его нелегкой личной жизни. «Он никогда никому не сделал зла...». Пусть таким Кузьмич и останется в памяти людей, знавших и любивших его.

Г. В. Длужневская, В. Е. Щелинский

PAGE

PAGE 234

**Памяти Николая Дмитриевича Праслова
(15.10.1937—02.06.2009)**

2 июня 2009 г. после тяжелой продолжительной болезни скончался ведущий научный сотрудник Отдела палеолита ИИМК РАН, доктор исторических наук Николай Дмитриевич Праслов. От нас ушел один из лучших специалистов по палеолиту Восточной Европы, пользовавшийся заслуженным признанием среди российских и зарубежных археологов.

На долю Н. Д. Праслова выпала трудная жизнь. Все, чего он добился, происходило наперекор обстоятельствам, вопреки превратностям судьбы. Путь от деревенского мальчика до всемирно известного ученого — путь редкий, требующий огромной работоспособности, целеустремленности, твердого характера. Н. Д. Праслов редко вспоминал детство. Деревенскому мальчику пришлось пережить все ужасы войны, оккупации, послевоенного голода, утрату родителей. В сущности говоря, чудом ему удалось выжить. Правда, родное село Коли Праслова называлось Костенки и, подобно многим сверстни-

кам, он каждое лето с лопатой в руках работал на раскопках. Смышленный юноша привлек внимание работавших тогда в Костенках А. Н. Рогачева и П. И. Борисковского. Н. Д. Праслов принимал участие в раскопках П. И. Борисковского на Костенках II и XIX, а уже в 1956 г. совершил первое крупное самостоятельное открытие — обнаружил на берегу Дона стоянку Костенки XXI (Гмелинскую).

В 1954—1959 гг. Н. Д. Праслов учится в Воронежском университете. В 1958 г. в тезисах докладов очередной студенческой научной конференции появляется его первая печатная работа, посвященная материалам стоянки Костенки XIX.

После окончания университета Н. Д. Праслов начал самостоятельные работы на юге России в качестве научного сотрудника Таганрогского краеведческого музея, а с 1962 г. поступает в аспирантуру ЛОИА АН СССР. Огромную помощь молодому исследователю оказал П. И. Борисковский. Уже в 1964 г. в серии «Свод археологических источников» выходит в свет их совместный труд «Палеолит бассейна Днепра и Приазовья».

В 1965 г. Н. Д. Праслов становится младшим научным сотрудником Сектора палеолита ЛОИА—ИИМК — коллектива, с которым была связана вся его многогранная деятельность до последних дней жизни. Исследователь всегда занимал активную позицию, участвуя в работе нашего Института. В 1966—1971 гг. Н. Д. Праслов выполняет обязанности ученого секретаря Отдела, а в 1976—1979 гг. — ученого секретаря ЛОИА. Работал Н. Д. Праслов также в составе Ленинградской группы Отдела полевых исследований. В 1988—1997 гг. Н. Д. Праслов становится во главе Отдела палеолита. В 2001 г. он защищает докторскую диссертацию «Палеолит Дона».

Блестяще защищенная в 1965 г. и позднее опубликованная в виде монографии кандидатская работа «Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона» сразу привлекает внимание специалистов. Несмотря на небольшой объем книги и ее узко региональное название, в нашей археологии трудно найти столь насыщенную идеями работу, на страницах которой, по сути дела, затронуты все основные вопросы изучения нижнего и среднего палеолита и предложен ряд оригинальных концепций. Поражает обилие интереснейших экскурсов в область изучения техники расщепления и типологии, замечания о связи конвергентного появления некоторых форм изделий с характером сырья. В центре внимания автора находились вопросы подразделения среднего палеолита, причем Н. Д. Праслов отмечал наличие широких культурных общностей наряду с первыми проявлениями узко локальных культур. Материалы ранних памятников юга России рассмотрены на широком фоне палеолитических индустрий Европейского континента.

Эти линии исследования получили органическое продолжение в разделах по раннему палеолиту Русской равнины и Крыма, написанных Н. Д. Прасловым для фундаментального обобщающего труда «Палеолит СССР». Здесь была сформулирована концепция культурных ареалов мустье. Исследователь никогда не замыкался в рамках региональных штудий, он умел видеть за многообразием общие черты развития культуры древнекаменного века. Н. Д. Праслов знал европейский палеолит не понаслышке. Он активно участвовал в работах по программе «Лесс-перигляциал-палеолит Средней и Восточной Европы». На протяжении многих лет изучал коллекции в музеях и на-

учных учреждениях Польши, Румынии, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Германии, Франции, Великобритании и Алжира. Н. Д. Праслов был членом Комиссии по ориньяку и перигордьяну Международного Союза доисторических и протоисторических наук.

Список полевых исследований Н. Д. Праслова впечатляет. С конца 1950-х гг. он ведет неустанный поиск палеолита в низовьях Дона и на побережье Азовского моря. В итоге им было найдено несколько местонахождений с нижнепалеолитическими остатками (Хрящи, Михайловское, Герасимовка), раскопаны мустьерские стоянки Рожок I и Носово I. Что касается раскопок в Костенках, то особое место занимает изучение Н. Д. Прасловым многослойной Гмелинской стоянки, доставившей выразительные остатки жилых комплексов и произведения искусства. С 1971 г. Н. Д. Праслов возглавляет Костенковскую экспедицию; им совместно с А. Н. Рогачевым был начат амбициозный план изучения на широкой площади второго жилого комплекса верхнего культурного слоя Костенок I, задача, так и не доведенная до конца.

Параллельно с работами в Костенках Н. Д. Праслов продолжал исследования на Нижнем Дону. Им были проведены раскопки стоянок Мураловка и Золотовка I, представлявших собой особый вариант позднепалеолитической культуры на юге Русской равнины. Н. Д. Праслов неоднократно предпринимал успешные разведки по палеолиту на берегах Цимлянского водохранилища, в Нижнем Поволжье, открыл мезолитические местонахождения по Манычу. На Северном Кавказе он раскапывал Ильскую мустьерскую стоянку, при этом достоверно установив многослойный характер памятника. В поле его зрения попадали палеолитические находки из Крыма и даже материалы по каменному веку Закаспийских пустынь.

В итоге нашу науку обогатили сведения о десятках памятников в огромном хронологическом диапазоне от древнейших раннепалеолитических местонахождений до стоянок верхнего палеолита, мезолита и неолита.

Творческий почерк Н. Д. Праслова всегда отличался индивидуальностью. Пожалуй, трудно назвать среди отечественных специалистов человека, столь тесно связанного с естественнонаучными аспектами палеолита. Он всегда рассматривал археологию палеолита в качестве составной части комплексного изучения четвертичного периода. Как никто другой Н. Д. Праслов великолепно ориентировался в сложнейших вопросах четвертичной геологии и палеогеографии, палинологии, изучении малакофауны и остатков млекопитающих. Известно, что еще при рассмотрении его кандидатской диссертации вставал вопрос — степень каких же наук ему присудить: исторических (коль скоро археология палеолита приписана у нас к истории) или геолого-минералогических наук. Работа была в равной мере достойна и той и другой степени, а уж научный уровень ее намного превышал большинство нынешних докторских диссертаций.

На протяжении ряда лет Н. Д. Праслов активно работал в составе Комиссии по изучению четвертичного периода (где занимал пост секретаря Восточно-Европейской рабочей группы Комиссии по палеоэкологии древнего человека) и в бюро Комиссии по изучению мамонтов и мамонтовой фауны при АН СССР. Он был членом Межведомственного стратиграфического комитета при Министерстве геологии СССР, состоял в редколлегии старейшего российского популярного естественнонаучного журнала «Природа». Его перу

принадлежат разделы по археологии в методических руководствах по изучению четвертичных отложений, в палеогеографическом атласе Европы. Итог трудов по геохронологии палеолита подвел изданный в 1997 г. под редакцией Н. Д. Праслова и А. А. Сеницына свод данных «Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы».

Трудно даже перечислить весь диапазон тем, которым Н. Д. Праслов посвятил многочисленные статьи: это проблема взаимодействия мамонта и человека в древнекаменном веке, вопросы изучения палеолитического искусства, древнейшей керамики и минеральных красок, происхождение лука и стрел и т.д.

Особый интерес Н. Д. Праслов проявлял к истории науки о палеолите. Его перу принадлежит ряд очерков, посвященных деятельности С. Н. Замятина, П. И. Борисковского, А. Н. Рогачева, первооткрывателя палеолита в Костенках И. С. Полякова, хронике малоизвестных работ в Костенках Н. И. Криштафовича и др.

Особая страница в деятельности Н. Д. Праслова — преподавание. Приняв эстафету преподавания на кафедре ЛГУ из рук П. И. Борисковского, он в течение 6 лет читал самостоятельно разработанный курс археологии палеолита. Н. Д. Праслов успешно выступал с лекциями во многих университетах у нас в стране и за рубежом. Ряд специалистов, подготовивших диссертации под руководством Н. Д. Праслова, ныне успешно трудятся в различных городах нашей страны.

Нельзя обойти молчанием научно-организационную деятельность исследователя. В 1979 г. совместно с А. Н. Рогачевым им был организован полевой семинар, посвященный столетию изучения палеолита в Костенках. Результатом стал изданный в 1982 г. коллективный том «Палеолит Костенковского-Боршевского района на Дону. 1879—1979», по сей день остающийся лучшим обобщающим трудом по памятникам Костенок. Н. Д. Праслов был в числе самых активных организаторов проведенного в 1982 г. в Москве Конгресса Международного союза по изучению четвертичного периода (INQUA).

В 1981 г. Н. Д. Праслов вел экскурсии советско-французского полевого семинара, а в 1985 г. он организовал в Костенках представительное Всесоюзное совещание по краевым образованиям материковых оледенений. В 1989 г. им совместно с О. Соффер был с успехом проведен советско-американский полевой семинар по палеолиту Русской равнины.

Н. Д. Праслов неоднократно организовывал крупные международные выставки по палеолиту, представляя на них великолепные образцы орнаментированных изделий и произведений искусства из Костенок. Эта сторона работы Н. Д. Праслова получила заслуженное признание. В разные годы исследователю вручались Почетные грамоты Президиума РАН, Центрального Совета Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры. Н. Д. Праслов был награжден Серебряной медалью ВДНХ за организацию в 1982 г. выставки «Достижения советских ученых в изучении четвертичного периода».

Все сотрудники нашего Института, коллеги знали Николая Дмитриевича как человека редких душевных качеств. Тихий, скромный, вежливый, никогда не повышавший голоса, он неизменно делал добро. Ряд сотрудников Отдела палеолита и экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК (в том

числе автор этих строк) помнят, что только благодаря стараниям, порой непростым, Н. Д. Праслова они сумели войти в штатный состав Института.

Последний год жизни Н. Д. Праслова был омрачен тяжелой болезнью, с которой он боролся, как всегда, упорно и мужественно. Его заветной мечтой было принять участие в осенней конференции 2008 г. на Тамани, посетить столь знакомые ему песчаные берега Азовского моря, связанные с воспоминаниями о десятилетиях полевой работы. Увы, этой мечте не дано было осуществиться. Уход из жизни Н. Д. Праслова — невосполнимая потеря для ленинградской-петербургской школы изучения древнекаменного века.

С. А. Васильев

**Памяти Александра Николаевича Щеглова
(17.10.1933 — 28.06.2009)**

Рано утром, в воскресенье 28 июня 2009 г., из жизни ушел Александр Николаевич Щеглов – выдающийся археолог-антиковед, педагог, человек очень нелегкой, но яркой и по-своему счастливой судьбы. А. Н. Щеглов родился 17 октября 1933 г. в городе Великие Луки Псковской области. Отец был административным работником, но умер еще до войны, все заботы о воспитании сына легли на мать, которая трудилась на железной дороге. В годы военного лихолетья семья переехала сначала в Курганскую область, а потом в Кустанайскую (станция Тогузак). В эвакуации Александр Николаевич начал обучение в школе.

После войны семья вернулась в Великие Луки, затем переехала в Торопец, где А. Н. Щеглов в 1949 г. закончил 7-летнюю школу. В этом же году произошла еще одна перемена места жительства – г. Херсон. Здесь мальчик поступил в восьмой класс средней школы, но не смог его закончить из-за тяжелого материального положения – надо было зарабатывать деньги на жизнь. Среднее образование Александр Николаевич получил в вечерней школе, а затем поступил на заочное отделение Харьковского государственного университета, где с увлечением изучал историю (1959—1964). До этого, однако, были первые археологические экспедиции и служба в армии.

Впервые А. Н. Щеглов принял участие в археологических работах в составе Буго-Днепровской экспедиции, в отряде И. Д. Ратнера (1950—1951), затем

были Симферопольская экспедиция Крымского филиала АН СССР (1954) и Ялтинская экспедиция Крымского отдела ИА АН УССР (1955). Своим учителем он считал Павла Николаевича Шульца.

Военную службу А. Н. Щеглов прошел в воздушно-десантных войсках, где был укладчиком парашютов, старшим разведчиком артиллерии и, наконец, старшим писарем-чертежником. Своими познаниями в области картографии, правилах снятия планов и т. п. Александр Николаевич, как представляется, в немалой степени был обязан своему армейскому опыту.

В ноябре 1957 г. А. Н. Щеглов был принят лаборантом в Тавро-скифскую экспедицию ИА АН УССР, а в феврале 1958 г. стал научным сотрудником Херсонесского историко-археологического заповедника. В августе 1960 г. он получил должность заведующего Отделом раскопок Херсонесского историко-археологического музея. С Херсонесом в жизни Александра Николаевича связано очень многое и не только в научной сфере. Здесь он встретил Анну Михайловну Гилевич, которая стала его верной супругой и преданной соратницей.

В 1959 г., будучи совсем молодым 26-летним человеком, А. Н. Щеглов создал Тарханкутскую экспедицию. Перед ней была поставлена задача изучения сельскохозяйственной структуры Херсонесского государства. Очень скоро эта экспедиция стала одной из лучших советских античных экспедиций, на ее базе отработывались новые методы исследования сельских поселений, для чего активно использовались последние достижения естественных наук (электро-, магниторазведка и т. д.). На Тарханкуте сформировалась настоящая школа, в которой прошли обучение многие студенты-археологи, избравшие для себя античную специализацию.

В 1960 г. вышли в свет первые публикации А. Н. Щеглова, тогда их появилось четыре. Это число стало быстро увеличиваться, в некоторые годы выходило по 8—10 статей Александра Николаевича, и сейчас их общее число достигает 230. Количество, конечно, впечатляет, но, прежде всего, следует говорить о высочайшем научном качестве, которое отличает все работы исследователя.

В 1968 г. А. Н. Щеглов переехал в Ленинград, где по конкурсу был избран младшим научным сотрудником Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Здесь он продолжил работу над изучением социально-экономической истории Северного Причерноморья в античную эпоху, истории Херсонесского государства, греко-варварских взаимоотношений на периферии античного мира. Его ближайшими друзьями стали И. Б. Брашинский, Я. В. Доманский и Э. Д. Фролов.

С 1969 г. Александр Николаевич начал преподавательскую работу на историческом факультете ЛГУ, созданный им Греко-варварский семинар для многих студентов-археологов останется одним из самых ярких, незабываемых впечатлений. В его рамках сразу установилась атмосфера подлинной свободы мнений, нацеленности на дискуссию, всем желающим представлялась возможность испытать себя на решении самых сложных научных проблем.

В 1971 г. А. Н. Щеглов защитил кандидатскую диссертацию «Северо-Западный Крым в античную эпоху», монография на эту тему была опубликована лишь в 1978 г. Другой важной работой ученого, появившейся в 1976 г., ста-

ла небольшая по форме, но весьма емкая по содержанию книжечка «Полис и хора», в расширенном варианте она опубликована во Франции в 1992 г.

Звание старшего научного сотрудника ЛОИА АН СССР А. Н. Щеглов получил в 1975 г. Это было время его творческого расцвета; ученый с успехом выступал на различных научных конференциях, одна за другой выходили серьезные, проблемные статьи, постепенно пришло международное научное признание. Правда, за границу Александр Николаевич стал регулярно выезжать только с началом перестройки (Болгария, Великобритания, Греция, Италия, Румыния, Дания и др.).

В Институте истории материальной культуры РАН в 1998 г. было отмечено 65-летие ученого. В приветствии, направленном юбиляру, было сказано, что «высокая научная активность А. Н. Щеглова свидетельствует, что он находится на творческом подъеме». В известном смысле это, конечно, было так. В ноябре 1999 г. ученый был награжден Почетной грамотой «За многолетнюю плодотворную работу в Российской академии наук» по случаю 275-летия Академии. Празднование 70-летия Александра Николаевича вообще стало крупным событием в жизни петербургского и не только петербургского антиковедческого сообщества. По этому поводу в Севастополе был издан XIII выпуск «Херсонесского сборника», а в Университете г. Орхус (Дания) – сборник работ «The Cauldron of Ariantas. Studies Presented to A. N. Ščeglov on the Occasion of His 70th Birthday». Невозможно было не испытывать глубокого и искреннего чувства уважения к этому выдающемуся ученому, не восхищаться его увлеченностью и преданностью делу. Сам он не скрывал своей радости от того, что в Дании стали монографически публиковаться материалы исследований Тарханкутской экспедиции, первый их том был посвящен детальному анализу усадьбы 6 поселения Панское I (Hannestad L., Stolba V. F., Ščeglov A. N. Panskoe I. Vol. I. The Monumental Building U6. Aarhus, 2002).

Судьба распорядилась так, что вскоре после этих торжеств здоровье Александра Николаевича стало ухудшаться. Тяжелый, неизлечимый недуг приковал ученого к постели и, в конце концов, свел его в могилу. Значимость случившегося мы еще не можем осознать в полной мере. Без преувеличения можно признать, что такие люди, как А. Н. Щеглов, составляют гордость российской науки. Светлая память о нем навсегда сохранится в сердцах всех, кто знал этого человека, тем более в сердцах тех, кто имел счастье работать рядом с ним.

Ю. А. Виноградов, К. К. Марченко

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	— Археологические вести. СПб.
АН	— Академия наук.
АО	— Археологические открытия. М.
АС	— Археологический съезд.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., СПб.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БИ	— Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Л.; СПб.
ДРГ	— Древности Российского Государства.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ИА	— Институт археологии.
ИАК	— Известия Археологической Комиссии. СПб.
ИГАИМК	— Известия ГАИМК. Л.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры.
ИИРО	— Институт
ИРАИМК	— Известия РАИМК. Пг., Л.
КАЭ	— Кольская археологическая экспедиция.
КИО	— Культурно-историческая общность.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.; Л.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет.
ЛИЛИ	— Ленинградский историко-лингвистический институт.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
ЛОИИМК	— Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР.
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. СПб.
МГУ	— Московский государственный университет.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НА	— Научный архив.
НА ЛДІКЗ	— Научный архив Луцкого державного историко-культурного заповедника.
НАН	— Национальная Академия наук.
НАНЗ	— Научный архив Национального заповедника. Киев.
НАНУ	— Национальная Академия наук Украины.
НЗХТ	— Национальный заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь.
ННЗИА	— Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.
ОАК	— Отчеты Археологической Комиссии. СПб., Пг.
ОР и РК РНБ	— Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки. СПб.
ПАН	— Польская Академия наук.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей. СПб.; М.
РА	— Рукописный архив (отдел).
РАИМК	— Российская Академия истории материальной культуры.
РАН	— Российская Академия наук.
РАО	— Русское Археологическое общество.
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд.
РГПУ	— Российский государственный педагогический университет. Л.; СПб.

АВ	— Археологические вести. СПб.
РОМК	— Ростовский областной музей краеведения.
РФФИ	— Российский фонд фундаментальных исследований.
СА	— Советская археология. М.
САИ	— Свод археологических источников. М.; Л.
СГАИМК	— Сообщения ГАИМК. Л.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет.
СРНГ	— Словарь русских народных говоров. Л.; СПб.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
ТИЭ	— Труды Института этнографии АН СССР.
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.
ТРКМ	— Тувинский республиканский краеведческий музей.
УЗ ТНИИЯЛИ	— Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл.
PAN	— Polska Academia Nauk.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В «ЗАПИСКАХ ИИМК РАН»

1. Статьи должны представляться в электронном варианте (файл Word 97 и выше или RTF). К статье обязательно должны быть приложены:

- фамилия, имя автора и название статьи на английском языке;
- рисунки — не более 5 (не ксерокопии, желательно оригиналы). Для электронного варианта — разрешение 600 dpi на дюйм в формате TIF для черно-белых иллюстраций (сканировать в режиме Line Art) или 300 dpi на дюйм в формате JPEG (сканировать в режиме Gray Scale);
- подписи к рисункам;
- краткое резюме (до 1500 знаков) для перевода на иностранный язык;
- список сокращений.

Если в статье приводятся таблицы или диаграммы, то они должны быть даны отдельным файлом.

2. Объем статей:

- а) статьи: текст — до 20 000 символов вместе с пробелами (0,5 а. л.);
- б) заметки о конференциях, обзоры литературы, информация о научно-организационной деятельности и т. д.: текст 6000—10 000 символов вместе с пробелами (0,15—0,25 а. л.).

3. Оформление библиографии:

в тексте статей ссылки на литературу приводятся в скобках (фамилия автора, год, стр.). Например: (Анисюткин 2000: 12—19).

Общий список работ оформляется следующим образом:

— монографии

Смекалова, Дюков 2001 — *Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л.* Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира. СПб., 2001.

Оятева 1973 — *Оятева Е. И.* Белозерская кожаная обувь // *Голубева Л. А.* Вещь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973. С. 199—205.

— сборники статей или периодические издания

Моргунова 2002 — *Моргунова Н. Л.* Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // Проблемы археологии Евразии. М., 2002. С. 104—116.

Корзухина 1958 — *Корзухина Г. Ф.* О памятниках «корсунского дела» на Руси: По материалам медного литья // ВВ. 1958. № 14. С. 129—137.

Черных, Орловская 2004а — *Черных Е. Н., Орловская Л. Б.* Радиоуглеродная хронология древнейшей общности и истоки курганных культур // РА. 2004. № 1. С. 84—99.

— авторефераты

Турецкий 1992 — *Турецкий М. А.* Ямная культура Волго-Уральского региона: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

— тезисы

Калинин 1999 — *Калинин А. И.* Российские моряки в Средней Азии в XIX веке // Российскому государственному архиву военно-морского флота 275 лет. Исторические чтения: Тезисы докладов. Дом Ученых. 26—27 января 1999 г. СПб., 1999. С. 7—8.

— рецензии

Курбатов 2004 — *Курбатов А. В.* Мех и кожа в раннесредневековой Европе. Рецензия на: *Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology.* Edited by Esther Cameron. 105 p., 22 ill. 1998. London // АВ. СПб., 2004. № 11. С. 350—357.

— архивные материалы

экспедиционные отчеты или рукописи работ:

Шумкин 1994 — *Шумкин В. Я.* Отчет о работах Кольской экспедиции за 1994 г. // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, д. 22.

Кирчо 1980 — *Кирчо Л. Б.* Культура ранней бронзы Южной Туркмении: (вопросы происхождения по материалам керамических комплексов). Рукопись дис. ... канд. ист. наук // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 2-д, д. 271.

прочие архивные материалы:

НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 5, д. 60.

РГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1528.

Редколлегия